

Боец тишины

Отгадайте загадку, кто я? У меня есть имя, но я им не зовусь, есть лицо, но я с ним не показываюсь, есть страна, но я в ней не нахожусь. Я вроде есть, а вроде меня и нет вовсе. Что, отгадали? Я вообще добрый и дам вам подсказку. Я боец, мечущийся в тени меж всеми кострами мира, – я боец тишины. У меня много лиц и имен, но я безлик и безымянен.

Боец тишины

Часть I

И один в поле воин

Глава 1

Беззвучно воеет тревога – где-то вдали... где-то там, где продирает глаза среди ночи британский спецназ. А у меня бессонница! Огни на дверях горят предупреждением о блокировке объекта, а наушник шипит, что вирус окончательно внедрен в главную систему, что корни пускает, что готовиться открыть мне все двери с обратным отсчетом... с таким долгим обратным отсчетом! Только бы дотянуть до... один... пуск... Есть! Время – пошло! И я – пошел! И теперь у нас один путь – только вперед!

Подключаю подачу воздуха, делая первый вдох через короткий шланг. Передергиваю затвор винтовки, всматриваясь в пустой темный коридор через прицел ночного видения. Приборы показывают, что отравляющие вещества пустили не взрывоопасные, а винтовка мне скоро будет как нельзя кстати. Огнестрельное оружие меня всегда выручает... Вижу объект! Боец! Следом другой! Оба с автоматами... оба в броне... с кислородными баллонами... Идут тихо, в стороны смотрят... а вверх – нет! Подпускаю их к себе, отпускаю кабель, пускаюсь в полет, спуская патрон за патроном... прошибая броню падающего бойца. Прыгаю за спину его соратника, чиркая клинком по ребристому шлангу у блока соединения с баллоном. Он так и не повернул головы, так и не посмотрел в глаза врагу, хрипя и вдыхая отраву. Да что там?.. Мои глаза ведь всегда скрыты, как и лицо... как, впрочем, и у моего врага, и у его соратника... они же – бойцы тишины, как я. Нас немного отличает – только то, что бойцам, служащим в отрядах специального назначения, не дано свободы думать, а главное, – делать так, как они думают. А таким диверсантам, как я, должно действовать в одиночестве, не рассчитывая на связь с командованием... и все время думая, что делать, – как решать свои сложные задачи, как исполнять свои рискованные задания. Вот я и думаю... все время. Я и сейчас этим занят – сосредоточенно считаю ступеньки, ведущие вниз, и, не менее сосредоточенно, размышляю над следующим шагом и... над жизнью! Ее ж!..

А черт... Решил проклинать жизнь, начинай не с конца, а – с начала. А началось все, когда... Когда Швед нажал клавишу “энтер”, заканчивая виртуальную стройку, а я крепко пожал руку Игорю Ивановичу Загоройко, соглашаясь лететь в Англию. Тогда на меня из зеркала взглянул веселыми глазами молоденький лейтенант Слава Соколов, и старый суровый полковник Степан Петрович Снегирев при встрече стукнул меня по плечу, как доброго друга... точнее, – не меня, а моего Славу... лейтенанта с открытой солнышку душой и с улыбкой Гагарина на губах.

Обдавая меня слабым ветерком, вокруг взвились воздушные струи антисептиков. Бранясь на высокие меры безопасности, я вырвался из лаборатории. Минуя зону изоляторов, влетел в тоннель. Бегу к лестнице, ведущей вниз. Слетаю, не касаясь ступеней, – вернее, сразу через четыре ступеньки... с опорой на перила. А лампы шипят и шелкают, отключаясь у меня за спиной одна за другой... и включаясь... и снова отключаясь. Черт! Что вирус Шведа с объектом творит?! Мне эти колебания света ориентацию сбивают – так скоро совсем сообразить не смогу, каким зрением смотреть – простым или ночным видением... через очки или через экран на очках, выводящий изображение с камер на шлеме! Швед, ты что, думал, у меня время будет с ультразвуковыми

датчиками возиться?! Недочет у тебя! Только тебе, что будет?! Это меня сейчас жесткими излучениями облучат – заодно с объектом обеззаразят! Эх, Швед, не довел ты свой вирус до ума, не додумал что-то с освещением, теперь у меня с другим вирусом морока – с реальным, а не с виртуальным! Я на тебя рассчитывал, а ты – не расстарался! Я из-за тебя спешить вынужден! Дышать чаще! А так не долго и кислород истратить раньше времени!

Шибанул стену сапогом, выбил панель. Боя больше быть не должно, но обтертый британский автомат меня ждет не дождется... мне ж дальше с прежним оружием пути нет – что не так выйдет, мне с винтовкой не вырваться. Считаю секунды... Спецназ на нижнем этаже объекта. Считаю секунды... Я обязан выйти до того, как бойцы сообразят, откуда я взялся. Не беда. Время еще осталось. Когда дело до британцев доходит – время всегда остается. Свет стал меркнуть, мигая, открывая мне дорогу во мгле. И я стрелой метнулся в коридор вслед за обгоняющим меня мраком. Мчусь сломя голову, а дышать все труднее... Черт! Кислород кончается! Я ведь все это время с этим проклятым баллоном таскаюсь! Из-за лаборатории и близости блоков изоляторов все! Бросился в темный боковой тоннель и...

Вашу!.. Вспыхнул свет... Кто-то крикнул! И в тишине клацнул мой затвор! Освещение вырубилось... Кто-то дал от меня деру в темноте! И я пустил пулю ему в спину!

– Что это?! Это что было?!

– Не стреляй!

– Это что было?! Спецназ – за спиной! Сотрудники – в безопасной зоне! А это, что такое?!

– Не стреляй! Это тебе не виртуальный объект!

– Кто это?!

– Это моя кошка, Слава! Опустим ствол!

Я стиснул челюсти, опуская оружие в пол.

– Свет включите, Степан Петрович!

– Сейчас включу! Ты только не вздумай!.. Сейчас я!.. Вспомню, где тут... Нет, не вспомню! Ты, Слава, иди так! Смотри в прицел! Только не стреляй!

– Так точно. Остановите время!

– Нет! Причины нет, – время останавливать! Скорее на выход иди! Спецназ на входе!

– Так точно! Через шестьдесят секунд у вас!

Взглянул в прицел и понял, что... Черт!

– Слава! Не отключай! Запрещено отключать аппарат! Я не разрешаю!

– Кислород кончается! Я задохнусь сейчас!

– Инструкции строгие! Отключишь – отравишься или заразишься!

– Фильтр респиратора с отравой или заразой справится!

– Нет! Нельзя!

– Здесь стерильно – жесткими излучениями все облучено и химикатами обработано!

– Нельзя инструкции нарушать! Давай двигайся на выход!

Рванул в темноту вслед за тишиной. Перескочил через распростертое тело – меркнувшее и совсем исчезающее. Швед постарался с людьми – все, как не виртуальные. Молодец он – Швед. Он, как я, – во все дыры затычка... только – в виртуальные.

Вашу!.. Что-то мягкое кинулось на меня! Я что-то кинул в железную сетку! Что-то, что дерет глотку, как драная кошка! А я – влетаю в ржавую железную сетку строительного ограждения! Какого черта здесь эта кошка свободно в коридорах гуляет?! Какого черта эта тварь вообще здесь делает?! Здесь, на объекте британских вирусологов! Вашу ж!..

Отбиваясь от озлобленного зверька, впутался в кабель с незажженными фонарями. Черт! Как елка в новогодней гирлянде! И еще один кабель!.. И еще!.. А какой – земля, какой – фаза?! Сейчас Степан Петрович припомнит, какую кнопку нажать, и ток пустит! А британский спецназ меня возьмет – еще тепленьким... и местами обугленным! Хреново у меня дела обстоят! А главное, – воздуха не хватает!

Выбрался из сваленных сеток, свитых веревками кабелей... Сорвал с головы маску и судорожно вдохнул, даваясь клочьями выдранной кошачьей шерсти... А кошка мстительно кинулась на меня,

впиваясь когтями мне в лицо... Желтые глаза блеснули в темноте... а вслед и тусклые желтые лампы зажглись...

– Слава! Не бей мою Мурку!

– Товарищ полковник, ваша Мурка сейчас с меня скальп снимет!

Степан Петрович сурово засопел носом в наушник...

– Не верю! Слава, ты – диверсант ГРУ, а Мурка – домашняя барышня!

– Она мне глаза выпарапать пытается!

– Обезвредь, но не бей! Что мне жена скажет, если я ей изуродованную кошку верну?!

– А что вам товарищ генерал скажет, если вы ему изувеченного бойца вернете?!

– Скажу, что не годен боец его, что – с кошкой совладать не способен!

– Меня с врагами, а не с кошками биться посылают! Она мне подготовку к операции срывает!

– Оставь кошку в покое! Знаешь же, что жена у меня болеет, – в больнице лежит! Знаешь, что мне не с кем Мурку оставить было! Я кошку на себя взял, а ты!.. Не трогай ее!..

– Какая Мурка, какая жена, когда о враге речь заходит, когда судьба Отечества в наших руках?!

– Слава, ты одинок и свободен, как ветер в поле, – тебе позволительно только о судьбе Отечества думать! А у меня на руках – жена больная и кошка безумная!..

Я с трудом отдышался и, отдирая от себя кошку, так и стремящуюся обточить об меня когти, шикнул на нее. Она зло зашипела в ответ и – притихла... постаралась, правда, спастись, вырвавшись и скрывшись, но я ее отловил. Черт... Мы, известно, с разведчиками службы госбезопасности извечные соперники, но я начинаю жалеть, что операцию проводить поручили мне – разведчику главного разведуправления. Хорошо, конечно, что такое ответственное дело ГРУ доверили, но плохо, что мне заодно с этим заданием такая злая доля досталась... Снегирева с его Муркой терпеть.

– Товарищ Снегирев, доставлю я вам вашу Мурку в добром здравии и трезвом уме... Только на объект ее не пускайте... Под ногами ведь путается...

– Вот и ладно, вот и договорились... Молодцом ты сегодня, Слава... А Мурка... Давай, в общем, ее ко мне...

– Сейчас буду... Только свет не отключайте в боковых тоннелях...

Снегирев отрубил связь и... свет. А я... не стал спешить. Просто, сейчас я ловлю каждую возможность остаться в одиночестве и отдохнуть от общества Снегирева. Самое время выяснить, что в Москве случилось за эти сутки, – ведь Москва совсем близко... и в этом огромном грязном городе всегда что-то случается. Включил компьютер и вышел на незащищенную линию. Сейчас подключусь к компьютеру одного порядочного человека из столицы – одного из моего списка серых людей, созданного и хранимого моей памятью как раз на такой случай. Средний юрист средних лет, ведущий дела средних граждан – то, что надо. Госбезопасность такими серьезно не занимается... даже, когда следит, не особо утруждается. А главное, – этот человек с техникой не в ладах. Он и не догадывается, как рискованно все время держать компьютер подключенным к сети. Просто, сейчас, когда он на работе, я не только просмотрю всю его квартиру глазами его компьютерной камеры, не только прочту все данные на его жестком диске, но и пролезу в сеть через его линию.

Подсоединяюсь к его компьютеру, к его камере... Так, безумно дорогие часы в золоте валяются на ободранном столе, вся облезлая стена в дипломах и грамотах... и фотографии с более-менее известными людьми виднеются. Отлично, его тщеславие не только мелко, но и ущемлено – это лучшее доказательство его усредненности и моей безопасности. Что ж, начну подставлять его под пристальные взгляды вражеских разведчиков и дружеских спецслужб запросами на закрытую информацию... а когда подставлю, – отстану от него и найду другого такого. Таким ведь ничего не будет – слежку временно установят – и все... а мне, коль меня засекут, – не особо весело будет. А вот и цель – просматриваемая разведчиками врага, социальная сеть и Интернет-пророк, вещающий в ней к радости сплетников и недругов. Только вот вещает он в последнее время – дезу, скормленную ему госбезопасностью...

– Слава!

Черт... Неужто Игорь Иванович Загоройко?! Неужто приехал мне сказку на ночь рассказать?! Я отключился от связи, закрыл компьютер и засунул за ворот куртки, готовясь встретить командира.

- Слава!
- Слава Отечеству, товарищ генерал! А я тут с кошкой воюю.
- С какая кошкой?!
- С полосатой тигрицей Муркой, товарищ генерал, – с домашней барышней полковника Снегирева, шляющейся ночами по секретным объектам главного разведуправления.
- Слава, у меня голова болит, мне не до твоих... Свет включи.
- Светом у нас товарищ Снегирев ведает, но у него с техникой дела не заладились.
- Экраном посвети...
- Нет у меня при себе вещей с экраном.
- Я синий свет видел.
- Степан Петрович перепутал с освещением что-то...
- Не начинай... не со мной, Слава. Ты в сеть выходил, несмотря на то, что я сказал... что я – запретил.
- Да ладно, Игорь Иванович... Я кодекс разведчика соблюдаю – своим вопросов не задаю... а знать все, что здесь, в моей стране, творится, – я обязан.
- Слава!
- Я ж осторожно...
- Только беды с тобой...
- Да, только со мной все не беда.
- Верно, у тебя все – не беда... а мне, пока кто-то из нас концы не отдаст, спокойно не спать.
- У меня те же трудности с бессонницей, товарищ генерал.
- Никогда не знаю, когда тебя наказывать, а когда – награждать...
- Вот отчего вы меня не наказываете и не награждаете никогда...
- Включи фонарь... а то, хоть глаз выколи.
- Нет у меня фонаря – аккумулятор сдох. И у компьютера аккумулятор скоро сядет. Остаются прицелы винтовки и автомата с ночным видением.
- Сойдет и так... У меня нет времени... есть только плохие вести.
- Принесли их мне лично...
- Знаешь, что это значит?
- Знаю, Игорь Иванович. Готов ко всему, так что говорите все, как есть.
- Слава, у меня плохие известия... как всегда.
- Когда все, как обычно, – все не так уж и плохо.
- И это – верно... В общем, все меняется – все, Слава...
- Ясно. Наш враг не дремлет, но и у нас – бессонница.
- Верно все, верно... Поездка в Британию отменяется... летишь – в Уганду, не отставая от их вирусологов. Знаешь, что это значит...

Значит это, что британцы и их “великие туповатые товарищи” – наши старые скрытые враги – близки к отчаянью. Они обнищали и обтрепались, ведя секретную войну со всеми остальными странами... тайком внедряясь в их власти, ослабляя их тишком и незаметно вгрызаясь в них невидимыми зубами захватчиков. Рассчитывали они на полное непротивление их незримому захвату, но – просчитались, как все, кто законы физики в расчет не ставит. Противодействие последовало за их действиями, как и за всеми всегда следует, – в виде такого же тайного давления и таких же тихих столкновений. Их силы иссякли – стратегия исчерпала себя, атаки ослабли. Теперь все их недодумки и недоделки по их странам бьют негашеной отдачей. Пришло время, – и посеянный ими хаос стал порядком жестче прежнего. Они – враги, выдающие себя за друзей и считающие, что скрытое не откроется, окружили себя врагами со всех сторон. И теперь мы все рушим их планы... и они – паникуют. Сейчас мы – Россия, Осколки ЕС и Китай – способны разнести порядок в их странах на куски в считанные секунды... разрушить их экономику, стереть в порошок их менталитет, а следом – и систему власти. Но мы не спешим. Просто, они знают, что это – их последний вздох... и этим – они опасны. Сейчас Британия и их “туповатые товарищи” в

отчаянье и готовы на все... а главное, – на глупости. С территорий наших стран мы их шпионов и приспешников в шею вытолкали. Они не в силах справиться с нашими хакерами и атаковать наше виртуальное пространство. Поэтому они стали стараться просто уничтожить нас... не открыто, конечно, – то, что они запускают на наши земли свою искусственную заразу строго засекречено. Но у нас – крайне сильные бактериологи и серьезные вирусологи. Так что запускают они инфекции экспериментальные – те, о которых, включая их, никто еще ничего не знает. Поэтому их вакцины не всегда действуют, и вирусы, считай, вольны гулять на все четыре стороны. Поэтому я должен ждать поездки не в Британию, где инфекции изобретают и в лабораториях испытывают, а в Уганду, где их впервые выпускают на свободу и на людей натравливают. Просто, вне лабораторий вирусы себя часто не так, как требуется, ведут. В период, пока их проверяют, исследователям нередко приходится на полигон наведываться. Специалистам проще на месте в случившемся сориентироваться и ситуацию исправить – свои недочеты ликвидировать и новые вакцины создать... ведь, когда встает такая задача, ее следует в кратчайшие сроки решать. За этим я в Уганду лететь и должен – за новым вариантом вакцины от нового неуправляемого вируса.

– Знаю, товарищ генерал. Да все не беда... Я все сделаю.

– Отлично. Сейчас бригаду строителей на объект вышлю – за ночь со всем справятся. Утром посмотришь и начнешь сразу... второй маршрут – водопровод. А вечером я на базе буду – сообщу детали, и вопросы по делу обсудим.

– Ясно.

– Да еще, Слава... Тебе ближнего боя не избежать. Огнестрельное оружие не обсуждается... и об ядовитых веществах речи не идет. В общем, думай, как драться будешь.

– А вы сколько противников насчитали, Игорь Иванович?

– В моих планах четверо – не более будет. Остальных обойдешь, думаю. Все, больше ничего – все завтра...

Глава 2

День другой, а мысли те же, что и бессонной ночью. Вынул из-за ворота застегнутые ножны и раскрыл вороненую застезку. Всмотрелся в остро заточенное под скос на конце лезвие своего заказного клинка из голубой стали с антибликовым покрытием. Перекинул нож в руке, еще более вдумчиво взгляделся в обтянутую нарезанной кожей рукоять и... скрутил набалдашник. Этот штырь с винтовой нарезкой предназначен не столько тупой железке, сколько... такой же рукояти, тонкой гарде и узкому лезвию – второй боевой поверхности моего клинка. Это лезвие коротко, но удлинено за счет кривизны – сильного скоса в заточке. Этот клинок вышел из рук невзрачного немца с кельнских окраин – оружейника старой закалки, пропадающего в музейной пыли, но знающего себе цену. Немцу я заплатил столько, сколько он запросил, сознавая, что его оружие в моих руках цены нет. Этот клинок ценен, как моя жизнь, как смерть моего противника... Как знал, что мне скоро в серьезную рукопашную вступить придется! Как знал, что скоро четверых человек прикончить предстоит, не применяя ядовитые вещества и подобные облегчающие мне жизнь средства! Эх, Игорь Иванович, не просто мне с британскими бойцами в броне и респираторах справиться будет!

Потянулся к очкам, пытаюсь протереть разъеденные потом и засвеченные плазмой глаза рукавом куртки, а не пыльной перчаткой, но куртка такая же пропыленная. Черт... Я вам все эти недочеты припомню, Игорь Иванович! И то, что вы меня на этот объект послали, и то, что вы меня из Берлина отозвали – припомню! Не вовремя ведь отозвали, товарищ генерал! У меня ведь в Берлине в свете последних событий в такую высокую гору на таких высоких оборотах дела пошли! Бросать жалко было! Новое правительство ведь только начало в стране после переворота порядок наводить! Я в этом хаосе в считанные часы на такую высоту головокружительную взлетел, так продвинулся, как за все два года не выходило! Я Эриха Шлегеля купил – их сильнейшего контрразведчика, Игорь Иванович! А вы... А главное, я... Я к цели нашей подошел! Объект их вычислил и вирус нашел! Главного их вирусолога на нашу сторону перетянул, ведущего специалиста на нас шпионить принудил! А вы... Я и охранника нашего подослал, и поломойку переманил! Подумайте,

скольких честных людей я за это время прикончил-похоронил! Подумайте, скольких страшилищ я в постель перетаскал за весь этот срок! Я же переспал не только с той тупой толстой коровой, но и с той старой тощей шваброй! Я в отчете не написал, что мне, красавцу, с этими коварными и требовательными особами выделявать пришлось! Эх, трудно мне это далось, Игорь Иванович! До сих пор при одной мысли о сексе тошнит! Но я все во имя Отечества сделать готов – все, товарищ генерал! А вы... вы... Обидно мне, что вы со мной так, товарищ генерал! Не цените вы меня, не считаетесь вы со мной совсем! Да все не беда! Обрадовало меня, что в восстающее из мертвых Отечество вернусь! Только вы мне и осмотреться времени не дали!

Свет отрубили, и я застыл на месте. Следом за мной и весь объект замер в молчаливом мраке. Несколько шагов в сторону – и, считай, я надежно скрыт. Не нарушая темной тишины, направился к второй двери. Здесь запру озноб за стиснутыми зубами и задержусь.

Сполз по стене на пол – посижу в засаде, подожду, пока меня ненастье минует. Да и вообще... Пора перевести дух, а то в голове все путаться стало... все – от стоящих в центре мыслей о гниении в тюрьме на сыром британском островке до мечущихся на краю мечтаний о гульбе на бескрайней свободе нашего севера. Знаете же, Игорь Иванович, как меня в мой Архангельск тянет – в город, где над серебряным водным простором простирается серое небо, где круглый год дуют холодные колючие ветры... где солнце бледно и короткие дни блеклы, а длинные ночи горят загадочными зыбкими огнями... где за заснеженной и засвеченной белой далью возвышаются стеной черные чащобы и виднеются в дымке верхушки одиноко стоящих елей! Знаете, как я по местам лихой молодости и молчаливым людям тоскую! Уверен, вы не забыли, что обещали мне заслуженный отдых дать в местах моих добрых воспоминаний! Я же вам объяснял, как безудержно туда вернуться стремлюсь – в свой город или в места своей старой службы!

Я ведь только о елках и овчарках и думаю, товарищ генерал, когда на моей дороге зверюги вроде Геттлиха встают или волки вроде Шлегеля встречаются! Я, Игорь Иванович, только такими мыслями о глуши и границе себя в руках и держу – ведь эти контрразведчики всегда на такой тонкой грани такого обрыва глубокого меня держат! Был бы Геттлик сообразительнее, а Шлегель бескорыстнее – мне бы все... конец! И мне, и вашим коварным замыслам, и моим рискованным задачам! Ничего, с Геттlichem я еще справлюсь! А Эрих Шлегель... Это настоящее чудовище – это мой ночной кошмар! Он отстаёт от меня всегда только на один шаг – и только по причине тормозящей его корысти! А задача его покупки не так проста! Шлегель на месте не стоит – все выведывает, все сведения собирает! И цена его вопроса возрастает вслед за ценой его принципа! Он совсем не совершенен, но как-никак – человек с крепким стержнем! С покореженным, но – все же! Его продажности предел предписан – и с этим строго! Страшный он человек – страшно сложный! Просто, в корнях и истоках искалеченной личности этого скрытого садиста стоят прочные принципы! Шлегель – не всегда готовый спустить целое состояние на шлюх в цепях и пытки в подвалах извращенец! Он – не всегда согласный на содействие с нашей разведкой за окупающий этот разврат гонорар предатель! Этот контрразведчик в основе своей серьезнее этих потех и выше этих вещей! Его корневые понятия о правоте и преданности своей стране нашей разведке никак не по средствам! Стоит Шлегелю прознать про остальные, решенные мной, задачи, стоит признать во мне – в Дитрихе Вайнере, в скромном гражданине Дойчланда датских кровей, сотрудничающим с такой же скромной разведкой датчан, – того, кого они называют Стяжателем, – мне его не купить! Немцам не известно, какой стране служит Стяжатель, но они знают, что он – опасный чужак! И они подозревают, что за его спиной стоит – Россия! И стоит Шлегелю настолько серьезного противника во мне заподозрить – мне из моего “Фатерланда” в мое Отечество не вернуться! И снова – в мыслях встает военная тюрьма!

Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания – везде меня готовы заточить в тесные застенки, везде меня ждут дознаватели и тяжкое давление! А про “великих туповатых товарищей” Британии и Японии, про Корею и Китай – я вовсе промолчу... А про Швецию... Шведы на меня особо озлоблены... Знаете же, какой острый они на меня зуб имеют из-за их хакера, Игорь Иванович... Мартин Йонсон – вторая величина во всем виртуальном мире – вперед выходит только служащий Китаю корейский взломщик Чой, о котором мы почти ничего не знаем. А шведский аутсайдер с колючками на голове и железками на лице – он сейчас служит у нас... в

нашем главном разведуправлении. Так что со шведами мои дела обстоят особенно скверно, товарищ генерал. Маленькая оплошность, мелкий промах с моей стороны – и все! Останется мне, уставшему до смерти, только гнет отчаянья терпеть, а вам, взвинченному до крайности, на мою стойкость уповать! Вам это все, как и мне, думаю, вовсе не по душе! Так что потрудитесь мне достойный отдых обеспечить в ближайшем времени! Вот вернусь с задания – и сразу на-боковую! Залягу в укромном уголке в глуши, отдышусь, вырвусь на волю – и разгуляюсь на русском раздолье так, как немцам с англичанами и не снилось! Буду небритый в грязных сапогах со злобной собакой и старым обрезом в лесу бродить – и никаких людей и нелюдей близко не будет! Только безмолвные твари вокруг будут землю топтать! Нет, только вросшие в землю деревья вокруг будут стоять – немые и недвижимые!

Нащупал тонкую трубу и тихонько поскреб. Аккуратно стряхнул поверхностный слой ржавчины на подставленную снизу перчатку, стараясь не просыпать коррозионную пыль на пол. Осторожно стряхнул крупные осколки отставшей ржавчины в подсумок и отер перчатку о пропыленную куртку. Подтянулся на руках, надсаживая натруженные жилы. Пытаясь не сорвать сидящие прочнее куски покрытого коррозией железа, нашарил крепеж проведенных по трубам кабелей и нашел опору сапогу. Эх, Игорь Иванович, вынуждаете вы меня пойти на очередную пакостную проделку! Но этот скверный поступок я совершаю в следствие острого недостатка в покое! Просто, покой мне сейчас нужен, как воздух! Посмотрев на меня, вы, конечно, все поймете! Но вам меня видеть никак! Так что на слово поверить придется! Так нужно! Я ж только переключился с немецкой речи на русскую, а надо снова перестраиваться – на английскую... Нет, не сейчас... через сутки начну – со следующей ночи стану на английском мыслить. А сейчас...

Зажатый темной теснотой, застыл и закрыл глаза. Затаил дыхание и стал слушать тишину. Где-то близко гудят толстые кабели, заключенные в заржавленные трубы. Густая и вязкая жижа течет тонкой сбивающейся струйкой – на пол, но не с высоты потолка... видно, – дизтопливо... видно, – из старой бочки или коррозированной канистры потекло. Где-то вблизи и вода себе дорогу в тоннель проторила – редко и размерено капает с потолка. Капли гулко падают на бетонный пол – чудовищно громко бьют в мои чуткие уши высокими частотами. Звон раздражает, но не заглушает другие, более слабые, звуки. Чуть дальше – отчетливо трещат отключенные остывающие лампы, ветер воет в забитой птичьими перьями вентиляции. А вдали – различим гул допотопного трансформатора. Я четко распознаю и точно идентифицирую все эти звуки. Только все они ничего не значат здесь и сейчас. А в остальном – тихо. Так что я считаю, что – тихо. Просто, нет ни следа человека – ни шага, ни шороха, ни вдоха, ни стука сердца... ни скрежета железа, ни лязга оружия. Тяжелый воздух содрогается лишь от моего сердцебиения – слишком частого для такого тренированного диверсанта, как я. Да, сдаю ни по дням, а по часам. От боли и усталости уже тошнить стало. Снял маску и вдохнул духоту. Нет, не легче. Лучше здесь, в заброшенном тоннеле, глубоко не дышать. Не то еще сильнее затошнит от этой проросшей гниlostными грибами сырости. Из-за плесени ведь вся эта липкая затхлость просто пронизана вредоносными спорами. Стащил грязную перчатку, посушил руку в пропитанном влагой воздухе и отер с лица горячую испарину. Здесь не холодно. Считай, – тепло. Я так мерзну только из-за того, что мокрый весь... и из-за того, что на месте встал. Но я все стою... все слушаю...

Дождался! Все ж засада – великая вещь! Чуток терпения – и все в твоих руках! Загрохотали засовы, заскрежетали вентили, залязгали ключи, заскулили старые замки, застрекотали – электронные... О стену стукнула крышка люка – с потолка посыпалась пыль и осколки цементной коррозии... Тягучий воздух вздрогнул от твердого шага и тяжелого дыхания грузного человека. Всегда и везде, когда он идет, – все содрогается... все, – включая меня. Он ведь идет за мной – Снегирев.

Снегири – птички безобидные, из воробыиной рати, но про полковника Снегирева такого не скажешь. Степана Петровича Снегирева с веселыми щебетунами, скачущими с ветки на ветку, никак не спутаешь... ничем он на них не похож. Мужик он, конечно, добрый до крайности, но до такой же крайности – твердокаменный... в смысле, – не только твердохарактерный, но и твердолобый. Эх, Игорь Иванович, обрекли вы верного вашего “волка” на мучения с доверенным

вашим “волкодавом”! Кто ж так делает, товарищ генерал?! Кто ж волка с волкодавом в одной клетке закрывает?! Благо, что я не обычный “волк”, а – “оборотень”! Только я...

– Слава! Это еще не все! И с часами не сверяйся! Мне дела нет до того, что у людей – завтра! У нас с тобой еще – сегодня! Давай оттуда и живей сюда! Мне тут в голову такая вещь взбрела – дельная, в общем! Еще другой вариант есть, куда эту хрень крепить! Слава! Кончай ты с той штукой возиться! Выбирайся! Будем дальше думать, что с этой хренью делать!

Как он меня с “этой хренью” задолбал! Я под конец просто запутался, что из моей амуниции и аппаратуры он “той” хренью зовет, а что – “этой”! Но я, Игорь Иванович, считайте, – закончил! Сегодня стали тикать последние сутки в его компании, последние часы с ним и его четкими командами – “Эту хрень туда крепи, а эту – сюда клади”. Мне бы пришлось по душе его крики и вопли вроде – “Голову – в сторону, руку – вверх, а остальное – влево”, но – не сейчас. Просто, сейчас они тесно касаются такого трудного дела и кромсают на куски остатки такого короткого отрезка времени. Они отягощают мои тренировки, а готовлюсь я к крайне опасной и ответственной операции. Так что они меня не только не радуют, но и – злят. Спокойнее становится только от мысли, что завтра – все. Совсем – все. Я расстанусь с этим полковником, покину это место и отправлюсь... на английскую территорию в Уганде. Обернусь средне-серым британцем – скромным с виду, скрытным на деле и высокомерным в душе... Буду, покоряясь судьбе, вести сдержанные беседы с британскими “друзьями” и “докторами” – с вражескими военными и вирусологами – на чистом английском... Буду, не бранясь на жизнь, жрать чистый спирт и антибиотики перед тем, как сожрать что-то съестное, кишащее кишечными палочками и черт знает какими еще бактериями... Эх, Игорь Иванович, знали бы вы, каких сил мне стоило согласиться ехать в Уганду! Знали бы вы, как я боюсь зажариться и заразиться в этом центре земли! Вы ж знаете, с какого я края света, – в какой вечной мерзлоте я рожден! Да и выдохся я за все эти долгие годы всей этой не моей, а чужой жизни, Игорь Иванович!

– Слава! Давай живее! Ты куда девался вообще?! Как сквозь землю!..

Полковник, прислушиваясь, остановился подле меня... точнее, – подо мной. Но я прижался к стене и застыл, цепляясь за крепления проходящей поверху проводки. Полковник резко вдохнул и придержал дыхание, продолжая вслушиваться и всматриваться. Но я затаил выдох и зажал сердце предельно напряженным прессом, заставляя его, часто стучащее, замереть и хоть как-то замолкнуть. Полковник проворчал что-то под нос и просветил простенок почти посаженным фонарем. Но я в своей черной форме скрылся от света среди спутанных сплетений старой электропаутины. Эх, Игорь Иванович, знаю я, что проводка старая, что изоляцию здесь невесть сколько лет назад проверяли! Знаю, что нельзя мне сейчас в такие провода впутываться, невзирая на риск получить током по нервам! Но я и, не рискуя попасть к вам в мертвом виде с метками электрика на теле, операцию сорвать могу, просто оставаясь на месте! Я ведь...

– Слава! Снова в этих норных простенках скрываешься?! Снова свою человекоосвинующую отраву хлещешь или куришь тишком свою конейбойную хрень?!

Человекоосвинующая отравка – спирт, а конейбойная хрень – никотин, Игорь Иванович. Полковнику не нравится, что я курю. Ну а про пьянство... Я не пью. Пьет полковник. От него порой настолько сильно перегаром разит, что он просто путает источник запаха, и считает, что разит от меня.

– Не пытайся от меня свою отраву спрятать! Сколько бы ты хвои ни сожрал, я твой табак почую! Он не пчелами переопылен, а генетиками! А эти генетики не добрыми намерениями вооружены, а вирусами! Кончай травиться! Я тебе этого так с рук не спущу! Хоть весь муравейник, недоженный химикатами, сжуй заодно с муравьями, побитыми жесткими излучениями! Ходишь с дозиметрами и детекторами, как военный, а тащишь в рот всякую дрянь, как штатский! Только ты не штатский – тебе свободы выбора, что со своей шкурой делать, не дано! А мне свобода выбора, что с твоей шкурой делать, дана! И я тебе так просто подохнуть не разрешу! Ты у меня только с пользой стране подохнешь! Слышал?! Я тебе курить запрещаю! Я так решил! Ясно?! Слава! Я знаю, ты здесь! Здесь нет другого выхода – только эта бронебойная дверь! Я и у черта в заднице всех отслежу! Я ж тебе не такой слепо-глухо-тупой, как все думают! Слава! Словно сквозь стену!..

Старый полковник сотряс воздух крепко сложенным кулаком. А я сжал челюсти так, что желваки ходуном заходили. Нет, я не отзовусь. Я ведь... Я так устал, что – теряю облик. Несмотря на все мои волевые усилия, мое лицо – меняется. Мысли не концентрируются и, не зависимо от моих команд мышцам, скулы неумолимо заостряются, кончик носа задирается вверх, челюсть задвигается назад, а брови и верхняя губа – опускаются вниз... А главное, – мои глаза... Светлый и открытый взгляд веселого молодца Славы Соколова становится – сосредоточенным и жестким взглядом не столь молодого “волка”. Нет, в своем виде мне Снегиреву показываться никак нельзя – ведь этому суровому диверсанту не известно, что я не обычный боец-“волк”, а боец тишины высшего уровня – “волк”-“оборотень”... глумливый, как бес, и бесцветный, как белая бумага. Только мои мысли имеют окраску – они, как цветные карандаши, хранящиеся у меня не в коробке, а в голове. Ими я всегда могу раскрасить лицо точно так, как того будут требовать обстоятельства или Игорь Иванович. А главное, – я из тех, кто меняет не только тело, но и – душу, и – мышление. И об этом знает только Игорь Иванович. Он один знает, что я – это я. А полковник Снегирев считает, что я – Слава Соколов... такой добрый диверсант... такой боец с улыбкой Гагарина и трудолюбием Золушки.

– Черт бы этого парня побрал! Проскользнул, видать... Не зря, видно, Игорь Иванович из-за него все с ног на голову поставил... Проскользнул! Больно шустрым стал, как до ужина дело дошло. Еще бы – не заголодаешь здесь. К ужину и я не дурак поспешить. Хоть бы догадался парень эту лапшу сварить отдельно от этой тушенки. А нет, не догадается – бухнет все в котел – и делу конец. А надо... Да, сначала лапшу надо в кастрюле сварить, а после – на сковороде жарить, заодно с мясом... Точно... Тогда лапша, пропитанная бульоном, не только пахнуть специями будет, но и на зубах хрустеть... Да еще бы хлеба с маслом... И сахара бы с чаем и с лимоном еще хлебнуть... А после – и водочки! Кристальной да чистой... с огурчиком и черным хлебом...

Полковник с довольным видом хлопнул себя по выставленному вперед брюху и двинул к выходу. Перечисляя мечты о любимых блюдах, он бурчит и мурлычет, как скрещенный с самосвалом кот. Так у него повелось – с людьми полковник мало говорит, а с собой – много. Занятный он мужик – за ним и просто, интереса ради, последить можно. Забавит он меня изрядно. Но мне сейчас не до веселья. Задач и забот у меня по горло, а времени... Мне время, как всегда, позарез нужно, а его у меня, как назло, – нет никогда. Я вслушался в отдаляющиеся шаги, выпутался из электро-паутины, слетел на пол и потащился следом за Снегиревым. Выжимал он меня в течение всех суток так же безжалостно, как лимон, – и выжал. Сдавил тяжелой рукой и отправил в рот, не кривясь. Так что теперь, вырвавшись из его мертвой хватки, я встал возле двери, кислый, как выплюнутая им лимонная корка.

Эх, Игорь Иванович, не вовремя вы меня из Берлина вытащили! Знаю, что дела англичан горячими кострами горят и холодные тени мне под ноги бросают, но – не вовремя вы меня из Берлина отозвали!

Я выглянул тайком из темноты, вдохнул чистый воздух с горьким дымом догорающей сигареты и огляделся тихонько. Вдали виднеется лучик белого света – Снегирев в пролеске бродит, собирает что-то под сосной... видно, – шишки. Это он о жене заботится – болеет она у него постоянно и поделки мастерит из всяких таких штук вроде шишек. Жена у него – подруга боевая, верная и преданная. Она с ним вместе по всем горячим точкам моталась – по всем, в какие она только могла попасть... в какие ей только разрешали поехать. Вот и подцепила где-то там чужеземную заразу какую-то... вот полковник и старается ее болезнь долгую скрасить хоть как-то – он никогда ее мучений из головы не выпускает. Да, они друг о друге много думают. А я... Я о многом думаю... в основном, – о себе, о своей стране и о своей службе. У меня ведь нет ничего, кроме страны, и никого, кроме командира, – Игоря Ивановича. Я пережал окурочку пальцами, гася дымящий огонек, положил в пустой подсумок. Прикрыл рукой пламя, прикурив еще одну сигарету. Закрыл люк, закрутил вентиль, и всмотрелся в затянутые тучами выси. Видно, будет гроза... видно, от этого гнетет так тягостно.

Пропахший прелой травой и сосновой хвоей ветер обдал меня осенним холодом. Обернулся, вглядываясь в темный и тихий лес, скрывающий вдали завитые колючей проволокой заборы... вошел в открытые двери еще более темного и тихого корпуса... Все на объекте будто вымерло...

Да вообще так оно всегда и бывает... Так оно и должно быть, когда на объектах объявляюсь я, – ведь меня запрещено видеть... меня нельзя знать. Все системы слежения отключены – иду к лестнице по короткому коридору, не думая, что меня видят, и светлый открытый взгляд Славы Соколова окончательно меняется, становясь иным, – моим истинным, никаким... похожим на чистый лист. Я скидываю мокрую куртку, стягиваю словно приклеенную к спине майку, поднимаясь по ступенькам... сжимаю челюсти и свожу плечи на пропахшем хвоей сквозняке. Из головы не идет, что недалеко отсюда, в Москве, снова бунтует толпа, заведенная старым правительством и пока не задавленная новым. Никак люди не поймут, что ничего не сделают нашей нынешней власти, как ничего не сделали ставленнику британцев и их товарищей. Они не понимают, что сейчас у власти не человек, взявший у врага деньги и отдавший врагу волю вместе с душой. Не понимают, что наши генералы поставили другого человека, могущего объединить и освободить от скрыто вторгшегося врага страну... могущего захватить власть и стать не человеком, а кошмаром – очередным чудовищем беспредельного властвования... ведь после вражеского вторжения и беспредела всегда приходит или конец, или – жесткая диктатура. Они никогда ничего не понимают – только хотят или не хотят... А главное, – всегда хотят хорошего и никогда не хотят терпеть плохого, хоть плохого – всегда столько же, сколько хорошего. Когда хорошего мало, – мало и плохого, но им не по душе, что хорошего – мало. А когда много хорошего и много плохого, – им не по душе, что плохого – много. Из-за этого люди и кружат по страницам истории, обжигая, как мотыльки, свои крылья об одни и те же огни и сгорая, как мотыльки, вдали от своей цели. Из-за этого жизнями людей и распоряжаются – “волки”... “Волки” ведь видят то, что стоит у них в глазах, а не – в голове... Мы видим войну, а не мир... видим всегда и везде... и воюем всегда и везде.

Я остановился, когда расслышал знакомый шаг – широкий, решительный... и при этом – приглушенный.

– Слава!

– Слава Отечеству, Игорь Иванович! А я вид теряю и от Снегирева скрываюсь.

Генерал выступил из мглы и всмотрелся в мое лицо, лишенное возраста и отличительных черт, хитро-прищуренным взглядом. Ничего другого от него и не ждал. Просто, разведчики-нелегалы вроде нас – народ насмешливый, как никто иной... Просто, знания подноготной людей и правды жизни не позволяют разведчикам вроде нас жить, не насмехаясь надо всем, что остальные люди считают серьезным... Мы ведь в такой кровавой грязи возимся, что только за счет жесткого веселья выживаем и высокой цели из виду не теряем.

– Я Слава, на час – спешу... водителя у ворот оставил.

– Ясно.

Игорь Иванович закрыл окно, опустил на подоконник... поднялся, стряхнул палые листья, принесенные ветром, и снова сел, серея лицом в тусклом лунном свете.

– Скверные у меня известия, Слава...

– Неужто хуже прежних, Игорь Иванович?

Я сел на подоконник подле генерала, прикрывшего глаза, покрасневшие после недолгого сна в дороге, и прикурил. Он заезженным жестом отмахнулся от дыма, задумался на секунду, стряхнул с седеющей головы тягостные думы, взял зажигалку, вынул сигарету и закурил... Видно, не судьба ему бросить курить... как и мне.

– Сложная у нас ситуация. Перейду сразу к... Черт... Слава, ночью Варягова скончалась со всеми своими людьми – с нашими сильнейшими специалистами-вирусологами. Захоронить их мы не можем. Мы не знаем, как их захоронить. Мы еще не знаем, как уничтожить этот вирус, грозящий утечкой при всех старых стандартных вариантах захоронения.

– Ясно. Их тела на объекте. Близко от Москвы... в области. Ясно. Транспортировать их сейчас никак нельзя. Осталось только закрыть объект, оцепить территории – и все... и ждать...

– Мы закрыли объект. Пока это все, что мы предприняли. Иначе секретности не сохранить. А риск осложнений – высок. И опасность распространения вируса – велика.

– Ясно. Я закончил. Хоть завтра в Лондон вылечу – и в Уганду.

– Операция отменяется... Англичане в срочном порядке покидают Уганду. Сегодня ночью последние их специалисты полетят прочь от этой чумы – от последнего варианта этого похожего на чуму вируса. А скоро – они покинут весь черный континент...

– Ясно. Оставят свой полигон на произвол своей заразы. Их специалисты не справились – вирус совладал с их вакциной. Вы правы, Игорь Иванович, известие скверное. Особенно с учетом того, что образец их убойной и бесконтрольной заразы на нашем объекте, вблизи Москвы... что наши вирусологи бессильны бороться с ней своими средствами, а мы с вами бессильны бороться с ней средствами врага... ведь у врага нет вакцины.

– Слава, ты скоро летишь... Но не в Британию – в Германию.

Я закурил еще сигарету, стараясь скрыть... стараясь скрыть все, – усталость, боль, боязнь за свою участь и участь своей страны...

– Игорь Иванович, вирус на людях и в лаборатории еще не испытан...

– У нас выбора нет... У нас нет другого варианта. У нас одна дорога! И у тебя одна дорога – в Германию!

– Нам про этот вирус-целитель почти ничего не известно!

– Мы знаем о нем все, что знают немцы!

– Немцы про него – почти ничего не знают! Они изучают его! Они знают, что они собирались создать, но не знают, что – создали! И не узнают, пока не исследуют и не испытуют! Нам еще рано к их вирусологам... За их специалистами еще следить и следить...

– Слава, англичане в отчаянии... Они проводят испытания на подопытных людях на полигоне черного континента, запуская экспериментальные инфекции, не проверенные в лабораториях. И их специалисты не справляются с новыми, недавно запущенными, инфекциями. Их специалисты не в силах управлять своими вирусами, не в состоянии уничтожить свои вирусы... они этого – не исправят, но это их – не остановит. Слава, средства врага на исходе – его время подходит к концу. А это значит, что...

– Значит, что над Сибирью и севером Китая зависла угроза распространения черт знает какой заразы.

– Мы знаем, какой... Зарегистрированы случаи заражения еще неизученной формой энцефалита со стопроцентным летальным исходом.

– Снова Япония... у них ведь этот вирус на вооружении.

– Скорей всего – Япония... скорей всего – новая версия их старого вируса... но точно неизвестно. Зоны заражения невелики. Очаги найдены, изолированы и ликвидированы, но – не все. Распространение инфекции не остановлено, несмотря на все наши старания. А в скором времени мы столкнемся с угрозой – серьезнее энцефалита. Нас ждет не просто вирусная атака, а атака вируса, неконтролируемого врагом... неконтролируемого никем... вируса, с которым никто не совладеет и не справится. Думаю, ты догадываешься, каким оружием враг готовится нанести нам решающий удар...

– Я знаю, что они замыслили вирусы свиного, птичьего и человеческого гриппа в свинье скрестить. Решили вывести воистину величайшую военную заразу на свете. Их мысли давно все вокруг да около свиней вертелись. Они, просто, замкнулись на этой задаче – серьезно этим занимались. Но мне неизвестно, что у них в итоге вышло.

– У них вышла “величайшая военная зараза на свете”. И мы знаем об этом. Они готовы обрушить ее на наши головы... на нас – беззащитных и безоружных. И мы знаем, что этого вражеского удара нам – не выдержать. А это значит...

– Значит, что скрытой войне придет конец, что мы перейдем к открытой агрессии... вооружаясь всем подряд, атакуя врага всем, что под руку попадет...

– Север, юг, запад, восток... земля, воздух, вода... техника, химикаты, жесткие излучения... Это все, что будет... больше ничего. Кто выживет, тот и выживет...если кто-то вообще – выживет. Мы должны заполучить этот вирус, Слава, – это оружие, эту защиту!

– Мы знаем, что вирус-целитель уничтожает все другие вирусы. Но еще неизвестно – может он уничтожить человека или нет, неизвестно – может человек уничтожить его или нет.

– Иначе мы с вражеским вирусологическим оружием бороться не можем!

– Верно, человеку с вирусами совладать трудно... Они не такие сложные, как бактерии, которые возможно уничтожить, воздействуя и на те, и на иные звенья ДНК, – они так просты, что уничтожить их сложно... почти невозможно.

– Слава, ты проведешь эту операцию – скоро. И начнешь подготовку к этой операции – сейчас.

– Понял...

– Утром ты перейдешь на четвертую площадку и пройдешь по первому маршруту.

– Площадку не достроили еще...

– Ночью бригада на объект прибует.

– Я со Снегиревым останусь?

– На ночь на квартиру поедешь.

– А после?

– Со Снегиревым.

– Он знает много.

– Ничего. Я с ним скоро... я с ним сейчас... Слава, слушай... Нам надо...

Игорь Иванович положил руки на виски, прижал пальцы к векам...

– Что нам надо, Игорь Иванович?..

– Сейчас... Я не спал...Старею я, Слава...

– Да и я сдавать стал...

– Сосредоточусь сейчас и скажу...

– Кем и откуда я лечу, Игорь Иванович?

– Не решил еще точно... Нет, решил, но... Непросто у меня все получается, Слава... Получается, что ты Ларсеном летишь... из Осло.

– Это как, Игорь Иванович?..

– Так, что мы не одного зайца одним выстрелом убивать будем. В Берлине дезу запустишь насчет оружия, предназначенного странам третьего мира. Немцы не должны знать, что мы, а не британцы, груз перехватили.

– С этим разберусь – ведь через мои руки все грузы проходили... и немцев, и скандинавов.

– И со Шлегелем встретишься.

– В другом лице в Берлине появиться?..

– Придется рискнуть. Нам нужна информация. А главное, – вирусный образец получить. Во Франкфурт поедешь, как только Шлегель тебе информацию передаст.

– Так точно...

Мы замолчали, слушая ночную тишину. Не знаю, что со мной теперь будет. Перегрузите вы меня, Игорь Иванович, – так, что все под угрозу срыва поставите. Да все не беда... Не долго мне на базе тренироваться и Снегирева терпеть. И в Берлине я быстро управлюсь, хоть и трудно придется. А вот дальше не просто будет – во Франкфурте не одно лицо сменить предстоит и не один маршрут пройти. Скверные у меня мысли появляются по этому поводу, но пока их следует из головы выбросить, как и все остальные – такие же.

Глава 3

Сию на съемной квартире в Москве, на краю раковины возле электроплиты, – варю в прогоревшей кастрюле нечто вроде глинтвейна... глинтвейн без рома и без остальных правил... и вообще – без правил. Эх, Игорь Иванович, надо было вам стулья предусмотреть! Или стол – на худой конец! Шибанет ведь меня так током рано или поздно – верное дело! А за окном в ночи слышны одиночные выкрики и выстрелы. Да не беда. Новое правительство только начало после переворота порядок наводить, правила прописывать и людей на места расставлять. Старые власти свергнуты – и точка. Так что беспорядки – остаточное явление, временное... такая тень этой короткой и не особо кровавой гражданской войны. Пытались без нее обойтись, но – не получилось. Просто, тогда еще деньги в труху не обратились – и бумажки были оружием вместо железок... а у нашего старого скрытого врага, все время старающегося тайно внедрять своих людей в наши власти и тишком вредить нашей стране, бумажек было больше. Враг, хоть своей цели в итоге не

достиг, свой кусок добычи не упустил, конечно, – нашу страну он ослабил, как и все остальные, стоящие его внимания... но и враг ослаб, посягая на все страны нашей планеты. Поистрепались, поистратились, в общем, британцы со своими “великими и туповатыми товарищами”. Да и теория управляемого хаоса подвела... Что за дурь вообще?... Управляемый – хаос... Хаос на то и хаос, что – неуправляемый. Конечно, они контроль потеряли – заварили свою ядовитую кашу, распустили ее по всему свету растекаться... нахлебались все их отравы, только вот она и на их территории со временем затекла... А они – люди разнеженные, к жесткой жизни непривычные и неприученные... Куда им свое варево расхлебать – горькую ведь кашу они другим уготовили... сготовили, вернее. А как оборотились все их злые козни, сговоры да заговоры в их британскую сторону, они только рты открыли. Обернуться вокруг себя не успели, как из “друзей” всем врагами стали. И сейчас, после долгого угнетения, после длительного усыпления мы и остатки ЕС начинаем на ноги вставать и врага на колени опускать. Не впервой за вражеский же счет освобождаемся и вооружаемся. Выждалось время – и оказалось, что ручная партия оппозиции поставленного врагом правительства ручной только притворяется... а возглавляет ее совсем не подлый предатель и преступник, выдающийся врагу в лице лидера. Собирался враг устроить у нас затяжную тупиковую гражданскую войну – он войны добился... но не такой, как требовалось. У нас все было точно рассчитано и подконтрольно, подготовлено и приведено в исполнение по четкому плану – операцию провели в короткие сроки без сучка без задоринки. Правда, при поддержке Китая – нашего будущего врага... Но главное, что... Не вышло у противника окончательно устранить нашу способность к сопротивлению... и вообще, – все наши способности и свободы. Неверную он стратегию избрал. Считал, что действуя скрытно, а не в открытую, он не вызовет противодействия... Что ж... С него станется... думать, что его “невидимое” остальным действие действительно не видно другим... и вообще – не идет в счет из-за того, что его – не видно. Как дети, считающие, что стоит им закрыть глаза, – они сразу станут незаметными... только так дети и все окружающее не исчезает... так дети только перестают видеть окружающее.

Не иначе и с нашими заядлыми захватчиками произошло... да и в прошлом происходило – с их старыми колониями. Хлебнули они последствий давления в виде объединительных и освободительных движений... а главное, – в виде возврата всего худшего, вышедшего из их больной головы и обрушенного на завоеванные территории, – все обратно на их голову ливануло. Как с Китаем... Британцы думали китайцев опиумом одурманить и усыпить до смерти, а вышло, что китайцы не только выжили и вторгшихся британцев со своих территорий выставили, но и стали их сильнейшим соперником. И с опиумом все не так просто получилось – как захлестнуло британцев откатной волной, так и захлебываются в ней... до сих пор не знают, как от наркоты избавиться. Считаешь человека рабом – считай, что он твой раб сегодня, а завтра – ты его рабом запросто станешь. Иначе и не случается – все отзывается... только никогда заранее точно не знаешь, что с какой стороны вернется... Чаще именно с той, куда целишь, куда стреляешь возвращается, а иногда – и с другой... непонятно, с какой. Главное, – знать... а еще главнее, – запомнить, что ты – считаешь себя сообразительным, а пуля – дура. Ты думаешь, а она – нет. На расчеты траектории полета и прицел ей, конечно, не плевать, но все, что касается человеческих задумок, ей параллельно. Пуля проста настолько, что путается в изощренных замыслах людей и плутает в выдуманном ими законодательстве... зато законы физики – соблюдает исправно, следуя им слепо и повинуюсь беспрекословно. Так что, когда мы совершаем промах, – промахиваемся мы, а пуля – всегда попадает в цель. Эх, Игорь Иванович, надо людям срочно тупеть или уметь скорее – тогда они, как пули, на простые и понятные законы физики равнение и ориентировку держать будут... тогда они будут в силах избежать кучи ошибок, бьющих рикошетом то в грудь, то в спину.

Глава 4

Как всегда, зажатый тенями, затаил дыхание, слушая тишину. Ничего – ни шороха. Тяжелый воздух содрогается лишь от моего сердцебиения, как всегда. И, как всегда, от боли, усталости и духоты тошнит. Отер с лица холодную испарину. А скоро, считай сейчас, с меня опять потоки жаркого пота потекут.

Заломил заостенелую руку за спину и просунул под промокшую куртку, стараясь не замечать амуницию, стягивающую все мое тело, вроде как спутанными сплетениями паутины. Черт... Меня всего, как в клей окунули! Как потопили в клее, которого я напился и надышался! Оперся о стену и опустился на затынутый скользкой слизью пол. Постарался расправить плечи и растереть сведенные судорогой мышцы. Шея скована так, что не повернуть. А вдоль позвоночника к лопаткам и к пояснице тянутся твердые тяжи. Еще часа три, и я – сдохну, Игорь Иванович! На рассвете я немо насмеялся надо всем подряд, не зная пощады и оставаясь спокойным! Но к закату сил на злое веселье, защищающее меня от простой злости, у меня – не осталось! Ночь не знаменует конец моих мучений, и я начинаю считать, что моего мучителя пора приструнить жестче! Попрекаете?! Не надо!

Пора мне сосредоточиться на системе, следящей за темнотой и тишиной этого сектора. Определил частоты просматривающей и прослушивающей сектор аппаратуры – не автономной, а связанной с центральной системой беспроводным соединением. Эта аппаратура серьезная. Она следит, снимает и слушает все время и постоянно пересылает все сведения центральной системе на запись и анализ. С одной стороны, с этой системой слежения сложностей полно, но только – с одной стороны. С системами, спящими в покое и просыпающимися только от теплового излучения или движения, сложностей столько же. Но мне все по плечу! Мне плевать – проходит ориентация системы по посланным или по принятым сигналам, по рентген лучам или по инфракрасному излучению. Плевать – проходит опознание человека по внутренним или по внешним очертаниям. Я и людям, и технике, и так, и эдак десятью вариантами пыль в глаза пускаю и незримым призраком прямо перед ними пролетаю – по темноте, по тишине и по делам главного разведуправления.

Подключил эту “штуку”, создающую переменные поля, подогнал программу. Проверил настройки и показатели остальных “штук” из моего арсенала. Постарался рассчитать и сопоставить все, что показалось мне чересчур нечетким, точнее. Получилось, что погрешности остались, но несерьезные. Плюнул на риск неточности показателей и расчета, поправил настройки, как решил, – вернее, как пришлось. Стараясь не потерять строго ограниченных секунд, ринулся в схватку. Натравил сильный электромагнитный шторм на передатчики внешнего периметра, частично пресекая высокочастотный сигнал. Сейчас он понесет центральной системе на анализ покалеченные сведения – затемненные и замутненные картинки, зашумленные звуки. Сейчас я прокрадусь к первой полосе препятствий невидимкой. Помеха – пошла! Время – пошло! Я – пошел!

Подключил горелку. Плазма, прорезающая панели, полыхнула на меня жаром. Лицо стало мокнуть под маской, защита на глазах запотела. Черт! Ничего не вижу! Протиснулся в простенок вслепую. Наушники зашипели заглушенным сигналом.

– Соколов! Что встал?! Пошел, Слава! Пошел! Не отставай от секундомера!

Я закрыл рукой камеру на каске – через нее товарищ полковник четко видит все вокруг, не взирая на мрак и вспышки света.

– Не вижу я, товарищ полковник! Ничего не вижу!

– Включи эту хреновину!

– Какую именно?! При мне полно всего, что мы с вами “штуковинами” и “хреновинами” именуем!

– Такую штуку, которая картинку с камеры на очки выводит!

Я, мысленно смеясь над суровым полковником, пошарил в отсеках куртки и в подсумках.

– Нет такой!

– Ты куда смотрел, когда снаряжение походное проверял, когда на операцию шел?!

– Туда, куда вы сказали! Вы мне своей головой думать под страхом смерти запретили – я по вашему приказу стал не думать, что делаю, а делать, что вы говорите!

– Хватит мне из себя гнуть и строить! Ты вообще не думал, что делал!

– Я думал, что делал то, что говорили вы!

– Твою!..

– Не только мою!.. Нашел я эту “штуку” – нашарил! При мне она!

– Соколов! Ты снова за свое! Слава, я с тебя за твои вредные выходки шкуру спущу!

– Хоть все три! Только не требуйте от меня бездумных действий – от них толку не будет! Остановите время! Мне в такой тесноте с этой “штукой” скоро не совладать! Я на свободный участок вернусь – МИГом пролечу! Эту “штуку” быстро из барахла вытащу! Комплектующие возьму! Не будет с ними возни! Соберу, как следует, и скоро включу! Быстро сделаю! Обещаю! Пустите только на миг!

– Не пушу! Хватит время тянуть! Ощупью иди! Шевелись, Соколов! Они передатчики пошли проверять! Они на подходе!

Черт... Я послал все к черту, плюнул на все, включил систему восстановленного видения и прозрел. Эта штука позволяет мне видеть всегда и везде, со сносной четкостью взирая на все вокруг в глухой темноте и слепящем свете. Аппаратура ориентирует меня, составляя вполне привычное моему глазу изображение по клочкам света во мраке или по клочкам мрака в свете, по инфракрасному излучению или по ультразвуку. Никак у меня не выходит передохнуть! Но хоть Снегирева проучить вышло!

Не закрепил погашенную горелку на бедре, как обычно, а, повинувшись совету полковника, закинул ее, горячую, за спину и сунул за заплечный крепеж. Черт! И через куртку жжет! Только Степан Петрович упорно утверждает, что на втором этапе моего пути горелке место у меня за плечами, что мне за нее сзади удобнее и быстрее братья будет.

Поднял руки, нащупал нижнюю трубу и потянул, пробуя ее, тонкую, на прочность. Подтянулся, перекинул через нижнюю трубу ногу, пригибаясь под следующей, – средней.

– Соколов, время!

– Не вы один секунды считаете!

Занес ногу над средней трубой, с трудом оседлал ее, низко склоняясь под верхней, проходящей под потолком высокого простенка. Прогнулся назад, завел руку за спину сверху и попытался вытащить горелку. Не вышло. Рука предельно выкручена, а горелку вынуть никак! Черт! Еще один рывок, и я... суставы сверну. Отвел руку в сторону, приперая локоть к стене и отстраняя от стены плечо. Еще чуть, и я... с трубы сорвусь. Черт!

– Неправильное действие – неверное! Соколов, я тебе говорил, как ты двигаться должен! А ты снова свои движения выдвигаешь!

– Не считайте время, товарищ полковник! Крепеж низко!

– Вышекрепишь – трубу заденешь и кабель зацепишь! Горелка тебе не меч – над плечом торчать не должна! Закинь руку, как я сказал! Локоть к голове, а не к стене!

– Знаю, что не кельтский меч у меня за спиной и кругом не просторы шотландские! Только мне другим образом горелку не достать никак!

– Не пойдет так! Примеряйся-не примеряйся, – не пройдешь ты так! Игнорируя мои инструкции, – не пройдешь! Тебе теснота не даст сбоку горелку быстро достать!

– С такого крепления я только сбоку дотянуться могу! Надо было на бедро крепить!

– Ты с бедра горелку в трубопроводе быстро не достанешь!

– Как не сделаю, когда делал, – да по десять раз сряду?!

– Ты прежде только время терял! Не позволю я его тебе впредь терять!

– Я вам не червяк беспозвоночный! Не могу я руку сильнее назад сверху скрутить!

– Ты не червяк беспозвоночный, а мокрица беременная!

– Ругаетесь вы, будто мы с вами в песочнице! Не мальчишка я вам, товарищ полковник! С вашей ругани проку никакого не будет! Я вам все силы отдаю – не добьетесь вы от меня вашей бранью ничего сверх того, что я делаю! Думайте, как мне горелку достать, а не орите на меня попусту! Не тратьте моего времени!

– Ты мое время тратишь! Не можешь сделать так – не делай никак! Я командиру доложу, что девицу его бойцом переодетую, гулять отпустил на все стороны!

– Не злите меня, товарищ полковник, а радуйтесь, что меня разозлить непросто! Не могу я действовать в точности так, как вы говорите! Думайте, как мне в таких обстоятельствах действовать!

– Вытащи горелку! Так, как я сказал! Только так! Тяни руку сильнее! Или я буду вынужден снова все в исходное вернуть! Не берегись! Через боль давай! Рви связки! Или я их тебе порву!

– Товарищ полковник, ни кнутом, ни пряником не заставите вы меня калечиться! Не стану я связки рвать!

– Другого варианта нет! Делай, что говорю! Или они тебя возьмут и отдерут так, что ты меня с моей бранью добрым словом вспомнишь!

Мысленно поставил на весы Степана Снегирева и Эриха Шлегеля. Шлегель перевесил в худшую сторону, и я решил повиноваться суровому полковнику. Вашу ж!..

– Сейчас!

– Скорее!

Запрокинул голову, резко закинул руку за спину, потерял равновесие и полетел на пол. Шлем глухо стукнул по нижней трубе, и я упал на спину. Черт! Полковник привык, что я сразу встаю на ноги и вскакиваю в седло, – вернее, взбираюсь на трубу, но сейчас я безжизненно валяюсь на полу.

– Соколов! Ты что, заснул?!

Я закрыл разъединенные глаза, глубоко вдыхая. К черту простенки, к черту полковника!

– Соколов! Ты в порядке?!

– Отдыхаю я!

– Вставай! Возвращайся в исходное!

– Поздно же! Ночь на поверхности! Не стану я снова сначала все начинать в сотый раз! Считайте время с прерванных секунд!

– Верно, вечер поздний. Давай на трубу! Скорее!

– Сейчас!

– Время пошло!

– Товарищ полковник, я вам не акробат из китайского цирка!

– Начальнику скажи! Я ему докладывать не собираюсь, что его диверсант, каким нетренированным был, таким и остался!

Степан Петрович обдал меня отборной бранью. Я прикинул, как отрапортовать Игорю Ивановичу – начальнику нашей нелегальной разведки – о своей несклонности к акробатике. Нет, не пойдет. Никак. Выгнулся мостом, чуть ни выворачивая суставы и отчасти разрывая связки. Выкрутил руку, вырвал горелку и откинулся на спину, кривясь от боли. Прощупал верхнюю трубу, нашарил короб над ней, под потолком, и пустил плазменный поток, прорезая его пол. Искры полетели в глаза, осыпая меня кусками прожженного железа. Припер сапогом подрезанную панель и окончательно прожег ее по периметру. Погасил горелку и положил ее на грудь. Осторожно прошелся пальцами по раскаленному краю чуть отошедшей срезанной панели. Просунул пальцы в щель и попытался перехватить панель покрепче. Черт! И через перчатку руку жжет! Стащил панель, откинулся назад, вытянул руку вниз, аккуратно спустил кусок железа на пол и кинул его к стене.

– Соколов, не возись ты с обрезком! Бросай его быстрее!

– Один звук, товарищ полковник, – и не вы с меня шкуру спустите, а их спецназ!

– Вперед! Время!

Подобрался к вентиляционному коробу и перестал замечать, что защитные очки замутнены испариной, что глаза залиты и разъедены. Стянул лопатки, сложил плечи и полез в еще более тесную темноту. Пополз змеей, с трудом прогоняя мысли, что меня ждет тяжелый участок.

– Что встал?! Вниз!

Я захожу на объект под землей, но попадаю на верхний этаж, а проникнуть мне нужно на нижний. Спускаюсь, стараясь не потерять дыхание. Подхожу к закрытой зоне. Здесь вентиляционные шахты кончаются. На нижние этажи воздух снаружи не нагнетается – он циркулирует внутри по замкнутому циклу от баллона до духоты, пока не пройдет через несчетные очистители, пока его не скачают аппараты. Он не проникает наружу и через щели стенных панелей – изоляция здесь серьезная, нарушаю ее я один. Никаких внешних вытяжек здесь нет – и мне вроде хода нет. Только мне все не беда! Через вентиляционные короба я дальше не пройду, а через короба с кабелями – запросто!

– Вскрывай здесь давай! Выходи из вентиляции! Переходи! Пошел!

Перевел дух. Прожег путь плазмой. Срезал панели, разделяющие этажи, спустился в застенки закрытой зоны. Непросто мне простенками к коробу с кабелями подобраться, но все не беда.

– Здесь заходи!

Задыхаясь жаром, режу железо. Изгибаюсь в спине, забираюсь в короб. Лезу в темноту и ползу в тесноту узкой западни – уже всего здесь проход... ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Влево! Вверх! Здесь шахта нижнего подъемника кончается! Здесь проводка над ней поверху проходит!

Черт... По горизонтали я еще прошел, а по вертикали трудно пройти – тяжело мне вверх в такой тесноте карабкаться. Напряг спину, стягивая лопатки и сводя плечи сильнее. Поднял руки распорками, подтянул колено, нашел опору сапогу. Резко выдохнул и рванул вперед – вверх.

Снова горизонталь. Снова вертикаль, снова вниз... еще и вниз головой – ведь здесь тупик, мне вперед никак не подать и ногами вниз не пройти. Черт... И снова горизонталь, и...

– Соколов, вниз!

Спускаюсь ниже, к хранилищу, через этажи. Хорошо хоть здесь я вверх головой сойти могу. Но все равно... Черт... Я весь мокрый... и мышцы сводит... и рука с поврежденными связками просто отваливается.

– С проводкой осторожнее!

С проводкой... Черт... Проводка! Черт! Как паук в паутине! Нет! Как муха! Вашу ж!..

– Соколов, свет! Сворачивайся! Давай ко мне!

Степан Петрович включил свет. Я закрыл ослепленные глаза и слетел вниз с поднятыми вверх руками, цепляясь за провода. Выбрался с объекта простенками и вылез на землю, задыхаясь. Стянул маску, скинул куртку и рухнул на еловые колючки. Распростерся перед суровым полковником на хвое и стал просить о пощаде.

– Степан Петрович, ночь пришла, и мне пора в путь.

– Куда это?

– Как куда? В постель.

– Рано. Еще раз пройдешь.

Я поднялся, отряхиваясь и затягивая голенища, – шнурки развязались.

– Да я здесь, как ломовая лошадь, вкалываю с утра до ночи и с ночи до утра!

– Ты здесь, как дохлая лошадь, вкалываешь!

– А я про что?! Сдохну я так, товарищ полковник! Мне передохнуть надо!

Степан Петрович мрачно покачал головой, смотря на меня, мокрого, замерзшего и исцарапанного.

– Еще раз пройдешь.

Эх, Игорь Иванович! Как вы могли меня товарищу полковнику в полное подчинение передать?! Мне плевать, что он у вас – лучший! Я у вас – еще лучше него! Никого лучше меня у вас не было, нет и не будет, Игорь Иванович! Не цените вы мою шкуру, раз позволяете Степану Петровичу ее с меня так запросто спускать!

– С места не сойду! Не дадите мне отдыха вы – я его себе дам!

– Не дам я – не дашь и ты!

– Степан Петрович, я вам сегодня честно все свои силы отдал! Но я ведь все, что сегодня вам отдал, завтра у вас отобрать могу! Я не только обратно все свое верну – я и у вас все возьму! Я все силы из вас вытяну! Степан Петрович, подумайте! Я ведь только простейших вещей у вас прошу! Дайте мне отдыха!

– Нет! Нет времени! На маршрут!

– Палку перегнете! Я ведь вам не дубина дубовая, а розга гибкая! Я вам себя сломать не дам! Согнете меня сильнее – я вас в ответ стегну, стоит вам руку отпустить!

Степан Петрович нахмурено посмотрел на меня, стараясь оценить мое истинное состояние. Зря старается. Все равно я полковнику навру – покажу, только то, что я сочту нужным показать, и он заметит только то, что я позволю заметить. Снегирев – человек, не различающий никаких градаций серого, – он видит одни крайности черного и белого. Что ж... Я не останусь стоять перед ним прямо и спокойно, а с понурым видом начну просто подышать у него на глазах – пущу в глаза полковнику пыль, рисующую четкую видимость моего издыхания.

– Не можешь на маршрут вернуться? Никак не можешь?

– Не могу! Никак.

– Слабый ты, Слава.

– Не богатырь я вам – не великан с саженью в плечах! Только я с вашими обычными бойцами в строю не стою, товарищ полковник. Так что вы меня с ними не сравнивайте. На мое место вам никого иного не поставит. Я один настолько сух и силен, что способен преодолеть простенки объекта на высокой скорости.

Степан Петрович снова окинул меня оценивающим взглядом. Но на сей раз он стал всматриваться мне не в лицо, не в глаза, а окинул взглядом – целиком и сразу. Он не знает, что моему разуму подчинена не только моя душа, но и мое тело. Оно полностью послушно мне – моим видимостям, вернее. Телом ведь не тяжелее, чем душой, управлять, – даже проще. Нет, я не становлюсь выше или ниже, как не становлюсь серьезнее или веселее, я просто – кажусь.

– Нет, не правильно я все рассчитал. Похоже, просто нет у тебя требуемой силы. На силу больше рассчитывать никак нельзя. Остается скорость. Будешь брать только скоростью. Тебе нужно двигаться свободнее. Ужинать не будешь.

– Вы что, голодом меня морить задумали?! Доведете вы меня до могилы.

– Соколов, ты не должен останавливаться ни в трубопроводе, ни в проводке ни на секунду. А тебе не хватает сил в такой тесноте твердо действовать. Тебе требуется свобода действий. Станешь ты тоньше – тебя теснота давить перестанет, тебе на борьбу с ней силы и время тратить не придется. Ты сбережешь и силы, и время. Ты пройдешь.

– Я обессилю быстро, Степан Петрович.

– Не так быстро. Сначала в расход простая энергия пойдет, а после – остаточная, сохраненная организмом на крайний случай, сгорать начнет. Такое сгорание обеспечит тебе мощный толчок и на определенный срок даст огромные силы.

– Только, когда все сгорит, – я на месте замертво рухну.

– Другого варианта нет.

– Мне мой заряд неизвестен. Срок разрядки рассчитать нельзя. Так что батарейки у меня могут сдохнуть не вовремя.

– Нет выбора. Не спорь. Ступай спать. Завтра раньше начнем. Начальника завтра ждем к десяти часам. Но он, как всегда, раньше приедет.

– Что, Игорь Иванович?

– Он, Слава.

– Сказал что?

– Ничего он мне не сказал. Тебе скажет.

Степан Петрович пристально проследил за процессом моей нервной перестройки, но не понял, что я перестал замечать предосенний холод и задрожал не от него, а от резко подскочившего напряжения. Операцию не отменяют, но что-то пошло на перекося. Что? Предатель нам планы подпортил? Нет. Что-то еще – что-то иное. Людей задействовано много, но известно им мало. Каждый человек владеет сведениями только в своем узком звене задачи. Посвящены всего двое – мой начальник и я. Seriously нам навредить никто не может. Правда, один человек... Он может рассказать, что нам открыт секрет, считающийся скрытым. Он верный человек – так просто не выдаст. Только его могут взять. А ему тяжелого давления не выдержать точно. Нет, не похоже, что он попался. Иначе операции пришел бы конец и на планах был бы поставлен крест – Игорь Иванович все отслеживает и всегда в курсе. Человек просто под подозрение попал... или просто появились подозрения насчет присутствия чужого в рядах своих.

Посмотрим, подтвердит начальник мое предположение или нет. Надеюсь, я не прав. Иначе меня ждут тяжкие испытания на прочность. Игорь Иванович начнет меня погонять нещадно, и мне придется напрягаться и нервничать сильнее. А нервозность мне непозволительна. Для дела я должен похоронить ее на дне покойной души и не трогать захоронения, несмотря на все провокации.

Вычищаю засоренную голову, выкидывая из нее четко прорисованные перспективы долгого и отягощенного длительными допросами гниения в военной тюрьме Дойчланда. Дойдет дело до того, кого я знаю под именем Эриха Шлегеля. А Шлегель знает меня в лицо – он признает во мне

Дитриха Вайнера. Саксонец не сдаст меня – не сдаст себя из-за Вайнера. Только он далеко не глуп. Он поймет, что я – Стяжатель. Тогда мне – конец. Шлегель корыстен и служит он не одной стране, но саксонец никогда не поступается принципами на определенной ступени преданности. А Стяжатель – я заслужил это прозвище хищнической жадностью и жесткостью – стоит на ступени, которую саксонец не переступит никогда. Сложится серьезная ситуация – он станет служить исключительно Отчизне. Никто и ничто не принудит его предать страну при настоящей опасности. Сложный он – Шлегель... сложный и страшный.

Глава 5

С поздней ночью пришел злой голод и привел с собой разгульную девку – бессонницу. Спать я хочу жутко, а есть – просто ужасно. А черт, одолел меня голод, и я поддался уговорам девицы-бессонницы, хоть она и не особо соблазнительна. Протирая глаза и прижимая руки к впалому животу, сполз с кровати на пол. До тошноты все под ребрами сводит – нужно снаряжаться в поход... в ночной налет на столовую.

– Мурка! Я сейчас с тебя твою кожаную тужурку наганом сдеру!

Кошка вывернулась у меня из-под руки и вцепилась в занавеску, зависая в воздухе.

– Домашняя барышня, а шляешься по мужикам ночами – черт знает в чьи постели залезаешь! Что ты ко мне приперлась опять!

Ничего, и ей применение найдется. Здесь у всех стен глаза зоркие и уши чуткие – на ночь Снегирев системы слежения в коридорах частенько активизирует, не нравится ему, что я ночами по корпусу скитаюсь и столовую навещаю, не спросясь. Но не страшно! Подпорчу я им и слух, и зрение! Зашумлю я свои шаги и силуэт свой затру. Просто определяю частоту передачи следящей за мной аппаратуры... просто пущу помеху на подходящей частоте... просто спутаю сигналу порядок, как строгому Степану Петровичу – мысли. Не пройдет на пульт мое очертание и никакой порочащей меня истины его память о моем незаконном предприятии не сохранит. А иначе строгий Степан Петрович и не прознает о моем ночном походе ничего! Не подслушает он за мной, не подслушает меня – и останусь я перед ним чистым, как стеклышко, – спокойно спящим и не ходящим по ночам на склады за спрятанной им снедью!

С проводными передатчиками сложнее – полученные с них сведения по проводу на пульт пущены, их простой помехой не спутаешь. Но не беда! Сильным посылом можно коду хребет перешибить и данные с хода сбить. С датчиками на движение трудно будет – они реагируют только на движение и обнаружить их тяжело. Но и на них управа в моих руках! Их, как детекторы, реагирующие на тепло, я грубо отрублю одним могучим электромагнитным ударом! Попорчу передатчики мощным электромагнитным штормом. Мне, вообще, грубо действовать по душе... не мое это – гробить время на тонкости вроде внедрения в главную систему управления, когда я голоден, как черт. А вот лазерные сигнализации – с ними сложнее, мороки по горло. Но ничего, я и с ними справлюсь, ведь в моих руках – Мурка. С таким железным оправданием, как выбрасывание Мурки в коридор, Степану Петровичу не совладать.

Просканировал коридор, проверяя на электромагнитное излучение, в поисках не примеченных и не припомненных мной коварных шуток вроде лазерных лучей и иных скверных сигнализаций. Чисто вроде! Открыл дверь в щелку, присмотрелся, прислушался к темному проходу. Полковник спит мертвым сном... нет, мертвые так храпеть и сопеть никак не могут. Ревет Степан Петрович, как двигатель старого грузовика, и во сне. Я зажал в руке нож, развинтил рукоять – показался светильник, но мне не стоит следовать его сильному холодному лучу в тихой темени. Я, не включая и хилого света, скользнул во мрак, держа яркий луч наготове, как должно держать и другое оружие вроде Мурки. Еще и шагнуть не успел, а уже напоролся на... Растяжка?! Черт! Простая леска натянута! Вашу ж!.. Взвизгнула тревога. Двигатель в груди полковника взревел и вдруг заглох. Я выбранился и затаился. Заслышал скрип кровати, тяжелую поступь товарища Снегирева. Пришло ж ему в голову первобытную сигнализацию поставить! Подловил он меня! Будто нарочно, будто проучил меня, зарвавшегося, по его мнению! Я швырнул мурку через растяжку так, что она заорала, рванул обратно, рухнул на постель и раскинул руки. Степан

Петрович вломился ко мне, включил свет и предстал передо мной в трусах, сапогах и с автоматом наперевес.

– Соколов! Ты ходишь?! Куда пошел?!

– Так... никуда! От вашей домашней барышни, подстерегающей меня в моей постели, избавлялся.

– Слышал я, как ты мою Мурку мучил! Но мой внутренний голос мне громко в ухо орет, что ты бы от нее в столовой избавился, если бы не леска на выходе! Далеко ведь зашел, пока на эту... леску не ...!

– Я просто во сне хожу! И не беда! Походил бы, да вернулся бы! А по вашей воле и вине мне теперь не выспаться никак! Ваша сирена мне все сны разогнала-распугала!

– В столовую снаряжился! Я приказал! Я запретил! Я не позволю!

– Понял.

– Не найдешь ты ... снеси ни в ... столовой, нигде! Хотя всю ... базу обыщи – ничего ... не найдешь!

Так я ему и поверил, что он всю снесь на такой обширной территории к рукам прибрал. Где-то что-то точно завалилось-затерялось. Полковник в негодовании хлопнул дверью, выходя. Он рассчитывает, что на сей раз я покорно промучаюсь до рассвета. А зря. Я настырный. Поголодать мне, конечно, придется... и серьезно. Но одной водой я до утра обходиться не собираюсь.

Тихонько открыл окно, вспрыгнул на подоконник, переступил на следующий, подсадил перекошенное окно запертого помещения и проник в него. Взял спрятанный ранее трос, закрепил на батарее, скинул за окно, вниз, натянул перчатки, закрепил ручные зажимы и сцепил на них руки. Не думает же Степан Петрович, что я распоследний дурак, выходящий только через дверь?!

В столовой, и правда, ничего... и на кухне, и на складе. Да не беда. Есть еще бункер.

Про бункер Степан Петрович, видно, не вспомнил! Сажу на лестничной площадке у открытого люка с дымящей сигаретой в зубах и жестоко терзаю ножом консервные банки. Но к полковнику, похоже, сон не пришел... похоже он, страдая бессонницей, вызванной моей выходкой, все же про бункер вспомнил. Черт! Спешно сворачиваюсь – тушу сигарету, сгребаю консервы, выбираюсь на землю и ищу Мурку. Нет, кошки нигде не прослеживается, но и черт с ней! Пригибаясь, бегу к колючему кустарнику, бросаюсь под прикрытие его тени. Только люк я... закрыл, но не запер – не успел. Черт...

– Соколов! Я знаю ты здесь! От тебя табаком несет! Здесь накурено!

Я не отозвался. Но товарищ полковник не сдался. Выпрямившись во весь свой внушительный рост, он встал на только что покинутой мной площадке, посветил вниз и начал спускаться. Эх, Игорь Иванович, велик соблазн запереть его здесь на ночь и отпировать спокойно! Но не тревожьтесь, товарищ генерал, вам от меня такого злого веселья не дожидаться! Товарищу полковнику таких моих выходок вовек не видать!

Степан Петрович искал меня честно целый час, но по его истечении все же вышел, нахмуренный, на поверхность.

– Не выйдешь сейчас, Соколов, останешься здесь взаперти до утра! Я закрываю этот ... тобой люк! Твою ж...

Полковник крутанул твердой рукой вентиль и направился уверенным шагом к темному и тихому корпусу. Эх, Игорь Иванович! Я мог его запереть, когда точно знал, что он там, но не запер! А он запер меня, когда считал, что я точно там! Жестоко же, Игорь Иванович!

Я бросил консервные банки и побежал кустами за суровым полковником. Сейчас я ему покажу, как опасно такого диверсанта недооценивать и за дурака держать. Он отключил с пульта сигнализацию, проходя, и не заметил, как я прокрался за ним следом. Полковник допустил ошибку, обрекая его на бессонницу, и не проверил угол, где я решил поджидать его громогласного сонного рева. Я притаился возле двери, припал спиной к стене и стал смотреть, как широко зеваet и глубоко вздыхает полковник. Он что-то проворчал, покачал головой и завалился в разворошенную постель. А я остался стоять в темноте возле стены, стараясь не повиноваться зеркальному рефлексу и не зевать вслед за ним. Порадовался, что он захрапел и заревел, считай, сразу – а то и я засыпать стал, неуклонно сползая на пол по стенке. Я протер глаза и окинул привыкшем ко мраку взглядом комнату. Подошел к полковнику, посмотрел на него – во сне он

вроде еще мрачнее стал. Надо же... Не видел никогда раньше никого, спящего с настолько напряженным и нахмуренным видом. А он точно спит? Точно. Не притворяется. О ровном дыхании, свойственном спящим, речи не идет, но рокошет он достаточно убедительно – на вдохе зверским рыком заходится, на выдохе – всхлипом. Жутковато – кажется, что еще чуть и задохнется.

Откупорил бутылку самогона, стоящую у него под рукой, – на вид чистый спирт. Понюхал, проверил. Вроде все в порядке – спирт этиловый, очищенный. Глотнул. Черт! Чуть глотку не сжег! Крепкая дрянь! Нет, вовсе не дрянь... Такой штукой точно не отравишься... А в голову как ударило с голодухи... Так сильно ударило, что сразу стало ясно, какое веселье над ним в отместку учинить! Будет знать, как меня недооценивать! Недооценил меня – недосмотрел за мной! А такие ошибки в нашем деле недопустимы! Я ему, как добрый друг, на его неосмотрительность глаза открою – покажу ему, что про врага всегда помнить надо, что на моем месте мог бы быть и враг... а главное, – что мог бы с ним из-за его неосмотрительности враг вытворить!

Вынул из-за голенища писчую ручку, выковырял стержень, достал из него головку, подставил палец к трубке с черным гелем с одной стороны и дунул в трубку с другой – гель потек на палец. Товарищ полковник и не заметит, как над двумя его закрытыми глазами откроется третий! Надо быть бдительнее! Будет у него во лбу звезда гореть на месте пулевого отверстия, оставленного предполагаемым опытным и метким стрелком! Мой урок он изучит утром – его будет ждать занятное отражение в зеркале!

Ха! Красота какая! Как настоящий, третий глаз получился! А главное, – такой же суровый и пристальный, как два других! Может, мне еще что полковнику на память нарисовать, Игорь Иванович, раз меня муза такая знатная посетила?! Искушает она меня – муза моя, искусница! Не устоять мне, вконец захмелевшему!

– Соколов!

Я сиганул под кровать при первых раскатах громового голоса. Полковник не заметил меня в темноте и, застегивая штаны, понесся в коридор, не отключая воющую сирену. Я выругался на Мурку и рванул через окно к моему окну, ломаясь через колючие кусты. Вот ночь выдалась! Словно десять лет с плеч скинул и все звезды с погон!

Глава 6

Держусь твердо. Уверенно спускаюсь вниз, несмотря на то, что короб крайне тесен и руки постоянно путаются в проводах, в пучках кабелей. Выпрямляю одну ногу, другую – сгибаю в колене, упирая в стенку короба. Высвобождаю руку, включаю компьютер. Засвечиваю экран, задаю настройки. Включаю декодер. Частота сигнала связи сетевой техники определена. Подключаюсь с кода канала связи к центральной системе. Пошел поиск пароля. Взлом! Следующий пароль. Взлом! Последняя ступень защиты. Взлом! Эх, молодчина ты, Швед! Система открыта! Отключаю аппаратуру слежения. Передатчики на аккумуляторах – к черту! Проводные передатчики – к черту!

Защита – отключена! Замки – открыты! Прекращаю подачу электроэнергии. Центральная система на одном аккумуляторе. Объект обесточен. Нет, остался генератор. Надо отрубить генератор. Есть! Объект обесточен! Надо перекрыть виртуальные подходы к центральной системе. Есть! Никто и никак не закроет замки! Объект весь подо мной, все на нем подчинено мне!

Степан Петрович шипит что-то на ухо – поправляю наушник.

– Пошел, Соколов! Пошел!

Включаю плазменную горелку. Вышибаю вырезанную стенку короба, стенную панель. Выбираюсь в коридор, врываюсь в темноту.

Охранники посты не покинут и на меня не попрут – не получится у них, просто. Сообщат о проникновении на объект они быстро, только ждать спецназ будут достаточно долго. И правильно – не стоит им, подравленным моими жесткими химикатами, на меня и на смерть нарываться. Я ведь отравил воздух скверными веществами – в низкой концентрации вредоносными, а в высокой – смертельными. Пока охранники меня не трогают, отравы не столь опасна, но стоит им встать у меня на пути или встрять в мои планы – станет смертельной. Проявят они настойчивость,

попытаются меня остановить – мне придется потравить их химикатами, как крыс... или еще что похуже.

Бегу прямо. Толкаю дверь. Направо. Блок открыт, только замок – заклинило. Черт! Снова мне Снегирев подножку подставил! Открываю дверь силой. Захожу в хранилище.

– Время!

Хватаю контейнер, помеченный впечатанным в память кодом, поворачиваю. Несусь прочь.

Начинаю восхождение. Наверх вскарабкаться труднее. Черт... Перчатка проскользнула. Чуть не сорвался. Удержался. У меня в руке засветился экран.

Подключаюсь к системе, настраиваюсь на сигнал.

– Спецназ на объекте! Соколов, шевелись!

Снова внедряюсь в систему. Сложная структура. Тонка тропинка среди кучи данных – одни коды встают на пути преградами, требуя верного ввода других, открывающих доступ к третьим. Черт! Давай! Идти не так далеко! Не так долго! Давай, соображай!

Барьер взят! Подключаю подачу энергии. Осталось только...

– Бойцы на подходе! Блокируй замки!

Черт... Осталось отдать команду – одну команду. Только меня сносит, стягивает вниз. Я путаюсь в проводах и...

– Время вышло! Тебя взяли! Уже взяли и уже допрашивают! Давай наверх!

Мокрый, как потопленная мышь. И в глаза течет... и из глаз течет. Попало как-то что-то – какая-то коррозионная пыль... или соль разъела. Черт...

Вылез на землю и, изогнувшись в спине, как первейший гепард перед спринтом, рванул к одиноко стоящей сосне. Под ней и свалился в изнеможении, притворившись мертвым, как последняя падаля.

Переведя дух, вытер лицо грязным рукавом. Товарищ полковник присел рядом, нервно стуча пальцами по часам с неумолимо несущимся к черту секундомером.

– Триста семьдесят пять. Соколов, считай, на месте стоишь.

Я сокрушенно резанул рукой прохладный предрассветный воздух.

– Я вам не червяк. Не ждите, что я так сразу под землей весь путь на высокой скорости пролечу.

– Соколов, червяки не летают.

– Раз червяки не летают, я – и подавно не полечу. Тесно же в коробе, как в змеиной заднице.

Похоже, Степан Петрович собрался произнести что-то глубокомысленное – жду изречения его мудрой мысли, ища под курткой мятую пачку сигарет.

– Рожденный ползать, летать не будет.

– Это вы в мой огород булыжник бросили?

– Камень, Соколов, – я кинул камень. Ты что, русский язык забыл совсем?! Или ты его ... не знал никогда?!

Конечно, сейчас так ему и скажу, что на русском с ним с первым словом перемолвился за несколько лет отсутствия. Я не только в речи русской навык теряю с годами, но и письменность вспоминаю с трудом – мне ведь и мыслить на русском тяжело в последнее время стало.

– Узнаешь с вами. Меня всему такие, как вы, учили. Так что ко мне претензий не предъявляйте.

– Хватит мне из себя строить! Ты сначала мысли излагать научись, как нормальные люди!

– Я с вами говорю, как думаю.

– Тогда думать учись, как нормальные люди!

– Нормальные люди не думают – им просто не нужно. Не придирайтесь к словам. Когда надо, я как надо говорю. Отдых мне нужен, устал я.

– Не будет тебе ничего, пока чисто не пройдешь! Худей, Слава!

– Вы что, серьезно?! Я же и так у вас тощим стал, как борзая обрита.

Я тихонько смеюсь про себя, а Степан Петрович так же тихонько скрипит зубами.

– Надо будет, ты у меня ободранной, а не обритой, борзой бегать будешь! Я приказ получил хоть шкуру с тебя спустить, а к цели тебя за считанные секунды подтащить! Худей!

– Я же тогда не только в коробе, а вообще – на ногах держаться не буду! Буду ползать, как...

– Хватит! Хватит с меня твоего красноречия и сквернословия!

– А вы меня грубостью на такие изысканные выражения не толкайте.

Степан Петрович покачал головой, прогоняя раздражение. Достаем мы друг друга в последнее время сильно. Конечно, заперты мы с ним вдвоем на базе довольно давно. И все время нашего совместного заключения гоняет он меня без устали в глухом лесу за высокими заграждениями. Оба мы измотались совсем, и нам обоим в руках себя держать достаточно трудно стало. Не подходим мы с ним друг другу – на одной выдержке железной держимся и дело общее не губим. Нас же с ним, как космонавтов перед полетом, на терпимость друг к другу не тестировали – просто заперли здесь приказом, как замком.

– Триста шестьдесят секунд – и ты должен пройти! Трое суток на воде – и ты пройдешь!

На этот раз зубами скрипнул я, но после этого молчаливого протеста мне пришлось покорно кивнуть.

– Понял. Трое суток на воде.

Прикурил сигарету. Строгий Степан Петрович посмотрел на меня нахмуренно и покачал головой еще пасмурнее и серьезнее.

– Курить эту ... кончай. Прекращай. Сейчас, я с этой ... и покончи, сказал. Туши окурок. Дышишь плохо.

– Посмотрел бы я, как бы вы после такого дышали.

– Ты меня, старика, с собой не сравнивай – в твои годы я и не такое мог.

– Могли и делали – разные вещи. Так вы могли или делали, товарищ полковник?

– Прямо тебе скажу – не пошел бы я с тобой в разведку.

– А вы и не пойдете.

– Не дерзи старшему по званию.

– А вам мое звание неизвестно.

– Молод ты такие речи со мной вести.

– А вам и возраст мой неизвестен.

Он покачал головой – на этот раз опечалено. Верно, размышляет над решением Игоря Ивановича поручить ответственное задание именно мне. Степан Петрович призадумался и пожал плечами – не знает он, кто я, где был, что делал... что со мной делали. Он так только – догадывается.

– Не знаю, зарываешься ты, Слава, или просто нервничаешь – только ты не должен идти у этого на поводу. Сосредоточься на проходе и старайся пройти.

Он стукнул меня по плечу, поднимаясь на встречу Игорю Ивановичу, идущему к нам через рощу и сияющему на утреннем солнце генеральскими звездами. Эх, придет время, Игорь Иванович, и на моих погонах генеральские звезды зажгутся! Загорятся на ясном солнышке, слепя глаза людям и нелюдям!

Степан Петрович отдал честь Игорю Ивановичу и отрапортовал о своих мучениях со Святославом Соколовым – со мной. Начальник меня в наших секретных частях частенько Славой зовет – Святославом или Ярославом... только бы Слава в конце получалось. Не причуда у него такая – просто, путаницы так меньше. Вроде с ним в моем лице связь многие люди имеют, а всех в итоге одним именем назвать можно. Вот он и называет всего меня одним именем.

Игорь Иванович в последнее время не высыпается, и вид у него помятый, несмотря на безупречно выглаженный китель и выстиранную до свечения белую рубашку. Он наклонил голову, приветствуя меня издали. Я ответил ему таким же коротким кивком.

– Соколов, время?! На этом, на третьем, этапе?!

– Триста семьдесят пять!

Начальник подошел, подпер рукой подбородок и начал напряженно просматривать в голове варианты.

– В каком месте останавливаешься?

– Ясно, в каком. В коробе. В проводке путаюсь.

– Пошли, Соколов... Скажу тебе...

Отошли в сторону. Игорь Иванович пнул шишку и присел на корточки перед хвойным муравейником, вдумчиво ковыряя его подобранной веткой. Сел рядом с ним, невзирая на

поднятую им муравьиную армию, – прямо на настил колючей хвои. Прикурил еще одну. Он отмахнулся от дыма и кинул атакованную палку на землю.

– Слава, остановишься хоть на секунду – тебя будет ждать примерно такая реакция.

С неохотой потушил сигарету и стал рассматривать насекомых, среагировавших на вторжение крайне слаженно и агрессивно.

– Наглядно.

– Не сопротивляйся Снегиреву. Старайся, Слава. Изо всех сил.

– Понял. Пусть хоть шкуру спустит. Я справлюсь, Игорь Иванович.

Поднял палку, насадил на нее березовый лист и воткнул в муравейник подобно победоносному знамени.

– Снегирев – человек старой закалки. Он считает, что ты ему противишься всеми силами. А я считаю, что ты над ним просто насмеяешься.

– Нет, что вы.

– Слава, ты ведь смеешься над ним. Ты и мне в глаза молча смеешься. Я все вижу.

– Виноват. Веселый я, Игорь Иванович.

– Я понимаю... На войне у всех нас в груди не сердце стучит, а часы тикают. А в голове все другие думы одна сопровождает все время – о смерти, подстерегающей за углом или засевшей в засаде... и поджидающей всех нас, военных. Одна грязь у всех нас под ногами, одна темень над головой – находим мы на войне одно горе. Но мы не впадаем в отчаянье. Ведь, в итоге, – отчаянье одной из воюющих сторон решает исход войны, стирая в порошок войска, вооруженные и высокотехнологическим оружием. Ведь стоит воину потерять дух, веру в своего предводителя, уверенность в своих силах – он потеряет память, а следом и разум, и волю... и силу. Но мы не поддадимся отчаянью.

– Так точно.

– Мы выдержим и выждем, когда и война, и время позволят нашим бойцам взять в руки отчаянье как оружие и направить его против противника, – тогда, в решающем сражении, мы сокрушим врага. Но не пришло еще наше время. Мы еще стоим на месте, – не сдавая прежних позиций, но и не занимая новых высот, не продвигаясь вперед. Нашим бойцам еще приходится преодолевать изнеможение и неизвестность, неопределенность и страх одной решимостью. Мы должны ждать и стараться сохранить остатками всех своих сил воспоминания о чистоте и свете, стремиться найти среди разрушений и смертей хоть осколок радости, хоть лучик веселья. Ты прав, Слава... Ты верно поступаешь, не тоскуя в засадах и не унывая в ожидании приказа к наступлению, – ты всегда готов к нападению... к защите своей страны или к захвату чужой.

– Вы, Игорь Иванович, конечно, мысли мудрые высказали, только вы, про меня рассуждая, маху дали – вы в мою голову запихнули размышления умнее тех, что на деле. У меня в голове места, может, и много, только всему не достает. Так что я, Игорь Иванович, и на войне, и так – всегда веселый такой.

– Не ври мне, Слава.

– Не вру.

– Не дурак ты всегда веселым оставаться. Вижу я все. Тяжело воевать стало?

– Как вам... как всем нам. Только что с того? Не важно, – по нашей воле или по чужой все своим чередом идет... война идет на нас, мы идем на войну. Война ничьего согласия не спросит, ничьего протеста слушать не станет. Жестка она с нами. Но и мы с ней жестки – вопросы ей не задаем, начищая оружие, ответы ее не ждем, начиная сражение, и на ее вопросы не отвечаем, вступая в очередную схватку.

Начальник через силу поднял углы рта, стараясь рассмеяться.

– Верно все, Слава... Всем бы такими умными, как мы быть, не тратили бы мы столько времени на войны... вернее, войн никаких и не было бы...

– Не было бы войн, не было бы и людей – мы друг другу, как лебеди, верны вовек, а в одиночестве оставшись гибелью обречены.

– Вели бы войны умные люди, и людей никаких бы не было...

– Была бы одна война – настолько простая, что веселая, настолько короткая, что не скучная. Такая война, что – всех и все одним ударом и к черту! Такая, что со всем и всеми покончила бы и, не начинаясь, кончилась бы! Только не время мечтать и в отчаянье впадать! Время на нас, подчиненных, как немец, четко рассчитанные планы строит – скупые отчеты про нас пишет, с точностью наши растроченные секунды считает и отмечает их нашими промахами. Время над нами, подчиненными, как англичанин, надзирает зорко – задачи задает сложные и их решения к скорому сроку просит приказным порядком, кнутом махая, напоминая о наказании за неисполнение. Тяжела у времени служба – требует оно все наши силы, всю скорость. Так что останавливаться и отставать нам никак, Игорь Иванович.

– Верно, Слава, верно, но не кончил я еще про Снегирева нашего строгого... Не трогай ты его, ему не только твое – ему все веселье в тягость.

– Не с сильной я злости, Игорь Иванович, над ним смеюсь. Подкалываю, просто, порой. Напоминаю иногда ему, езду, что на ежа не сядешь и не поедешь.

Игорь Иванович напряженно растянул рот, пытаясь рассмеяться настойчивее прежнего, но сосредоточенность все же взяла свое.

– Одни насмешки у тебя на уме.

– Никак нет, не одни. Они у меня только так – в нагрузку к заведомо серьезным мыслям о наших сложных, опасных и секретных операциях... в разгрузку, вернее.

Глаза начальника сверкнули смехом, но ответы потускнели, глаза его снова потухли. Сдает он, Игорь Иванович. Сильно сдает.

– Пришло же тебе в голову такое решение... Ежом перед нашим строгим Снегиревым предстать...

– Не мог я с ним серьезно задачи наши решить. Не обернулся бы я при нем ежом – мы бы с ним еще раньше рассорились... а вскоре перессорились бы насмерть и расстались бы под конец, ненавидя навек друг друга, как враг врага. Я моими насмешками ему хмурые мысли в голову вбил, а мрачные – выбил. Согласитесь, веселая вражда, все ж не жестокая. Я ж его другом, а не недругом стать собираюсь, пусть нам и не всегда просто дается общество друг друга терпеть. А что ежа образ выбрал... Согласитесь, не худший же вариант – под колючками почти пушистый зверек.

– Слава, сколько же зверей ты в свою голову запустил?

– Столько, сколько для дела нужно. Я же у вас не простой “волк”, а – волшебный. “Оборотень” я у вас, Игорь Иванович.

Начальник, наконец, запомнил о наших невзгодах и рассмеялся, хоть краем рта, но радостно и искренно. Я рад, что он смеется. Так всегда – когда грустен мой начальник, тогда и меня тоска берет, а когда радостен Игорь Иванович, и я радость беру. Из одного мы с ним всегда кубка пьем – что брагу горькую, что вино кислое, что мед сладкий – все... и всегда до дна. И не в одном старом дело. Многим я ему обязан был, он мне немалым обязан стал. Только дело в другом. Он мне не просто начальник, а я ему – подчиненный. Мы друг другу не просто соратники. Он, командир мой, как отец мне, а я, боец его, как его сын. Он один обо мне все время думает, всеми силами оберегает, как и я – его. Все я за него отдаю, за Игоря Ивановича Загоройко, как за страну свою великую.

– Сказочник ты у меня, Слава.

– А как же? Служба такая – сказки да легенды для людей сочинять.

– Немудрено, что ты Снегирева замучил.

– Виноват, Игорь Иванович. Он меня, просто, раззадорить старается, а я и так задорный – вот и выходит, что у него только разозлить меня получается.

– Вижу, долго вы с ним вдвоем не выдержите.

– Трудно нам с ним – особенно последнюю неделю тяжело стало. Он, просто, к стае привык, а я – к одиночеству.

– Ничего, не долго вам осталось общество друг друга терпеть. Время подходит.

– Понял я, что подходит.

Игорь Иванович стряхнул с кителя только ему заметную пылинку, кивнул головой, оглянулся на одиноко стоящее дерево.

– Наш человек еще не попал под подозрение. Но они подозревают, что среди них чужой.

- Понял.
- Через шесть суток ты в ночь выезжаешь.
- Шесть суток?
- Время не ждет. Заканчиваешь подготовку, возвращаешься и – вылетаешь.

Я мысленно пронесся по маршруту, проехал на поезде по рельсам, проплыл на пароме по морю, промчался на машине по дороге и пролетел на самолете по воздуху. Черт... Из Москвы – в Петербург, из Петербурга – в Осло, из Осло – в Берлин, а из Берлина... Стоп. Дело осложнилось. Мне придется поехать и в Тронхайм. Я в таком деле без страховки никак не обойдусь. А свои страховочные документы и деньги я оставил в Тронхайме. А главное, – я оставил там свою технику, о которой командир не гадает-не ведает.

– Понял. А вы мне сутки в одном глухом и тихом городке на ваше решение в качестве кости подкинете?

- В тихом и глухом, нет, а... Ты через обе столицы поедешь.
- А в одной из столиц на ваш выбор сутки подкинете?
- А что ты в них не видел?
- Ничего из того, что за последние годы перестроилось.

Игорь Иванович разом поник и посуровел.

- Старайся, Слава. Выбейся из сил, только сделай все, как следует...
- Сделаю.
- Я так устал, Слава.
- Я тоже.
- Ничего, на кладбище отдохнем.
- Мне и на кладбище особо отдыхать не придется, Игорь Иванович... Меня ведь даже похоронят под чужим лицом, под чужим именем... Так что служба моя и после смерти пойдет своим чередом – отставки мне и посмертной не видать вовек.
- Прилетишь – проверишь все подходы.
- Так точно.
- Ты поосторожнее только, потише.
- Так точно, Игорь Иванович, – ниже травы, тише воды.
- И нервы в порядок приводи срочно. Сорвешься – так только в пропасть. Сорвешь ты операцию, я тебя... Ясно тебе?
- Ясно.

Игорь Иванович – единственный человек, которому я подчиняюсь, и единственный человек, который обладает связными сведениями обо мне. Зато по его приказу я исполняю все задачи – просто все. Я у начальника и следопыт, прослеживающий скрывающихся, и следователь, выпытывающий скрываемое. У него я и оборотень, меняющий обличья, и волшебник, обращающий свою слабость в силу, а чужую силу в слабость. Сильных я – совращаю и подавляю, а слабых – освобождаю и соблазняю. Я убеждаю умных и задуряю глупых. Так ведь у людей заведено – умные готовы противостоять только глупости, а глупые – только уму. Добрые – сражаться с одним злом, а злые – с добром. Я просто применяю против противника его же оружие, всегда помня, что в вооруженной мечом руке щита нет. На готовую к нападению, а не к защите руку я обычно и нацеливаюсь, и набрасываюсь. Я знаю людей. Мне известны их страхи и желания – и явные, и скрытые. Мне неведомы их страхи и желания – они изучены мной. Так что я, “волк”, вижу их, людей, всегда четко и ясно – как снаружи, так и изнутри. И, как серый волк, я вербую друзей и убиваю врагов, ворую чужое и возвращаю свое, повинуюсь Ивану-царевичу, – точнее, Игорю Ивановичу. Я пускаю в ход все силы и все оружие. Кладу в могилу или в постель всех, на кого мне начальник пальцем покажет, и терзаю волчьими клыками все страны, в которые он ткнет пальцем на карте. У меня есть лишь один принцип – служить Отечеству. Других – нет. Никаких. И пусть некоторые несведущие меня презирают, – мне плевать. Самураи всегда смотрели свысока на ниндзя. Но еще ни один правитель не обходился одними самураями – все властители обращались при нужде к таким, как я.

Я начал загружать в голову мысли Ульриха Ларсена, готовясь надеть его лицо и стать им, – человеком, в облики которого я обычно брожу по белу свету за пределами наших секретных частей, в которых я появляюсь под другими именами и лицами.

Глава 7

По воде, по земле, по воздуху... Петербург оставил в памяти такой же серый след, как Тронхайм. Будто везде теперь так промозгло и сумрачно. Пока плыл – штормило, и я не выспался. Из-за дорожных передрыг не выспался и в Тронхайме. Хмурое предгрозовое небо подсказывает, что будет турбулентность, и я снова не высплюсь, вылетев из Осло и прилетев в Берлин. Сiju в ожидании крыльев уже с час и слепо смотрю в потолок – скучаю. А от скуки и нервничать начинаю сильнее – вида не показываю, а беспокойно становится.

Есть хочется жутко. Такой голодный, что проглотил бы... Но Степан Петрович не одобрил бы такой прожорливости перед ответственным делом. Остается только тихонько радоваться, что в стране с мясом трудно и меня ничто особо не искушает. Разве что рыба. А рыба тоже вообще неплохо... Привык я к ней – за семь лет трудно не привыкнуть. И к стране этой – привык. С годами мне ее даже покидать тяжело стало. Нравятся они мне – норвежцы. И страна их нравится – Норвегия. Я и к шведам притерпелся, и к немцам притерся, и к англичанам подход нашел, но только с русскими и норвежцами я на одном языке разговариваю. Не в смысле, что я не знаю шведского, немецкого и английского, – имею в виду, что одних норвежцев я понимаю почти так же хорошо, как наших – русских.

Немец в строгом облачении кабинетной крысы оторвал меня от размышлений – обратился ко мне на английском с банальным вопросом и видимой охотой поговорить со мной на английском. Ответил ему на норвежском, что не понимаю, и погрузился обратно в мысли, не обращая на него больше никакого внимания. Надо мне подумать о страховке. У меня память ясная – на корке четко записано, что, кроме себя, никому доверять нельзя... не положено по приказу рассудка, а его приказы не положено оспаривать. Я воробей стреляный – и стреляли в меня не только враги. Ведь в нашем деле всякое бывает – я во все планы начальства не посвящен, не все замыслы противника мне известны. Одни могут меня схватить, другие – от меня отречься в скверном случае или свалить все на меня в отвратной ситуации.

Смотрю на засвеченный экран компьютера так же отрешенно, как всегда – в пустой патронник. Захожу на неизвестную территорию и запускаю “отмычку”. По серьезным личным делам я вынужден выходить на связь по незащищенным линиям, защищаясь лишь выходом через линии третьих лиц. Что ж... Чужая открытая мне система, чужое соединение – моя связь. Код моего подключения не просто отследить и мое местонахождение определить сложно. Сигнал пойдет из незнакомого мне места, из Финляндии. Подключаюсь, пишу на шведском непростым шифром.

- Как дела, Швед? Не затосковал на чужой земле, не заскучал с нашими русскими?
- Скучать с нашими русскими на воле не то, что с нашими шведами – в тюрьме.
- Это точно.
- Я в Карелию через неделю рвану.
- Отпустили?
- Отпуск все же.
- Вперед в поход?
- Точно, Охотник. Не все же мне на экран смотреть. А главное, – Вейкко приедет.
- Это финн экстремальный, старый походный приятель?
- Финн – я про него писал.

Право, смешно думать об их сложной дружбе, граничащей с враждой. Не попали бы они оба волей судьбы на чужбину – никогда бы им и в голову не пришло так в поход пойти. А на чужой земле они, как чужие для других, приноровились друг к другу и привязались с годами так, что друзьями стали, – не разлей вода. Мне и вспомнить трудно, когда швед и финн в одиночку что-то на нашей земле вытворяли.

- Помню. Тайное веселье затеваете?

- Не то, что тайное, но не все в курсе, что Вейкко в пограничную зону поедет. Понимаешь?
- Я все понимаю, Швед.
- Мы ведь все люди. Верно?
- Все не все – не важно. Важно, что я всех людей понимаю.
- Присоединяйся, Охотник. С нами не заскучаешь.
- Нет, никак. Мне пока скучать некогда, Швед.
- Давай к нам, как надумаешь. Ты недалеко – тебе наш костер виден будет.

Конечно, сейчас так ему и скажу, что в Норвегии. Не хватало мне только моего норвежца к шведской истории приплести. Шведы ведь к норвежцам подходят насторожено и недоверчиво, как датчане к шведам. Так уж повелось – все скандинавы друг друга с трудом терпят. Рядом они все вроде, а все старое поминают, как мы с поляками и немцами. Один я меж всеми ними хожу спокойно не другом, не недругом.

- Не пытайся меня проследить – не получится.
- Постараюсь – получится.
- А ты не старайся.
- Решил? Не идешь с нами?
- Нет. У меня иной поход в планах намечен – повеселее вашего.
- Давно ты не объявлялся вообще.
- Да, дела были. А теперь к тебе дело появилось. Не в службу, а в дружбу. Только в дружбу так же сложно, как в службу.
- Попал в очередную передрагу?
- По канату иду под куполом высоким – страховка мне нужна. Выручишь?
- Не вопрос.
- Вижу, ты готов из виртуального пространства выйти на время. А войти, готов?
- Как у наших русских говорят, – “Всегда готов!”.
- Рад, что ты так к делу подходишь. Открывалка мне нужна надежная, Швед.
- Для пивных бутылок?
- Нет, крепкие напитки в плане предстоит распить. Такие крепкие, что бутылки с тремя пробками.
- Да ты, вижу, всерьез веселиться собираешься.
- Тебе тоже весело будет. Так что времени не теряй.
- Не терпит?
- Терпит время, только ты его не тяни. Оно, как кошка, – за хвост потянешь, оцарапает. Требования к открывалке чуть позже получишь.
- На старом складе оставишь?
- На прежнем хранилище хлама. Позже посмотришь. Поищешь – найдешь. Получишь – отпишешься. Я на связи завтра вечером буду.
- Вопросов нет – ответ будет.
- Отлично, Швед. Сообщишь, как только будет готово.
- Как только, так сразу.
- Конец связи.

Неплохой он хакер – Швед, хоть звезд с неба и не хватает. Правда, хакеры, хватающие звезды, часто не способны понять, что не всегда находятся в виртуальном пространстве. И звезды, схваченные ими, как правило, – виртуальны. А Швед – понимает. Он на реальные звезды крючки точит – на рыбалку, как я на охоту, выходит регулярно и цепляет звезды к крючкам исправно, как я к погонам. Он серьезный специалист – Мартин. И просто – парень хороший. Никаких сложностей с ним никогда не возникает. И сотрудничать он согласился просто – из-за своих соображений. Ни пугать его не пришлось, ни покупать. Мне и подход к нему не пришлось искать – похожи мы с ним, хоть с вида и не скажешь. Я человек с внешней прохладцей, смеющийся надо всем и всеми молча, а он... Я мысленно рассмеялся, вспоминая его тонкий рот, вечно растянутый от уха до уха веселой ухмылкой. По лицу этого белобрысого, долговязого и костлявого, как смерть, взломщика виртуальных дверей сразу видно, что он – добрейшей души человек. А по моему лицу этого

никогда не скажешь... по моему лицу никто ничего никогда сказать не может. А, может, просто и сказать нечего? Посещают меня такие мысли порой. Может, у меня не только лица нет, но и – души? Может, у меня не только зеркало души мутно, но и – душа смутна? Это все из-за Шлегеля. Так и не идет из головы. Нет, не пойдет так. Запущу я лучше в голову шведского товарища.

Хотел бы я вообще его другом быть. Сражаемся мы с ним по одну сторону – у нас с ним один враг и одно правое дело. Я для своей страны стараюсь, он – для своей. Правда, шведы пока считают его предателем, и ему после провала приходится прятаться на наших территориях. А я его предателем не считаю – он понимает, что происходит, и поступает, как преданный своей стране и народу неглупый человек. Обычно я призираю тех, кого вербую, а его – уважаю. Только не судьба нам с ним общаться друг с другом, как человек с человеком, – под своим именем, под своим лицом. Точнее, я его знаю, а он меня... Он, считая, что я его соотечественник, знает меня в одном из служебных обличей и под одним из служебных имен, как и все остальные... кроме Игоря Ивановича, который знает обо мне больше всех других, да и то – далеко не все. Мое дело находить друзей не для себя, а для – страны. Мое дело – выискивать и друзей, и врагов... выслеживать их и выведывать у них тайны, убеждать их или давить на них и, при нужде, убирать их. Я – охотник. И охочусь я в стае, как волк... только и одинок я, как волк.

Глава 8

Осло, Берлин – и дождь... Морось встречает меня везде, словно следует за мной хвостом, словно отслеживает. Действует на нервы. Меня тошнит от нее – и от аэропортов, от вокзалов, дорог и улиц, лиц людей... Им нет счета, нет конца...

Берлин – широкие дороги, просторные площади... все притушено, приглушено – серо и тускло, только ветер гуляет. Не похож город на Петербург, а напоминает порой... определенной бесприютностью, наверное.

Заехал на квартиру кинуть вещи и написать несколько писем. Ларсен – человек деловой. Прорвавшись в короткое время в свет скромной Скандинавии, он вошел в высшие круги других стран – далеко не таких тихих и спокойных. Делец он не простой – дела Ларсен ведет не на виду. Подставляет он плечо государственным деятелям, главам крупных организаций или промышленных предприятий, когда они – люди, стоящие на свету, не могущие войти в тень и не имеющие выхода на других таких людей, – действуют в личных целях и в качестве частных лиц. Ларсен – мост, соединяющий темнотой и тишиной с вида не связанные освещенные точки. Посредником он выступает в делах важных. Через его руки проходят применимые к военной промышленности технологии, тайно толкаемые в странах его территории и через их границы. Ларсен торгует и простым оружием, и чертежами да схемами. Он точит острые клыки и на химикаты, и на микроорганизмы, и на микросхемы. Занимается он решением таких задач довольно давно и всегда в курсе ответа на вопрос. Он заслужил доверие, исправно запуская в ход все свои связи и строго сохраняя все чужие секреты. Так что дела его с годами идут только в гору. Мои мосты темноты и тишины со временем стали прочной паутиной, протянутой мной от севера до запада и востока... Так что обязанностями Ларсена я пренебрегать никак не могу, пусть и будучи при исполнении более трудных заданий. О задаче буду думать после того, как пошлю, кому следует, письма. А главное, – после того, как стану другим человеком и встречу с Эрихом Шлегелем.

Глава 9

Одно дело сделано. Пора покинуть Берлин, перекроить лицо, перестроить личность, надеть иную одежду и под чужой личиной пуститься в последующий путь. На место мне тащиться чуть ни через всю страну, только все не беда – обычное дело.

Судьба одарила меня внешностью правильной, но неприметной. Так что мне не трудно ее изменить. Северяне могут сказать про меня только, что я – красив, а другие – и того сказать не

могут. Я пользуюсь этим так же активно и агрессивно, как и всем остальным. Скоро из скромного скандинава стану сдержанным немцем – сменю машину, сменю лицо.

Эх, дайте мне свободу, дайте мне коня! “Коней” у меня, правда, предостаточно – и крылатых, и колесных. А свободы... Государство предоставляет мне только “коней”. Ношусь я на них по всей земле с вида вольный, как ветер. Я, в общем, на такой уровень с довольно давних времен вышел, что, и правда, – почти волен в решениях и в перемещениях. Только я связан долгом перед Отечеством по рукам и ногам... связан той привязью, что струной у меня в голове натянута.

Глава 10

Отнял руку от послушного руля, разогнул заостреные пальцы и закурил. На ровной прямой дороге и газ держу ровно. Дорожные указатели, номерные знаки – все вижу краем глаза, все отмечаю на границе сознания, не концентрируюсь. Не зарегистрировано по привычке ничего подозрительного – и нечего останавливаться, осматриваться. Стараюсь не смотреть по сторонам – я перемен переел, как кислых ягод, и теперь – оскомина в горле застряла... давлюсь ей который год, проклиная длительные переезды.

Потянулись чередой промышленные зоны – с вида пустынные и притихшие города, напоминающие страшные сны. Эти города – не лицо этой страны. Лицо города – старые, с узкими улицами, с готическими соборами, возвышающимися над низкими постройками... или новые – с вздымающимися к небу стеклянными высотками. А здесь – над скудными строениями торчат заводские трубы. Да и обитатели этих зон далеко не так общительны и добродушны, как остальные люди этой области. Среди них полно отчаянного и опасного сброда. Здесь затаились и закаленные жесткой жизнью бойцы подпольных организаций, и озлобленные бедняки, и бесприютные бродяги. И нищие поляки, не гнушающиеся грязных дел, здесь встречаются нередко. Немцы терпимы к ним в крупных городах, но в городах поскромнее их не привечают. Они стараются скрываться на окраинах и вести замкнутую, изолированную жизнь, часто совершая преступления, невидимые немцам.

Глава 11

Франкфурт стер Ларсена, как ластиком, и обрисовал Вебера, как серым карандашом. Отто Вебер – тоже человек деловой, но занимается он исключительно моими личными делами. Герр Вебер выглядит в высшей степени внушающим доверие гражданином Германии, только он тот еще махинатор. В общем, благодаря ему, я не останусь голодным никогда и нигде. Явившись на его съемную квартиру, я и от его имени отправил несколько писем.

Через левую линию вышел на связь с Игорем Ивановичем. Прочел его послание и покривился. Что ж... Видно, мне в ближайшее время выпастся не судьба – снова в дорогу. Я откинулся в кресле, снял очки с прозрачными стеклами, посмотрел в потолок, как в пустой патронник... встал и пошел.

Обменял солидную машину на выдавшего вида “железного коня” и изношенную куртку, застегнул под горло шкуру Вольфганга и понесся навстречу ветру. Вольфганг – парень не из везучих. Он старается выбраться из трущоб, но всегда – возвращается. И сейчас, пусть и после достаточно длительного отсутствия, он – вернется в индустриальный город с ветшающими зданиями и знающими зло людьми.

Глава 12

Проверяю подходы к объекту, размещенному под больничным корпусом в качестве секретного исследовательского центра, испытывающего на людях новую аппаратуру и препараты. На деле и на другом, на высшем уровне секретности, сотрудники лаборатории заняты изучением не только лекарственных средств и заразу они здесь разводят не только в поисках лечения. Поэтому путь и привел Вольфа в эти подземелья.

Вольф, травильщик крыс, как нельзя лучше подходит для дела и вписывается в окружающую среду. Он то, что надо, для поиска подземных подходов и получения необходимых сведений от низших слоев общества. К этому всему его здесь еще и знают. Его образ – мой задел с прежних времен. Так что никаких новых лиц и никаких подозрений.

Часть II

Эх, подвела подкормка

Глава 1

Не зря Степан Петрович меня худеть заставил – теперь мне, и правда, раз плюнуть протиснуться хоть в сливную трубу. А в сточном канале – мне теперь вообще раздолье. Есть, где разгуляться. Передо мной открываются новые возможности, и я их задействую.

От достаточно долгого голода энергия, выделенная на добычу пропитания, так и прет. Все реакции обострены – их не притупляют даже последствия бессонной ночи. Во мне проснулось хищное чутье, и, пока я не начну слабеть от голода, оно будет верно вести меня вперед.

Остановился в тоннеле, возле еще не встречавшейся мне дыры в стене. Слушаю усиленную темнотой тишину – она отворяет передо мной тесное помещение и... Похоже, чье-то хриплое дыхание. Проверить надо. Не стоит так сразу доверять подсказкам нового и непривычного для меня нюха. Думаю, “волчий взгляд”, видящий в темноте, не подведет. Посмотрим...

Прокрался через завал крошеного бетона и шагнул во мрак подвала. Встал во весь рост, всматриваясь в окружающую меня мглу. Кажется, кто-то шевелится в углу. В моей руке вспыхнул холодный луч фонаря. Выхватил светом копошащегося в тряпье, вяло вылезающего из ветоши, человека. Черт... Угораздило же на бродягу нарваться.

Человек закашлялся и закрыл лицо от света скрюченной рукой. Он молчит, а я думаю, что с ним делать. Убрать его как-то надо с дороги. Не должен я был здесь со всяким сбродом встречаться.

– Детерминатор?

Он перевел дух, отнял от привыкших к свету глаз руку, поднялся, что-то прохрипел. Я подошел к нему.

– Вольф, ты?

Я всмотрелся в перепачканное лицо внимательнее. Черт... Старик Клаус Крюгер...

– Я!

– Охотник на крыс...

– Клаус, это ты!

– А кто же еще? Не сразу узнал тебя, Вольф. Выглядишь ты что-то неважно.

– Да в последнее время как-то так дела идут.

– Я уж вижу. Вечер поздний, а ты все крыс травишь.

– Развелись заразы – вот и извожу. Клаус, а ты что здесь, на окраине, делаешь?

– Скрываюсь. Глухое место, да не такое гиблое, как прежнее.

– Скрываешься? Это от кого?

Старик, мрачно ухмыляясь беззубым ртом, стукнул трясущейся рукой по сваленному в кучу тряпью.

– Садись, Вольф, я тебе расскажу. Только это страшная тайна.

Усмехнулся ему в ответ, стягивая перчатку и прикуривая сигарету.

– Такая уж страшная?

– Ужасная, Вольф.

Водрузился на грудь барахла, устраиваясь удобнее.

– Давай. Выкладывай.

– У тебя есть что-нибудь поесть?

– Нет. Я ж здесь крыс травлю жуткими химикатами. Не положено мне с этой отравой снеть таскать. Я тебе сигареты отдам, старик.

– Годится. Когда есть и курить нечего – совсем тоскливо становится.

– Это точно.

– Смотри, Вольф...

Грязная тряпица, протянутая мне старческой рукой, задрожала в зыбком свете. Взял обрывок тряпки, осматривая.

– Это что еще такое?

– Моя тайна, Вольф... Ты с другой стороны посмотри. Поднеси к свету.

Я перевернул обрывок, посветил на него и... Едва удержался, чтобы не задохнуться дымом, чтобы не закашляться и не выдать себя с головой. Знакомый код на грязном клочке кожи – человеческой кожи.

– И что это?

– Штрихи видишь?

– Вижу. Затертые.

– Одни – затертые, а другие – четкие. Это коды, Вольф. Они ставят такие на всех своих подопытных. Это их шифры.

Верно все выживший из ума старик говорит. Так они и делают. И про то, что один код затерт, а другой – четок, верно. Обезврежен был объект. Заражен и – обеззаражен.

– Ты что несешь, старик? Совсем с ума сошел?

– Петерсен пропал... А через неделю...

– Ты постой, я не понимаю.

– Ты слушай, Вольф. Так через неделю он появился. Вернее, на него одноглазый наткнулся. Его Штрассер одноглазый в люке едва живого нашел. Хотел вытащить, только не получилось – спуститься у него не получилось. Плохо ему стало, душно – воздуха ему внизу не хватило. Тогда Петерсен, умирая, ему это отдал – кусок своей кожи отдал... вырезал сначала, а после – Штрассеру отдал. Штрассер мне показал, совета спросил. А ночью и он пропал. Понимаешь? Пропал... Не знаю теперь, что мне и делать. Решил – скрыться, пока не поздно. Пока решил скрыться здесь, только не знаю, насколько здесь...

– Ты что, серьезно, Клаус?

– Серьезно, Вольф. Я скрываюсь от них... А они меня – ищут... Они приходили... Я видел их... Я скрылся от них – они не нашли меня...

– Параноик ты, Клаус.

– Не веришь?

– Не знаю еще. А труп в люке остался?

– Пропал труп... Забрали его...

– А ты люк проверял?

– Ходил туда со Штрассером еще... Пока Штрассер еще не пропал... Не было Петерсена – тела его не было... Пустой был люк...

Я еще раз осмотрел клочок кожи. Именно этот код. Именно за этой заразой мы так охотимся. Именно эту заразу они так таят и стерегут. Вирус-целитель, уничтожающий все другие. Он – совершенен, но – опасен. Он – наше спасение, но – ненадежное... как все наше оружие, как вся наша защита. А Клаус... Думаю, его истории следует верить – у него, старого шизофреника, галлюцинации слуховые, а не визуальные...

– Клаус, проводи меня к этому месту. Посмотрю, что тут у нас происходит.

– Нет, Вольф. Нет, я не пойду... И ты не ходи... Они неподалеку теперь рыщут – они ищут меня... И тебя искать будут...

– Хоть скажи, где это.

– Не ходи туда, Вольф...

– Да ладно тебе, говори.

– Не надо туда...

– Хорошо, не пойду. Только скажи, куда не ходить.

– Знаю, что пойдешь, Вольф. Зачем тебе это?

– Да так – надо знать, что у нас здесь творится. Я же здесь, под землей, с крысами времени провожу пропасть сколько.

– Убьют они тебя так же, как ты своих крыс убиваешь. Или того хуже – с собой заберут. Как на крысе, на тебе эксперименты ставить будут.

– Крыс не так просто убить, а изловить – и того сложнее. Умные они зверьки, Клаус.

– Эти люди – не люди, Вольф...

Я взлохматил волосы, ставя их торчком – так у моего Вольфа заведено... привычка такая.

– Лихо ты загнул, старик.

– Они ужасны, Вольф, – они не люди... Люди так жестоко не поступают...

– Люди еще не так поступают. Кому, как не тебе об этом знать.

Старого одинокого химика не только из его лаборатории выперли – его как бы из жизни вытеснили, как только у него окончательно крыша съехала.

– Это – нечеловеческая жесткость, Вольф... Штрассер сказал, что Петерсен... Нечеловеческая жестокость...

Потушил окурок и перевел задумчивый взгляд на отсыревший потолок подвала.

– Они для страны стараются, старик... Думают о безопасности, об обороне...

– Что ты, Вольф?

– Мы все к войне готовимся... Нам всем нужно оружие, нужна защита...

– Думаешь, война придет и к нам?

– Придет... Ко всем нам – придет...

Я поднялся, собирая брошенные вещи.

– Пора мне, Клаус. Пойду. Напиши мне здесь, как пройти.

– Решил проверять?

– Нужно проверить.

– Встала задача – надо решать, верно?

– Верно, старик.

– Может, ты и прав... Может, и правда, пора перестать пугаться и прятаться...

– Не торопись. Подожди пока. Я приду еще.

– Отчаянный ты человек, Вольф...

– Я – охотник.

Клаус нацарапал несколько каракуль на обрывке бумаги. Взглянул на коряво обозначенный им путь, кивнул ему на прощанье.

– И еще, Клаус... Решил скрываться – скрывайся. Ищи укрытие подальше – в другой город езжай... и центральнее держись.

– Центральнее?

– Незаметнее так – в толкотне затрешься, в толпе затеряешься. Так ты в тихое место, не таясь, тайком проникнешь. Я тебе укажу одно хорошее укрытие – там и останешься меня ждать. Понял?

Нарисовал и передал ему схему проезда и прохода.

– Ты мне веришь, Вольф?

– Поверю, когда проверю. А пока прячься. На схему смотри. Собор старый видишь? Этот ход под землей к соборному склепу ведет. Ясно?

– Я в этом городе никогда не был... Я этого места не знаю, Вольф...

– Я знаю. Далеко достаточно, да этим и хорошо. Трудно тебя найти будет в этом городе, а в этом соборе еще труднее – особенно в склепе. Только прокрадись туда к ночи тихонько – тихо, просто, кругом. Ясно?

– Буду поступать только, как ты скажешь.

– И еще... Епископ в склепе похоронен – под каменной плитой. Хватит сил плиту сдвинуть – поужинаешь на славу.

– Поужинаю? Вольф, я...

– Крысы везде водятся, Клаус, и я их везде извожу. Присмотрел я это место на охоте – тайник устроил на случай неувязок. Я кое-что съестное в гробнице оставил, так что с голода не пропадешь. Снедь употребляй спокойно. Остальное бери при надобности. Лампочки к стенам не крепи, свет не

включай. По подземному ходу, по коридорам праздню не ходи. Не шуми. Тихо вокруг – и ты тишину соблюдай. Я тебя навещу скоро – еще что-нибудь притащу. И еще... Молчи, Клаус, как покойник.

– Странный ты человек, охотник на крыс...

– Не страннее тебя, Крюгер. Да, держи, старик, – на проезд хватит. До города добираться общественным транспортом – с пересадками и сменами маршрута. Никаких попутков. Дальше пешим ходом пойдешь. Держись людных мест, только отдельных людей сторонись и к себе не подпускай – дистанция должна быть хоть шага три.

Старик хрипло хихикнул.

– Да ко мне никто особо не подходит. Знаешь же, запах подземелий...

– Темные участки пути и пустые проулки просматривай. Не проверил темноты – не вступай в нее. Не заходи зря в подвалы, в подворотни и в подъезды. Углы обходи, как можно дальше.

Клаус скрипнул смехом мне в ответ.

– Я прятаться привык. Я и не от людей скрыться могу. От людей я уж точно укрыться сумею. Только как мне так долго на улице быть? Облучат меня, Вольф...

– Ничего. Потерпишь. Ты, главное, помни, что люди с объекта для тебя теперь опаснее нечистой силы. Пришельцы тебе такого вреда, как они, в такое короткое время не нанесут. Будь бдителен. Да про лекарства свои не забывай.

– А ты... Ты только вернись, Вольф... А остальное...

– Вернись. Жди.

Клаус Крюгер... Он химиком серьезным считался, пока у него крыша не поехала. Его же ныне пришельцы преследуют. Решил старик, что только в подземельях им до него не добраться и не облучить его какой-то космической дрянью. По большому счету, он прав – в путаных подземельях проще пропасть, чем найтись, и спрятать, чем отыскать. Этим я и пользуюсь. Главное ведь при поиске – хоть примерно знать, где искать. А здесь и примерно узнать, где кто-то или что-то находится, достаточно трудно.

Посмотрим, откуда подопытный приятель Клауса вылез. Раз он вылез, я – залезу. Они, верное дело, проход перекрыли. Только перекрыли для таких, как он, а не для таких, как я. Похоже, проложил он мне запасную тропинку.

Глава 2

Заехал в глухой переулок и заглушил двигатель. Снял шлем, осмотрелся – будто вымерли все. Постоял, опершись на ногу, прикурив. Подождал, послушал тишину и поставил потрепанного “железного коня”. Надел ранец и респиратор. Открыл крышку люка, спустился по лестнице, спрыгнул вниз, когда ступени кончились. Вроде никаких следов они за собой не оставили, если они вообще здесь были. Посмотрим, что дальше...

Сырость жуткая. Вода стоит низкая. Достаточно прозрачная вода – в слабом свете видно, что под ней нет и дохлой крысы. Кстати, дохлые крысы здесь как раз есть – раздулись и плавают, приветствуя меня растопыренными лапами. Пнул крысу сапогом, и она – отплыла в тихом шелесте потревоженной воды. Присел на корточки, схватил дохлого зверька за хвост. Надавил на вспухший живот выловленной крысе – изо рта у нее потекла все та же вода. Нахлебалась... Эта крыса – потонула. И она здесь такая не одна.

Подумал, прикидывая варианты. Или вода резко поднялась ровно доверху – так, что зверьки выбраться не смогли, или... Химикатами их потравили. Такими, что они сразу не подошли, а утонули – упали в воду и захлебнулись, будучи не в силах выкарабкаться. Нейропаралитический газ пустили. И он не крысам предназначался – точно.

Как я понял из несвязной речи старика, его подопытный приятель концы отдал, спустя определенное время. Выходит, они его насмерть травить не намеревались вначале – живым взять думали. А насмерть он отравился из-за Штрассера. Одноглазый Штрассер их подопытного подтравленного нашел и возиться с ним начал – помешал он им его вернуть, пытаясь вытащить и помощь оказать. Они знали, что скопившийся внизу газ Штрассеру приятеля наверх вытянуть не

позволит, и знали, что Штрассер не позовет никого, испугавшись их расправы. Им излишнего шума поднимать никак нельзя – они и стали ждать тихонько, пока их подопытный концы отдаст, а Штрассер вернется в подвалы и попадет к ним в руки, не крича и не сопротивляясь в проулке. А он к Клаусу отправился совета просить – они и старика с ним отследили. Нет, не соврал старик...

С сумасшедшими всегда трудно: никогда не знаешь намеренное – правду они говорят или то, что считают правдой. Когда человек врет – видно, а когда он говорит неправду, но уверен, что говорит правду, – и черт ногу сломит среди его измышлений. Нет, старик химик не совсем свихнулся, хоть и помешался серьезно, и опростился порядком. Он опустил так, что неряхой стал, но полностью еще рассудка и памяти не потерял.

А вот и они... вот и по мою душу пришли. Черт... Сзади подходит один. За мной крадется – точно.

– Ты что здесь делаешь?!

Поднялся, поворачиваясь к военному в штатском и поднимая перед ним прихваченную крысу.

– Крыс травлю! Вам здесь находиться нельзя! Ядовитых веществ надышитесь!

– Ночью травишь?!

– Так они ж ночью выходят! И я – ночью!

Человек в штатском – он, похоже, из охраны объекта – подошел ближе.

– Покажи документы.

– А какие права вам позволяют мои документы требовать?

Он, верно, решил проявить твердость и надавить на меня.

– Показывай удостоверение.

Зря он так. Мой Вольф, конечно, обладает должной выдержкой, но давления не выносит.

– Покажите мне ваше удостоверение – покажу вам свое.

– Не припирайся со мной.

– Мне ваш тон, как понимать? Я его, как угрозу понимаю.

– Правильно понимаешь.

– Зря вы так. Я ведь полицию вызову.

– Не вызовешь.

Я навел на него “волчий взгляд”, расправил плечи и напряг руки, намереваясь поставить его на место.

– Я с вами тоже в таком тоне могу – так что не надо со мной так... Подождите полицейских – они все решат по порядку.

Он терпеливо ждет, и я с действиями не тороплюсь. Не собираюсь я с ним в бой вступать без крайней необходимости. Попытаюсь протянуть время, действуя ему на нервы и давя на психику. Получится – он мне поверит и оправится прочь.

Я перехватил фонарь, неловко вытаскивая телефон из подсумка. Опустил глаза к экрану, ища плохо проходящий сигнал. Смотрю краем глаза на военного в штатском. Присматриваюсь к нему настолько пристально и незаметно, насколько получается.

А в голове проносятся варианты действий... Дуплетом в грудь – одна входная, две выходных – и броня к черту. Он – падает в воду, я – даю деру. Только он, похоже, не один. Другой в тени, видно, стоит – ждет, что я выкину. Тогда я... Стреляю навскидку в одного, в другого, в третьего. Да, их трое... Плохо... Риск велик, что они меня вынудят все патроны на них расстрелять. Перезаряжать придется. А спрятаться некуда, открытым совсем останусь. Хорошо... Попробую так... Пистолет возвращается в исходное – падаю в воду, выбрасываю пустую обойму, вставляю полную, поднимаюсь и открываю огонь. И все отправляется прямиком к черту – и они, и я, и мое поручение...

Время торопит принимать решение. Я готовлюсь действовать, сосредотачиваясь, а он...

Он долго ждать не стал, отступил в темноту и скрылся. Я поднял голову, посмотрел кругом, пожал плечами и пошел спокойно дальше. Похоже, он поверил в мои честные намеренья. Только все равно – поосторожнее надо. Решил, что дойду до конца и посмотрю – удастся им меня с маршрута снять или нет. Выставят так выставят – сопротивляться особо не стану. Конечно, буду

стараться, чтобы им не так просто меня выдворить было, только и убедительности честного травильщика крыс терять не буду. Травильщик Вольф мне еще пригодится – надежный он человек.

Скривил рот, вспоминая предупреждение старика Крюгера. Правду он сказал – неподалеку они ошибаются.

Глава 3

Никто меня не выпроводил – поверили, пропустили. Беспрепятственно преодолел проход, проверил путь и повернул обратно. Сначала пристально прослеживали, а потом присмотрелись и замечать перестали. Мне на руку. Таких, как мой Вольф, редко тщательно проверяют – чаще не проверяют вообще. Ведь с ним вроде все ясно – вроде он при деле и таскается в окрестностях, часто в округе на глаза попадаясь. Все здесь уверены, что моего Вольфа хорошо знают, хоть никто о нем ничего и не знает толком. Трудно с ним концы найти...

Нравится он мне вообще – Вольф... Привык я к нему. Даже не хочется из его шкуры порой вылезать. Гоняет на мотоцикле, делает, что в голову взбредет. А герр Вебер, хоть и деловой, хоть и удачливый с вида... Скучный он, тоскливый какой-то – сидит себе на съемной квартире, с документами возится, выезжает на деловые встречи только. Да и в очках еще – пусть и с прозрачными стеклами. Глупо, право, так жить, как бедолага Вебер. Лучше уж травить байки с бродягами, травя крыс. Да и государству на Вольфа затрат – считай, нет. Улыбнулся себе, поправляя ранец, и направился к лестнице.

Глава 4

В глаза засветили фонари и фары. Над головой поднялись высоты Франкфурта.

Поставил мотоцикл, сцепил на груди руки, стараясь согреться в предраассветном промозглом сумраке. Потер ладони, растер плечи и тихонько прошел в подвал невзрачного здания неподалеку от стоянки. Надел элегантный костюм, нацепил очки, ссутулился слегка. Сдавил шею чистым воротничком, оправил отглаженный пиджак и – поприветствовал герра Вебера. В отражении зеркального осколка выглядит он скверно, но что теперь – сойдет. Просто, не выспался – у него же дел невпроворот, и все такие важные, ответственные...

Не спеша подошел к стоянке. Пересел с “железного коня” на сияющую чистотой машину. Медленно поехал к центру, исправно тормозя перед каждым переходом и вежливо пропуская каждого пешехода.

Звякнул ключом, здороваясь с безуспешно строящей мне глазки Ильзой. Закрыв за собой дверь и сдернул учтивость с уставшего от показухи лица. Теперь можно сварить кофе, задуматься над задачей, задернуть шторы и – заснуть, наконец...

Глава 5

Подключил компьютер к незащищенной линии, открыл простой незаметный почтовый ящик. Посмеялся над с вида не значимым письмом Игоря Ивановича и написал ему такую же никчемную на вид записку. Оставил послание в нашей общей с ним почте, не отправляя. Стал ждать, когда он просмотрит отчет и даст ответ.

Откинулся в кресле и сосредоточился на тексте, прописанном в послании между строк. Только что прочтенное распоряжение нужно продумать, как следует. Место передачи изменили – значит, и мне маршрут менять придется. Открыл карту, снимая назойливо сползающие на переносицу очки.

Склоняясь над картой, сидел долго. Нашел, наконец, короткий путь. Проехал его мысленно – повторил проезд. Теперь не забуду, не заблужусь. Открыл новое послание начальника. Что ж... Приказ получен – пора в поход. Пора выкинуть из головы все посторонние мысли и готовить снаряжение. Главное, – не думать о Шлегеле. Я с ним встретился – и все в полном порядке. Главное мне на него в другом виде не нарваться... Вряд ли он в герре Вебере тощего датчанина с

хода опознает. Вебер всегда в светлой одежде ходит – свет отражает и полнее, ходящего в черном, датчанина смотрится.

Глава 6

Пока, как по маслу, идет. Ночь пасмурна, и на пути никто ненужный не попадает. Машина-“призрак” ждет, где и должна. Бензобак полон, и ключ на месте. Трасса чиста, и гнать можно на предельной скорости. Пойдет дело так и дальше – тогда и я по объекту пройду, как горячий нож по куску масла. Никто и понять не успеет, откуда я взялся и куда делся. А к тому времени, когда кто-то что-то поймет, я буду ужинать в гостях у герра Вебера. Наш человек с их объекта пропадет этой ночью – так же бесследно, как я. А других зацепок у них никаких не будет. Им останется только списать очередную операцию на Стяжателя. Что и это деяние – дело рук Стяжателя, они догадуются точно. Он ведь всегда вырывает у них из рук все, что ему следует отнять по приказу. Но и это произойдет не слишком скоро – лишь после продолжительного анализа и раздумий. Эх, Игорь Иванович, готовьте мне орден! Явлюсь я к вам с дырой в кителе, а не в груди! А ты, Шлегель, меня не жди! Не дождется меня тюрьма!

Глава 7

Девушка... Девушка стоит за стеклом изолятора... Хрупкая и светлая, как утро... Я резко остановился, встретившись с ней глазами, всмотревшись в ее лицо. Худая, изможденная – она измучена, только все равно ясно, что она... Я еще не видел такой... такой красоты. Вся четкость мышления, вся сосредоточенность – все слетело с меня, как скорлупа с расколотого ореха. Она стоит и смотрит на меня со страхом и... с надеждой. Она не видит моего лица, скрытого маской, и смотрит мне в глаза, закрытые прозрачной защитой.

Собираю мысли поспешно – надо склеить осколки сосредоточенности. Только она... Она, как крыса! Как крыса в клетке! И она ждет, что я... А я... Отвернулся и рванул вперед, стараясь выкинуть ее из головы. Но никак не могу перестать думать о ней. Ведь двери открыты – их достаточно только толкнуть. Только толкнуть дверь и... она моя. Стараюсь не думать, что могу освободить ее – спасти ей жизнь, отпустить ее на волю или... взять ее с собой, взять ее себе – овладеть ей всей и быть с ней всегда. Я не должен думать о ней. Я должен точно выполнить приказ – исполнить четко поставленную задачу.

Хранилище, контейнер с нужным кодом... Раскидываю в стороны щупы контрольного автомата, хватаю контейнер и... Крыса? Крыса с таким же кодом на спине... Зараженный зверь заперт здесь, и замок клетки-изолятора не закрыт – отключен, как остальные. Что делать? Насчет крысы инструкций я не получал. А черт... Черт с ней – с крысой... Я и так задержался... Задержался из-за этой девушки... из-за этой красавицы, запертой здесь, как эта крыса в клетке...

Глава 8

Остановился на обочине, оставил контейнер с вирусным образцом в обусловленном месте. Влетел в город, блистающий стеклянными высотками, бросил машину в другом обусловленном месте. Как в бреду, добрался до стоянки, оседлал мотоцикл и полетел... и черт не знает, куда я полетел.

Вышел на скоростную трассу и понесся в ночь, набирая скорость. Пригнулся под ударами ветра. Двигатель взревел. Разметка дала деру. Световые черви протянулись вдоль дороги. Огни слились и помчались назад – прочь от меня, рвущегося вперед наперекор ветру. Только ветер никак не вышибает у меня из головы видение девушки, заключенной в жуткой стеклянной клетке. Что изранило ее руки? Что за зараза оставила следы на ее руках? Или просто – иглы?

Свернул с автобана и сбавил скорость. Свободная дорога освещена скверно. Редкие рощи с обеих сторон сумрачны и тихи. Остановился, оперся на ногу, снял шлем. Присмотрелся, прислушался. Людей не видать – ни слухом, ни духом.

Постарался подумать над вечным вопросом. Меня давно мучает необъяснимое для меня отсутствие запаха хвои в хвойных лесах этой страны. Елки должны пахнуть смолой, только здесь – не пахнут. Да что мне елки?!

Я просто свихнусь теперь. Она мне сниться станет каждую ночь. Ее красота, ее страдание, ее страх и надежда не оставят меня – ее глаза станут моим кошмаром... ужасным кошмаром. Я мог... Мог забрать ее! Забрать с собой!

Я не понимаю, что происходит, только я... Я дрожу в ознобе перед ее хрупким образом, стоящем у меня перед глазами. Белая больничная рубашка вихрится на ветру вокруг ее тонкого стана и исчезает... Призрачное облачение разлетается в прозрачном воздухе, оставляя ее обнаженной... и она стоит предо мной в свечении, окруженная золотым сиянием вьющихся на ветру волос... И я упиваюсь ей... и я задыхаюсь в ветре... Протягиваю к ней руку и... прикасаюсь к ней. Хватаю ее и срываю с нее остатки призрачных одеяний... И она горит огнем в моих холодных руках... и она сияет в моих смотрящих во мрак глазах... Горит... Все вокруг горит... Я горю! Мои мысли, моя душа, мое тело – все в огне... только в груди холод замирает с дыханием...

Тяжело дыша, открываю глаза и смотрю на свои пустые руки, как – в пустой патронник... как – в пустоту смерти. Что это было? Что со мной только что было? Со мной никогда ничего подобного не было...

Я объят восторгом, но – мучительным. Меня жжет желание – бездонное желание, безумная жажда. Я лечу в бездну, только не знаю – вверх или вниз. Что со мной творится?! Я гибну или обретаю жизнь?! Мой разум угнетен или особенно ясен?! Мой дух отходит ко сну или ото сна?! Пробуждается во мне зверь или человек?! Я не знаю, что это! Но я понимаю, что не могу подавить это! Не могу с этим справиться!

Развернулся и, выжимая газ, рванул вперед – вернее, назад в город... в ее город.

Остановился так же резко, как осознал, что не туда рвусь. Нет, не туда... Франкфурт. Туда мне надо попасть, а не... Я должен выкинуть эту девушку из головы, вернуться и отчитаться. Должен.

Глава 9

Огни высотных зданий вгрызлись в душу тревогой. Не похоже, что эти пустые улицы этого спящего города приведут меня к съемной квартире. Остаток этой ночи мне, терзаемому волчьим голодом, суждено провести, одиноко скитаясь среди серых теней, думая о ней.

Я исполнил задачу на высшем уровне, без единого сбоя. Сделал все, что был должен сделать. Я перенапрягся, перенервничал, но – справился. Операция проведена чисто. Я могу быть спокоен. Но я не могу успокоиться. Напряжение только нарастает... вопреки приказам рассудка.

Я не взял с собой эту девушку! Но я не должен был брать ее с собой! Я не должен был делать этого как – офицер! Но обязан был сделать это как – человек!

Что у меня в голове?! Я и так вторгаюсь в чужую страну, и так внедряюсь в чужие дела, и так – стою на краю! Не мог я взять и вызволить ее, вломившись на секретный военный объект с четко поставленной начальством задачей – на чужой объект! Не мог! Не мог и не могу! Черт...

Объект – больница для бедных! Нищие и солдаты всегда первыми попадают в такие передрыги! Они всегда первыми становятся подопытными крысами в запрещенных исследованиях! За них некому заступиться! За эту девушку некому заступиться! Она не способна постоять за себя! А защитника у нее нет! Я должен стать ее заступником! Я должен защищать простых солдат как – офицер! И простых людей как – человек!

Я знаю, что бедность – гиблое болото! Я знаю, как тяжело выйти из нищеты, подняться над ней, оставить ее позади в качестве прошлого, а не вечного настоящего! Знаю, какие силы нужны! Нищета – топь, тянущая на дно! Она затягивает, не позволяя встать на ноги! Она, как трясины, засасывает сильнее, когда ты сильнее из нее рвешься! Она дает скупой выбор! Слабых заставляет – сдаваться смерти, а сильных – выбирать преступный путь! И с каждым годом тянуть время выбора, противостоять толчкам к смерти или к преступлениям становится труднее! Я стоял на грани и не мог сойти! Не мог вырваться! Меня вырвали! И я понял, что армия, – мое спасение, моя опора! А я

– силен! Когда эта девушка... Она слаба... Она одна... Она обречена на смерть... Без меня она обречена!

У меня никогда еще не было такого конфликта с собой – всегда был только долг... один только долг перед державой, перед государством. Просто, меня как человека будто и не было... я был будто неотделим от страны, от системы. А теперь вдруг оказалось, что я – человек... что мои понятия о чести порой расходятся с правилами и противоречат приказам. Как так вышло? Мне никогда не приходилось отделять долг от своей воли и всего остального. Я делал то, что требовали, и оставался доволен сделанным. Просто, я всегда становился тем, кем требовалось стать, – только никогда не был собой. Нет, я не потерял своего лица – я его просто еще не нашел. Еще не нашел, но уже знаю, что оно спрятано неподалеку. Оно отразилось в стекле изолятора, через которое на меня смотрела эта девушка.

Да, я хочу освободить ее! Хочу ее защитить! Я хочу ее! Хочу быть с ней! Хочу быть собой!

Дурак! Каким я местом только думаю?! Уж точно не головой! Я мыслю не так, как – офицер! Не так, как – человек! А так, как – зверь! Нет, не так, как зверь, а как – оборотень, потерявший погоны и запутавшийся в обличьях человека и зверя! Душа и тело – все рвется к этой девушке... все, кроме рассудка.

Остановился на мосту, всматриваясь в темную тихую воду Майна. Надо мной зависло предгрозовое затишье. Небо затянуло тяжелыми тучами, стремительно атакующими город. Значит, в вышине гуляет ветер. Он гонит грозу, как мое сердце – адреналин. Подопытная крыса! Она у них, как – подопытная крыса! Что они сделали с ней?! Что с ней сделают?! Сердце гоняет горячую кровь, и меня бьет озноб с каждым его ударом. Страсть сносит голову и... Это все от голода, от усталости... Я просто утомился – надо просто успокоиться и отдохнуть... Но я не могу! Я заберу ее из этой клетки! Заберу с собой!

Только я не знаю точно – заражена она или нет. Зато я знаю, что заразить ее могли только вирусом или близкой к нему бактерией. А с вирусом я совладать могу – заражу девушку вирусом, уничтожающим все другие как врага. А что? Обычное дело. Нет, дело не обычное, но... Не беда!

Эх, прощай Стяжатель! Прощайте ордена и генеральские погоны! Не поминайте лихом, Игорь Иванович, хоть я и лихой!

Глава 10

Сижу на лестнице в глухой подворотне с фонарем в зубах. Ковыряюсь в предоставленной государством технике – вынимаю ненужные мне микросхемы. Эх, Игорь Иванович, присматривали вы за мной долго и тщательно, да всему предел установлен – вам таких моих выходов видеть не надо. Срываюсь я с вашего поводка – временно, конечно. Оставил я вам отчет, а дальше... не стоит вам знать, что дальше, и следить – не стоит.

Глава 11

Утро снова сводит мои плечи холодом – так всегда, когда сна не хватает. Пролез в подземный ход, опираясь о неровную стену. Из-под рук сыплются камни, пыль опадает на голову. Черт... Здесь все рухнет скоро...

Тяжелая решетка приоткрыта в щель – чахламу старику, видно, этого хватило, а я не пройду. Решетку порядком переклинило – подсадил ее, толкнул. Она поддалась с трудом и скрипом – надо петли смазать, пришла пора. Проник в узкий и низкий коридор, ведущий к склепу.

Старого химика отыскал не сразу, но скоро. Нашел и в темноте – по запаху.

– Клаус, это я.

– Вольф?

Зажег свет на слабом режиме, перевел луч на закопавшегося в тряпье старика. Подобрался к нему ближе.

– Не привидение же.

– А я было думал...

– Кончай ты с этим, Клаус, – нет никаких призраков. И пришельцев – нет.

– Где ты пропадал, Вольф? Я тут чуть не помер со страху...

– А я там не со страху чуть не помер. Помолчи пока, Клаус.

– Ты был там?

– Я дорогу туда отыскал. Туда забраться можно тем же путем, каким твой товарищ оттуда выбрался.

Дрожащая рука вцепилась в ворот моей куртки, а испуганные глаза вперились в мое лицо.

– Вольф, держись оттуда подальше...

– Пусти, старик. Подожди пока предостерегать.

– Вольф, молодой ты еще – кровь у тебя горячая...

– Слышишь, помолчи, старик, – не шамкай мне на ухо свои предупреждения.

Клаус беспомощно открыл беззубый рот, когда я отбросил его слабую руку. Что-то жестко я с ним. Меня все же больше снаружи обтесали, а вот внутри... Искоренить прошлое не так просто – это я, а не кто-то другой, сделать должен. Придется мне еще помахать топором, обрубая корявые ветки былого. А сейчас – смягчить как-то надо.

– Вижу, ты тайник мой вскрыл.

– Есть еще силы в этих руках...

Старик сжал в кулаки покореженные артритом руки. Молча усмехнулся, глядя на него, – дряхлого, одним духом держащегося. На него, кажется, дунешь – и развалится. А нет, – никак не рассыпается, словно его скрепляет что-то.

– И как? Хорошо тебя епископ угостил, когда ты к нему незваным гостем нагрянул?

Старик хрипло хихикнул.

– Да, он оказался, что надо, – на редкость гостеприимен. Присоединяйся к нам, Вольф.

Посмотрел на остатки трапезы, разбросанные на гробовой плите.

– Позже с вами недурно отужинаем. А сейчас мне идти надо. Да, старик, – пока не забыл... Ты здесь разбросал – прибери. Ты все же у епископа в гостях – еще и в незваных.

Клаус занервничал – вспомнил про своих привидений.

– Приберу, конечно... Не подумал я...

– Держи, – еще снеди принес.

– А ты запасливый.

– Как крыса. Ты одеяло из гроба достал?

– Нет, у меня все свое с собой.

– Выходит, все твои вши на насиженных местах остались – отлично. Ты эти свертки не трогай – эти вещи не тебе предназначены. Я когда приду, тогда и открою.

Я разгреб заваленный камнями и засыпанный пылью тайник – еще один тайник.

– Вольф... А это что?

Я стряхнул пыль и сел на каменную плиту, отстраненно смотря в пустой патронник пистолета.

– Коробку подкинь, Клаус, – с патронами.

Коробка затряслась и застучала в руке перепуганного старика.

– Вольф, я не знаю, что ты собрался делать, но – не делай этого.

– Не робей, старик. Подумай о том, что там человек мучается.

– Ты думаешь, что они не убили Штрассера, а забрали его с собой?

– Не знаю про Штрассера. Знаю, что там заперт и мучается другой человек. Я должен его вызволить.

– Кто он?

– Не важно, кто. Человек.

– Не думаешь же ты, что для него еще можно что-то сделать? Нет, поздно. Он поражен. Он опасен. Он болен изобретенной ими болезнью, Вольф. Мы ничего не знаем об их болезнях. Ты ничего не сделаешь для него, Вольф.

– Сделаю. Заразу, из которой изготавливают оружие, можно обезвредить, как и все остальное оружие.

– Нет, Вольф, не надо...

- Я решил.
- Ты не вернешься... Не ходи...
- А кто пойдет, Клаус?! Кто пойдет?!
- Клаус замолк, задумавшись.
- Я пойду, Вольф.
- Я выжал из себя улыбку. Бросил оружие на плиту, беря старика за иссохшие плечи.
- Клаус, подумай, что ты несешь.
- Пора положить конец этой жестокости. Я все разведу и...
- Клаус...
- Что мне терять, Вольф? Что, кроме моего страха? У меня нет ни молодости, ни...
- У тебя ума нет, старик.
- Пусть меня считают сумасшедшим, только я...
- Хватит... Хватит, Клаус.
- Нам надо собрать всех, кого сможем, и пойти всем вместе. Нам нужно все осмотреть в этом месте и обо всем сообщить властям. Ведь не все властители участвуют в государственном сговоре, Вольф. Все в сговоре быть не должны. Всегда одни правители противостоят другим.
- Только одни такие же, как другие. И их друзья, и их враги – все, кто у власти, всегда и везде одинаковы.
- Нет, Вольф, не все. Мы должны выйти на честного человека в правительстве.
- Честные правители? Клаус, не начинай. Людьми правят “волки”, а не люди.
- Да, ты прав... Прав, Вольф... “Волки”? Ты сказал – “волки”, Вольф? Такие же, как ты? Ты ведь – такой же “волк”?
- Я “волк”. Но не такой, как они. Я – хищник, Клаус. Но я всегда охочусь в тени и не выхожу на свет никогда.
- Одни “волки”...
- Качества, которые мы приписываем правильному человеку, неприемлемы правителю, призванному принимать жесткие решения, подчинять и подавлять.
- Значит, ничего нельзя изменить...
- Нельзя. Это система. Разрушишь одну – построишь другую. Точно такую же – с светлой и с темной стороной. Система – отражение человеческой сущности. С ней можно бороться, но ее нельзя побороть, как нельзя побороть себя. Можно только научиться обходить барьеры, свободно действовать среди установленного порядка.
- Ты не веришь?..
- Во что?! В действительность борьбы за всеобщее благо?! За справедливость, за права человека?! Закон человека не писан для тех, кто его пишет! Он написан “волками”! Закон человека есть только для того, что происходит на виду, а для того, что скрыто, – нет человеческого закона! Один только “волчий” закон!
- Вольф... Скрытое можно открыть...
- Нельзя! Откроешь – снова скроют! Так всегда – так было и будет! Тайно или в лоб люди будут делать такие вещи – всегда будут их делать! Будут воевать друг с другом, пытаться друг друга, ставить друг на друге опыты!
- Это ужасно... И жить так, как ты, Вольф, ужасно – с такими мыслями и без веры...
- Во что?! В бога?! В светлое будущее?! Я верю в себя – верю в свои силы, старик! У меня нет оружия против системы – зато у меня в руках оружие системы! Мне не исправить всего и для всех! Я могу сражаться только за себя и своих людей, защищать только свою страну! И я делаю это!
- Клаус протер прикрытые сморщенными веками глаза.
- Ты мой единственный друг, Вольф... Ты один не забываешь старика Клауса... совсем не святого старика Клауса. И ты думаешь, что я позволю тебе пойти одному и пропасть – просто пропасть? Послушай старика, в конце концов, Вольф... Не ходи.
- Я схватил его, невесомого, как коробок спичек, так, что кости загремели, как спички.
- Это ты меня послушай. Я уйду и вернусь, как уходил и возвращался. А ты останешься здесь – сидеть тихо, как мышь. Ясно?

Корявая птичья рука впиалась мне в плечо.

– Кто ты такой, Вольф? Мне стало казаться, что я тебя совсем не знаю. Ты ведь один из них, верно? Ты был с ними, только теперь ты... Теперь ты против них. Да, Вольф, верно?

– Снова ты за свое...

– Я знаю, Вольф... Это – заговор. Государственный заговор. С ними – с пришельцами. Скажи мне правду, Вольф... Ты же знаешь правду...

– Нет никаких пришельцев! Нет их! Понял?!

– А ты, Вольф? Ты разве не пришелец? Ты появляешься из ниоткуда и исчезаешь в никуда...

– Молчи! Мне пора в путь! А ты оставайся! Слышишь, старик, ни шагу отсюда!

Глава 12

Еще не сделал, еще только собираюсь сделать, а уже вижу горящие гневом глаза Игоря Ивановича, уже слышу его грозовой голос: “Подвел ты всех нас, Слава. Нет тебе прощения. Пойдешь ты, Слава, под трибунал. Будешь гореть в аду, вернее, – гнить в тюрьме по решению справедливого суда”. Это в худшем случае. Или: “Подвел ты меня своей выходкой. Нет тебе больше доверия. Пойдешь ты к черту, Слава, с содранными погонами и прицепленным на их место позором. Будешь ты изгнан из управления, и не будет тебе дороги обратно”. Это в случае среднем. Или: “Подвел ты меня своей безответственностью. Будешь ты, Слава, искупать вину кровью и возвращать доверие тяжким трудом. Решил я, что врата известных тебе стран будут перед тобой закрыты отныне и вовеки. Пошлю тебя, Слава, воевать в горячую точку на краю света”. Это в случае хорошем. Удастся мне убедить его, что я в ерундовый загул ушел, а не ударился с головой во все тяжкие – тогда все еще не так скверно выйдет. А узнает он правду – худо мне будет, как никогда еще не было.

Эх, пошлет он меня воевать. Что ж... Хотя бы буду знать, что наказание – заслуженное. Кидаюсь я, как крыса в кипяток... Нюхом чую – ждет меня пустыня и война, о которой посторонние и не знают. Наши еще войска на эти территории ввести не успеют, а я на этих территориях уже успею подохнуть – трижды подохнуть успею.

Не хочу я воевать – отвоевал свое. Только что еще остается, когда страсть в крови кипит? Она мою кровь выварит, воду из вен выпарит, жарит меня и испепелит в прах. Сгорит душа дотла – разнесет горячий ветер мой пепел среди песка и похоронит его под огненным солнцем. И к черту! Не век же мне здесь прохлаждаться!

Страсть – штука страшная, только никуда мне от нее теперь не деться. Сначала – свистела, как пуля у виска... или того хуже, как комар над ухом. А после – сразила наповал. Шибанула прямо в грудь, шальная... облепила комариным роем и зудит так, что я, окаянный, места не нахожу.

Глава 13

Остановился, только въехав в город. Оставил мотоцикл и пошел к полякам пешком. Мне нужна чистая машина и оружие. На оба вопроса один ответ – пан Мсцишевский.

Мсцишевский заслуживает моего, остановленного на нем, “волчьего взгляда”. Пан знатен и стоит на высшей ступени высокомерия. Поляк всегда помнит о своем происхождении, но никогда не выставляет своей запредельной заносчивости напоказ. В старой шляхте – в воинстве – пан безусловно был бы славным воеводой. Ведь в прежние времена жажда наживы, сопровождаемая кровавой расправой, позорной не считалась, а, скорее, – почиталась за честь. Но в наше время пан просто – преступник. Правда, преступник он не простой, а – опасный... и опасен он не одной этой стране.

Поляк тайно торгует оружием не только на территориях Дойчланда, но оружие он толкает только определенным запрещенным экстремистским организациям. Пан вооружает всех, кого требуют вооружить британцы. А британцы – близкие друзья основного и главного врага, общего для всех остальных стран. Объединенными силами враг старается рассорить и разрушить Россию, Китай и остатки ЕС. Точнее, – Дойчланд. Германия осталась последней сильной страной ЕС – его

последней опорой. Она одна продолжает стоять на ногах, вопреки всем стараниям врага. Так что враг стремится ослабить ее всеми силами, собираясь в скором времени подчинить ее своей власти и взять себе всю с головой – и с душой, и с телом. А Мсцишевский врагу способствует.

Он вредит не только германским властям, но и российскому правительству, и вызывает на противостояние не только германские спецслужбы и вооруженные силы, но и наши – и нашу службу госбезопасности, и наше главное разведуправление. Но с ним все не просто. Он такой же “волк”, как и все мы, – жестокий, рассудочный и осторожный. К пану не подступишься и не подкопаешься. Жизнь здесь, на германской земле, он ведет крайне скромную и с вида спокойную – будто у него и нет огромного состояния, сохраняемого Британией и Бельгией, будто он и не посягает на покой земли германской. Пан тщательно скрывает свой преступный промысел и свои прочные связи с врагом. Действует вне закона он часто чужими руками и через подставных лиц. Ничтожные послабления позволяет себе редко и только в своей тесной среде. А окружает себя пан одними поляками – в его круг человеку чужой крови пути нет. Его люди не просто покупаются и продаются – они проходят тщательный отбор. Пан требует от них личной преданности и получает ее сполна. Он огражден от беды и горя дружбой с британцами и вызванным ими беспределом в Германии. Германские власти, с головой втянутые во вражду друг с другом, с трудом сдерживают беспорядки в стране. С поляком, покупающим не простые предметы, а преданность людей, им пока никак не справиться. Пока расправиться с ним можем только мы.

Повинуясь приказу руководства, я внедрился в его окружение и завоевал его доверие. Задачей передо мной стояло – не позволить ему вторгнуться на территории России и ее тени. Мы ведь тоже торгуем оружием на чужих территориях в своих целях – часто руками таких же темных людей... вернее, – личностей, как Мсцишевский. Я исполнил задачу – сорвал ряд операций поляка, срубил на корню его планы и заполучил нужные начальству сведения о нем. Мы властны над ним – можем давить на него, диктовать ему и управлять им. Но пока мы его не трогаем, а ждем, когда германские власти сообразят, что их внутренней вражде конца не видать, а внешний враг совсем не за горами, – тогда они согласятся на безоговорочную дружбу с нами и на условия нашей дружбы. Тогда Мсцишевский будет убран нами с поля боя или просто устранен мной из жизни. А пока я, особо не вступая в его дела, держу с ним связь. Контакт и контроль – все, что требует от меня ныне начальник. Оружие и машины – все, что мне ныне нужно от Мсцишевского. С оружием вопрос исчерпан, а с машинами... К машинам поляк просто тяготеет душой.

Начал загружать в голову польский – мне на нем нужно говорить чисто и мысли излагать четко, а я изрядное время на нем не изъяснялся. Только перед тем, как явиться к полякам, я должен... Засветил экран, запустил “отмычку”, открыл линию связи.

- Швед, давай открывалку.
- Не готово еще.
- Мне и простая сперва подойдет. Пока и крючок заточенный сгодится пробку пивной бутылки подцепить.
- Понял. Оставлю, где обычно. Главная открывалка тоже с часу на час будет.
- Швед, так вышло, что все главное только впереди. Третья открывалка должна быть другой – сложной. Действительно сложной.
- Что, градус повышаешь?
- Повышаю, Швед, – сильно. Мне не водку, а чистый спирт пить предстоит.
- Запой, Охотник?
- Без вопросов.
- Точно запой...
- Швед, выручай! Дело серьезно! А время торопит!
- Данные оставь – я все сделаю. А ты не надумал с нами – в Карелию?
- Какая Карелия?!
- Ты взвинченный что-то...
- Оставь первую открывалку – я возьму. Готовь вторую. А к вечеру – третью.
- Я один к вечеру никак не закончу. Надо Вейкко подключить.
- Никаких чужих, Швед!

– Вейкко не чужой.
 – В курсе дела только ты. Понял?
 – Понял. Но мне времени никак не...
 – Швед, шкурой своей тебе обязан буду! Не останусь я в долгу!
 – Да не думай ты про долг. Я просто не уверен, что так быстро управлюсь.
 – Уровень твой. А как тебе со временем быть... Я тебе образец дам – ты его обработаешь, только как требуется.
 – Ты не шутишь? Такую штуку мне через сеть перешлешь? Охотник, рискуешь ты сильно...
 – Без ответа.
 – Руководство ведь не в курсе...
 – Без ответа.
 – Трудный выбор ты мне даешь, друг...
 – Не втяну я тебя – сухим из воды выйдешь.
 – Я не о своей шкуре тревожусь...
 – За дело не бойся – оно всех стороной обойдет. Слово даю. Как голову на отсечение.
 – Я твоему слову верю.
 – Я доверяю тебе так, что вверяю себя всего, Швед! Как товарищу боевому тебе доверяю! Одному тебе, Швед! Велик мой долг! Но я про него вспомню и верну сполна, когда время придет! Я тебе отныне и до гроба такой верный друг, каких у тебя не было и не будет! Берись за дело! Да про тишину не забывай! Конец связи.

Перекачал программу. Поковырялся в базе данных, подыскивая себе для дела подходящий транспорт. Мне же теперь от государства ни людей, ни техники. Даже денег нет. Гол, как сокол. Только сокол – хищник, он долго голым не останется. Придется все своей головой и своими руками добывать... а может, и – своими острыми зубами.

Глава 14

Адреналин и эндорфин! Напряженно и радостно! Эх, Игорь Иванович, неужто мной одни химикаты правят?! Я же всегда у вас таким рассудочным и расчетливым офицером слыл! Я же всегда себя таким отстраненным и холодным насмешником считал! А теперь злюсь и смеюсь! А хуже всего – все сразу и сильно! А у меня ведь и уровень другого вредоносного гормона – тестостерона поднимается! Страсть голову кружит и дыхание крадет! У меня! У того, кто за всю жизнь только одну девицу в постель положил, не думая о стране и о ваших приказах, Игорь Иванович! А главное, – о стране и приказах ваших не думал я тогда только из-за того, что еще пацаном был, еще погон на плечах не носил!

Поймал себя на мысли, что напеваю немецкую песенку, – напористую и задающую ритм моему скорому и жесткому шагу. Немецкие песенки мне как нельзя кстати! В них про страсть поют, как про войну, а про войну, как про страсть!

Радостное нетерпение поднимает меня над землей. С трудом сдерживаюсь, чтобы не пристать к первой попавшейся девушке, чтобы не заговорить с первым встречным. Со мной такого и после бутылки водки не было. Мне просто нельзя терять голову – даже, когда нужно пить, напавшая противника... и я никогда головы не терял – даже, когда пил черт знает что и черт знает с кем. Я обязан мыслить ясно, как бы тяжело это ни было, какой бы сложной ни была ситуация. А теперь... Надо мне скорей находить вконец потерянный рассудок. Пора мне, пусть и будучи не в ясном разуме, браться за ум.

Остановился в подворотне, осмотрелся и проник в подвал. Скинул потертую куртку Вольфа и спустил штаны... только запаматовал выправить их из тугих голенищ. Черт... Игорь Иванович, совсем скверная да дырявая у меня голова стала! Смеюсь над собой молча, смотря на себя в зеркальном осколке! Прискорбное зрелище!

Сосредоточиться надо. Натянул кожаные штаны и накинул на плечи, поверх борцовской майки, кожаный пиджак. Пригладил вздыбленные волосы и втер тонирующий бальзам, чуть затемняя и золотя их. Стер с лица напряженную жесткость и нарисовал спокойную высокомерность. Открыл

во всю ширину прищуренные глаза и расправил сведенные плечи, выкидывая из головы резкие рывки Вольфа. Нацепил на руку не в меру дорогие часы и вышел на свет. Взглянул на мир “волчьим взглядом” напоследок и прикрыл глаза темными очками – серыми стеклами, вставленными в оправу не дешевле всех остальных вещей Яна.

Мой Ян рассчитан на одного пана Мсцишевского. Я сотворил его, собираясь вызвать не только доверие и уважение сурового поляка, но и его привязанность. Мой Ян – поляк простого происхождения, но чистой крови. Он умен и горд, с вида уравновешен, но в глубине души – горяч до безрассудства. Он человек, обладающий всеми качествами, присущими пану Мсцишевскому. Только Ян малость выставляется по молодости и тяготеет к грубому блеску по бескультурию, но все – по мелочам. Такие недостатки несущественны и простительны, а главное, – они убедительны. Когда человек не совсем правилен – он всегда живее. А когда образ похож на объект в целом, но отличен в ерунде – он не только правдоподобнее, но и притягательнее. Такой образ цепляет объект, как крючком, – останавливает на себе его взгляд, обращает на себя его внимание, заставляет его над собой задуматься. Неточности нужны. Видя Яна, пан Мсцишевский видит свое подобие, но не себя. Вот поляк и старается сделать из него себя, вникая в его судьбу, как в свою. Он видит в молодости Яна не свою молодость, но нечто близкое. Вот и старается задать его будущему свое направление, беспокоясь о нем, как о себе. Я Мсцишевского крепко подцепил. Он верит мне... моему Яну. Он верит мне с готовностью, не проводя серьезных проверок и не замечая подвоха. А ведь связь Яна с провальными операциями, пусть не очевидна, но просматривается. Только Мсцишевский продолжает полагать, что я помогаю, а не мешаю ему вести дела с британцами – с друзьями врага, общего для всех остальных.

Глава 15

В пределах видимости один Войцех – рослый и мощный боевик бандитской группировки, отслуживший в польском десанте и подавшийся на чужбину искать... Не знаю, что он здесь искал. Знаю, что нашел его пан Мсцишевский. Войцех не всегда при нем, но входит в его ближний круг – вот я с бойцом контакт и держу твердой рукой. Он считает меня товарищем. А напрасно.

Правда, я считаю, что он мог бы стать неплохим парнем, но – не стал ведь. Просто, Войцех – боец, выделяющийся из всех остальных. С его могучей силой и скромным умом он послушен и предан. Я бы сказал, что таким солдат быть и должен, да внутренний стержень у него слабоват. Подчиняется он не всем подряд, но разница между армейским командиром и паном Мсцишевским, по его мнению, не велика. Он служит преступнику, связанному с врагом Польши, так же верно, как служил своей стране. Такой он – Войцех – вольный вояка. Только, в итоге, при командире всегда и везде, а один – никуда и никак. Наемник чистой воды – с принципами, но – с простыми. Вот я и думаю его подчинить и перекупить со временем – положил я на него глаз и намерен на свою сторону перетянуть. Только мне в него придиричвее всмотреться надо – не такой он простой и прямой, каким кажется. Вроде туповат, а не совсем. Да не беда. Я могу переманить и не такого – было бы только нужно.

Прошел во двор и окликнул Войцеха, сидящего на стертой лестнице и рассеяно перекидывающего в руке выкидной нож.

– Войцех, что не при деле?!

– Ян, ты?!

– Я!

Поляк поднял на меня разморенный взгляд и прищурился на солнце.

– А что ты веселый такой?

– Рад тебя видеть, Войцех!

– Снова ты за свое, Ян... все у тебя с издевками всегда.

– Да какие ж издевки?! Давно не виделись – вот и все!

– Да, давно тебя не видно было...

Подошел к нему, опустился на ступеньку рядом, перехватил взлетевший нож, перекинул пару раз и вернул Войцеху.

- Да дела. Я и к вам с делом пришел.
- К пану нашему пришел?
- Да, Войцех.
- Он тебя давно ждал... У него к тебе тоже дело. Похоже, серьезное что-то сказать хочет.
- Насчет?
- Не знаю, Ян... Наверное, насчет дальнейших ваших с ним дел.
- Еще партия приходит?

Войцех лениво подкинул нож и повернулся ко мне, щурясь еще сильнее.

- Нет. Думаю, другое дело...
- А что еще?

Войцех повел широченными плечами – видно намеревался плечами пожать, но поленился.

- Я не знаю, Ян... Я только так – догадку имею.
- Так скажи, что думаешь?
- Знаешь же, что у него сын погиб?
- Три года прошло.
- Для нас прошло, а для него нет, Ян.
- Ясно. Сын же.

– Да... Только важнее, что стареет пан... Сдает он сильно, Ян, в последнее время. Нас же власти прижимать стали – по его нервам все это бьет. А дело пану передать некому. Думаю, тебе он все свои дела доверить решил.

- Мне? Все дела? Войцех, да как ты до такого додумался?

– Многое у нас изменилось, Ян, с тех пор, как ты в последний раз приезжал. Не осталось у нас никого из тех, кто на тебя хоть раз косо посмотрел или хоть слово насчет тебя поперек пану сказал. Всех таких устранил пан. Порядок он твердой рукой наводит. Он и из личной охраны трех людей поменял. Думаю, хочет пан тебя с этих пор своим сыном считать. Думаю, при встрече он тебя назвать сыном намерен.

- Ты же вроде не пьян, Войцех?

– Ян, я ведь не просто так... Он же только и твердит нам всем, что ты всегда все знаешь, всегда все можешь... Как сын, ты пану стал, Ян.

- Вот как... Я не в курсе.
- Да ты пропадаешь все... вот все и пропускаешь.
- Верно, пропустил такие дела...

Я хватанул хищной рукой воздух. Войцех ухмыльнулся.

- Да ты на него похож, Ян. Он тоже так вот воздух хватает, как кот крысу, когда дело идет.
- Нет, Войцех, я другой.

– Даже его сын так на него похож не был, как ты, Ян. Мне вот все думается, что твой отец такой же, как наш пан.

- Не такой, но мы все одного рода-племени, Войцех, – “волчьего” племени.
- Это как, Ян?
- Мы не люди и не “псы”, а – “волки”.
- Не знал такого разделения.

– А ты не такой, Войцех. Ты – особенный. Ты – “медведь”. Просто, “медведей” меньше, и они к меньшему подразделению приписаны.

- Ты же не серьезно, да?
- И да, и нет. Я же всегда так – отчасти серьезно, а отчасти...
- А “медведь” – это хорошо?
- “Волкам” “медведи” по душе, Войцех. Мы с вами охотно дело имеем.

Я навел на поляка хищные глаза, спрятанные за темными стеклами. Нет, не лжет он. Правду говорит. А Войцех на домыслы не силен – он сложные мысленные конструкции не строит, а только достраивает готовые, стоящие у него перед глазами. Видно, Мсцишевский, и правда, меня сыном назовет в скором времени. Вот так дела! Эх, ждет меня награда! Да не дождется... Мои хищные

глаза затягивает страстной мутью и... Моя красавица является ко мне из солнечных лучей... встает перед глазами и спит, и жжет.

Я снял темные очки, опуская глаза на пыльную лестницу. Войцех рассеяно взглянул на меня.

– Ян, да ты бледный... и глаза у тебя болезненно блестят. Ты болен, да?

– Нет, не болен... А вообще, нет... вернее, да. Да, я – болен, Войцех.

– Тебе, может, антибиотики нужны?

– Нет, Войцех... Мне не антибиотики, а транквилизаторы нужны – в убийных дозировках.

– Нет у меня их, Ян... спокойный я просто – не принимаю.

Я столько времени к Мсцишевскому в окружение внедрялся! Я с таким трудом втирался ему в доверие! А главное, – не пропали труды мои даром! Он готов отдать мне все! А я готов все у него взять! Только я не могу! Не могу я не думать о ней – о зараженной девушке, запертой в клетке, как последняя подопытная крыса! Вашу ж!..

Рою я себе яму, раскидывая во все стороны генеральские звезды, как комья грязи! Разрою я пропасть от небес до земли, подрывая под собой опору! Паду с небес на землю и могилу себе рыть начну! Начну и кончу! Вырою я себе могилу, раскидывая вокруг себя комья грязи, зарываясь все глубже и опускаясь все ниже! Конец мне! Мне и делу моему! А не беда! Земля круглая! Прокопаю я всю землю насквозь и снова поднимусь, и снова – в небо! И не один, а с ней – с красавицей моей!

Я поднялся и покачнулся, будто бутылку в глотку опрокинул и глотнул лишку... голова совсем кругом пошла. Войцех было сделал вялую попытку встать, но я поднял руку, останавливая его.

– Ничего страшного. Так только – голову повело.

– Ян, да ты садись, а то свалишься. Тебе совсем худо, как я вижу, стало. Ты из-за того, что я сказал, да? Ты не тревожься, Ян. Пан на тебя, конечно, ответственность возложить решил тяжкую, но он же тебя принуждать не будет. Даст он тебе время – обдумаешь все.

– Войцех, я... У меня образ девушки перед глазами все время стоит... и она меня зовет и манит. Я до нее все время мысленно дотронуться стараюсь, а мне ее никак не достать... никак не дотянуться. Хватаю ее, а она... как воздух. Бывает у тебя такое, Войцех?

– Бывает.

– А как ты так спокойно об этом говоришь?

– А что беспокоиться? Так вроде и должно быть, когда девушку хорошую встречаешь...

– Нет, не думаю...

– Я что-то не пойму никак, Ян, что не так? Хочешь ты ее – и все дела.

– Это такое сильное желание, что на патологию похоже. Оно рассудок разъедает, как зараза. Мыслить мне это не дает. Мучает меня это, Войцех.

– Мучает? Нет, Ян, не знаю я такого. Не знаю я, что тебе с этим делать.

– Никак я с этим наваждением совладать не могу. Не понимаю я, что со мной происходит. Никогда у меня ничего подобного не было.

– Ты у пана Мсцишевского спроси – он, может, подскажет что.

– Он здесь?

– Нет, в автосервисе... как всегда. Знаешь же – его крепость. Вопросы он человеку задает... вернее, Вацлав с человека ответы спрашивает.

– Пан при допросе присутствует?

– Серьезно дело, Ян... Занят он сильно... Подождать тебе придется, пока он закончит и ответы получит.

– Не могу я ждать, Войцех. Подвези меня. Вставай. Поехали. Надо будет, я Вацлава подменю и будут у пана все ответы.

– Вацлав справится... он всегда справляется.

– Ты все равно подвези. Важное у меня дело. Вставай давай.

– Ян, а Вацлав “волк”?

– Да ты что? Нелюдь он, неизвестного науке происхождения. Давай, вставай. Расселся! Поднимай зад!

Войцех ухмыльнулся, метнул нож в клочок незабетонированной земли и подкинул в воздух ключ от машины.

– Что ж, раз тебе так не терпится... Поехали.

Немецкие машины – пунктик пана. У него их много, но ему их мало. Вот он и проводит все свободное время в автосервисе, пропуская через свои руки все проходящие через него машины, – прямо, как закоренелый развратник с девками в борделе. Страстный он человек – Мсцишевский.

Глава 16

Войцех подвез меня к автосервису – вернее, к крепости Мсцишевского. Это место похоже на меня – оно совсем не такое, каким кажется с вида. Оно, как айсберг, торчащий над водой только краем, оно, как океан, спокойный только на поверхности. Наземные строения весьма невзрачны – в них тихо трудятся автомеханики. Но подземелья... Под землей, ниже гаражей, размещены оружейные склады и целые цеха по перестройке машин. Здесь, под охраной натасканных солдат, поляк хранит личное оружие и личные машины. Здесь пан проводит столько времени, что можно считать – он здесь живет. Территории его автосервиса постоянно просматривает и патрулирует его личная охрана. С ним всегда два телохранителя. При нем часто двое солдат. Войцех с Вацлавом нередко и ночуют в крепости пана. Так что поляк никогда не остается без верных и вооруженных бойцов.

Крепость пана скрывает много леденящих душу секретов – в ней, не оставив следа, исчезают не одни машины, но и люди. За ее стенами слышны крики, но ее стены заглушают их. Сейчас это жуткое место окружено злобейшей тишиной. На территории не видать ни души. Мсцишевский отпустил всех. Он оставил при себе только свое ненаглядное чудовище – Вацлава.

Глава 17

Стареющий поляк внимательно выслушал мой ответ и отрицательно покачал седой головой.

– Откажись совсем или оставайся со мной.

– Я не откажусь. А остаться с вами я не могу. Мои задачи, не решенные, в воздухе висят. Не могу я не закончить своих дел и за ваши дела взяться.

– Параллельно свои дела завершишь.

– Нет, пан, не получится. Считанные сутки, – и я у вас. Но не раньше.

– Я не могу ждать, Ян. Ты нужен мне сейчас.

Я отер руки от оружейной смазки и положил сжатые кулаки на стол, поднял голову и посмотрел пану прямо в глаза.

– Настаивая на срочности, вы вынуждаете меня отказать вам. Пан, вы действительно готовы к такому ответу? Или вы все же готовы ждать моего возвращения?

– Я не могу ждать. Отвечай да или нет.

– Вы же не допускаете моего отказа, не отягощенного нашей враждой, пан. Вы понимаете, что отказывать вам и враждовать с вами я не намерен. Но вы принуждаете меня отказать вам и стать вашим врагом.

– Достаточно.

– Выслушайте меня, пан. Вы просто стараетесь меня подавить, пытаетесь подчинить целиком и сейчас. Вы всегда помните, что вы – “волк”, вспомните, что и я – не “пес”. Я могу стать вашим сыном, но никогда не стану вашим “псом”. Просто, “пес” не может считать отцом “волка” и не может “волк” считать сыном “пса”. Мы должны или давить друг на друга, или договариваться друг с другом, пан. Мы или уступаем друг другу, объединяясь в стаю, или грызем друг друга, убирая врага с территории. Я вашим врагом стать не намерен, но и ваших угроз я не стану терпеть.

Серые глаза поляка сверкнули чуть ни красным углем, но он растянул прямой рот на сухом лице, усмехаясь.

– Мы всегда считаемся с теми, кто сопротивляется и противостоит нам, хоть это нам и не по нраву, Ян. Хорошо, не станем скалить клыки и решим все спокойно и рассудительно.

Седой поляк строго свел кустистые брови, когда надсадный крик прорвался через неплотную запертую дверь, ведущую на лестницу к подземным уровням и к гаражам. Вацлав старается... Я

так и вижу, как встаю, беру автомат, вышибаю дверь и открываю огонь. Только я не встану, не возьму автомат и не пристрелю Вацлава. Я положил на исцарапанный стол тщательно проверенную ствольную коробку автомата и вытер руки от заводской смазки – на этот раз не о грязную, а о чистую тряпку.

– Хорош, ничего не скажешь.

– Французы в последнее время стали вырываться вперед.

– Верно, пан. Но я пока немецким ограничусь.

– Не будешь брат? Ян, мы люди свои. Я тебе его, как сыну, советую.

– Он, и правда, совсем неплох. Но мне немецкий автомат нужен. И еще... Мне машина нужна – “призрак” с чистыми правами. Но не старый отъезженный вариант, а новый – “призрак”, созданный под заказ.

Поляк молча кивнул, задумчиво постукивая пальцами по крышке потертого стола. Он все, что может, старой мебелью обставляет. Думаю, молодость вспоминает. Ведь ему до внутренней, а не внешней, скандинавской скромности, далеко. Нет, он не такой, как немцы, пану чужд дух обыденной сдержанности и беспредельно выставленной на вид государственности. Ближе ему, думаю, англичане, берегущие свое внутреннее пространство от всего внешнего, замыкаясь в себе и закрывая двери. Ему никак не понятен раздольный русский размах и тяга к неслыханной роскоши, как каждого отдельного человека, так и всего государства.

– Говори, какая машина, какие документы? Когда и куда подогнать?

Я передал пану бумажку со сведениями из вскрытой базы данных. Пан прочел, кивнул мне, скомкал бумажку в кулаке и бросил в пепельницу с моим догорающим окурком.

– К вечеру мне нужна точная копия одной – на выбор. Главное, – с соответствующими документами.

Поляк нахмурился, качая головой.

– К вечеру не получится. Машину, может, и найдем. И номера перебьем. А документы не справим.

Так и знал! Отомстит он мне за непокорность! Он высоко ценит мою непокорность, но всегда мне мстит! Просто, показывает, что может ограничить меня и надо мной контроль иметь. Такой он – властный.

– Постарайтесь, пан. Я вам за такого “призрака”...

Написал на бумажке цену и передал бумажку пану. Он так же скомкал ее, так же бросил в пепельницу.

– Ян, у меня сейчас сложный период. Мне непросто стало справляться со всеми делами одному. Мои люди заняты решением моих задач. Я не могу переключить их со своих задач на твои так быстро и так сразу.

– Я понимаю, пан.

Написал другую цену, приписал до черта нулей с замиранием сердца. Поляк посмотрел и откинулся в потертом кресле. Он склонил голову на грудь, сложил пальцы замком и рассмеялся – одним ртом.

– Не отступишь?

– Нет, пан. Мне к вечеру нужен “призрак”.

Он поднял на меня сверкающие жадностью глаза, расправил костлявые пальцы и сжал кулак, хищно хватая воздух.

– Ты такой же, как я, Ян. Ты всегда добиваешься своего, какими бы безрассудными и безумными ни казались другим твои цели и средства их достижения. Ты должен закончить свои дела и сразу вернуться ко мне. Я введу тебя в курс своих дел. Ты должен войти в курс скорее.

Я поставил пустую стопку на стол.

– Я похож на вас, но я не такой, как вы, пан.

– Такой же, Ян. Ты даже не знаешь, как ты жаден.

Я скинул с плеч пиджак с позорно дорого оцененным ярлыком.

– Все только – видимость. Вещи служат мне, а не я им. Мне нужны машины и оружие, но они служат не мне, а моей цели.

– Ты жаден не до вещей, а до людей, Ян. Мы с тобой берем себе людей, а не простые предметы. Мы не желаем никаких вещей, мы желаем одних людей, Ян.

Я молча кивнул – что правда, то правда.

– Насчет меня вы верно подметили, пан. Но ваше пристрастие к машинам выглядит искренним.

– Мы можем править людьми, можем вершить их судьбы и будущее, Ян. Но мы обречены на вечные мучения. Наша жажда власти всегда неутолима. Ведь мы никогда не становимся всевластными. Отсутствие лишь одной вещи лишает нас всевластия, но она – недостижима, Ян.

– Что за вещь, пан?

– Никто никогда не любит нас.

– Я с вами не согласен.

– Люди могут любить наш разум, наше тело, но душу – никогда. Ни честный человек, ни подлый “пес” никогда не полюбит жестокого “волка” – его холодную и жадную душу. Ты молод, Ян, но ты поймешь с годами, как желаем мы недоступной нам добычи, как жестоко гложет нас голод, как беспощадно жажда душит наши “волчьи” души. С годами ты иссохнешь, как я, Ян. Ты останешься один, спрячешься в глуши и окружишь себя безмолвными тварями или вещами, как я, как все мы.

– Я знаю, пан, что рано или поздно окажусь в одиночной ссылке. Знаю, что сошлю себя, коль меня никто иной не сошлет. Просто, вы старый “волк”, покидающий стаю, а я – молодой одинокий “волк”. Я с молодости мечтаю о тайной тихой жизни. Но пока не пришло время покоя, пан. Надо нам доделать наши дела, не думая о людях и “собаках”. Обойдемся мы одной нашей дружбой, ожидая должного времени одинокой тишины. Мы – “волки”, мы охотимся в “волчьих стаях”, сторонясь людей и “собак”.

– Запомни, Ян, у нас нет никого, кроме нас, – ничего, кроме нашей “стаи”.

– Не думаю, что об этом можно забыть, пан.

Я рассмеялся мысленно – молча, но громко, будто в голос, будто во все горло. Пан забыл про осторожность и попал в мои зубы! Он открыт передо мной! Стоит один, как в чистом поле! А я же – снайпер, ходящий тихонько вокруг него притененными пролесками!

Пан мой – он у меня под прицелом. Поляк показал мне изъяз в броне. А я заметил и запомнил. Главное, – пан признал меня. Мой клинок нацелен ему в грудь, мои клыки клацают у его горла, а он не закрыт и щитом подозрений. Но важнее, – он признался мне, что нуждается в моей поддержке. Верный знак слабости, худшей из всех, – слабость духа. Он беззащитен предо мной, прося моей помощи. Пану нужна моя забота – что ж, я позабочусь о нем. Только не как о друге, а как о враге. Ведь он мой враг – враг моей страны. Игорь Иванович прокрадется следом за мной на все секретные склады старого поляка, проследит моими глазами все его опасные связи и проникнет моими стараниями во все его планы. Но все позже... Позже или никогда... Ведь пока я только и делаю, что поедаю “волчьим взглядом” чудесное видение девушки, стоящей у меня перед глазами то в прохладном тумане, то в знойном маре! Только и думаю о красавице моей!

Тяжкий выбор! Ужасно тяжкий выбор! Я еще не сделал его! Я еще только собираюсь его сделать! Но я не могу не сделать его! Я знаю, что собираюсь ступить на дорогу в одну сторону! Обратного пути у меня не будет! Пойду – так только до конца, не тормозя и перед бесчисленными преградами! Только я не могу не ступить на гиблую дорогу! Не могу я преодолеть тягу к моей чаровнице! К красавице моей! Я рвусь всей силой к командиру, но меня сносит к ней – к моей замученной военными и учеными извергами девушке! Эх, Игорь Иванович, объединились, видно, в моей борьбе с собой и зверь, и человек! Набросились общими силами на бойца вашего верного! Не выстоять мне, “оборотню”, под напором зверя, под натиском человека в обличье моем воинском, Игорь Иванович! Скину я на время форму офицера вашего! Облачусь в “волчью шкуру”, человечьей кожей обернусь да полечу вольным ветром! Не совладать мне с собой, со службой не справиться! Ухожу я с вашей шахматной доски и иду к своему черту! А вам, Мсцишевский, в нашей партии ничью предлагаю!

Я оставил Мсцишевскому задаток и подозвал Войцеха. Пан посмотрел на бойца, как британский лорд на чистокровного коня, и перевел выжидающий взгляд на меня. Я молча согласился с паном – подтвердил коротким кивком его невысказанный восторг перед бойцом, считаемым вещью. Нет, для меня Войцех не вещь, для меня он просто – объект. Какая разница? А такая – вещь твоя

собственность, а объект – собственность твоего государства, отданная в твои руки временно и не совсем.

Войцех ждет, а я ломаю голову, как расплатиться с паном. Я не задействую основной счет Яна – начальник прознает. А на другом счете Яна денег не достаточно для такой сделки. Вольф беден. Так что с ним вопрос не стоит. Вебер достаточно обеспечен. Но его денег достанет только на дорогу и документы. А деньги Вебера все только для таких трат. Мне ведь девушку через границу переправить трудно будет. Надо будет ей документы достойные справить, найти транспорт, подыскать прибежище, приставить к ней надежного бойца. Ларсена и Вайнера я впутывать не должен. Так что ничего у них брать не буду. Придется добыть деньги на стороне – начать с нуля, с чистого счета.

– Войцех, подбрось меня к Франкфурту.

– Некогда мне, Ян... Дела у меня еще...

– Знаю я твои дела – подождут они тебя. Не так уж далеко. Давай, Войцех. К ближайшему входу в подземку. Поехали.

Пан окинул своего бойца повелительным взглядом, приказывая подчиниться мне. Вот и все – Войцех передан в мое распоряжение. Правда, пока на определенное время. Но скоро он весь станет моим – станет служить мне одному.

Глава 18

Поднял голову, прикрывая глаза от противной мороси. Ненадолго солнце проглянуло, а вот дождь зарядил, видно, на весь день. Направил “волчий взгляд” на муравейник – только не на лесной и не на подземный, а на городской. Высотная стекляшка не просто вздымается в хмурое небо, но и отражает его, сливаясь с ним. Это здание похоже на меня – оно подделывается под окружающее пространство и исчезает в нем. Оно не невидимо, но незаметно. Небоскребы – подобные мне безликие охотники, пожирающие безымянные жертвы, проходящие через них в никуда из ниоткуда несчетными полками.

В здание вползает столько же серых теней, сколько и выползает. Люди с серьезными лицами, одетые в строгие костюмы, выходят из машин, переключают линии связи, показывают пропуска – сотни людей... одинаковых людей.

Мысленно усмехнулся и свернул в переулок. Осторожно снял прежде срезанную и ныне аккуратно подклеенную пломбу. Переступил лазерный луч сигнализации. Ступил в темноту подвала, направился к тайнику. Здесь, в простенке, меня ждет такой же строгий костюм, как у всех служащих высотной стекляшки. Он подчеркнет серьезность моего лица, и я – стану таким же сотрудником центра, как остальные.

Засветил экран, проверил проходимость сигнала, подключаюсь к линии...

– Швед, выкладывай готовую открывалку.

– Что, еще одну? Еще одну на сегодня? Сопьешься, Охотник...

– Без обсуждений.

– Ясно.

– И поторопись с решением главной задачи. К вечеру результат нужен.

– У тебя точно запой, Охотник...

– Без обсуждений. Только так тебя мои дела стороной обойдут. Держи язык за зубами. Не нужны мне на попойке непрощенные гости. Ясно?

– Ясно. Незваных гостей можешь не опасаться. Ты не нервничай только...

– Не нервничаю я! Спокоен, как никогда! Конец связи.

Просунул руку в темень, застрявшую в простенке. Крючок вешалки, скрежеща, соскочил с ржавого гвоздя. Ключья паутины накрутились на руку и потащились за ней на свет, покидая стенную прореху. Полиэтилен захрустел, слетая с дорогого пиджака на припыленные плиты пола. Достал обломок зеркала и надел парик с подходящей для дела длиной волос – клерки так коротко, как я, редко стригутся. Сбросил на лоб несколько темных прядей, затемнил брови, затер пудрой бледные шрамы на лице и засмотрелся на свое отражение. Красавец!

Пошел к выходу, но задержался у порога. Обернулся к зеркалу, вернулся. Провел перчаткой по отражению. Я предстану перед ней в ином виде, но я понравлюсь ей, красавице моей, – с первого взгляда. Я всем нравлюсь, когда мне это нужно.

Только хватит любоваться собой – пора открывать себе любимому счет в банке... вернее, искать человека, счетом которого я воспользуюсь.

Глава 19

Я присмотрелся к этому зданию. Приметил, что постоянные сотрудники проходят пропускной пункт, чиркая кодом карты по таблоиду турникета и наскоро показывая пропуск сонному охраннику. Автомат лиц не различает и людей не распознает. А охранник спокойно пропускает всех, кто покажется ему знакомым. Пройти просто. Достаточно попросить зажигалку у курящего около входа человека, взять его пропуск, прикрыть рукой его запечатленное на пропуске лицо и махнуть пропуском перед охранником. Главное, – уверенно идти вперед. Тогда пройдешь всегда и везде. Тогда тебя не заметят, не остановят на тебе внимания и не остановят тебя. Нет, меня не выделяют, не отличат от других – таких же знакомых и привычных.

Я стараюсь стоять к камерам спиной, но не постоянно – иначе незаметно не пройти. Надо скрываться ненавязчиво. Подходя ко входу, наклоняю голову чуть ниже положенного простому клерку и прячу глаза. Прошу у приличного человека с некоторым сходством со мной прикурить. Роняю папки. Он, как порядочный немец, помогает мне их подымать. Я, как такой же порядочный немец, рассыпаюсь искренними изысками речи. Отхожу в сторону, выпускаю дым из угла рта и взираю на пропуск наивно отзывчивого клерка. Посмотрим, как его зовут... вернее, как зовут меня. Томас... Сойдет.

Глава 20

С моим пропуском я могу ходить меж этажами, но по одним коридорам, а не по отгороженным отделам и техническим помещениям. А мне нужны именно технические помещения. Мне нужен иной пропуск.

Торопясь напоказ, налил кофе из автомата и понесся к лифтам. Маневр первый. Налетел на блюстителя чистоты со шваброй в руках, кинул стакан ему под ноги, пролил кофе на оттертый пол и стал спешно просить у него прощения. Есть! Он пристально посмотрел на залитый, замаранный пол и не заметил моего лица. Маневр последний. Я стукнул его по плечу и полетел к лифтам. Он не почувствовал, что я промазал из-за неловкости и хлопнул его не по плечу, а по груди, – по нагрудному карману. Пропуск есть! Остался последний штрих – расчетная карта. Коды и пароли карты мне найти просто. Главное, – найти карту. Мне нужен чужой счет, через который я прогоню чужой капитал. Думаю, добродушный толстяк подойдет. Конечно, в ближайшее время весело ему не будет, но он горе с петлей не разделит – разве что с бутылкой.

Вышел из лифта на верхнем этаже, отследил сигнал требуемой частоты, определил беспроводные устройства наблюдения, встал в зоне плохой видимости и подключил декодер. Проследил сигнал сетевой техники, связанной с главной системой безопасности. Подстроился под код соединения и подключился с него к системе. Пустил в ход с таким трудом выбитую у Шведа “открывалку”. Вошел в систему безопасности через беспроводную сеть, взломал ее и отключил наблюдение на участке.

Эх, пустился ваш диверсант во все тяжкие, Игорь Иванович! Я готовлюсь ограбить банк, а на деле – обчистить добропорядочных граждан. Только я не для себя беру! Не на отчаянную гульбу я все их сбережения бросить собираюсь, а на дело! А главное, – люди эти не такие честные и порядочные, Игорь Иванович! Эти люди открывают рты, осуждая абстрактную жестокость, но закрывают глаза, стараясь не замечать конкретные зверства! Под боком у них изверги и изуверы людей мучают! А они делают все, только бы не думать об этом! Обо всем, что вокруг них творится! Они, люди, допускают всю эту жестокость, во главе которой стоим мы, кровожадные “волки”!

Пусть поделится с бедной девушкой! За разрешение на дальнейшее закрывание глаз им придется заплатить! Заплатить мне!

Остался один шаг. Я должен войти в центральную систему. Внедряюсь в нее, воспользовавшись проводным подсоединением. Пройду на чердак и подключусь с чужого канала.

Открыл проход пропуском блюстителя чистоты, а щиток – отмычкой. Поменял микросхему с кодами компьютера. Подобрал код кабельного подключения, подсоединил компьютер к кабельному каналу. Пошел на встречу с центральной системой, как на свидание с нестойкой девицей. Ей под моим напором не выстоять и тридцати секунд! Сейчас я ей жара задам! Напустил на пароли злостные программы. Пошел поиск. Есть! Первая ступень защиты преодолена! Еще... Есть! И еще... Все! Злорадно усмехаясь, стер со лба испарину. Все мое! Все мои! Потянул нетерпеливые руки к клавиатуре, как к несметным сокровищам. За этими невзрачными значками скрыты пути к кодам, а за кодами спрятаны клады. Эх, не зря я так серьезно к вопросу “открывалок” подходил всегда! Мои “отмычки” – затраченных сил и времени стоят!

Меня бьет озноб. Я ближе к ней еще на один шаг. Стараюсь согнать с себя оцепенение, прогнать из головы это желание, это ожидание. Но все, что нахлынуло на меня, накрыло – с головой. Хмельного, словно от захлестывающего ветра, меня несет черт знает куда с волнами и я, вконец пьяный, захлебываюсь водой, как водкой. На меня налетает пенистый вал и... отступает, разбиваясь о мой, резко холодающий, рассудок.

Сейчас неизвестный, но отчаянный сотрудник стекляшки смерчем пролетит по счетам стороннего честного народа и переведет на счет чужого человека целый капитал – кучу купюр или гору золота-эквивалента. Этот скромный человек, счет которого сейчас резко подскочит вверх, – незнакомый мне первый встречный. Просто, у меня его карта, просто мне известны его коды. Скоро я приложу руку к его счету и получу на руки груду добра. Сниму все свои деньги, до последнего пропащего гроша... а его деньги не трону – он мне все же карту предоставил, так что будем считать, что мы с ним в расчете.

Потреплют же нервы сотрудникам стекляшки, когда проследят код подключения. И человеку, через счет которого пройдут мои деньги, достанется. Не по душе мне такие вещи. Только я вынужден исходить из данности. Мне не решить сложной задачи, выставляя на свет себя, – я высвечиваю других, оставаясь в их тени. Чаще я специально подыскиваю человека, которого пущу в расход. А первых встречных, как сейчас, подставляю редко. Но сейчас на поиск подходящего человека времени просто нет – в ход пускаю всех, кто под руку подвернется. Плевать мне, что они ненадежные, не проверенные. И на них мне – плевать. Пусть представители властей и служители порядка думают, что это один из своих сделал, – тогда никого из чужих подозревать и прослеживать не станут. Я останусь в покое. С таким расчетом я и выбрал прямое кабельное подключение. Так проще всего внимание отвлечь, взгляд в сторону отвести, следы спутать и скрыться спокойно. Так сразу ясно, что отсюда человек в сеть выходил, что свой человек.

С вида проще подключиться к системе дистанционно – не заходя в здание, а стоя далеко в стороне. Ведь несложно под код сигнала хоть какого их компьютера подстроиться и с его канала в их центральную систему вторгнуться. Только беспроводная связь всегда ставит под подозрение пришедшего хакера. Вроде неплох путанный вариант, применимый на порядочном расстоянии, – войти в сеть хоть с какого своего канала, вскрыть хоть какой их компьютер и внедриться в их центральную систему с его проводного канала. Только, рано или поздно, специалисты определят, что проход к системе открыт с чужого канала, – тогда чужой код и сигнал отследят. Здесь ведь все регистрируют, все сведения сохраняют. Узнают специалисты, что в сеть проник чужак, подошедший к центральной системе с улицы. Мне этого никак не нужно. Мне и сложные операции не на руку. Люди не должны думать, что у них под носом действует диверсант, вооруженный крутой техникой. Людям следует считать, что они столкнулись с делами простого солдата или хакера, оснащенного средней аппаратурой. Иначе меня станут искать так серьезно и целеустремленно, что отыщут. Исходя из выше перечисленного, я решил зайти в здание и задействовать все виды связи на незамысловатом уровне, явно давая увидеть, что нахожусь здесь. А главное, – я четко показал, что не такой страшный, как на деле, и ясно дал понять, что не так опасен.

Насколько просто ты исполнишь задачу, настолько сложно тебя будет опознать в качестве серьезного разведчика. А насколько трудно тебя будет вычислить, настолько тяжело тебя будет поймать. Так всегда. Только на моей службе по-простому не сработает и по-настоящему простыми способами цели не достигнешь. Сделать хоть что-то по-настоящему просто в моем деле – очень сложно. Мне почти все время приходится нагонять на запредельно сложные задачи одни лишь видимости простоты, почти постоянно приходится исполнять задачи с расчетом на чужие глаза и с показной нечеткостью, путающей мои следы и чужие мысли. С вида мне не так трудно туманить всем глаза и мутить рассудок. Но все только – с вида. Показать противникам примитивные помыслы на месте продуманных во всех тонкостях и тщательно спланированных операций с неподозрительной очевидностью – крайне трудно. Такие вещи даются мне тяжелее всего – ведь я действую обдуманно, ведь мои движения отточены. Конечно, кажется, что профессионалу под непрофессионала подкосить – раз плюнуть. А нет. Я же должен сначала сбить ход мыслей себе, а только после – таким крутым контрразведчикам, как Шлегель. Мне нужно сохранять разум ясным, незамутненным навыками и привычками, всегда – все время. Тогда мое подозрительное поведение выглядит так, словно оно в порядке вещей. Я вроде случайно попадаю в спорные ситуации, ухожу от слежки, вроде не стараюсь уйти. Я и сейчас себя такой видимостью закрыл, как туманом, и защитил, как крепостной стеной. А скоро я стану поступать еще непонятнее – настолько нагло, что неожиданно, и настолько глупо, что неподрасчетно... с вида нагло и глупо, а на деле – осторожно и осмысленно.

Эх, на что только не пойдешь ради чистой любви – даже на грязный грабеж! Правда, моя любовь не такая уж и чистая, а мой грабеж не такой уж и грязный. И вообще – все наоборот... Это не грубый грабеж, а – тонкая операция, и не высокая любовь, а – низкая страсть, снесшая мне голову. Не буду я себе врать! Отправила меня моя страсть на передовую в виде зверюги простой, пусть и разумной! Будь честен – не с другими, тогда хоть с собой! Такое у меня кредо! Так я защищаю себя от тумана, нагоняемого мной на всех вокруг! Нам всегда следует помнить, что наше оружие, направленное против врага, при ничтожной нашей неосторожности поражает нас. Изображая перед врагом друга, а перед другом врага, можно забыть, кто – друг, а кто – враг. Попробуй не запутаться, кто ты, где ты, с кем и когда... я ведь под десятью лицами говорю на десяти языках с десятью людьми из десяти стран.

Пора мне сворачиваться – не собираюсь я ждать, когда за мной придут. С банками покончено – пора к банкоматам. Теперь надо обойтись без задержек. Стоит специалистам разобраться с моей махинацией – мой счет, точнее счет незнакомого толстяка, заблокируют. Да и о подходах к аппаратам, и о доступе к деньгам подумать надо. Правда, что думать? Я знаю данные счета и аппараты, стоящие в плохо просматриваемых со стороны зонах. Аппараты оснащены передатчиками на аккумуляторах – с такими проблем нет. Я сигнал с такого передатчика запросто перебею – переключу помехой на частоте, определенной моей техникой. Пройду невидимкой!

Незаметно бросил пропуск Томаса около проходной. За моей спиной сошлись створы стеклянных дверей, впусивших бедняка и выпустивших богача.

Глава 21

Нужно торопиться. Сейчас полным ходом идет анализ взлома системы важного военного объекта. И задействованы сильнейшие специалисты – такие, что мне и не снились. Скоро они завершат анализ и переустановят систему защиты. Тогда мне ее точно не взломать. Не справится с ними Швед в одиночку.

Допустим, даже справится Швед – сделает достойную “открывалку”, все равно не выйдет у меня систему открыть. Шведу нужно точно знать, какую систему он должен осилить. А я, без участия государства, не смогу достать для него данные системы – требования к “открывалке”. Вся надежда на прежнюю защиту... на то, что Швед сделает подобие моей прежней “открывалки”, предоставленной мне государством. Я не могу применить государственную снова. Наши не должны связать мои действия со мной, а чужие – с нашими. Запутая я всех. Главное – мне не запутаться.

Глава 22

Седой поляк захлопнул чемодан и пожал мне руку, а я захлопнул дверцу машины и выжал газ. Только Игорь Иванович голосом совести кричит мне вслед: “Слава, ты не с катушек слетел – ты с цепи сорвался!” Но голос затихает, Игорь Иванович отстает, остается далеко позади, скрывается из вида.

Вечер стягивает предгрозовое небо глухой мглой. Ночь надвигается с ненастьем. Только я озаряю сумеречное небо сиянием. Я снаряжаюсь в поход, как в полет.

Мне кажется, что я мыслю трезво, но такие мысли диктует дурман, заполонивший мою голову, заполнивший сознание. Голова кружится, и я не замечаю царящей кругом грязи и тесноты. Я словно не протиснулся в простенок, а проломил стены. Словно не прополз через темную трубу, а пролетел сквозь ночное небо. Бегу через канализацию, и брызги зловонной замутненной воды кажутся мне чистой утренней росой. И тяжелый автомат, бьющий по спине, – легок, как перышко.

Расправил крылья и полетел. Прямо к трубе, ведущей вверх, в высокое небо. Сбил засовы решетки, перекрывающей путь. Сбросил решетку вниз. Прыгнул, цепляясь за прутья. Подтянулся, пробираясь в трубу.

Крылья пришлось сложить. С тяжкими усилиями карабкаюсь в узкую горловину. Перчатки и протекторы не слишком ощутимо помогают, но я упорно продвигаюсь вперед, взбираюсь вверх, распирая проржавевшие стенки трубы похолодевшими руками.

Глава 23

Меня не ждут – не ждут от меня такого нахальства. Я пройду. Пройду сюда и уйду отсюда. Уйду с ней!

Ворвался в коридор, врезался в дверь, влетел в стекло... Она сидит на кровати – острые колени поджаты к груди, охвачены тонкими руками, голова опущена. Она подняла на шум склоненную голову, направила на меня печальные глаза. Я ударил дверь с такой силой, что чуть не вышиб, что меня чуть не сшибло. Пошатнулся и прорвался в изолятор, подхватил девушку и...

– Я пришел за тобой! Я заберу тебя!

Она, совсем слабая, упала мне на грудь – ее волосы пролились на мои плечи золотистым дождем, и я задержал дыхание, обмирая. Прочухался, поволок ее прочь. Споткнулся, когда ее руки судорожно сцепились на моей шее.

Остановился резко. Черт... Я чуть не забыл...

– Что с тобой делали?! Что тебе кололи – химические препараты или еще что?!

Она в ужасе подняла на меня глаза, пытаясь всмотреться в мое закрытое маской лицо...

– Я не знаю...

– Ты заражена?!

Она в еще большем ужасе сцепила руки, хватая меня, будто я ее брошу, если она скажет что-то не то...

– Я не знаю...

Отодрал от шеи ее руку – перехватил, рассматривая штрихи. Код не знакомый, но несколько совпадений есть – она заражена. Черт... Развернулся, рванул назад. Кинулся к хранилищу, разбросал контейнеры. Нет... Среди них нет нужного... Или просто не попадается на глаза нужный код... На глаза попадается одна только крыса – носитель нужного мне вируса... Разметал пробирки, ища шприцы.

– Стой! Стой здесь! Я деактивирую эту дрянь!

Поставил девушку на пол и... Хватанул шипящую крысу. Вирус передается через кровь. Только я не знаю... Не знаю, как у крысы кровь забрать. Черт... Всадил шприц, куда попало, взял кровь и... Путаюсь в волосах испуганной девушки, разорвал ее больничную рубашку. Крепко держа ее, вырывающуюся, воткнул шприц в подключичный катетер... только не ввел зараженную кровь – чужую кровь. Свернется же – чужая... Черт... Чуть не убил свою девушку... Неуч! Надо подумать,

надо припомнить... А времени нет. Вырвал иглу у нее из груди, взялся за нож – оставил на нежной коже грубую надсечку, полил порез зараженной кровью. И что дальше?! Этого достаточно?! Черт...

– Что ты делаешь? Отпусти... Отпусти меня!

– Тише, не дергайся! Это – твое спасенье! Ясно?! Сказал, не дергайся! Стой!

Девушка высвободилась из моей хватки, вывернулась у меня из рук. Сунул взвизгнувшую крысу в подсумок и...

– Ты не уйдешь! Не уйдешь без меня! Ты не уйдешь от меня!

Девушка вскрикнула, когда я налетел на нее, сшибая, хватая, таща... Она вздрогнула, когда я перекинул ее через плечо, волоча к пробойне в стенной панели...

– Оставь меня! Не трогай! Не трогай меня! Не мучай!

– Я вытащу тебя отсюда! Я спасу тебя! Только не дергайся!

– Отпусти меня! Я прошу тебя, пощади!

– Молчи!

– Ты же человек! Окончи мои мучения! Не мучай!

– Я не один из них! Замолчи!

Толкнул ее к тесной и душной темноте хода. Она кричит, цепляется. У меня в голове щелкает счетчик – секунды истекают, и перед глазами плывет. Я слышу тяжелые и скорые шаги. Спецназ. Бойцы на объекте. Они наступают на нас, настигают нас. Только на них полное снаряжение – не просто им протиснуться здесь станет. Их броня, обмундирование, вооружение – все здесь, под землей, будет их тормозить... вся их неуязвимость здесь обратиться против них – будет задерживать, заставляя искать обходные пути.

– Не сопротивляйся мне! Не цепляйся! Я не из них! А они на подходе!

Она слышит их – этот шум отражается в ее глазах страхом. Бросаю ей прикрепленный к ремню трос, кладу руку на блок, упираясь сапогом в стену.

– Держи трос! Держись за ручной зажим, а трос не трогай – кожу с рук сдерешь! Я тебя спущу! Здесь не высоко – труба короткая!

Она послушно исчезла в темноте.

– Отпускай! Отходи!

Подтянул, скрутил трос и спрыгнул в темноту следом за ней. Схватил ее за руку и потащил по парапету, едва возвышающемуся над застойной водой. И не подумал подключить и перекрывать отключенный объект – мне бы не хватило времени заблокировать замки. Бойцы будут преследовать нас. Они пойдут на перехват. Надо спешить.

– Скорее!

– Я не могу!

Держусь за стену, удерживая ее, – только тропа такая сырая, скользкая, узкая... А скоро они...

Сейчас они пустят дым – кинут шашку. Нет, они не напустят нейропаралитического газа – не сейчас. Пока они попытаются схватить меня живым и мыслящим. Они постараются поймать меня. Им нужно допросить меня. Пока еще – просто дым. Пока еще пустили – простой дым.

Остановился, переводя дыхание. Повернулся к девушке, хватая ее за плечи.

– Надень респиратор! Я помогу с креплением!

Она оттолкнула мою руку, конвульсивно хватая задымленный воздух.

– Простого респиратора пугаешься?! Думаешь, я тебя газом травить собрался?! Нет! Он – обычный!

– Кто ты такой?! Что ты делаешь?! Куда ты меня тащишь?!

Полячка... Она – полячка, и плохо знает немецкий. Переключился на польский, стараясь ее успокоить.

– Скажу! Скажу позже! А сейчас нельзя останавливаться! Дай мне надеть на тебя респиратор – тебе будет легче дышать и видеть! Он, как облегченный противогаз, – ты будешь дышать! Тебе лучше мне верить! Верь мне!

Она схватила воздух, вдыхая еще судорожно и выдыхая уже спокойнее, не так прерывисто.

– Что ты со мной сделаешь?

– Отвезу туда, куда скажешь, и спрячу, где покажешь. Только не останавливайся.

– Мне тяжело...

– Не останавливайся! Скоро я понесу тебя – скоро я смогу, а сейчас...

Дым заволакивает все вокруг, наползая на нас с чахлыми сквозняками. Бойцы открыли огонь... только далеко. Бросаю ее руку, оборачиваюсь.

Они стреляют – точно... только выстрелы глухие, отдаленные. Черт... Замки! Замки открыты! Я оставил замки открытыми! Я выпустил – подопытных. Теперь они, зараженные неизвестно какой дрянью, выползли из изолированных отсеков, вылезли из всех щелей.

Страх поднялся из дыма с хромо-тащащимся за мной и тянущим ко мне руки человеком. Смутный силуэт с удушливыми хрипами колыхается в дымной мгле... в тишине, в моей холодной руке, щелкает затвор.

Пуля просвистела, прорываясь через глушитель, девушка глухо закричала через респиратор. Облаченный в белую рубашку человек рухнул в темноту. Направил хилый свет в его сторону. Над ним сошла вода, стянулся дым – он, не четко очерченный, скрылся... исчез, как призрак. Девушка, задыхающаяся от страха, закрыла руками лицо, стараясь стянуть респиратор. Оторвал от лица, от маски, ее руки, крича сорванным голосом.

– Не трогай!

– Он душит меня!

– Страх душит! Дыши спокойнее!

Зараженные нам на руку – они задержат настигающий нас спецназ. Спрыгнул в воду, стаскивая и ее. Понесся в тоннель, таща ее следом, – снова сопротивляющуюся каждому моему действию, каждой моей попытке успокоить. Подхватил ее, упирающуюся, на руки...

– Ты стрелял в него! Ты его!..

– Пристрелил! Он заражен! Он распространитель неизвестной заразы!

– Ты его!..

– Я не имею права позволить им уйти! Ни одному из них!

– Что ты сделаешь со мной?!

– Я сказал! Я стараюсь освободить тебя!

– Что тебе от меня нужно?!

– Сказал! Просто стараюсь освободить тебя!

– Ты передашь меня другим – таким же?! И они – будут так же мучить меня?!

– Нет! Просто я могу помочь тебе – и помогаю!

– Ты обманешь меня!

– Нет! Я докажу! Только обожди!

– Я не верю тебе! Убей меня! Не обрекай меня на мученья! Я больше не могу! Убей, как того!

– Нет! Я пришел помочь тебе!

– Почему мне?! Почему мне одной?!

– Потому, что у меня не хватит сил и целительной заразы на всех зараженных! Хватит только на тебя – на тебя одну!

– Почему я?!

– Потому, что я хочу тебя! Замолчи – дыхание потеряешь!

Девушка замолкла в изумлении, вытеснившим на время раздирающий ее ужас. Едкий дым чуть рассеялся, и я увидел его. Человек в штатском – военный в штатском. Я узнал его. Он преграждает мне путь. И я знаю, что он – не один... просто других в дыму еще не видно. Они еще далеко, только я, не долго думая...

Дуплетом в грудь – одна входная, две выходных... и броня к черту. Он падает в воду. Толкаю в воду девушку, открываю огонь.

Пистолет вернулся в исходное. Пустая обойма выпала в воду. Я вставил другую и... Черт... Рука потянулась за спину, за автоматом. К черту тишину!

Перехватил автомат, передернул затвор и поставил на затворную задержку. Пуля саданула мое плечо. Прижал заостренным пальцем спусковой крючок, короткая очередь разлетелась в низком коридоре рикошетом и раскатилась искореженным рокотом. Это еще не конец! Эх, не конец!

Прыгнул в воду, ища ее, но нашарил только труп военного. Черт... Где она?! Вцепился в ее мокрую рубашку и поволок за собой.

Глава 24

Кровотечение несильное – хорошо, я не собирался им кровавого следа оставлять и кровь на анализ им сдавать тоже не намеревался. Встал у стены перевести дух. Сдернул с девушки респиратор, стянул с себя маску. Она посмотрела на меня расширенными глазами и отвела взгляд в сторону... опустила слезящиеся глаза в пол.

– Продрогла? У тебя зуб на зуб не попадает.

Она отрицательно покачала головой, отстраняясь от меня, стягивая к груди руки, складывая ладони. Осторожно охватил ее хрупкие плечи. Она прижалась к стене, сжалась, поднеся руки к лицу, словно прячась от меня.

– Просто разотру.

– Нет...

Через стиснутые стучащие зубы у нее не получилось сказать что-то понятное, и она замолкла. Дрожит у меня в руках, как осиновый лист.

– Совсем недалеко осталось. Снимай одежду.

Она отпрянула от меня, но я удержал ее.

– Нет... Не трогай меня...

– Ты мокрая, а еще идти. Снимай – я выжму. Живей!

Она отвернулась, стянула рубашку, робко протянула мне. С ее распущенных волос стекает вода – они распались на тонкие пряди, и ее спина, считай, открыта.

– Не смотри...

– Скажешь еще... не смотреть.

Крепко обнял девушку, невзирая на ее слабые протесты.

– Не трогай...

– Да начни ты соображать, наконец. Кончились мученья. Ясно? Теперь ты со мной. Я тебя теперь буду оберегать... пылинки с тебя сдувать буду.

Она отвернулась, тихо всхлипнула и выскользнула у меня из рук. Подхватил ее еще до того, как она упала на пол.

– Ты что? Что с тобой?

Она так и не пришла в себя, когда я потащил ее наверх, – безвольно поникшую в моих объятьях, уронившую руки, запрокинувшую голову.

Глава 25

Приволок ее в подземный ход и осторожно опустил на землю – передохнуть пора. Сердце еще стучит, разнося адреналин по крови, но уже – не ровно. Остатки не сожженной энергии еще колотят меня нервным напряжением, заставляя забывать про изнеможение, но уже – с перерывами. Я начинаю вспоминать про усталость... и готов свалиться замертво на месте. Батарейки у меня садятся – энергия на исходе, и я едва держусь на ногах. Сел рядом с ней, подтянул ее к себе, усадил на колени, стараясь согреть ее... и согреться.

– Кто ты?

Она открыла покрасневшие глаза, и я просиял.

– Вольфганг.

– Вольфганг...

– Никакой я не господин. Просто – Вольф... просто – “волк”.

Девушку вдруг улыбнулась – робко и боязливо, но все же.

– Значит, ты не прекрасный принц?

– Нет, но я могу им прикинуться.

– Прикинуться?

- Хочешь, хоть сейчас прикинусь?
- Не знаю... Нет, не надо... Я же знаю, что ты – “волк”...
- А тебя как называть, красавица?
- Агнешка...

Агнешка... Она, как искра костра, как луч солнца... Она так ярко светит, что и я в ее лучах – свечусь и... горю. Неловко отбросил ее волосы с ее плеч, за ее спину... склонил голову к ее шее. Моя... Она моя... станет моей. Скоро... скоро станет моей. Тогда я снова смогу мыслить, смогу ясно видеть и свободно дышать. А сейчас в голове муть, в глазах туман, а дыхание замирает.

Ее тонкие пальцы судорожно сжались на вороте моей куртки, и она молча заплакала.

- Не трогай меня, Вольф... Только не трогай...

Меня будто ледяной водой обдало. Улыбка сползла с моего лица, а следом и лицо... душа искажилась, словно кислотой разъело.

- Что я тебе такого сделал, что ты со мной так?
- Я прошу, не надо... Оставь меня в покое...
- Не трону я тебя. Утри слезы и... Да тише ты.
- Только не надо...
- Ладно – не буду. Успокойся.

Глава 26

Хотел бы ей сказать, что после того, как она отключилась, мне пришлось ее в тесном трубопроводе таскать, выбираясь из подземелий, пришлось ее в машине возить, отслеживая хвост. Кстати, хвост был, и оторваться мне от него было не легче, чем ящерице. И еще, пока она тихо спала... Я отогнал машину полякам на разборку, я... Я спящую красавицу на “железном коне” с городских окраин вывозил – гнал, будто за мной черти гонятся... И, признаться честно, понятия не имею, как она после этого может так со мной. Не знает, конечно. Хотел бы ей сказать, но – не могу.

Нутром чую – не выдержу. Не выдержал. Схватил ее за руку, помеченную кодом подопытного.

– Я под пули подставлялся – тебя защищал! Я тебя на руках таскал, когда хотел свалиться и содохнуть спокойно! А ты!.. Ты мне и прикоснуться к себе не позволяешь!словно я прокаженный! Только и твердишь!..

- Отпусти...

– Снова за свое! Куда ты без меня пойдешь? Что ты делать без меня будешь? Тебя схватят сразу и прикончат! И вообще... Я что, заслужил такое обращение? Ты подумай! Заслужил я такое?!

- Ты...

Она безуспешно рванула руки – высвободиться я ей не дал.

- Обидно мне! Поняла?! Отвечай!

- Отпусти меня!

- Объясни мне! Отвечай!

Агнешка снова постаралась вырваться – отстранилась, как смогла, вскинула голову, сверкнула глазами.

- Объяснить? Ты убийца. Ты убил людей.

- Только, защищая тебя. Слышишь?!

- Ты убил...

– Только, защищая тебя! Ты слышишь?! Смотри на меня! Я защищаю свою страну, защищаю своих людей! И я убиваю тех, кто угрожает им! Только тех, кто – угрожает! Ясно?!

- Ясно... Только все равно ты – убил...

– Убил! Я бы и убил, и ограбил, защищая тебя, если бы не мог защитить тебя без грабежа и убийства!

- Ты преступник...

– Я?! Преступник?! Я – правозащитник, Агнешка! Преступники те, кто удерживал тебя против твоей воли!

- Ты такой же, как они...

– Я?! Да ты что вообще?! Ты меня еще и оскорбляешь?!
 – Куда ты меня притащил? Что ты сделаешь со мной в этом подвале?
 – Это не подвал. Это – склеп. Только ты не думай... Успокойся! Ты здесь не останешься! Ничего я тебе не сделаю! Я не психопат и не насильник! Я не исполняю военный приказ или правительственное поручение! Просто, стараюсь тебя освободить!

Она, гордо подняв голову, упорно смотрит мне в глаза – ясно дает понять, что не верит ни одному моему слову.

– Я переправлю тебя в тихий город, как только поспокойней станет. А после – в Польшу, в Варшаву. Или еще куда.

– А сейчас? Сейчас нельзя?

– Сейчас нас ищут.

– Ищут?

– Объект их под обычной больницей, где они людей незащищенных присматривают, находится – под землей. По документам – лабораторией секретной проходит, лекарства они будто делают и испытывают. А делают – оружие биологическое, на высшем уровне секретности. Ясно?

– Да... Только я не...

– Спрятан и прикрыт объект их серьезно. Они секретности стараются не нарушать – шума просто так поднимать не станут. Тихо попытаются нас отловить – своими силами. При нужде – службу госбезопасности подключат. А не получится нас поймать – подключат полицию. Объявят нас в розыск, как обычных преступников, – вернее, как особо опасных преступников. Тогда перекроют дороги – выставят посты, патрулей напустят, открыто город обыскивать будут. Тогда нам не уйти.

– Не уйти?

– Не повторяй ты мои слова! Нам нужно ждать, когда только решат полицию подключать – тогда мы проскочим. Ясно? Три организации будут скрывать друг от друга большую часть достоверных данных и операцию поиска проведут не слаженно – по крайней мере, начнут проводить, пока не расставят друг друга по местам. Одни будут рассчитывать на других, другие – скрывать от третьих. Одни искать начинают, другие – кончают и нам руки развязывают. Мы пройдем.

– Я не...

– Запутал я их здорово! Не знают они, кто я, что я задумал. У них вариантов полно – все разрабатывать будут. Им работа – нам время. Они концов не найдут – вернее, кучу ниток спутанных разыщут с концами во все стороны. Не свяжут они их, не сплетут веревку крепкую. Не выйдет у них нас на веревке вздернуть. Ясно?

– Нет, я не...

– Не понимаешь?! Сделаю я все, как надо! Спрячу я тебя! Только слушайся! Я не могу тебя так просто через границу... Так что пока так... Ясно?!

Она мне не верит. Черт...

– Можешь молчать и не верить, сколько вздумаешь, только от этого – ничего не изменится. Пошли.

Глава 27

Завел ее в темный склеп – она зажалась в угол, когда в моей руке вспыхнул яркий свет. Развернул новое одеяло, кинул ей.

– Грейся давай. Я тебе одежду дам – думаю, подойдет. Мы здесь расположились по-походному, так что... Не жалуйся, в общем, на неудобства. И еще... Придется мне тебя с Клаусом знакомить.

Она осмотрелась, я – тоже... Он где-то рядом – чую я его... по запаху. Прячется, похоже, в тряпье. Эх, позорит он меня в глазах моей девушки. Отмыть бы его, как следует. Да поздно. Надо было раньше думать – до того, как Агнешку в берлогу такую тащить. Надо было ее в другое пристанище привести – в развалины райнской крепости, но не сошлось как-то все со старыми замками...

– Клаус, выходи. Я знаю, что ты здесь. Я девушку привел... Ты давай – вежливость соблюдай. Ты все же человек знакомый с правилами приличия.

Старик вырылся из ветоши и... Ткнул мне в лицо какими-то скрещенными палками. Скорее, по привычке, перехватил палки, вырывая у него из рук. Явно встревоженный, он резко успокоился.

– Вольф... А я уж думал – вампиры.

– Параноик. Агнешку мне не пугай – ей и так пришлось...

Клаус, скрежеща суставами, вылез из завала своих вещей. Он каркнул, прокашлялся и снова заскрежетал, словно заржавленный. С напряжением наблюдаю, как старик пауком подкрадывается к моей Агнешке, протягивает ей трясущуюся птичью руку. Жуткий он вообще – если на него не моими, и не к такому привыкшими, глазами смотреть.

– Пани... Жаль, что приходится знакомиться в таких прискорбных обстоятельствах. Прошу меня извинить за этот... вид.

Старик как-то скверно хихикнул, как-то хитро сощурил глаза. Не нравится мне, как он на нее смотрит, – неприлично как-то смотрит... особенно для его возраста. Оттащил его в сторону от дрожащей девушки. Она и без его усилий боится. Закрылась одеялом чуть ни с головой – так, что только готовые пустить слезу глаза блестят.

– Клаус, давай без выходов. И так все как-то вышло... Понял?

Отпустил часто кивающего в подтверждение старика.

– Да, еще, Клаус... Она – полячка и думает, что я – поляк. Не разубеждай ее – знаешь же, что поляки к немцам не слишком хорошо...

Старик снова закивал и приглушенно задремывал мне на ухо.

– Ты прав, Вольф... Не стоит пока правду открывать. Только не унывай. Радуйся, что ты не русский. К русским они еще хуже...

Я совсем понурился. До того сник, что даже скрыть этой мрачности не смог. Старик утешительно похлопал меня по предплечью – до моего плеча ему, скрюченному артритом, просто не достать.

– Не горюй, Вольф... Вскружишь ей голову – забудет про все, как ты. Она ведь тебе голову вскружила – вижу я все, Вольф. Только зря ты ее сюда привел. Место здесь мрачное.

Старик, вдруг что-то сообразив, взглянул на нее, на меня.

– Вольф... А ты не оттуда ее?..

– Оттуда, Клаус. Только давай об этом позже – устал я.

– Ты был там...

– Был. Только давай – позже.

– Ты ушел...

– Пришел и ушел – как обещал.

– Она была одна, Вольф? Другие были?

– Были, но забрать смог только ее одну.

– А остальные, Вольф? Что с ними?

– Не знаю, старик. Не знаю... Они теперь округу зачищают – следы заматают. Давай позже. Я, и правда, устал... и еще – задело.

– Тебя ранили, Вольф?

– Несильно.

– Дай посмотрю...

– Только руки почисть как-то... и – спиртом протри.

Скинул куртку и обернулся к девушке, так и сидящей в углу, в одеяле.

– А ты не смотри.

Она вдруг стянула с лица одеяло и слабо улыбнулась мне.

– Ты же смотрел, когда я просила не смотреть. И я – буду...

Сердце снова застучало, в голове снова засияло.

– А ты мстительная, как я смотрю, Агнешка. А крови не боишься?

Она улыбнулась уже открыто и покачала головой.

– Не боишься крови – тогда не боишься и крыс.

Сунул ей в руку едва живого зверька – испуганного и затихшего.

– Держи давай. Зверь дыма надыхался и нахлебался воды. Это не так страшно – живучие они, крысы. Такие же, как я. Только ты все равно – позаботься о звере. Как обо мне.

– Я не знаю, что мне с этой крысой...

– Не отпускай. Посади в коробку пока и присматривай. Не забывай – тебе этот зверь жизнь спас. Как я. Ясно?

Агнешка забрала зверька у меня из рук, в изумлении рассматривая его. А я стал думать – можно мои раны пластырями склеить или шить придется. Похоже, – шить надо. Черт... И ребро еще осадило.

– Клаус, ты шить умеешь?

– И шить, и штопать, Вольф... Я все умею.

– Тогда – шей.

Клаус долго колупался в какой-то коробке и, наконец... подхватил мою куртку.

– Клаус... Меня шей!

Старик растерялся, и нитка с иглой заходили в его руках ходуном.

– Ты что, Вольф? Я не могу... Тебе к врачу надо...

– Какой врач?! Давай иглу!

– Ты что, будешь?..

– Буду. Было уже такое. Не так это и трудно. Иглу согнуть, на огне прокалить, нитку – в спирте смочить, и сойдет.

Я вдруг глупо ухмыльнулся, уставившись на Агнешку.

– Я и пулю достать могу так... Раз между ребер застряла – я ее ножом подцепил и...

Агнешка вдруг рассмеялась – так тепло и весело, что меня... будто огнем обдало.

– Хвост передо мной распускаешь?

– А как же? Сказал же, что хочу я тебя. Пока не поверишь – придется распушать хвост.

Она мило, можно считать нежно, улыбнулась мне...

– Хвост не распушают, а распускают.

– Орлы – расправляют, волки – распушают. Я и так, и эдак могу.

– А как же скромность? Или скромность не входит в список твоих достоинств?

– Конечно, входит. Как и все остальное.

Глава 28

Клаус надо мной стал смеяться – и не тихонько, а открыто. Агнешка еще насторожена. Я понял, что она – смела и сильна духом, только ей пришлось пройти такие тяжкие испытания. Чтобы раны стянулись рубцами, чтобы следы сгладились, – нужно время. Она запугана и скована, как каждый после длительного и жесткого заключения. Пока еще ее пугает каждая моя неосторожная резкость. Но она стала спокойнее. И ко мне, кажется, начала привыкать. Гордо вскидывает голову в ответ на каждую мою необдуманную грубость, но, в общем, со мной обходится заметно терпимее. Порой замечаю и первые проявления признательности. Получив от нее еще достаточно скупую благодарность, я не только перестал обижаться, но и – просто одурел. Не спал всю оставшуюся ночь. И теперь не нахожу себе места. Я заперт в духоте со своими жуткими желаниями и мечусь в тесноте, как тигр в клетке. Рядом с ней находиться просто невыносимо, но и от нее я никуда и никак.

Глава 29

Как только ее попытки меня прогнать стали слабее, стал цепляться к ней – сильнее. Крюгер еще как-то сдерживает меня, втолковывая, что она измотана и у нее просто нет сил послать меня с моими приставаниями к черту. Но долго мне не выдержать – голову сносит так, что не слышно не только голоса разума, но вообще – ничего не слышно. Не знаю, что мне с собой делать. Знаю, что теряю контроль, но удержать его – не могу. С ужасом осознаю, что одержим Агнешкой и что скоро перестану понимать и это. Теряю человеческий облик у себя на глазах и перестаю замечать это, становясь... зверюгой какой-то. А нам еще как-то надо... Надо уходить, надо скрываться. Без меня им не выбраться обоим, а я... Мне нужно быть бдительным, а я... Я болен! Вроде болен Клаус,

вроде больна Агнешка... А на деле я – большее их всех вместе взятых! Что есть душевная болезнь Клауса или телесная Агнешки в сравнении с моей?! Ничто! С моей болезнью, разъедающей и душу, и тело, а главное – разум, не сравнимо ничто! Игорь Иванович! Не держите на меня зла! Разрулите ситуацию! Я же не соображаю ничего! Подвела меня подкорка! Ничего не соображаю!

С виду спокойный, я опустился на плиту, под которой спит вечным сном истлевший епископ, – сел рядом с Агнешкой...

– Не кручинься, красавица. Потерпи еще. Скоро уйдем. Утром схожу проверю и...

– Печальное это место, Вольф...

Не удержался и провел рукой по ее волосам, по плечу...

– Нормальное место – сносное. Здесь достаточно сухо для подземелий.

– Нет, ты не понял... Это место... Оно навеяло столько мыслей...

Перед глазами поплыло. Охватил ее плечи и...

– И каких же?

Девушка подняла задумчивый взгляд в потолок – в низкий и совсем не сводчатый потолок.

– Высоких мыслей, Вольф... вечных мыслей...

Я ослабил объятия, хоть мне и хочется стиснуть ее сильнее и... Я еще могу... Могу терпеть... Я волевой, я выдержу.

– Это просто могила, выдолбленная в камне.

– Это место скорби, Вольф... Оно приближает нас к богу...

Девушка склонила голову мне на плечо, осыпая меня золотыми волосами, и я промолчал – не стал разубеждать ее, что бога нет, как разубеждал Клауса, что нет привидений. Пока промолчу, а позже... Она же не сумасшедшая, как Клаус, которому, какие доказательства ни приведи, – все впустую. У него логика от головы отскакивает, как мяч от стенки, хоть наука ему и не чужда. А она... Она – полячка, католичка... Она просто так воспитана, просто привыкла так мыслить. Это ничего, это исправимо. Завалю ее аргументами и... Но это позже. А сейчас... Провел рукой по ее волосам, по шее...

– Агнешка, мне жаль, что пришлось осквернить такое место. Только выбора не было. Так было нужно... для дела нужно.

Она грустно улыбнулась.

– Я понимаю... И бог поймет... Он простит... Он посмотрит нам в души и увидит, что мы...

Она положила руку мне на грудь, и я... схватил, прижал к груди ее руку крепче. Она всмотрелась в мое лицо с улыбкой.

– Расскажи мне о себе, Вольф...

– А что рассказывать? Я просто травлю крыс в подземельях этого города... и попадаю периодами в истории наподобие этой.

– Ты был военным? Ты воевал?

– Я служил, только... Пойми, я не могу тебе рассказать про мою службу.

– Тебе не разрешают?

– Верно, пока не разрешают, но позже – я расскажу.

А что я расскажу ей позже? Что я – русский разведчик? Нет, я не... Пусть думает, что я служил – в немецком спецназе. Нет... Она же думает, что поляк. Тогда пусть думает, что я – польский диверсант. Черт... А что обо мне думает старик Крюгер? Нужно как-то общее направление их мыслям задать. Только для этого мне нужно сначала изменить направление моих мыслей, замкнутых теперь только на одной Агнешке.

Решительно стукнул кулаком по надгробной плите. Спящая у Агнешки в рукаве крыса проснулась, испугалась и...

– Держи ее! Она деру даст!

– Вольф, пусть она...

– Ее нельзя отпускать!

Ринулся за зверьком, прочь из склепа. Куда эта тварь? Черт... Поймал. Черт! Священник!

Священник рухнул на пол... Агнешка закричала.

– Ты убил его! Убил?!

– Нет... Нет! Просто вырубил! Замолчи!

Схватил Агнешку, священника, крысу... потащил всех в склеп. Крысу сунул в подсумок, Агнешку отпустил, а священника – связал, заткнул ему рот, завязал глаза и уложил на плиту, закрывающую покойного епископа. Какого черта?.. Этот собор закрыт давно – он не действующий...

Ничего не понимающий Крюгер начал путаться под ногами.

– Клаус, надо уходить.

– А как же наша борьба?

– Какая борьба?!

– За права человека и...

– За правое дело сразимся после схватки за жизнь!

Агнешка в ужасе зажала рот руками, остановив на связанном священнике застывшие глаза, – отодрал ее руки ото рта.

– Какое кощунство, Вольф...

Дернул девушку за собой.

– Агнешка, уходить надо!

– Отпусти его...

– Не могу! Уходим! Сажай узника обратно в коробку и...

– Какого узника, Вольф?

– Крысу, Агнешка! Крысу!

– Зачем нам эта крыса? Зачем ты?..

– За эту крысу люди готовы и убивать, и гибнуть! Живо собирай все вещи! Все убирай, чтобы и следа не осталось! Священник скоро в сознание придет!

Старик с девушкой справятся со снаряжением, а я...

Берусь за автомат. Забиваю рожки, заматываю их скотчем, скрепляя друг с другом, – той же клейкой лентой, которой скрутил священника. Черт... Как на войну... Какой черт меня дернул в разведку?! Надо было спокойно отслужить на границе – без выходов, не выставляясь! И не надо было слушать последовавших за отчаянными выходами предложений! А нет, дернул черт! И в разведке! Дернул он меня себя показать не с той стороны! Сидел бы сейчас себе тихонько в теплом кабинете, в кресле, и цеплял бы исправно звездочки к погонам! Был бы сейчас бумажками обложен, а не оружием! Нет же – сижу в холодном склепе на чужбине и заряжаю черт знает как и черт знает у кого полученный пистолет! Еще и слюной исхожу при виде девушки, зараженной черт знает какой заразой! А черт...

Эх, Агнешка, я тебя все равно съем, пусть у меня и несварение случится! Эх, съест агнца серый волк!

Глава 30

Полиция... Везде... Верное дело, разыскивает нас и, верное дело, как опасных преступников. Оперативно они... Вспоминается мне муравейник, потревоженный палкой мудрого Игоря Ивановича. Эх, пошлет он меня... Это в случае моего выживания.

Агнешку со стариком я припрятал – пока неподалеку от склепа. Стал думать, что делать дальше. Меня ищут в качестве Вольфа, так что надо сбросить с себя его шкуру и стать Яном – поляком, имеющим прочные связи с преступным миром в этой стране. Этими связями я и воспользуюсь – не зря же налаживал столько лет. Эти бандиты, как и бесприютный сброд, подбрасывают мне сведения и, при нужде, – все, что нужно. Как ни крути – каждый, кто служит порядку, крепко связан с нарушителями порядка.

Правда, преступники, с которыми я сталкиваюсь чаще, – не обычные бандиты, а преступники государственного уровня. Я же – вроде, как Вольф, вроде, как травильщик крыс высшей категории.

Только я – круче. “Крысы”, которых я обычно травлю – круче. Вернее, я выслеживал и травил “крыс” – до недавнего времени. А на данное время я... Черт... Черт меня дернул! Тогда меня дернул в разведку пойти, а теперь – дернул Игоря Ивановича послушать, согласно кивнуть и чиркнуть подпись! Раньше расправа над каждым, в кого мне пальцем ткнут, моим делом была! А теперь... Теперь пальцем ткнули в меня, и расправа теперь ждет меня! Обучился, прошел одно усовершенствование – и должен был остановиться! А нет! Нет у меня тормоза в голове! Готовился три месяца! Три недели не покидал базы! Трое суток одну воду пил! Только бы провести операцию! Провести операцию и – потерять голову!

Как я все это Агнешке объяснять буду? А Игорю Ивановичу? Никак не буду! Нельзя мне ей и слова сказать! И ему – нельзя! Все слова для всех – лишними будут!

Глава 31

Закрыв лицо длинными темными волосами и ссутулив плечи, ступил на площадку возле стоянки. Подошел к стене здания и незаметно осмотрелся – людей нет. Проверил показатели электромагнитных полей – определил места всей техники контроля в округе. Пустил помеху.

Пошатался возле стоянки, куря и присматривая машину. Выбрал себе только что подъехавшую – хороша. Подстроил декодер и подкрался поближе. Подождал, пока выйдет хозяин... пока отойдет подальше. Осмотрелся, потушил окуроч, подошел к машине, подклеил на номер несколько рельефных цифр, памятуя о дорожных системах слежения, пустил кодированный сигнал с декодера, отключил сигнализацию, открыл дверцу, замкнул зажигание. Завелась. Поехали.

Хозяин машины пошел в пивную и сел за стол – скоро он не выйдет, а из пивной ему стоянку не просмотреть. Машину в угон зачислят через час – не раньше. Сейчас я спокойно, не скрываясь, доеду до места, оставлю машину в стороне от дороги – вне зоны видимости техники контроля возле тайника – и свинчу номера. Хозяин распрощается со своей машиной, а я – раскланяюсь со своей!

Глава 32

Клаус пошамкал ртом, отходя и рассматривая машину издали.

– Не знал, что за охоту на крыс так хорошо платят, Вольф.

Агнешку машина не зацепила, она в замешательстве уставилась на меня. Я наклонил голову и загадочно подмигнул ей “волчьим глазом” поверх темных стекол в безумно дорогой оправе. Да, такой я теперь крутой – обвешан цепями и смотрю исподлобья. На мне нет потрепанной куртки Вольфа и рубашки с отложным воротничком герра Вебера, зато теперь все видят мои руки и блистающие часы Яна. Выбирай любого, Агнешка, – все от тебя без ума и все твои с головой!

– Что встали? Садитесь живее. Поехали.

Агнешка недоверчиво всмотрелась в меня.

– Вольф, тебя трудно узнать...

– Так и должно быть. И запомни, мое имя – Ян.

Она оторопела.

– Это твое настоящее имя?

– Для тех людей, к которым мы едем. Ясно?

Подождал, пока они пристроят коробку с крысой. Лихо развернулся и дал по газам.

Глава 31

Пост... Еще один поставили. Нет, нам из города так просто не выехать. Знал, что оцепление поставят, – не знал, что так скоро. А держать как долго будут? Думаю, снимут скоро, дороги откроют, и мы освободимся. Черт...

Свернул, не доезжая до поста, – свернул к полякам. Думал об одной машине с ними договориться, только теперь мне одной машиной не обойтись. Планы меняются – и быстро.

Остановил машину, положил руки на руль, а голову на руки – что-то совсем выдохся. Только раз уж пошел – останавливаться нельзя. Вольфа так просто не опознают – они его в лицо не видели. Да и бродяги... Они со мной только в полумгле встречались – чаще видели меня в каске на голове... еще и свет им в глаза с моего лба бил. Не так просто в точности узнать, как Вольф выглядит. А больше их на меня не наведет ничто.

Сказал старику с девушкой оставаться в машине и направился к Войцеху, уже завидевшему меня из окна и спускающемуся ко мне.

– Войцех, у меня еще дело к Мсцишевскому.

– Ты где такую тачку раздобыл?

– Про нее речь и пойдет.

– А что?

– Поменять хочу – хоть на развалюху, только с документами исправными.

– Справим мы тебе документы, раз такое дело... У нас как раз заказ на такую...

– Да я так и рассчитал – так и думал, что долго не простоит, под заказ уйдет. Он здесь – Мсцишевский?

Войцех подошел к машине, придирчиво рассматривая. Как только он заметил Агнешку, вся его напускная лень испарилась и равнодушие стерлось с лица. Я резко одернул его за плечо, разворачивая к себе.

– Твоя, Ян, красавица?

– Моя.

– Всегда знал – кто машину выбрать умеет, тот и...

– Войцех, где Мсцишевский?

– Да в автосервисе все... Разбирается...

– Что-то часто у вас...

– Да все то же...

– Того же все разрабатываете?

– Да, Ян, – деньги у него наши, он их нам вернуть должен.

– Сколько?

– Спрашиваешь еще... За такие деньги и сдохнуть не жалко, Ян.

– Долго держится.

Он сжал кулак и потер ободренные костяшки.

– Упертый.

– С ним что, и Вацлав не совладал?

– Нет, никак он не колется...

– А вы его не так колете.

– Это как – не так? С ним Вацлав трое суток работает в поте лица.

– Трое суток молчит – значит, не с той стороны подходите. Не пугают его ваши угрозы – не действенны для него ваши методы.

– Раз уж такие методы не действуют... Тогда уж никакие не подействуют, Ян.

– Когда ты усвоишь, Войцех, что сила не только в кулаках, но и – в голове? Учись давай думать.

– Ты что, думаешь, не угрожали? Не берет его...

– Войцех, я вам его за час наизнанку выверну.

– Ян, ты его не видел еще... Он сдохнет, а деньги из зубов не выпустит. Мы его уже напоследок, не надеясь...

– Я вам ваши деньги с его зубами отдам, а взамен возьму у вас плату для наемника или – наемника.

– Тебе человек нужен?

– Надежный, который служил, как ты, и которого я знаю, как тебя.

– Я что-то не понял... Тебе что, я нужен, Ян?

– Точно.

– Да я что... Я готов.

– Только я тебя поперек Мсцишевского нанимать не стану.

Он с уважением взглянул на меня и выплюнул окурок, не туша. Правильно я поступил, подметив, что поперек Мсцишевского идти не стоит, – они свои... и порядок у них свой – с неотступными правилами.

– Да он что... Он согласится. Не думаешь же ты, что он тебе откажет? Ты же ему, как сын. А что у тебя за дела? Тебе кто-то дорогу перешел?

– Я перешел дорогу. Дело поправимое. Только Агнешке охранник нужен.

Он усмехнулся.

– Девушке твоей?

– Ни на шаг от нее не отходи. И только попробуй ее...

– Да понял я.

– И старик к тебе под опеку перейдет на время – в нагрузку.

– Справлюсь и со стариком.

– Поехали.

Глава 33

Стиснул зубы, смотря на Агнешку. В ее глазах только начали разгораться искорки жизни, а теперь их снова затмевает слепой страх. Седой поляк принял ее учтиво и усадил в потертое кресло, но она бледнеет на глазах, и глаза ее потерянно блуждают в полумгле небрежно убранной коморки. Она слышит срывающиеся хрипами крики человека, недалекого от смерти. Она помнит свой страх, свои мучения, и его страдания режут ее душу на куски. Девушка отстраняется от меня, шарахаясь и от Войцеха.

– Войцех, налей ей водки и отведи куда-нибудь подальше, пока мы...

Войцех кивнул мне, поднимая Агнешку с кресла под руки. Я взглянул на притихшего Крюгера – старик перепугался до ступора, когда сообразил, куда и к кому я его завез. Черт...

– И старика прихвати. Подальше отведи. Слышишь?

Как только одни двери сомкнулись за моими спутниками, другие – распахнулись передо мной. Сел верхом на стул, складывая руки на спинке, кладя на них голову и рассматривая то, что осталось от человека. Черт...

– Вацлав, да оставь ты его! Выйди!

– Он мой, Ян.

Вацлав перевел на меня всегда прохладные глаза – он тщательно скрывает все свои садистские страсти, стараясь сохранять спокойную видимость человека, исполняющего задание и получающего за него плату. Только он не такой наемник, как Войцех. Вацлав – редкостный урод, хоть внешне и на редкость красив. Он – настоящий садист, согласный не спать, не есть и не пить, – только бы получить в распоряжение очередную жертву. Вацлаву никогда не хватает смелости открыто пойти на поводу у страстей – он с мучением ждет, когда его жестокость станет нужна Мсцишевскому. И теперь – его жертва, как зеркало, отражает все его мучительное ожидание, все уродство его души. Пристрелю я его когда-нибудь точно.

– Теперь – мой! Выйди!

Агнешка... Она догадается... Она будет бояться меня... Она уже боится, а будет – еще больше... И не уверен, что смогу объяснить ей, что делаю все только ради нее. Я не смогу объяснить ей, – такой чистой и честной, что пытаю человека ради нее. Вашу ж...

Постараюсь найти подход к его голове. Про тело и думать нечего – его не починить. Покойник он. Только он после такого мыслит мутно – не понимает, что нет надежды. На это я его и подцеплю – на надежду.

Один со всей дури бился в дверь, открывающуюся с другой стороны. А другой – со всей силы дверь держал. Но явился третий и оттащил от двери того дурака, который бился в нее не с той стороны. Теперь тот дурак, который дверь держал, толкнет ее, открытую, и свалится всей своей тяжестью в руки умному третьему – то есть мне.

Глава 34

Встал на колени перед Агнешкой, неподвижно сидящей на кровати в клетушке Войцеха. Положил ее руки себе на плечи, посмотрел в ее опущенные глаза, прикрытые светлыми, как солнечные лучики, ресницами.

– Агнешка...

– Ты просто преступник... Ты – бандит, Вольф... Нет... Не правильно...

– Конечно, не правильно. Конечно, ты не права.

– Ты не Вольф... Я не правильно тебя называю...

– Агнешка... Все не так, как ты думаешь.

– А как? Как, Вольф?

– Я не могу пока тебе объяснить, только – все не так, как тебе кажется.

– Ты не можешь объяснить, потому что нет объяснений. Твоим поступкам нет других объяснений.

– Агнешка, так надо... Пойми – надо. Я знаю этих людей, но я не с этими людьми. Просто, они нужны мне. У меня с ними дела, но это – нужно. Без них мне не обойтись, не добиться тебя.

– Ты никогда не добьешься меня с ними.

– Без них мне не добиться... справедливости.

Агнешка подняла на меня прояснившиеся глаза.

– Ты решил все исправить?

– Я вернусь туда – на объект, Агнешка. Я добуду машину, оружие и...

– Правда должна быть открыта.

– Правда? Агнешка... Я могу заставить их закрыть объект, только я не могу...

– Все должны узнать о том, что там творится.

– Агнешка... Не выйдет. Они будут врать. Они не дадут хода правдивой информации, дадут дезинформацию.

– О происходящем должны знать все, Вольф.

– Не возможно.

– Возможно. Мы должны донести правду до всех.

– Нельзя.

– Нельзя, Вольф? Нельзя?

– Нет. Мне не известны планы правительства.

– Какие планы? Какого правительства?

– Не важно. Эта страна нам нужна. Этой стране нужно оружие. Нам нужно оружие этой страны.

– Какое оружие, Вольф? Как ты можешь думать об оружии, когда страдает столько людей?

– Без оружия пострадает больше людей.

– Без оружия люди не будут гибнуть, Вольф...

– Не будь такой наивной. Не будет его у одних – будет у других. И безоружные останутся беззащитными, когда вооруженные – станут захватчиками.

– Оружие погубит всех нас...

– А перед этим, часть из нас оно – спасет.

– Я не понимаю, Вольф...

– Просто ты мыслишь, как подзащитная, а я – как защитник. И отсчет ты ведешь – от человека, когда я – от человечества. Ты отвечаешь за себя, а я – и за себя, и за тебя, и за страну. Пойми меня, Агнешка, я не могу не думать о моей стране, о чужих странах. Этот проект не должны сворачивать. Я готов сравнять с землей твою тюрьму, стереть в порошок твоих мучителей, только не...

Она опустила на колени рядом со мной, обвила мою шею руками. Обнял ее, как в горячке.

– Ты сделаешь это?

– Сделаю... Я смогу... Я справлюсь...

Дождь золотых волос разлился по моим плечам, и голова пошла кругом.

– Это опасно, Вольф...

– Опасно, Агнешка...

– Я верю, что ты вернешься, Вольф... Ты вернешься...

В голове щелкнуло – вот он, “момент истины”. Во рту пересохло, сердце обмерло перед тем, как зайтись стуком и захлестнуть меня жаром.

– Обещай, что вернешься, Вольф...

– Я постараюсь, Агнешка...

– Я боюсь... боюсь отпустить тебя...

– А ты не... не отпускай пока...

Ее губы коснулись моего лба и... Она настойчиво отстранила меня, взяла мои руки в свои.

– Вольф, мы должны помолиться.

Она сложила руки, шепча молитву. А я... Задыхаясь, хватая ртом воздух и скрежеща зубами, опустил сжатые кулаки. Что ж ты меня так мучаешь, Агнешка?!

– Я пойду, а ты помолись пока за мою грешную душу, красавица.

– Подожди, Вольф... Я все думаю...

Я остановился, еще не теряя едва теплящейся надежды.

– О чем? О чем, Агнешка?

– О том священнике...

Закрыв глаза, задерживая дыхание и ругаясь про себя.

– А что о нем думать?

– А вдруг его не найдут? Вдруг не найдут в том склепе?

– Найдут... Найдут, Агнешка.

Я тряхнул головой, стараясь думать. Найдут... Вопрос только в том – когда? Черт... Будто болотные огни заводят меня в топи, и я, сбиваясь с тропы, захожу все дальше в трясину – тону и вязну. Не знаю, за что ухватиться, и меня затягивает... затягивает с головой.

– Агнешка, береги... Береги крысу, Агнешка.

Глава 35

Остановил машину возле придорожной рощи. Нашарил в темноте сверток, нащупал осколок зеркала, пошел в лес. Натянул тугую кожу, начал крепить к лицу железки, клеить к голове клочок длинных волос. Готово. Подвожу глаза, всовываю руки в рукава куртки из лохматого синтетического меха. Оковываюсь тяжеленным ремнем и надеваю сияющие хромом сапоги. Смотрю в зеркало – из него на меня зловеще взирает настоящее чудовище андеграунда. Так меня точно не заметят – увидят все, а не заметит никто. Теперь наведу к священнику.

Выйдя из мглистого леса на свет придорожных фонарей, напугал остановившегося неподалеку водителя до полусмерти, и остался вполне доволен эффектом. Своим видом я ударил ему по глазам, как электрошокером. Ничего не скажешь, мой Хайко – парень мрачный. В таком виде проводить время в склепах – нормально. Даже, если кто и увидит, никаких подозрений не возникнет. Так что заходить можно спокойно. Так же спокойно, как проходить с оружием через детектор, реагирующие на этот железный хлам. Меня в виде Хайко на проходе может задержать разве что очень старательный служитель порядка – из тех, кто решит раздеть меня догола... а такое редко случается. Агнешку, может, и чаще бы раздевали, а меня... Что им с меня? Поэтому я и хожу в шкуре Хайко стабильно при оружии – еще и в гриме, за которым меня вообще не видно. Только вот доспех его... наверное, тяжелее брони будет все его броское обмундирование.

Глава 36

Священник так и остался связанным отдыхать на холодном камне. Его глаза до сих пор закрыты, рот заткнут кляпом и заклеен скотчем.

– Черт... Человек?

Он слышал мои шаги, тихий голос, и постарался заорать во всю глотку. Только у него не вышло.

– Святой отец? Вы живы? Подождите, я вас развяжу.

Подошел к нему, неловко сдирая с него путы. Освободил его не сразу – сначала снял повязку с глаз. Он попытался закричать, испугавшись мрачного аутсайдера. Поэтому я и не стал торопиться с кляпом... и руки его оставил крепко скрученными.

– Святой отец... Туго вас связали – мне никак не развязать. Я не разорву – разрежу. У меня где-то нож... Я найду... Я сейчас...

Он по привычке ко мне, чуть успокоился. Содрал скотч, выдернул кляп у него изо рта. Решил не торопить его – он пока еще не продышался.

– Не волнуйтесь, святой отец. Сейчас я вас развяжу... сейчас.

Как только я освободил его руки, он вцепился в мою мохнатую куртку, открыл рот, стараясь что-то сказать.

– Что? Я не слышу, святой отец.

– Я впервые рад видеть одного из вас.

Я серьезно кивнул ему.

– Не такие мы и страшные, святой отец. Просто, мы не выносим солнечного света и скрываемся от него на могилах и в склепах.

Помог ему подняться – посадил на плиту спиной к стене, опер о стену. Он постарался пошевелить онемевшими руками, но не смог. На его бескровных запястьях красные следы от веревок – надо кровоток восстановить. Как только коснулся травмированной кожи, он скорчился от боли. Я усмехнулся, не прекращая растирать поврежденные участки, – отходит онемение. Не останется он без рук. А то ведь бывает так – передавит руку надолго, и все.

– Святой отец, кто это с вами сделал?

– Чудовище... Настоящее чудовище – не такое, как ты.

– Хайко. Я – Хайко. Вы видели его?

– Видел... Он метнулся ко мне из темноты.

– А лицо? Его лицо видели?

– Его лицо четко запечатлелось в моей памяти, Хайко... его искажало подлинное зло.

Я скинул на лицо длинный хвост волос – будто ненароком, будто он просто упал мне на глаза.

– Вы сможете его опознать, святой отец?

– Я узнаю его, где бы ни встретил... Такое лицо невозможно забыть.

Я кивнул головой и дружески положил руку ему на плечо.

– Не волнуйтесь, все кончилось.

Перевел руку ближе к шее и... Святой отец рухнул мне прямо в руки. Черт... Скажу Агнешке, что отпустил его. Нет, она не поверит. Черт... Что мне с ним теперь делать?

Глава 37

Уже так замотался, разъезжая в окрестностях, что начал терять ориентацию. Начал забывать, кто я, где я... Надо схватить хоть клочок сна, только секундомер неумолимо несется к черту... и меня несет. Так, к Мсцишевскому... Ян едет к нему. Еду к Мсцишевскому – точно. Только вид у меня... Как-то я вообще вид терять стал. Что-то среднее между задающимся и лощеным Яном и потрепанным отчаянным Вольфом после последнего переодевания получилось – так дело не пойдет. Перепутают еще со штурмовиком организации, за которой в этих краях напряженно присматривают. Надо себя срочно в порядок приводить и...

Резко выжал сцепление и дал по тормозам, заметив на обочине машину, – машину Войцеха. Передернул и поставил на предохранитель пистолет, предварительно навинтив использованный несколько раз глушитель. Он еще сгодится ненадолго – все же тише так.

Поставил машину подальше и пошел в придорожную рощу – довольно скромный и редкий лес. Есть. Вижу. Войцех. Орудует лопатой. Вашу ж...

Выкинул патрон из патронника, скрутил глушитель, сунул пистолет за ремень, прикрыл курткой.

– Войцех, ты какого черта здесь делаешь?!

Он перехватил лопату и кинулся ко мне.

– Ты во что меня втянул, Ян?!

Как я устал... Я просто падаю с ног, в голове пусто, а мне еще... Врежу ему тяжелым сапогом – будет знать. Лопату вышиб с одного удара. Перехватил руку разъяренного поляка и толкнул его в поясницу коленом. Повалил, прижав к сырому мху лицом и заломив ему руку за спину.

– Спокойно.

Он вполне разумно притих.

– Успокоился? Отпускаю.

Отпустил его и...

– Теперь успокоился, Ян.

Я отполз к дереву, садясь у ствола и привычным движением вправляя себе челюсть.

– Размахался кулаками... Еще раз по голове въедешь, я тебе глотку перегрызу!

– Когда из нокаута вернешься.

– Я и с того света вернуть, Войцех! Где Агнешка?!

– Здесь она... Чуть поодаль ее оставил с немцем... За деревьями видно...

Сердце замерло, когда различил ее силуэт вдаль – стоит, обхватив дерево, и смотрит в нашу сторону. Старик, скрючившись, сидит рядом. Вид у них обоих подавленный и похоронно-мрачный. Правда, вполне оправданно мрачный вид – как-никак мы на похоронах.

– Что произошло, Войцех? Что ты натворил?

Он молча указал на яму, молча кинул мне удостоверение. Черт... Агент службы госбезопасности.

– Ты какого черта его?..

– Агнешку он твою искал.

Как они на поляков вышли? Просто искали. Вообще правильно – полячку первым делом среди поляков искать.

– А что он? Спросил что-то?

– Карточку показал, спросил... Сказал ему, что не знаю... Только не поверил он мне, и я его...

– Вижу, что ты с ним сделал.

Эх, Войцех, молодец... Не убедительно ты врешь, не держишь достойной видимости, обманывая! Умел бы ты врать – не было бы такого! Не было бы трупа! Только все равно – не подвел ты в итоге... решил задачу, пусть и с трупом в уравнении. Здесь любой ответ на вопрос сгодится – только бы не молчать и не ждать, когда за тебя на вопрос ответят и тебя отвечать заставят в соответствии с законом страны. Здесь все лучше, чем ничего.

– Где машина?

– Какая машина, Ян?

– Его машина. Где она?

Войцех дернул головой, явно укоряя себя за несообразительность.

– Осталась стоять...

Думать мне долго не придется – времени не хватит. Махнул рукой, посылая все на свете, и встал, отряхиваясь.

– Вытаскивай его из ямы. И езжай пригони его машину. Живо! Не жди, пока он коченеть начнет!

Глава 38

Хотел бы подбежать к Агнешке, а побежал к трупу. Страшно и подумать, что обо мне Агнешка теперь думать будет.

– Агнешка, отвернись! Не смотри! Клаус! Закрой ей глаза! Не смотри!

Войцех его недавно на тот свет отправил. Если постараться – можно сделать так, что похоже получится... на простую аварию похоже. Если поджечь, не так видно будет, что повреждения после смерти получены. Машина в столб, а он...

Вдали заревел двигатель... вблизи завизжали тормоза.

– Войцех, бери его! Живей! Клаус, вы здесь с Агнешкой ждите! Понял?! Ждите!

Клаус что-то задрезжал мне вслед, запинаясь, но я не остановился. Подхватили с Войцехом мертвеца и потащили к машине.

Отъехали, вышли на дорогу, высадили покойника. Войцех в задумчивости расселся курить на капоте.

- Что теперь, Ян?
- Машину бить будем. Бери домкрат.
- Зачем еще?
- Поднимай зад! Живей!
- Да я встал уже... А делать что?
- Зад поднимай!
- Да я уже...
- Машина! Машина с задним приводом, Войцех! Давай домкрат! Мне давай!
- А, машина...
- Поднимай. Осторожней только – не царапай.

Завел и вырулил машину, равняясь на столб. Посадил мертвеца за руль, поставил его ногу на газ, придавил.

- Снимай с домкрата!

Машина рванула вперед – прямиком в столб. Раскатился удар. Войцех в восхищении уставился на обломки.

- Я и не знал, что так можно, Ян... Никогда не видел такого... И в голову не приходило...

С трудом открыл покоренную дверь, осмотрел труп – что-то не так. Повреждения не такие, как у живого. Руль он слабо держал и...

- Черт... Сейчас и не такое увидишь...

Пролистал в голове учебник, вспоминая характер повреждений при столкновении. Так – лобовое столкновение... Бросает вперед, отбрасывает назад. Бросает вперед... Удар головой, грудной клеткой о руль. Удар коленями о приборную панель. И кожа на ладонях рвется, и ссадины характерные. Отбрасывает назад... Перелом шеи.

А вот повреждения внутренних органов... Ничего, от жара кровь свернется и не так видно будет, что кровотечения у трупа не было.

- Ян, что ты делаешь?
- Готово! Достаточно грубо, но сойдет. Если поджечь – сойдет.
- Что ты делаешь?
- Готовлю его к судебной экспертизе. Он – труп, Войцех. Он стал трупом до того, как должен был стать по моей версии. Я исправляю неточности.

Он открыл рот, но ничего не сказал, тупо смотря на меня, ковыряющегося у мертвеца в грудной клетке.

- Ян, ты?..
- Пулю достаю! Ты его застрелил, Войцех!
- Точно... А рана... Она же никуда не...
- Нет, никуда она не исчезнет. Я просто ее изменю. Он у меня на осколок панели напорется. Ты в него с достаточно дальнего расстояния стрелял – так что...
- Что? Это же хорошо, Ян?
- Хорошо. Пороха не найдут – и следа не останется, особенно после поджога. Канистра есть?
- Нет...
- А бутылка? Хоть что-то?
- Что-то должно быть...

Открыл бензобак, сунул в него трубку одним концом, а другим – себе в рот. Пошло... Сплюнул бензин и закрыл бак. Пробил его... отошел и потянул за собой тонкую струйку горючего.

- Войцех, давай в канаву... Живо!

Глава 39

К Агнешке явился пропахший дымом и бензином. Она встретила меня молча, с гордо поднятой головой.

- Ты что со мной, как с врагом?
- Не как с врагом... Просто...
- Ты просто напугана.
- Да... Я не знаю, что и думать теперь...
- Думай, что скоро это кончится.

Она крепче обхватила дерево, будто земля уходит у нее из-под ног, и это – ее единственная опора, не позволяющая ей сорваться в пропасть.

- Я стараюсь... Только – не могу... Люди гибнут и...
- Агнешка, я надежнее этого дерева – отпусти его, наконец.

Отцепил ее руки от растрескавшейся коры, и они сцепились на мне. Обхватил ее, отбрасывая ее волосы.

- Я боюсь, Вольф... Я не знаю, кого бояться... и боюсь всех. Даже тебя.
- Не надо. Меня не бойся. Верь мне, Агнешка.
- Я хочу... Хочу верить тебе, только ты все время... Мне все время кажется, что ты не говоришь мне правды. Я не знаю, врешь ты мне или просто – не говоришь. Ты не отвечаешь на мои вопросы. Я же вижу, что...

Не дал ей говорить, думать дальше. Целую ее, задыхаясь, забывая, что только что целовал бензобак... забывая, что устал и...

- Ян, закопал я яму! Что теперь?

Агнешка отстранилась, опустила голову, потупила глаза. Войцех... Глотку ему перегрызть готов.

- Дерном забросай, и пойдём!

Припер девушку к дереву, склоняясь к ее шее.

- Агнешка, я к тебе не с пустыми руками. У меня для тебя подарок. Еще не цветы, конечно...
- Только он не хуже – это тебе не срезанный букет, а живой...

- Человек?

- Ждет тебя в багажнике... Посмотришь? Только вручу я его тебе позже. Пока его взаперти подержать придется.

Агнешка забыла, что старается отвернуться от меня, спрятаться от моего горячего дыхания. Она замерла в ужасе и изумлении, словно и не замечая моих...

- Вольф, ты что, привез его? Священника? Ты не отпустил его?
- Будет тебе теперь товарищ для совместных молитв.
- Как ты можешь? Как ты можешь так поступать с ним?
- Так нужно, Агнешка. Он видел меня. Я отпущу его – позже. А сейчас... Сейчас он составит тебе общество. Священник сумеет утешить тебя.

- Вольф...

- Не называй меня так при Войцехе.

Агнешка уперла тоненькие ручки мне в грудь, отталкивая.

- Отпусти меня. И его – отпусти.
- Я не могу. Не могу и не сделаю.
- Я прошу тебя.

- Он еще не твой. Станет твоим – позже. А пока он – мой пленный. Пока его участь – решать мне.
- И я решил его запереть.

- Прекрати... Отойди... Как ты можешь говорить так о человеке?
- Я так шучу, Агнешка... Привыкай к моим шуткам.
- Ты не шутишь, ты... Я тоже твоя пленная. О боже...
- Нет, Агнешка. Нет...
- Тогда отпусти...
- Нет, не пущу... Я просто... Я просто защищаю тебя...
- Защищаешь? Ты меня просто...
- Я защищаю тебя и...
- Отпусти меня к моему парню...

– Не пущу... У тебя больше нет никого – только я... И вздумай искать связи с людьми из прошлого – их убьют с тобой заодно...

Войцех бросил лопату мне под ноги, угрожающе сложил на мощной груди руки, утрюмо нахмурился.

– Ян, ты мне платишь, конечно... Только я... Ты нанял меня охранником, а не могильщиком! Я не собираюсь один рыть и зарывать ямы! Особенно, смотря, как ты с ней... Ты меня вообще втянул... И теперь...

– Не кипятись. Решим задачу.

Поляки – народ вспыльчивый, с норовом. Даже Войцех – наемник – гордость в наем не сдает. Это тебе не немец, у которого с решением стать наемником в голове начинается ровно и размерено щелкать счетчик купюр. С немцами проще вообще – четкий договор, точное выполнение условий...

Хорошие они вообще солдаты – немцы. А поляки – они хорошие вояки. Подумал про англичан и ехидно растянул рот. Они – солдаты плохие. Когда за них техника воюет – еще сохраняют видимость, а так... Придется мне, видно, скоро с ними столкнуться... на чужой земле... на земле, чужой и для них, и для меня. Черт... Искуплю я вину, Игорь Иванович, – не волнуйтесь, никуда не денусь. Скоро... Скоро на связь выйду... Как только выживу, как только Агнешки добьюсь...

Глава 40

Связанный священник все осложнил. Мсцишевский недоволен, что я в его автосервис связанного священника приволок и свалил почтенного святого отца ему на седую голову. Только я на его недовольство решил внимания пока не обращать. Пока Войцех ему про пристреленного агента все не выложит – можно не обращать внимания. А Войцех выложит – вопрос времени. Черт... Надо выворачиваться как-то. Как? На перехват пойду... на опережение. Первым все выложу... и свалю все на Войцеха. Выставлю его тупым и... Войцех допустил ошибку. Он не сообразил ничего и застрелил не причастного к моим делам человека.

Войцех знал, что я девушку прячу от преследующего ее прошлого, – и только. А когда к нему представитель власти заявился с вопросами, – тогда и решил, что прячу я ее – от властей. Он и без того был взвинчен, а когда ему карточку показали с похожей на Агнешку девицей, он совсем занервничал. В итоге Войцех признал в другой девице Агнешку – перепутал просто из-за нервозности последнего времени. Ему показалось, что ищут Агнешку, что он узнал ее, и он – выдал себя поведением. Агент счел, что нашел след разыскиваемой девушки, решил проверить. Войцеху ничего другого в голову не пришло, как пристрелить агента, когда агент вовсе и не при деле был, когда стрелять в него совсем не надо было. А после мне с Войцехом пришлось следы его преступления скрывать, и мы с ним их – скрыли.

Власти меня с Агнешкой не искали и не ищут... и поляков искать не начнут. С вида все чисто – никто не придерется, никто не подставлен. Разве что проверят поляков поверхностно. Подозрительное направление прощупают – и только. Никто ничего не найдет. Проверять больше вопросами будут – на нервы, на поведение. Главное, – при такой проверке нервами себя не погубить. Тогда глубже копать не станут – оставят всех в покое.

И еще... Полякам могут снова карточку девушки показать. Придется настолько достоверно убедить их в том, что ищут не Агнешку, что они – с ее карточкой не сходство, а расхождение искать станут. Они должны увидеть только нужную мне видимость – я должен убедить их так, чтобы дальше они убеждали себя без моих усилий. А не выйдет добиться такого доверия – свалю все на ее скверного бывшего друга, от которого я ее и скрываю. Вероятно, – он что-то натворил, и Агнешку разыскивают, стараясь через нее на него выйти. А главное, – я ничего про его преступления не знаю. И еще... Чуть не упустил деталь. Агнешку я у психопата приятеля отнял – от него и прячу. И запугал ее именно он – и никто иной. Так, план намечен, теперь – осуществить.

Глава 41

Мсцишевский скосил поблекший глаз на Войцеха. Войцех угрюмо уставился в пол, кивнув мне в подтверждение, – мол все так и было. Поверили мне оба – знает старик, что его боевик, бывший десантник, не умеет ни долго думать, ни терпеливо ждать.

– Войцех всегда шел напролом. Кого видел, в того и стрелял. Ты же знал, чего от него нужно ждать, когда решал его нанимать, Ян.

– Знал, конечно. За эти качества его и нанял. Нужен мне был для девушки защитник надежный. А человека, способного раздумывая стрелять с нужной скоростью, – не нашел. Решил, что надежнее нанять его, – он, не раздумывая, стреляет, зато сразу и наповал. Ничего – разобрались мы с ним. Не найдет никто ни концов, ни следов.

Поляк кивнул седой головой, растягивая прямой рот на сухом неподвижном лице.

– Никакой неясности, никаких недомолвок – это мне в тебе и нравится, Ян. Этим мы с тобой и похожи. И тем, что мы с тобой, Ян, думаем прежде, чем делаем.

– Это точно. Разница только в том, что я один работаю, а вы с бригадой.

Поляк снова кивнул и плеснул мне еще водки. У меня с голоду и бессонных ночей и от одной рюмки перед глазами плывет, но я смиренно заливаю в глотку прозрачную водицу. Не нужны мне обижаящие старого поляка “неясности” и “недомолвки” – и так по горло, хоть удавись.

Глава 42

Сию молча с паном Мсцишевским – пьяный и мрачный. Напряжение нарастает, несмотря на то, что поляк и поверил моей истории, и хоть один вопрос отпал. Не знаю я, что со священником делать, куда его девать. Вообще все можно было бы решить просто. Но тогда – не видать мне моей Агнешки. Придется считать, что священник к ней в нагрузку прилагается. Взвалю его себе на плечи и потащу, как всех остальных, кто в дело впутан оказался. Ничего, выдержу. Хуже, что мне снова придется переться в рассадник заразы, который я взялся ликвидировать. Не знаю я, как на объект пройти, и что мне предпринять после – не знаю. И ищут меня еще – каждый, кто здесь права имеет искать, меня ищет. На поляков уже вышли... И дорожное происшествие, уверен, с ними связали уже... Подозрительная все же с агентом и аварией история – для педантичных немцев подозрительная. Немцы все проверяют – на их небрежность рассчитывать никак нельзя. Верное дело, серьезно к вопросу подошли – вскрытие провели старательно. Трудно к такому трупу подкопаться, конечно. Только, пусть немцы точных данных и не получают, – поймут, что мутная вокруг вода. По крайней мере, проверят поляков. На Войцеха их кто-то или что-то точно наведет. А Войцех их к Мсцишевскому приведет.

Мсцишевский – умен, его так просто не возьмешь. И меня он прикроет. Только из-за этого я еще здесь – только из-за того, что на его территории не только машины пропадают, не оставляя следа, но и люди. Прячет он трупы, как надо, – и живых спрячет. Да и боевики у него, хоть умом не отличаются, – дело знают. Могу я на него и на его бойцов рассчитывать... по крайней мере, пока он меня своим считает. А пока – он верит мне. С ним Агнешку оставить не так страшно, заступится он за нее. Называет меня сыном – значит, и ее дочерью назовет. Не зря я к нему в доверие втирался – всегда в мыслях имел гордецов поляков с немцами сравить при нужде. Только узнают они, что я – русский... сдерут с меня столько шкур, что и немцам не снилось. Никогда они не забудут, как мы с немцами их страну делили.

Черт... Трудно быть реалистом в этом мире мечтаний и надежд... И разведчиком быть – трудно... Не знает никто, что я все время вру... и никто не знает, что я ненавижу врать – и себе, и другим. Только никто не знает и того, что правдиво – одно молчание... немое молчание зверя.

Разведчика должно утешать убеждение, что его обман во благо, – обман в обмен на правду. Только все – вранье. Мы – люди, бродящие между заблуждениями, – своими и чужими. И я вижу их все – вижу насквозь. Благородная борьба за всеобщую свободу и братство, подлое предательство из-за жажды наживы – все видимость, все только уверенность в головах людей, только вера... вера в бога, в деньги. А на деле – правит оружие. И не какое-то виртуальное из головы, вроде банковских счетов и бумажек, а – обычное железное оружие. В итоге, у власти всегда – оно, всегда – оружие... когти и зубы. Грызутся “волки”, деля территории, деля добычу. И

я – один из “волков”... один из “стаи волков”. И я понимаю, что есть у меня только – “стая”. Нет, не только... У меня есть оружие, и есть – Агнешка.

От тяжких дум меня оторвал грохот отворенной двери. Агнешка выбежала из каморки, где я оставил связанного священника, от которого она теперь не отходит. Девушка встревожена и... Когда она печальна – она призрачна и прозрачна, как лунный свет... А когда злится – сияет и испепеляет, как солнце... Ее волосы лучатся озаренным золотом, губы горят огнем, и глаза блистают. Она раздражена, только мне все равно. Я жадно пожираю ее глазами, словно концентрируя на ней весь свой давнишний голод. Ее глаза не охлаждают росой, а разжигают искрами. Сердце раскаляется в груди, как кипящий котел... и мысли туманятся паром.

Мсцишевский встал с кресла и вышел, оставляя нас. Он мне как-то намекал недавно, что ему знакомо это умопомрачение, – понимает он мол меня, как никто другой. Нет, не понимает... Не творил поляк таких дел. А если и творил... Не ждала его тюрьма после ночи с девушкой, не была ему тюрьма платой. А если и была... На войну его точно никто не посылал, как меня пошлют, если я в тюрьму не попаду, если я вообще выживу.

Агнешка встала передо мной, махнула рукой в сторону распахнутой двери.

– Он сказал, что ты!..

Я поднялся, покачнувшись, направился ко входу в каморку. Закрыл и запер дверь. Схватил Агнешку дрожащими руками.

– Агнешка, не надо о нем.

– Ты убил! Невинного человека! Он рассказал!

– Что? Я? Кого?

– Не трогай меня! Ты что, со счета сбился?!

Она горит гневом. Хрупкая девушка у меня на глазах превращается в разъяренную тигрицу, забывая про мою силу и свою слабость. Она в бешенстве и будоражит меня. Кровь вскипает и пузырится, заставляя меня трястись в лихорадке. Я впиваюсь в ее шею поцелуями, не взирая на ее сопротивление. Она борется, отбивается, бросается в сторону... Сломая голову кидаюсь за ней, хватаю... Она изворачивается, вырывается... А сердце гонит в мои вены крутой кипяток.

– Ты пьян!

– Нет.

– Он все рассказал мне про того! Рассказал, как тот освободил его! И про то, как ты вернулся и убил того – рассказал!

– Не надо про священника и про... Агнешка...

– Не трогай меня! Ты убил его! Хайко! Ты убил его!

– Хайко? Хайко... Это был я...

– Знаю, что ты! Знаю, что ты убил его! Зачем?!

– Это был я... Я – Хайко... Я – был им... Хайко только еще одно лицо – мое лицо... Агнешка, я могу не вернуться... Я не могу ждать, Агнешка... Я отдам тебе жизнь, только и ты...

– Нет!

– Я прошу тебя, Агнешка... Согласись... Только согласись... Я не хочу так – силой... Только я хочу так, что...

Она закричала – так истошно, что я зажал ей рот рукой. Едва заметил укус и кровь на ее губах – мою кровь... на ее горящих губах. Я слышу скорые шаги, хлопанье дверей, голоса... Только шаги все тише... и в глазах все темнее. Я оттолкнул кого-то, кто оказался у меня под рукой. Кажется, Крюгер... Толкнул старика с силой. Вспомнил, что он тощ и хил, но только одновременно с действием. Как вспомнил, так и забыл – и про падение на пол чахлого старика, и про подошедшего со спины мощного поляка.

– Ты что делаешь, Ян?! Ты что не видишь?! Не хочет она!

Войцех перекинул руку мне через шею, стараясь придушить, оттащить. Срываю его руку, выворачивая. Он высвобождается, бьет меня под дых. Я не блокирую удар и... Удар в надбровье, в скулу...

Он бросил меня к стене. А я... Меня так трясет, что я не могу ни говорить, ни думать... не могу стоять на ногах. Мсцишевский отодвинул, еще держащего меня за ворот, Войцеха... и я рухнул на пол в горячечном ознобе и в бреду.

– Войцех, он совсем пьян и плох. Отведи девушку подальше. И немца прихвати – подними его. Ненавижу их... ненавижу себя. Их всех! А себя больше всех остальных!

Седой поляк подтащил меня к потертому креслу, свалил меня на него и сел напротив.

– С тобой такое впервые, Ян?

– Да...

– Я надеялся на это – это еще простительно. Ты должен проявлять выдержку.

– Должен...

– Должен держать себя в руках.

– Да...

– Так возьми себя в руки!

– Не могу! Не могу я! Не могу больше! Терпеть больше не могу!

Поляк поднялся, сдергивая с меня мой расстегнутый ремень. Он одернул тускло отсвечивающую пряжку, проверяя на прочность.

– Я надеюсь, что ты простишь мне это. Я знаю, что простишь. Я бы не сделал этого, если бы не считал тебя моим вторым сыном, Ян.

– Вы что?! Вы что делаете?!

Поляк крепко приложил меня твердой рукой. Тяжелая пряжка заехала мне по лопаткам. Перехватил ремень, вырывая у него из рук и... Намотал ремень на руку и... Поляк сурово покачал головой, и я повесил голову, опустил руки.

– Ты заслужил, Ян.

– Да знаю я. Знаю. Забыли...

– Нет, Ян, – злись на меня, но не забывай.

Вашу ж... Какой позор! Стерпеть порку! Порку поляка! Вашу ж... Теперь меня трясет не только от страсти, но и от – злобы! Заслужил – знаю! Только меня колотит от злобы так, что стиснутые зубы трещат! А душа немо орет... Агнешка, пойми меня! Прости! Пожалей! Я же болен! Я же боюсь себя! Боюсь, что это одержимое чудовище в отражении являет мне – мое истинное лицо! Я боюсь этого лица – своего отражения! Нет, я не такой! Я болен! Я должен, я буду бороться с этой болезнью! Я добьюсь тебя, Агнешка!

Глава 43

Агнешка сторонится меня. А главное, – она скрывается от моих глаз за широкой спиной Войцеха. И она не только отгораживается им от меня. Я вижу, что он... Он нравится ей – Войцех. “Медведь”. Поверить не могу. Он же – тупой и... Он – преступник. А она доверяет ему. Она просто не знает его. Он кажется ей порядочным из-за его прямоты, когда я кажусь ей нечестным из-за смены лиц и имен. Но все только видимость, все – только кажется. Ревность рвет тельняшку у меня на груди, но я терплю и сдерживаюсь.

Мсцишевский налил мне еще водки, но я мотнул головой, отказываясь.

– Меня не спиртом, а снотворным накачивать нужно.

Поляк сдержано наклонил седую голову.

– Не такая девушка тебе нужна, Ян.

– Она красива, она чиста...

– Не для тебя она, и ты – не для нее.

– Да я ж не урод и не...

Поляк растянул рот, прижимая руку к сердцу.

– Снаружи, нет... А внутри...

– Нет, я не такой.

– Такой, Ян.

Я сбросил чертовы часы и цепь.

- Только с виду такой. Только видимость такая. Вышло так... А на деле я...
- Такой. Как я. Как я, когда был молод.
- А какой вы были?
- Отчаянный. С холодной головой и с горячей кровью, Ян. Завела меня горячая кровь на такую обрывистую дорогу, что и холодная голова с дороги той не свела, – только сорваться в пропасть и пропасть не позволила.
- Похоже вообще... Да не той дорогой я иду.
- Той, Ян. Одной мы идем дорогой.
- Цели у нас разные.
- К разным целям одна дорога не ведет.
- Точка на наших путях стоит, от которой они расходятся в разные стороны.
- Поляк задумчиво наклонил голову, стыкуя расставленные пальцы.
- Когда я был молод, и я шел к другой цели, Ян. Но пришла старость, кровь остыла и со мной осталась только холодная голова.
- Хотите сказать, что надо сойти с опасного пути, пока не поздно?
- Нет, Ян... Ты не сойдешь – не сможешь. Я хочу сказать, что тебе надо забыть об этой девушке. Погубишь ты и себя, и ее, Ян.
- Нет, я спасу ее.
- Спасешь и погубишь. Помяни мое слово, Ян. Нет у вас будущего.
- Зато настоящее есть.
- Поляк поднялся.
- Страсть – это стресс, Ян. Последствия серьезного и тяжелого стресса. После него ты засыпаешь, как шахтер после запредельной нагрузки, – и спишь мертвым сном. Переключатель щелкает у тебя в голове, и ты – теряешь голову.
- Он ушел, а я остался сидеть, тупо смотря в пустой патронник. Может, он и прав – может, мне, и правда, пора на покой? Только вопрос встает жесткий – смогу я отправиться на покой без посторонней помощи или нет? Черт... Отправят меня... Свои или чужие – в тюрьму или на войну...
- Кlaus подобрался ко мне сзади, настороженно и неуверенно. Он согнулся над моим плечом, с опаской заглянул мне в лицо.
- Klaus, я... Не знаю теперь, что и сказать.
- Я знаю, я не держу зла, Вольф...
- Не называй меня здесь так, старик.
- Забыл...
- Я все исправлю, Klaus. Пойду, и все исправлю.
- А как ты это сделаешь?
- Не знаю еще. Придумаю. Подумаю – и придумаю.
- Ты всегда знаешь, что делать.
- Нет, Klaus. Не всегда. Не всегда знаю, что думать, что делать... Не такой я умный, как кажется, Крюгер. Просто, умею казаться умным. Я умею казаться, каким нужно и кому нужно – даже себе. А на деле я просто – убежденный в своей цели и уверенный в себе наглец из низов. Наглостью я больше беру, Klaus, и навыком пускать пыль в глаза. И мой единственный принцип, мое единственное правило гласит, что чужая слабость – это моя сила, что, когда кто-то слаб, я – силен.
- Я знал, что ты вампир... Знал... Когда ты сказал, что ты – охотник, меня как озарило...
- Klaus, перестань ты про...
- Ты скрываешь... Скрывай... Только я знаю... И еще знаю, что силы тьмы дают тебе особые возможности. И еще знаю, что ты утратишь их, когда перейдешь на сторону добра и применишь их на пользу людям. И знаю, что рано или поздно ты поступишь именно так – ты стремишься к свету, Вольф. Только это трудно, и ты сбиваешься с освещенной дороги, блуждая во мраке. Я понял это. Я понял, что призван свыше направлять тебя. Тебе нужно сражаться с собой – тогда ты выйдешь на свет снова. Нужно стараться.

– Брось ты это, старик. Право, глупо все это... до того глупо, что тошно и голова болит. Дай мне крысу.

– Что?

– Крысу давай! Мне нужна ее кровь!

– Ты пьешь кровь крыс... Это хорошо... Ты не хочешь крови людей... Это хорошо...

– Сказал, давай крысу!

Старик с пониманием кивнул и поковылял за коробкой, где в заключении томится еще один мой узник. Эх, Игорь Иванович... Попал я в психушку. И стал последним психом... вернее, первым – предводителем. И последний станет первым... Допер, наконец, что это значит, про что речь идет. Стал ваш верный офицер невидимого фронта вполне видимым вампиром. Стал из человека настоящим чудовищем – злом в красивом обличье, только кажущимся заманчивым и... Игорь Иванович! Скрутите мне руки! Кол в грудь воткните! Только остановите!

Игорь Иванович молчит... Это, в общем, хорошо. Великая истина: когда ты говоришь с богом, ты – молишься, а когда бог говорит с тобой – ты сходишь с ума. Да... Агнешка говорит с богом, Крюгер – с голосами, а я – с начальником... Хорошо, что ответы получает пока один только Крюгер.

– Вольф, она меня укусила – крыса...

Я сокрушенно качнул головой.

– Как же ты так, старик? Аккуратнее надо с крысой. Особенно с этой...

Эх, ширится круг поражения неизвестно какой заразой... А к черту... Проверим зато – вирусный агент его мозг разрушает, вызывая шизофрению, или что иное. Официально нигде не заявлено, только ученые считают, что как раз вирус в его недуге повинен, не выделенный еще четко и не полностью изученный. Посмотрим теперь на результат случайного эксперимента. Избавит Крюгера вирус-целитель от призраков и пришельцев – значит, все же вирус в его заболевании задействован. Только не сразу эффект заметен будет – все же Крюгер своим недугом страдает давно, и пострадал его разум довольно серьезно. Может, и не видно будет разницы. А вообще, кто его знает, возможно, восстановится еще. Как начнет мыслить нормально специалист по химикатам – к профессии вернется еще. Нет худа без добра. Хоть и расплзается зараза – все ж не просто так, не впустую.

Глава 44

Пора мне выдвигаться – снаряжение готовить к походу, пути проверять.

Знаю я, что не свернут проект, что бы ни было, что бы я ни делал. Разве что один объект, рассекреченный, закроют, а проект не свернут – засекретят другие объекты пуще прежнего и... Что бы я ни сделал – все пойдет, как шло. Будем мы штамповать оружие – быстрее и больше, пока не сдохнем. Только нужна вера невинным людям – требуют они от меня приведения в исполнение их несбыточных надежд. Что ж, пусть надеются – не повредит.

Вера в свет облегчает страдания, уходящим во мрак. Всегда считал, что умирающим в мучениях надо давать выбор на облегчение страданий, хоть и тяжелыми химикатами, ускоряющими их неизбежный конец. Не всем же терпеть боль до конца, приближаясь к смерти с трезвым рассудком.

На краю сознания замечаю страх, что сейчас меня возьмут, что сейчас я сдамся. Только не сдамся я! Не могу я – в тюрьму! Не могу! Сдохну я в заключении, если Агнешку не получу перед томлением в застенках! В мучениях сдохну! Плевать мне на допросы! На пытки – плевать! Одна для меня пытка осталась – не получить Агнешку!

Глава 45

Остановил машину на дороге. Экран засветился в руке обманным болотным огоньком...

– Как ты там жив, Швед?

– Что, Охотник, еще открывалка нужна?

– Нет, просто так.

- Да нормально...
- Ты в Карелии? С приятелем из Финляндии?
- Да мы с Вейкко только снаряжение сгрузили...
- Как там у нас?
- У нас?
- У нас, Швед.
- Все, как раньше. В стране – все по-старому. А что?
- Тоска что-то заела – по Отечеству.
- По Фатерланду скучаешь, Охотник?

Черт... Только заметил, что пишу на немецком. Забыл, что со Шведом, на шведском надо. Перепутались языки – похожи они... что немецкий, что шведский, норвежский... Так же русский с польским путается... Все от усталости – не понимаю уже, на каком языке думаю, на каком пишу...

- Да, Швед, скучаю.
- Вейкко тут котел притащил. Он молчун – не сказал, где взял. Такую редкостную дрянь сготовил.
- И что же?
- Покромсал все, что было, – и сварил.
- Охотничий суп?
- Тебе виднее, Охотник.
- Я такой тоже готовил. Главное, – жира больше добавить. Колбасу копченую с маслом и еще что-нибудь такое.
- Гадость же...
- Нет, не гадость. Это – энергия.
- Нет, гадость...
- Ешь давай. И добавку бери. А то тощий, как смерть...
- Это что еще? Сговор какой-то?
- Международный, Швед.
- Все шутишь, Охотник?
- Да не до шуток мне. Ладно, давай гуляй за всех. Конец связи.

Шведы, немцы да поляки – вот и все, Игорь Иванович... Хочу я к своим, на свою землю. И если уж воевать... На своей земле воевать хочу, защищая, а не нападая. Знаю, что не так дела обстоят, знаю, что не так должно быть, что такое общество мне дано, такая война, а хочу другого – родного.

Услышал стрельбу, бросил автомат на колени, набросив на него куртку, и дал газу. Всегда так – хочу на коленях Агнешку держать, а держу – автомат.

Глава 46

Около построек стоит чужая машина. Захожу в автосервис, передергивая автомат. Трое валяются на полу – поляки, автомеханики. А один – немец, в штатском. Двери в помещении – открыты. Вхожу...

Вашу ж... Еще один в штатском – труп. Мсцишевский – убит. Вацлав – еще живой. Он припал к стене, зажимая рану рукой и истекая кровью, – в живот его ранило, но он протянет еще недолго. А не подойдет без моей помощи – я ему помогу.

- Где Агнешка?!
- В гараже, Ян. Ян, отгони их машину – в гараж... в подземный гараж.
- Что здесь было?!
- У меня в голове мутно все...
- Говори!
- Не важно все... Надо машину отогнать.
- Говори, что было, – быстро, точно и коротко! Я без данных не ориентируюсь!
- Пришли... Спрашивали про девушку, про своего человека... Войцеха спрашивали...

– И что?! Не было у них ничего на Войцеха! В таких трупобах вас все боятся – никто ничего не слышит и не видит! Сказал бы кто-то, что выстрел слышал, что видел, как Войцех труп тащил или машину отгонял, – взяли бы его давно!

– Знаю, что не было... Он сказал, что – приходил человек, вопросы задавал... Сказал, что – с ответами ушел человек...

– Ушел или уехал?!

– Ушел... Как ты ему говорил – так точно он и повторил... Мол смотрел он – пошел их человек не к машине... сказал, что позже его около машины заметил. Ты говорил, что они знают, что – машина на месте довольно долгое время стояла, а их человек на связь с ними не выходил. Говорил, что они думать должны, что – оставил Войцеха их человек и вышел спокойный... что пошел он ходить неподалеку и ходил недостающее время, а к машине вернулся нервный... и – за руль, и – в столб...

– Верно все! И что?!

– Войцех все точно так и повторил...

– Занервничал он под конец! А они и пришли посмотреть – занервничает или нет!

– Нет, Ян! Вначале все вроде нормально шло, а под конец... Не знаю, что не так пошло, только не поверили они – напрягаться начали... Один отошел, на связь вышел, сообщил...

– И что?! Нервы вам просто подпалить решили!

– Не знаю, выдал себя нервами Войцех или мы все себя выдали, только... Получилось у них нас задержать... Тогда и нам, и им ясно стало, что теперь свидетелей не опрашивать, а допрашивать будут... Тогда мы...

– Стрелять стали!

– Попали мы, Ян...

– Попали! Да не пропали! Не сказал Войцех ничего лишнего перед вашей стрельбой! Они, если что и передали перед бойней, – лишь то, что проверять надо направление! А теперь – проверять нечего! Покойники у нас одни, Вацлав! А у них – одни пропавшие без вести!

– Я не пойму никак, Ян...

– Думай, что у них перед глазами! Нарвались их люди не на тех людей – и сгинули, с ними заодно! Попробуй докопайся теперь, кто с кем кого и куда! Версий до черта – тут и сговор, и устранение одних другими с тщательной уборкой и бегством! Людей и вариантов в деле полно, а следов и трупов – нет! Нет трупов – неизвестно, что среди них нет нас! Разорвутся на куски, ища всех, а не найдут – никого! Скроемся мы – оборвется наш след!

Светлые глаза Вацлава прояснились – он начал понимать, и силы стали подниматься в нем с надеждой. Трудно поверить, что Вацлав – красавец с кристально чистыми глазами – просто палач... нет, не просто палач, а – чудовище, наслаждающееся чужими страданиями. Он пытается не с ненавистью, а со страстью. Он так жесток, что не ненавидит жертву, как противника, а любит, как утеху. Он туп, несмотря на то, что куда сообразительнее того же Войцеха. Он туп не умом, а – душой. И он не только жесток, но и – труслив... готов на все, хватаясь за свою драгоценную жизнь.

– Ты что, думаешь, мы еще выберемся?

– Да, Вацлав! Уверен! Нас не найдут. Они место проверят, конечно, только мы его к проверке подготовим. Вставай, Вацлав! Живо! Отгоняй машину в подземный гараж. Стаскивай трупы в подвал.

– Жгут мне на руке затяни туже... И подкинь что-нибудь рану заткнуть... и повязку надо сделать – стянуть крепче.

– Сделаю сейчас! А ты сразу к машине их иди! Электронику из строя выводи всю и все средства связи! Уничтожай все, что сигнал дает! Держи – с этой штукой сигнал определишь, передатчики вычислишь и достанешь. Они чаще высокие частоты используют, низкие – реже. Но ты все равно – по всем частотам пройдишь. Моя аппаратура позволяет. А я трупы обыщу. Давай делай – я проверю после.

– Передатчики, Ян? Какие передатчики?

– Одни за другими присматривают нередко.

– Друг за другом следят? Люди из одной организации?

– Бывает такое.

– Ян, а ты каким образом в курсе их внутренних дел?

– Не твое дело. Вставай!

– Во что ты нас втянул, Ян? Кто с тобой в деле? С кем ты дела ведешь?

– Время выходит! Делай, что говорю, без вопросов!

Вацлав, бледный, как покойник, вдруг покраснел – остатки крови кинулись ему в лицо, дыхание у него перехватило.

– Ян, я не такой недоумок, за какого ты меня держишь. Твоя девица госбезопасности угрожает. Это ее ищут! Именно ее, Ян! Ее и тебя!

Приставил клинок ему к горлу. Адреналин колотит меня отчаяньем, но я упорно держу видимость уверенности. Главное, – не терять убедительности. Главное, – давить на него, не давая ему продохнуть. Я должен грамотно задействовать все его слабые стороны – все его страхи, туманящие рассудок.

Я должен приблизить мои первые доводы к правде и подогнать его последующие выводы к моей лжи. Сбить его мысли с дороги, заставить принять мою ложь, лишь в начале похожую на правду, на веру, заставить увидеть в ней только то, что мне нужно показать. Черт...

– Вацлав, будь внимателен. Дела обстоят еще хуже...

– Ты втянул нас... Я все понял, Ян! Старик немец сказал... Считал поначалу, что он псих последний, а он правду сказал – про оружие, про подопытных... Ты с оружием связан, с военными... Ты им дорогу перешел, они тебя ищут... Они за всем стоят... Они к делу службу госбезопасности подключили и следят за всем и всеми... Ты их передатчики уничтожить меня посылаешь...

– Верно, Вацлав... Ты не такой тупой, как я думал... Ты умный... Ты и думать не будешь выдать меня, Вацлав... И не думай – не выйдет. Ты мой – с головой и внутренностями. На волоске твоя жизнь висит, а волосок – в моих руках. Решу – перережу его к черту. Не будешь делать, что говорю, – просто прикончу.

– Ты и так меня прикончишь, Ян.

– Ты будешь жить, пока будешь делать все, что я говорю. Мы с тобой теперь крепко завязаны. И одна у тебя надежда осталась свою шкуру сберечь – делать все, что я говорю, и верить мне. И только попробуй пойти против меня. Сдую, как пылинку. А возьмут меня – я молчать не буду. Ты у них в тюрьме еще раньше меня сдохнешь в мучениях, как бы ты с ними не договаривался. Не друг ты им, и не быть тебе для них другом. Врагом ты им был на воле, врагом у них в неволе и сдохнешь.

– Не верю я тебе, Ян.

Нет, не дам я ему времени выбирать, кого больше бояться, – меня или властей. Застрянет он у меня между страхами намертво – ни ко мне с угрозой, ни к ним с соглашением ни шагу не сделает.

– А у тебя выбора нет. Мы с тобой теперь вдвоем в деле, Вацлав, вместе мы. Одна у нас с тобой дорога теперь на двоих. Тебе и вообразить не под силу, садист, что у них с нами обоими сделают. Нам обоим с ними дел иметь нельзя, Вацлав. Они дело не хуже меня знают. Ты же помнишь, как я вашего колол... Он у тебя сутками молчал, а у меня... На таком допросе, кроме камня, никому не промолчать... и никому, кроме камня, в живых не остаться...

– Камень не живой, Ян...

– Я об этом и говорю, Вацлав... Никому живому у них живым не остаться... Так что слушайся меня... Вставай и иди...

Вацлав снова стал бледным, как труп. Он смотрит мне в лицо, мутнеющими от ужаса глазами. Он мне верит. Он мой. Сделает все, что мне надо, и так, как мне надо. Правда, он постарается прикончить меня поскорее – при первом случае. Но он – не успеет.

– А мы тебе верили, Ян... А ты нас...

– Живо встал!

– А ты нас... в расход пустил.

– Живо!

Он поднялся с трудом, встал у стены согнувшись... выпрямился, стискивая зубы, и вышел. Теперь – пора заняться уборкой.

– Агнешка, давай наверх! Агнешка, выходи! Тащи автомобильную эмаль, растворители и полиэтилен! Живо! Крюгер, выходи живей! Пятна крови выводить надо, химик, и запах пороха вытравлять!

Глава 47

Агнешка остановилась в дверях – бледная и... Она не закричала – только закрыла рот рукой. Крови здесь, конечно... Черт...

– Пан Мсцишевский...

Девушка подлетела к покойнику, приложила руку к его седой голове, словно проверяя – кровь заливает его лицо или краска.

– Оттирай кровь!

– Он мертв... О боже! Пан...

– Хватит стоять!

– А Войцех? Войцех!

Выставил ее, толкнув к двери.

– Все мертвы! Оттирай кровь!

Агнешка в ужасе посмотрела на окровавленную руку, перевела взгляд на Вацлава, оттеснившего ее и вставшего в дверях, крепко вцепившись в косяк.

– Готово, Ян... Только я... С ног валюсь...

– Жди здесь.

Агнешка всмотрелась в меня – недоверчиво и напряженно.

– Все мертвы?

– Времени нет! Надо следы скрыть! Оттирай!

– Скрыть все следы? Ты сказал, все мертвы? Мертвы все?!

Я еще не ответил, а она уже кинулась прочь. Вацлав сообразил, что ее так встревожило, и схватился за оружие. С разворота просто расстрелял его... пустил короткую веерную очередь от живота, дырявя его так, что... Вацлав свалился замертво, и я рванул за Агнешкой. Она нашла Войцеха, упала ему на грудь, вслушиваясь в его дыхание.

– Он жив! Еще жив!

– Отойди от него! Он умирает!

– Нет!

– Он умрет!

– Его надо отвезти к врачу!

– Какой врач?! Никакого врача, Агнешка! Он мертвец! Отойди от него!

– Не трогай его! Не прикасайся к нему! Я не позволю тебе его пристрелить!

– Не пристрелю я его! Он и так – умрет! Отойди!

– Он только ранен!

– Три пули словил!

– Войцех твой друг!

– Он бандит, Агнешка!

– Как и ты!

– Не оскорбляй меня! Не равняй меня с ним – с преступником, с наемником!

– Ты такой же убийца!

– Он – убивает за деньги! И убивает он – для главного, а главный у него – бандит! Он мне не друг, а – враг!

– Но он считал тебя своим другом!

– Он тупой!

– Тогда все, кто считает тебя другом, – дураки, Вольф!

– Только враги, считающие меня другом! Отойди от него! У нас времени на него нет! Оттирай кровь!

Ее горячие слезы полились на раны и смешались с кровью Войцеха – она рыдает так, что дух стынет. Черт...

– Крюгер! Не поторопишься – схватят нас! Полы и стены только в технических помещениях ототрем! А здесь не получится! Лей эмаль на пятна крови! А на стенах – распылай! Автомобильная эмаль быстро сохнет! Открывай окна – выветривай летучие вещества!

Агнешка вцепилась в меня в отчаянии.

– Не оставляй его умирать! Я прошу тебя! Я знаю, что ты хочешь! Я сделаю все, что ты захочешь!

– Думай, что говоришь! Ты оскорбляешь и себя, и меня!

– Я не хотела... Нет... Я хотела только... Он человек, Вольф! Поступи с ним как человек! Хоть один раз поступи, как человек!

– А я не как человек поступаю, рискуя жизнью ради тебя?! У меня нет ничего ценнее жизни! Ценнее жизни – только долг и только ты!

– Я прошу! Сохрани ему жизнь! Он не сделал ничего плохого... нам он ничего плохого не сделал... Он человек, Вольф... Человек...

– Нелюдь он!

– Мы все грешны, Вольф, – все мы...

– Нет грехов! Есть – порядок, и есть – преступления! Он – преступник!

– Не нам его судить, Вольф...

– Больше никому!

– Бог всем судья...

– Нет бога! Есть прокуроры, судьи и адвокаты! И здесь я – за троих!

– Я не знаю... Не знаю, что еще могу сделать... Не знаю, что еще мне сделать...

– Я тебе говорю, что делать, то и делай! Оставь его и оттирай кровь!

– Вольф...

Она не зашлась плачем – ее глаза высохли и потускнели. Она оцепенела, смотря в стену, в пустоту. Схватил ее за плечи.

– Смотри на меня! Я с тобой! Я не брошу тебя! Я всегда буду с тобой! Буду оберегать тебя! Только делай, как я говорю! Соберись, не теряй головы!

– Не надо... Не трогай... Оставь меня... Из-за меня... Хватит смертей! Хватит! Они ищут меня! И я сдамся им!

– Сдашься?! Сдашься им – сдашь и меня!

– Твоя жизнь не стоит столько жизней... Ни твоя, ни моя...

– Стоят наши жизни их всех!

– У жизни нет цены...

– Есть цена! Жизнь стоит столько, сколько ты за нее просишь и сколько ты за нее получаешь!

– Моя жизнь равна его жизни... Мы оба с ним – люди...

Черт... Все на грани... все меня готовы выдать. Все пошло наперекос... все под откос поехало. Не справляюсь я. Нет, еще не все пропало!

– Раны закрой! Заткни и прижми! Ясно?! Он кровью истекает!

Глава 48

Спешно осмотрел отдраенные полы и стены.

– Агнешка, я Войцеха к врачу отвезу. А ты с Крюгером и священником останешься ждать здесь – в гараже, под землей.

– Ты притащил туда трупы...

– И трупы, и машины, и вы – все спрятано под землей. Так что и не думай выходить, пусть они и приедут с проверкой. Они ничего не найдут. Только не выходите и храните тишину – мертвую. Нельзя развязывать священника. Ясно?

– Вольф, я...

– Ясно?!

– Да... Да, я поняла...

– Я вас не закрою. Не вернусь вас вызволять через сутки – вы выйдете. Только осторожно. Только, когда станет тихо. Сначала – слушайте, после – смотрите. Выходите вечером – в темноте. Я вам оставлю ключи от машины – отогнал ее в пролесок. Она недалеко от места, где Войцех яму копал, – найдете. Пешком дойдете – никаких попуток. Ясно?

– Да... Только ты же...

– Возьмут меня – мне из тюрьмы долго не выйти. Без меня выбираться будете с Крюгером. Деньги я вам дам. Отправитесь в Берлин. Крюгера в городе оставишь, в месте, помеченном на схеме. Дальше одна поедешь. Дам тебе адрес в Берлине – надежный человек, мой человек. Тебе только до города добраться – дальше он все сделает, он тебя вытащит. Сообщишь ему, что Отто Вебер тебя послал и передал, что в деле – второй вариант отхода. Ясно? Он тебе документы выправит, как литовке или латвийке, и в Осло переправит.

– В Норвегию?

– Нет меня – нет и другого варианта. Из Осло тихонько в Тронхайм переберешься. Остановишься на время в городе – в квартире Улафа Гундарсона, в моей квартире. Только молчи про меня. И про квартиру молчи. Не знает никто ничего.

– О господи! Мне не верится... Я не могу поверить...

– Сражайся за жизнь – о вере после схватки подумаешь. Останешься в Тронхайме – дождешься меня, я вернусь и все решу. И главное, – никому обо мне не говори. Запомни – ничего не говори.

– Кто такой Отто Вебер? Он твой друг, твой доверенный?

– Я – Вебер. Я, Агнешка.

– О господи...

– Я перед тобой открыт, Агнешка. Теперь каждый твой удар будет для меня пулей в грудь, а каждая твоя ошибка – ножом в спину.

– Господи... Зачем? Зачем ты делаешь все это? Зачем все это говоришь?

– Сказал же – стараюсь тебя спасти!

Я подождал, еще надеясь, что она передумает отправлять меня нарываться с врачами. Право же, что ей Войцех? Только не похоже, что она передумает. Черт...

– Держи деньги Мсцишевского. Надо будет – не скупись, откупайся. И еще... Помни о крысе, Агнешка. Главное, – крыса.

Агнешка откинула с плеча волосы, и передо мной предстал настороженный зверек.

– Крыса у меня, Вольф...

– Держи ее в коробке!

– Что ты, в коробке плохо сидеть – я знаю... Она привыкла ко мне. Она не убежит... она меня любит.

– Держи в коробке! С глаз долой! Скрывай и храни в тайне!

– Вольф, что такое? Что ты так из-за крысы?

Она ласково потрепала зверька по костлявому загривку, провела рукой по голому хвосту. Хотел бы я поменяться с этой крысой местами. Только мне, видно, суждено не в ее волосах купаться, а в коробке у немцев томиться. Черт... Посмотрел на руку Агнешки – она помечена кодом подопытного, как эта крыса. Товарищи по несчастью. Нашли друг друга. Ничего, станут они еще у меня счастливыми. И я – стану.

– Агнешка, крыса эта заражена вирусом-целителем, уничтожающим другие вирусы. И возможно – не просто заражена. Не знаю точно, но возможно – ДНК этого зверя изменен. И измененный код этого зверя способствует перестройке одного вируса в другой – в целительный. Я думаю, что изменения происходят именно в этом звере. Тебе ясно? Зверь – бесценен для государства, для всех. Береги его. И держи в тайне.

Девушка задумалась и вдруг вскинула голову.

– Это лечение? От всего?

– Только от вирусов – зато от всех вирусов, Агнешка.

– О боже... В моих руках...

– Биологическое оружие. Еще не изученное оружие, Агнешка, – еще только изучаемое. Ты заражена этим вирусом, избавившим тебя от другой заразы. Я сделал это – у меня не было выбора. Только еще никто не знает отдаленных последствий такого заражения. Молчи о том, что заражена. И не подвергай заражению других. Это поставит под угрозу...

– Я опасна?

– Не знаю. Поэтому – никто не должен знать.

– Вольф, это же...

– Этот вирус передается через кровь – знай об этом, и не заражай других. Простые анализы его не определяют – никто не узнает. Перевези крысу в Тронхайм – позже я приеду и решу, что с ней делать дальше. Ясно?

– Ты продаешь оружие? Такое оружие?

– Я не наемник и ничего не продаю – ни себя, ни свое оружие, ни чужое! Береги крысу – при нужде мы обменяем ее на наши жизни! А пока – просто молчи! Ясно?! Слова стоят нам жизни! Ясно?!

– Да... Я поняла...

– Знал, что ты умна, – иначе бы тебя не выбрал. А теперь тебе прятаться пора. Скоро они с проверкой приедут.

Я развернулся резко, пошел на выход. Агнешка догнала меня, с опаской коснулась моего плеча и зашептала тихо...

– Ты же наш шпион, я права?

– Нет, не права. Время выходит. Тебе пора к Крюгеру спуститься, а мне – пуститься в путь.

Она подошла... Она совсем рядом... Ее рука у меня на груди, глаза устремлены к моим... и ее тихий шепот...

– Подожди... Постой... Ты на меня?..

– Да, обижен. Ты меня глубоко оскорбила. Только не время для объяснений.

– Ты тогда на меня набросился, и я... Я боялась и... Я думала, что ты просто... просто преступник.

– Нет, не просто! Не хотел я с тобой так поступать. Хотел тебя, но так с тобой поступать не хотел.

– Я прошу... И ты прости меня... Я не хотела тебя унижать... Я не знала...

– Не надо! Не время!

– Я прошу... Очистим души прощением...

Она прильнула к моей груди, что-то шепча и...

– Не время!

Она резко осеклась. Просто, я скинул одежду, примеряя строгий костюм седого поляка, – подходит.

Агнешка не уходит, упрямо смотрит меня в лицо.

– Теперь я думаю, о тебе не так.

– Давай косметику, которую я тебе притащил. Не трати время! У меня лицо разбито, как у разбойника с большой дороги! Не могу я в таком виде в общество врачей войти!

– А в каком виде ты войдешь в общество?

Показал ей удостоверение нового мертвеца.

– Ступай к Крюгеру, Агнешка.

– Ты же вернешься, Вольф?

– Постараюсь вернуться.

Агнешка смотрит на меня растеряннo... скорее, потерянно смотрит.

– Вольф...

– Остановишь меня – тогда тебе с мертвецами не надо будет прятаться, а мне не надо будет под пули подставляться, только Войцех тогда – труп.

Агнешка подняла голову, сверкнув глазами.

– Возвращайся, Вольф. Я буду ждать.

Волшебные слова. Только не уверен, что ты в полной мере понимаешь, Агнешка, что тебе придется произносить их всю жизнь, если ты выберешь жизнь со мной.

Надежда стучит в висках. Она будет моей. Будет. Я докажу ей, что никого лучше меня ей в жизни не найти. И плевать, что подставлюсь, плевать, что Войцеха с собой таскать придется. Не сожжет ревность того, кого страсть спалила. Предоставлю ей и священника, и преступника в добром здравии, раз ей так в голову взбрело из-за религиозных соображений. Религиозные убеждения – все ж убеждения... не глупый каприз, а проявление твердых принципов. А твердые принципы я уважаю... даже, когда считаю их глупыми. Таких попробуй переубеди, попробуй перекупи. Таких предателями сделать труднее остальных. Заслужу я Агнешку – заслужу и ее верность до смерти. Таких трудно завербовать, а если и завербуешь – рассчитывать на таких будешь больше, чем на других. Будет она моей, Игорь Иванович, душой и телом – вся, с головой... моей!

Глава 49

Так, надо нарочито выправить плечи. Теперь в глазах гражданских я явно военный. Подбитый глаз темными очками закрыть. Вроде порядок. При мне удостоверение убитого агента, на мне строгий костюм, соответствующий представлениям людей об агентах службы безопасности. И я... Я вишу на волоске. Мои мощные страховочные тросы готовы оборваться, а остался один только – волосок... золотой волосок Агнешки.

Эх, пожелай мне удачи, Агнешка. Нужна мне теперь удача так же, как ты. А вы, Игорь Иванович, не смотрите так строго и укорительно. И без вас совесть грызет.

Близок предел моих сил. Только я, не взирая на усталость, упорно и терпеливо готовлю машину. Застелил сидение полиэтиленом, чтобы Войцех его кровью не замарал. С трудом запихнул здоровенного поляка в машину.

– Черт... Войцех, пива ты, видно, пьешь больше положенного. Забыл про нашу армейскую дисциплину, лентяй. Знал бы, что тебя таскать придется, – напомнил бы про трезвость и тренировки.

Кстати, насчет пьянства мысль ко времени... вовремя вспомнил. Посадил поляка так, что по дороге, со стороны, за пьяного сойдет. Он все больше без сознания – только изредка бредит от того, что температура подскочила. Плохо это, что температура, а еще хуже, что – бредит... чушь несет какую-то на польском. Черт... Сажусь за руль, завожу.

Вырулил на дорогу к сносному госпиталю. У меня единственная возможность проехать – просто ехать и надеяться, что меня не остановят на посту или за мной не увяжется патруль. Адреналин шкалит от стресса – спокойнее становится только от того, что меня в лицо не знают. Меня разве что с Агнешкой признать могут, а так... К двум парням просто так цепляться не должны. Только вот Войцех... Никак он за немца не сойдет, на лице у него написано, что он – славянин. А я же не знаю, насколько серьезно за поляков взялись. Решил перестраховаться и низко пригнуть ему голову – словно он дрыхнет, голову на грудь уронив.

– Виноват, командир...

– Заткнись, Войцех!

– Виноват... Ветка хрустнула, и я...

– Войцех, вбей ты себе в голову, наконец, что стрелять надо после того, как цель определишь, – точно определишь!

– Стрелять надо...

– Не надо стрелять! Придурок!

– А это не я, это – парашют...

– Придурок...

– Не открылся...

– Оно и видно! Был бы я твоим парашютом – тоже бы не открылся! Агнешку благодари – добрая она!

– С запозданием открылся...

– Заткнись! Войцех, ведь не плохой ты солдат! Только тупой, как!.. Не знаю, как что... Не знаю ничего тупее тебя, Войцех!

Остановился около госпиталя, подхватил здорового поляка и потащил, проклиная Степана Петровича, заставившего меня вконец отощать, – тяжелый он, как... Не знаю, как что... Такой же тяжелый, как и тупой!

Поймал врача, с неимоверной скоростью ткнул ему в лицо удостоверением и так же стремительно спрятал документы.

– Мне нужен хороший хирург – срочно.

Ко мне вышел встревоженный врач, за ним явились санитары с носилками. Наконец, свалил поляка с плеч.

– Агент тяжело ранен во время проведения секретной операции. Вы должны оказать нам содействие, сохраняя секретность.

– Мы доставим его в ваш ведомственный госпиталь.

– Вы должны оказать ему помощь на месте и немедленно. Не должно быть регистрации и официального оформления. Мы свяжемся с вашим руководством впоследствии. Вопросы есть?

Врач оторопело взирает на меня, а время идет. Я сурового свел брови, и он очнулся.

– Нет. Нет вопросов. Огнестрельные ранения! В операционную его!

Решил разъяснить положение дел доктору, проследовав за ним на подъемник.

– Я должен присутствовать на операции.

– Вам дальше нельзя.

– Я должен.

– Вам нельзя в операционную – вы не стерильны.

– Я пройду обработку и буду с ним – я обязан быть с ним.

Врач начал выставлять меня тверже, но и я на своем стал тверже настаивать.

– Я не пропущу вас дальше.

– Он будет жить?

– Он тяжело ранен. И кровопотеря...

– Он должен жить.

– Мы сделаем все, что сможем. Оставайтесь здесь и ждите.

Хирург не оставил попытки отправить меня прочь. Только меня прогнать не так просто – я ему еще не все разъяснил... не все, что должен объяснить ненароком, избавляясь и от тени подозрения. Я дождался, когда Войцех заговорит. Хирург прислушался к чужой речи и напрягся.

– На каком языке он говорит?

Главное, – никогда не подавать вида, что что-то идет не так. Все должно выглядеть обычным...

– Он в совершенстве владеет несколькими языками. Вы должны знать, что люди, знающие чужие языки, нередко говорят в бреду именно на – чужих языках.

Медсестра, старательно строящая мне глазки, кивнула в подтверждение моему заявлению.

– Да, я помню учительницу японского языка... После наркоза она какое-то время говорила только на японском, и я совсем не понимала, что она пытается мне сказать. Мы часто сталкиваемся с такими пациентами...

Хирург покачал головой в ответ на мою разящую наповал улыбку соблазнителя. Ему невдомек, что у меня на такие улыбки рука набита... так же, как на выявление таких сестер, скучающих порой на ответственной работе и пускающих в голову мысли, что тратят молодость попусту.

Позволил, наконец, хирургу себя выставить. Успокоился и остался ждать, не тревожась теперь об объяснениях всех неудач Войцеха на воинской службе, изложенных на его языке.

Так... Наврал всем... Главное, – не наврать себе. Нельзя забывать ничего, надо вспоминать все. Надо выстроить все в строгом строевом порядке. Так, кто обо мне что знает? Власти знают одного Вольфа. Войцех – одного Яна. Крюгер знает и Вольфа, и Яна. Агнешка – знает всех, кого не знает Игорь Иванович... и не знает никого, кто известен начальнику... только Яна. Пока мне удалось не пересекать параллели личных дел и служебных... считай, удалось. Все задействованные имена, лица и контакты – мои личные, страховочные. Ими обойтись и надо. Дальше мне нельзя Агнешку заводить. Да и Игоря Иванoviча в личные дела я посвящать не намерен. Никогда не думал, что буду благодарен судьбе за жесткие уроки, приучившие меня страховку себе крепить тайно от всех – и от своих, и от чужих.

После операции Войцеха отпускать не захотят, но я скажу, что должен забрать его в наш госпиталь. Вашу ж... Как все сложно! Ему антибиотики колоть придется... перевязки делать. Но не беда! Сложнее, что... Я внутри такой простой, а снаружи – такой сложный! Эх, Агнешка, – видимость все... все вокруг. И сохнет по тебе никто иной, как – иллюзионист. Только достаю я не кроликов из цилиндра, а информацию из людей.

Глава 50

Впихнул Войцеха в машину. В него столько крови вкачали, что даже на румянец хватило. У него улучшение стремительное, хоть он и вялый еще. И не только ему легчает. Эх, отблагодарит меня Агнешка. Верующие всегда склонны за падшие души заступаться и ничтожные жизни жалеть в надежде их спасти.

А вообще здоровый он – Войцех. Такой же здоровый, как и тяжелый, как и тупой... Зря он из армии ушел – вбили бы ему в голову порядок и применение полезное нашли бы. А может, мне его обработать? А что, завербую, заплачу, дам задание, не затрагивая его гордости, – и будет работать на нас, как миленький, не зная, что именно на нас работает. Агнешка ему подтвердит, что я из их родной разведки. Она же как раз так думает.

Намеками, конечно, разведки коснусь. Одними намеками надежнее – не подкопаются люди и... Люди больше без моих объяснений додумают, а главное – додумают то, что надо... что им надо и что мне на руку. Мои намеки для них – наводки, а мои недомолвки – проводники для их вымыслов. Для диверсии в их головах достаточно провести простую потаенную подготовку и проговорить последнее пусковое слово-катализатор – тогда взрыв домыслов обеспечен! Мне им с такой тактикой даже в мысли прокрадываться не нужно – они и без меня справятся. Стратегия у меня такая – не я людей штурмую, а они себя... под моим руководством. Всегда руководствуюсь основными законами физики – сила действия равна силе противодействия. Решил давить – дави осторожно. Решил бить – бей в точку наибольшей эффективности и наименьшего сопротивления.

Молодец я вообще. Вроде на волоске, а не вишу ведь – стою еще, выпрямившись во весь рост. Эх, гордитесь мной, Игорь Иванович, пусть и сомнительный повод для гордости я вам даю, – все же повод. Только вот плохо становится мне совсем. Зараза в крови гуляет лихая. Я же кровью с крысой обменялся, братаясь. А иммунитет у меня – хорош. Похоже, схватка с вирусом в разгаре. Температура зашкаливает. Черт... Не нужно мне с этим вирусом бороться... нужен мне этот вирус. Еще и адреналин перестал хлестать через край. Отпускает он меня, словно заморозка отходит. Видно, Войцех мне скулу сломал – боксер. Скверный перелом – со стороны не заметным особо бывает, а болит – зверски. Говорил же придурку, что нельзя меня по голове, – что моя голова не только мне нужна, но и ему. Правда, и я, как последний придурок себя повел. И вообще... Я ему обещал и собирался глотку перегрызть за такой удар, а теперь – его шкуру спасаю. Черт... Только неизвестно еще, что из этого получится. Пока его шкура в порядке, хоть и в дырах, но... В глазах у меня темнеет быстрее, чем вечереет. И дорогу я толком не различаю, а я – за рулем.

Проехал темный и тихий автосервис, присмотревшись, – проверяют, стоят машины. Остановился в пролеске чуть поодаль, стараясь успокоиться. Нет, не должны найти. Ничего и никого не найдут. Я же и о собаках позаботился – растворители собакам нюх отобьют. Правда, собак не должны были с собой брать. Это я так – для страховки, из осторожности. В конце концов, я с немцами дело имею... вернее дорогу я немцам перешел. А с ними надо всегда начеку быть – их попробуй недооцени. Достойные враги... и друзья – достойные. И весело с ними всегда, и дело никогда не стоит.

Подыхаю просто. Еще и нервничаю попусту. Знаю, что нельзя нервничать, оставаясь на месте, а все равно. Здесь же я не в простой засаде выжидать вынужден... здесь возле моей Агнешки ищейки рыщут. Снова адреналин нахлынул, и я готовлюсь сердечный приступ получить.

Глава 51

Глаза поляка чуть прояснились, мои – чуть замутились, так что мы с ним теперь на равных оказались.

– Ян, ты в порядке?

– Нет.

– А я...

– И ты – не в порядке. Войцех, а что с парашютом?

– А что?

– Ты сказал, что не открылся вовремя...

– Что, правда? Сказал?

– А то...

– Да это еще ничего... Раз как-то ветер был, к дороге сносить стало, а возле стояла стена... Так меня на стену занесло – встал на ней, а тянет...

– Что, правда?

Войцех усмехнулся.

– Правда...

– Стропы срезал?

– Да, с трудом... Думал, все... головой о бетон и...

Я прикурил сигарету – сунул в рот Войцеху, прикурил еще – зажал в зубах... и судорожно сцепил руки на руле.

– Пронесло, Войцех... А я раз... Да не важно...

– А ты где служил?

– Да я на границе...

– И как?

Усмехнулся в свой черед.

– Да задавался я страшно.

– Это за тобой водится.

– Верно, до сих пор водится. Раз я... В общем, вижу на снегу следы – вроде двое границу пересекли и в одном направлении двинули. Думал за ними ходу дать, а присмотрелся – неправильно нагрузка распределена. Один след вперед ведет, а другой – назад, только задом наперед. В общем, вышло, что один человек границу перешел и задом наперед вернулся, меня сбивая.

– Ничего себе...

– Я, конечно, орден на груди увидел и вперед тайком – только меня и видели...

– И что, выследил его?

– А то... Погнался за ним... за наградой, вернее. Плюнул на все и на чужую территорию рванул.

– Думал о том, что победителей не судят?

– Вроде того. Стоит, в общем, сарай кривой в снегу, следы к нему ведут...

– И что, взял его?

– Взял... скажешь тоже. Меня взяли, Войцех. Наши, Войцех, – пограничники.

Войцех рассмеялся, хватаясь за продырявленный живот и скрючиваясь.

– Проучили?

– Пытались. Только я же не знал, что это свои... не знал, что меня учат. Я к пыткам себя готовил серьезно, оповестил противника, что молчать намерен, как покойник, пока покойником не стану. И молчал. В общем, весь урок я им испортил. Они же ждали, что я только так зарываюсь – не до конца. Только не дождались. И, в итоге, одному командиру весело было... выговорил он нас всех неслабо.

– Палкой по спине?

– Почти...

– А ты хоть одного “переходчика” поймал?

– Было дело... Только я тебе позже расскажу. Устал я, Войцех, жутко. И за Агнешку страшно.

– Да мне тоже боязно, что дальше будет.

– Пожужим – увидим...

– Что увидим?

– Увидим, что же мы такое жуем. Тогда и решим – проглотить или – выплюнуть. Ты последи пока, а я клочок сна схвачу.

– Ты сможешь заснуть?

– Посмотрим...

Не то, что сильно, но жалею теперь, что в каком-то веке правдивую историю рассказать решил. Нервы все – прямо приперло правду хоть перед смертью, хоть Войцеху сказать. Только поляк так встревожен, что мне почти спокойно, – не запишет он ничего на корку, забудет все. Войцех толкнул меня в плечо, как только я закрыл глаза.

– Ты спишь, Ян?

– Нет, не идет сон...

– Ян, а что нам дальше делать?

– Придумаем...

– Я не могу придумать, что мне делать.

– Я придумаю, Войцех. Ты меня только по голове не бей больше.

– Да это ж – наиболее твердое место.

– Это у кого как, Войцех.

– Я ж все по правилам, как тренер говорил.

– Другие у нас отныне правила, Войцех.

– Ты вообще без правил дерешься.

– Другие у меня, просто, правила – в точности не такие, как у остальных.

Я посмотрел с отчаянием в пустой патронник. Тихо... Только не известно еще – ушли они уже или нет. Пора проверять. И вообще – пора... Долго они в автосервисе... Хватит... Хватит ждать... Будут обыскивать дольше – обнаружат мою Агнешку. Надо действовать.

– Войцех, ты с автоматом совладаешь?

– Да... Я в порядке, Ян.

– Сказал тоже... в порядке.

– На ногах держусь.

Загнал патрон в патронник, передал автомат поляку.

– Вот теперь, Войцех, стреляй в каждого чужого, кого только увидишь.

– Ясно.

Эх, возьмут меня, Игорь Иванович... И на кого вы меня такого обменяете, когда я столько всего натворил? Нет, не возьмут меня. Я всех возьму – всех... сначала их, а после – ее. Патрон в патронник – и вперед.

Глава 52

Агнешка бросилась мне на шею, как только я включил в подвале свет. Не знаю уж, что меня колотит – страсть или страх... или еще что...

– Вернулся... Ты вернулся...

– Вернулся, Агнешка. И он – живой он.

Она начала целовать меня, и я...

– Больше никуда... Не уходи больше никуда... Больше никуда не отпускаю...

– Агнешка...

Это что, правда? Правда, что она закрыла глаза, осыпая меня поцелуями?

– Агнешка... Я легок на подъем... Не надо говорить мне, что пора ехать, когда не готова ехать...

Она не отстранилась, не остановилась.

– Агнешка... Не время... Нет времени...

Хрупкие плечи затрепетали в моих дрожащих руках. Тонкие пальцы проскользнули под наполовину расстегнутую рубашку – под мою незаметно расстегнутую ее тонкими пальцами рубашку...

– Агнешка... Ты что делаешь? Трупы же кругом... везде враги...

Она целует меня на глазах застывшего с автоматом в руках Войцеха и...

– Агнешка! Да ты не соображаешь совсем! Хватит, все! Живы все! Живы! Хватит! Тише!

– Никуда не уходи... Не оставляй меня одну никогда...

Сжал ее руки в своих руках. Она задыхается слезами.

– Все в порядке. Они ушли. И мы уйдем. Уедем. Уходим, Войцех!

А куда? Куда мы уходим? Идем к Веберу... Точно – к герру Веберу на съемную квартиру. Больше некуда. Только я с трудом представляю... Не знаю, как я притащу такую компанию к серьезному и сдержанному герру Веберу, ведущему спокойную и правильную – просто праведную – жизнь. Черт... Кто у меня на руках? Безумный бродяга, раненый бандит, девушка в шоке и еще...

– Священник развязан! Какого черта священник развязан?!

Агнешка постаралась что-то сказать, но голос ее прерывается и дыхание неровное.

– Спокойно. Я спокоен. И ты...

– Я ему все объяснила... Он все понял... Он добрый человек...

– Что ты ему сказала? Смотри мне в глаза. Дыши спокойно и – отвечай.

– Только то, что мы попали в беду...

– Про объект речь шла?

– Он все понял, он...

– Про меня?

– Я сказала правду... только не всю. Сказала, что ты простой парень, как и мы. Сказала, что мы с Крюгером попали в беду, что ты помог нам. А теперь нам надо помочь тебе. Он поможет.

– Даже так? Священника обработала? Даешь же ты... не думал. Молодец, конечно, только впредь поосторожнее будь. Не скажу делать – не делай. Планы, как часы, – их сверять надо, надо их подправлять – согласованно. Ясно?

– Я поняла... поняла...

– Ты успокойшься сейчас, а потом с Крюгером поговоришь. Я направление задам, а ты его разработаешь.

Неплохо вообще вышло... Все мои будут – и бродяга, и бандит, и Агнешка... и даже – священник. Нам бы только до Франкфурта добраться, а дальше... дальше проще. Так, Агнешка у нас слабое звено – знают ее в лицо лучше других и ищут активнее. Пацаном ее сделаем наскоро – пройдет. До города доберемся в чисто мужской компании, пусть и разношерстной. Сойдет, скушает зритель мою скромную иллюзию – за обе щеки сжует.

Глава 52

Я не помню, как мы доехали до города, до съемной квартиры Вебера. Ума мне не хватает понять, как мы посты проехали. Я просто падаю с ног от изнеможения и подыхаю от нервного перенапряжения. Страх, страсть и счастье – все слилось в голове, в последнем рывке, в последнем выбросе стрессовой энергии.

Надеялся пройти незаметно, только на лестнице нас встретила Ильза – упорно, но безуспешно заигрывающая с Вебером баба-яга. Первыми засекла она нас с Войцехом. Похоже, она и нам решила подстроить западню – глазки строить, по крайней мере, стала отчаянно. Я начал нервничать сильнее и, видимо, дошел до предела. Не получилось сходу придумать, как выкрутиться и... в голове щелкнул переключатель... опасный переключатель, заставляющий все казаться мне – смешным.

– Вы пришли к герру Веберу? Его нет...

– Не беда. Мы его подождем. Он оставил нам ключ.

– Кто вы такие?

– Мальчики по вызову. Нет, не полицейские – другие мальчики по другому вызову. А вы не интересуетесь случайно?

Она открыла рот, но я подмигнул ей припухшим глазом, и она промолчала. Так же оторопело и молча она проводила взглядом священника с маленьким мальчиком и Крюгера, скрежещущего зловещим хохотом. Я мотнул головой в сторону старика.

– Он у нас главный – организатор оргий. Надумаете обратиться – он вам предоставит всю необходимую информацию о нашем заведении.

Ильза недовольно съежилась.

– Нет, я не интересуюсь. Зато ваш визит все прояснил с герром Вебером...

Она захлопнула дверь. И я захлопнул дверь за собой, приперая ее спиной, сползая по ней и – смеясь, как сумасшедший.

Войцех встал надо мной, возвышаясь горой.

– Ты что, Ян?

– Весело же! Разве не весело вышло?! Весело, Войцех! К черту! К черту безукоризненную репутацию Вебера! К черту!

Один старик-немец мои шутки понимает, подыхая со мной от смеха и кашля! И пусть невежды утверждают, что немцы шуток не понимают, – чушь!

Глава 53

Войцех поднял меня, еще заливающегося смехом, с пола. Он прав – пора залиться не смехом, а спиртом... снять напряжение и...

– Ян, ты зачем так? Она же подумает, что мы...

– Подумает.

– Позор же, Ян...

– Точно. А делать нечего – ничего другого в голову не пришло, просто. Будешь знать теперь, как меня по голове бить.

Перенервничали и замотались все – так что и за стол сели все... и никто не потрудился на него хоть что-то поставить. Пришлось мне о гостях позаботиться. Только я не далеко ушел, а припал спиной к холодильнику и сполз на пол, засыпая.

Священник зазвенел стаканами и протянул мне руку. Он радушно улыбается мне – будто я его добрый друг, зашедший к нему по приглашению прогнать через себя чашку чая и побеседовать по душам о неисповедимости путей господних.

– Пить будете, святой отец?

– Боюсь, не смогу составить тебе компанию...

Пришлось пристать к Войцеху, но и он угрюмо мотнул головой.

– Мне доктор запретил спирт с антибиотиками...

– Да, с доктором не поспоришь – он дело знает. Агнешка, а ты как?

Она молча качнула головой – еще не отошла от шока. Ей бы хорошо выпить, но раз не хочет... Один Крюгер потянулся к стакану, но я стукнул его по руке... и стакан перехватил.

– Не дам. Нельзя тебе, старик. Спирт проводимость вредных излучений повышает – тех, что пришельцы используют для считывания мыслей.

– Да, здесь я для них и так легкая добыча, Ян, – здесь на земле. Надо мне вниз... в подвал. Здесь должен быть подвал, Ян...

– Стой, не пушу.

– Ян, мне нужно скрываться...

Пролистал в уставшей голове учебник судебной психиатрии.

– Слушай, Клаус... Иди фольгу бери и голову оборачивай... Надежное средство, старик.

– Ты точно знаешь?

– Точно. Тебе каждый из тех, кого пришельцы преследуют, подтвердит, что нет средства надежнее. Защита от облучения тебе обеспечена. Иди спать, старик... и спи спокойно.

– Ты прав, Вольф... Мне надо набраться сил перед вступлением в борьбу... Как отосплюсь – соберу всех и сообщу все... и про заговор, и про них – пришельцев...

Я покачал головой, провожая старика в постель, приготовленную для гостей, которых у Вебера, правда, никогда не бывало... так все – для подстраховки. Эх, придется мне после него дезинфекцию проводить. Да что теперь...

– Сказку на ночь рассказывать не стану – сразу предупреждаю.

Клаус скрипнул смехом или ржавым суставом – не разобрал. А Войцех встал у меня за спиной, требовательно взирая на меня, стоящего в темноте, из светлого коридора.

– Вольф? Он назвал тебя – Вольфом?

– Прозвище такое – Волк. Я тебе на полу постелю... Нормально получится... И священника рядом пристроим...

– Ян, давай выкладывай правду... Я же не такой тупой, чтобы не понять, что нечисто дело. Что ты натворил такое, что за тобой охотятся, как за волком?

Что ж все такие умные стали? Наверное, – я отупел вконец.

– Не лезь в мои “волчьи” дела, Войцех, – сохранней будешь.

– Ян, да я уже влез... ты меня уже втянул. У меня в груди три дырки теперь, так что – выкладывай. Ты же с властями что-то не поделил.

– Агнешку.

– А что она?

– Жертва невинная.

– Ян, а что, из-за нее все?

– Да.

– Я не совсем дубовая дубина, Ян... Старик – немец сказал, что... Что-то мне кажется, что он правду сказал про заговор и про...

– Он – сумасшедший, Войцех.

– Ты меня недооцениваешь, Ян... У меня тренер хороший был... Он меня учил на ринге противнику не только слабость не показывать, а еще и силу скрывать, когда надо.

– А толку что?

– Да ввязался я... Но я найду концы, Ян. Я понимаю, что не из-за нее все. Здесь про какую-то инфекцию и информацию речь заходит.

– Да, попали мы в историю с информацией об инфекции.

– Ян, то, что старик сказал про подопытных... Он же правду сказал...

– Правду.

– А ты что?

– Пошел проверять.

– Так просто пошел? Умный ты, так просто не пошел бы... да и не прошел бы так просто. Да и видел я, как ты с мертвецами орудовал... Ты дело знаешь.

– Знаю. Ты только что сказал – умный я.

– Я тут подумал и...

– Не твое это дело – думать, Войцех!

– А я все-таки подумал и... Вот думаю, а что мы про тебя знаем? Да ничего мы про тебя не знаем – никто...

– Сейчас узнаешь, только тогда тебе и думать не придется со мной развязаться...

– Я понял, что тому, кто с тобой свяжется одна дорога... С тобой только смерть развязать может... Я как посмотрел трезвым взглядом – трупы же одни кругом, и никаких концов... А я в покойники не мечу, Ян...

Бойтся он меня... за свою шкуру боится. Неужто я его, наемника, бесплатно заполучу? На страх один его подцеплю. Да мне и стараться особо не придется – он себе и без меня крючок отточил... мне только леску бросить – и завербую.

– Это произошло из-за нашей разведки и из-за их заразы, из-за девушки и из-за меня. И еще – из-за тебя, Войцех. А главное, – из-за их крысы. Точнее, из-за моей крысы. Они хотят схватить меня, убить тебя, девушку и старика, а главное – вернуть крысу.

– Верни им...

– Я верну, взамен на наши жизни – позже. Мне еще страховку закрепить надо. Отдам я им крысу просто так – нас просто так и прикончат. Пока я старика в стране спрячу, а вас с девушкой – в Польшу переправлю. Скрою вас, и следить за вами стану. Ясно?

– Думаешь, они нас отпускают?

– Нет! Они не отпустят! Я вас скрою! Понял?! Я! Так что молись за мою сохранность, Войцех! Молчи про все, что знаешь, и следуй моим указаниям. Делай все, что я говорю, – тогда я тебя вытащу вместе с девушкой и стариком.

– И что мне делать?

– Спи. Раны залечивай.

– А потом?

– Потом и скажу. Завязаны мы теперь крепко, так что...

– Понял я, Ян...

– Мне скоро ехать надо... Служба. Вас с Агнешкой в Польшу отправлю, в Варшаву, и – в путь. Прямо тебе скажу, не хочу я тебя с ней оставлять, только не с кем мне ее больше оставить. Ты за ней присмотришь в мое отсутствие. И по сторонам тебе надо будет смотреть в оба. Мне обо всем докладывать будешь. Понял?

– Да, Ян.

– И только попробуй мою девушку...

– Я не самоубийца...

– Понимаешь – хорошо, будешь помнить – еще лучше.

Войцех вдруг мечтательно закатил глаза.

– Ян, а Варшава – это же здорово... Я ведь в Варшаве никогда не был... Я же из глуши вообще, из...

– Город большой – вас там найти труднее будет.

– Расскажи мне про Варшаву, Ян...

Да прямо сейчас – я ее только на карте видел.

– Я тебе потом расскажу – позже.

– Ты только не забудь.

– У меня память хорошая – тренированная.

Войцех, ухмыляясь, стукнул кулаком в открытую ладонь, а после – костяшками в лоб.

– Не отшибло память, значит?

Стукнул его по плечу.

– Прав был твой тренер – голова наиболее твердое место. Только все равно держи свои кулаки подальше от моей головы.

– Да, Ян. Договорились.

По душе мне его покорность судьбе – он в подчинении хорош, ему бы только командира хорошего. Такого накормишь, напоишь, припугнешь, по голове погладишь – и будет за тебя драться, как миленький... вернее, как “медведь”. Медведь, конечно, зверь своенравный, только и на него управа найдется с применением правильного подхода. Он сильнее волка, от этого и не настолько умен и не настолько агрессивен. Медведь при первом проявлении опасности, как волк, не нападет, на опережение не пойдет. Он постарается не нападать до последнего, пугая, а когда его прижмет, – атакует с такой мощью, что волку и не снилось. Одним ударом охотнику голову снесет... ни когтями душить не станет, как кошки, ни зубами глотку грызть, как волки, – просто шее сломает одной лапой. Такой вот зверь – медведь. Такой вот вояка – Войцех.

Лицо Агнешки стоит перед глазами... ее неотрывный взгляд мне в лицо, мне в спину. Знаю, что нехорошо ее одну надолго оставлять, только не тороплюсь к ней. Я так устал, что... Трудно решиться остаться с ней наедине. Она не поймет, если что не так пойдет. Нет, не поймет... Ей о таких вещах думать не надо...

Войцех, ухмыляясь, долбанул меня по плечу медвежьей лапой.

– Ты давай, управимся мы...

– Да я вам все устрою и...

– Давай, ждет она тебя, Волк...

Глава 53

Рухнул на стул, смотря на стол. Осушил стакан. Агнешка села мне на колени, положила голову мне на плечо, пролила мне на грудь дождь золотых волос... Они, как теплые солнечные лучики, как тонкие паутинки под луной... окутывают меня, оплетают... Через сон лес шепчет мне ласковые слова, тихонько шелестят листья и звенит чистый ручей...

Глава 54

Открыл глаза, озираясь... Утро... Я полураздетый на постели... Мою грудь греет дыхание Агнешки... вслед за моим дыханием искрятся в утреннем свете золотые струйки ее волос... Агнешка... Черт... Как же так?

– Как же так? Агнешка... Агнешка! А как так вышло?!

Она, сонная, недоуменно смотрит на меня, протирая глаза, а я ничего не понимаю... ничего не помню.

– Ты так напился, что ничего не помнишь, Вольф?

– Я не помню и того, что напился!

Она рассмеялась... таким утренним смехом.

– Ты заснул... Мне пришлось будить Войцеха – он тебя до кровати дотащил... Трудно его добудиться было... конечно не так, как тебя, но мне пришлось потрудиться на славу...

– Теперь Волк проснулся, Агнешка...

Срываю с себя с одеждой всю видимость, все имена, все лица... отбрасываю все слова всех языков... Безмолвный, безликий, безымянный я свободен... только мое сердце бьется быстрее и громче...

Глава 55

С облегчением и глупой улыбкой смотрю в потолок, впутывая вялую руку в ее волосы... Католичка... Такие они – католики... Долго в себе все свои так называемые “грехи” копят, а как накопят – так рванут, что разнесут все вокруг... как ядерный взрыв... Механизм действия похожий – достигается критическая масса и...

Ха... Как-то в голову пришло... А что будет, если довести священника и дать ему в руки автомат? Ха...

– Вольф... Не ходи на объект...

– На объект?

– Не ходи...

– Нет, я же обещал тебе. Как же теперь?

– Никак – просто не ходи...

– Я тебя заслужил, только мне еще не потерять тебя нужно.

– Не потеряешь...

– Нет, я не отступлю. Только мне еще время нужно... еще кровь крысы нашей нужна.

– Кровь?

– Одна зараза – защита от другой. Только нужную заразу еще подцепить нужно. Не так просто мне оказалось с задачей такой справиться.

– Ты заразился?

– Тебе не страшно – ты тоже заражена.

– Я не за себя беспокоюсь...

– Я тоже – не за себя. Здорово вообще – я за тебя, ты за меня... и ничего в итоге не меняется. Просто, происходит сложный обмен беспокойствами, и, в конце концов, все остаются при своем. Так с людьми, с государствами... Со всем вообще так дело обстоит.

– Боюсь, тебе придется объяснять...

– Нет, не буду – позже.

– Вольф, ты же не пройдешь... Они же все подходы перекрыли...

– Через подземелья не пройду. Они, наверное, установили в тоннелях датчики, реагирующие на движение. Я их отключить не смогу, пока они не подключатся, а как только они подключатся – меня схватят. Есть шанс и с ними совладать, но сложно это... А через больницу, через вентиляцию – это еще как-то... Не снизу зайду, так – сверху...

Агнешка звонко рассмеялась – не сразу понял, а когда понял... И правда, смешно вышло.

– Какая же ты оказалась...

– Это ты такой – только и думаешь, как взять объект.

– Работа такая.

– Это правда, что у вас автоматы с девушками сравнивают?

– Правда – везде так, всегда. Только глупое какое-то сравнение – никак не выходит у меня сходство найти.

– Беречь оружие надо, как девушку.

– А ты бы с моими бывшими командирами общий язык нашла.

– А что, теперь у тебя не такие командиры?

Я с тоской вспомнил незамысловатое прошлое и сравнил с заковыристым настоящим.

– Нет, не такие... Не простые...

– Я думаю, что не надо тебе куда-то уходить... Ты же не спасешь тех людей – подопытных...

– Нет, не спасу. Я не могу отпустить их – зараженных. Не могу столько людей одной страшной заразой от другой исцелить. Они обречены – они погибнут. Зато я могу сделать так, что новые партии на объект поступать не будут. Нет, я его подорвать не смогу – у меня взрывчатки нет... и заразу распустить можно. Могу только заблокировать объект – проникнуть на него и отпустить всю заразу на волю. Тогда его точно зачистят и закроют. Опасно, конечно, аварию спровоцировать... только иного варианта нет.

– А как ты тогда вернешься?... Останься со мной... Бог их накажет, а ты... Просто, останься... Никуда не уходи... никогда...

Только намеривался порадоваться, что она меня начала, наконец, беречь, как снова пришлось напрягать нервы и подниматься с пригретой постели.

– Агнешка, никуда и никогда – у меня не получится... Я уехать должен... Должен... Понимаешь?

– Я понимаю... Я поеду с тобой...

– Я не могу взять тебя с собой...

Агнешка недоуменно посмотрела на меня, натянула простынь на плечи и...

– Я с тобой хоть на край света, хоть сейчас, Вольф...

– Меня не на край света пошлют, а... в центр, в пекло... Агнешка, я просто не смогу взять тебя с собой!

– Как не сможешь?

– Вот так! Я не все могу!

Пули полетели мне в грудь – вернее, патроны, еще и с коробкой.

– Не можешь?! Ты оставишь меня?! Ты меня оставишь?! Одну?!

– Агнешка, я скрою тебя в Варшаве!

– В Варшаве?!

– Войцех будет охранять тебя!

– Войцех?!

– Я приеду к тебе, как только смогу! Я смогу часто приезжать к тебе – в Польшу! Или в Финляндию! Я отвезу тебя в Финляндию или в Норвегию! Ты будешь ждать, и я – вернусь! Ты же будешь ждать?!

– Сколько?! Сколько ждать?!

– Не знаю я, сколько! Не знаю я, что со мной сделают!

– Не знаешь?! А что?! Что с тобой могут сделать?!

– В лучшем случае грязную работу поручат, в среднем – прогонят из управления, в худшем – в тюрьму посадят – я не знаю еще! Не знаю еще, что мне удалось утаить, а им – узнать о моих заносах в сторону!

– О боже...

- Ты будешь ждать?!
- Агнешка уронила голову на руки, словно повторяя мой жест отчаяния.
- Вольф, я...
- Со мной тебе будет сложно и беспокойно, Агнешка, только со мной ты не пропадешь – никогда и нигде. Я для тебя могу...
- Агнешка, хоть и грустной улыбкой, только все равно – улыбнулась мне.
- Я знаю, что ты можешь для меня сделать... Ты умеешь стрелять в людей... А ты еще что-то делать умеешь?
- А еще что-то надо?
- Можешь мне песню спеть?
- Песню – могу.
- А стихи?
- Я тяжело вздохнул и прерывисто кивнул, надеясь, что судьба таких издевательств надо мной не допустит...
- Только чужие, только прочитать... и только, когда выучу.
- А книги ты читаешь?
- Читаю. Справочники, правда, одни... Только ты не думай, что я... Я же читать умею... Ты мне скажешь, что надо, и я... Не тупой же я, в конце концов... Так что, договорились? Ждать будешь?
- Буду, Вольф. Только не вечно. Так что торопись вернуться ко мне... не теряй возможности вернуться.

Глава 56

- Что ж... Раскрутился я здорово – пора и назад скручиваться. С Игоря Ивановича мое похождение началось – Игорем Ивановичем и кончится. Надо на связь выходить и отчитываться во всех тяжких. Черт...
- Нет, еще не все... не все. Ничего, Игорь Иванович ждал и еще подождет... и Агнешка – подождет. Подключаюсь к линии, к связи...
- Что делаешь, Швед?
 - Сплю вообще...
 - У меня тоже – ночь.
 - Тебя тоже комары кусают?
 - Нет здесь никаких комаров – их здесь изводят исправно. Как тебе охотничий суп, приготовленный финским товарищем?
 - Не напоминай – до сих пор живот крутит...
 - Крепись, Швед. Я тебе скоро и не такое зелье сготовлю.
 - Почтой пришлешь?
 - Лично доставлю, а еще лучше – сварю в вашем котле, в вашем присутствии и в походных условиях.
 - Уж не к нам в гости ты собрался, Охотник?
- Эх, ты хоть думай, что пишешь, Швед... Просто, написал ты глупость настоящую – швед с финном меня на мою землю в гости к себе зовут! Только они ж меня шведом считают оба... А черт...
- Что ж, ждите в гости! Готовьте открывалки – бутылки за мной!
 - Тебе что, еще открывалки нужны?
 - Нужны – не виртуальные только. Такие же реальные, как бутылки!
 - Ты что это, серьезно? А что это ты так вдрут? Ты весь в делах всегда, Охотник...
 - Жизнь – тоже дело.
 - Не узнаю тебя даже...
 - Знаешь, у нас говорят – “Перед смертью не надышишься”! А я решил проверить на правоту и прочность народную мудрость!
 - Что, перед смертью надышаться задумал? Не пугай меня, Охотник...

– А ты не пугайся! Пусть и перед смертью, но – надышусь! Все лучше, чем вообще в жизни воздухом не дышать!

Перед глазами поднимается костер, высвечивая железки, украшающие лицо моего товарища-аутсайдера... А что?.. Что мне мечтать о таком друге, когда он вот – у меня перед глазами стоит?..

Часть III

Мы при вражеских погонах

Глава 1

Компьютер завис, и я осыпал его немymi проклятьями... Петр дышит мне в затылок огнем и мысленной руганью... Британцы подходят, а декодер... От перегрева все... Я тоже готов от перегрева сдохнуть... Дверь раскрылась и... Меня обдало “солнечным ветром” – сухим, колющим от песка жаром...

Петр напирает...

– Хэнк, отключай просмотр на проходе.

Я зашипел вслух, бранясь на бедном на ругательства языке...

– Сдох декодер. Ничего, так пойдем – с поста не увидят. Просмотреть участок не просто – пройдем.

Указал Сергею на грузовики...

– Давай, Джонни, до ближайшего.

Петр резко дернул головой, отгоняя мысли, готовясь идти следом за Сергеем, а Сергей занервничал...

– Хэнк, не выйдет. Надо аппаратуру отключить.

– Давай до штабелей и до грузовика – до того, который в конце колонны пойдет! Живо! Приехали в гробах – в гробах и уедем! Пошел!

Сергей, глубоко вдохнув, рванул вперед... Прошел... Петр обернулся, я кивнул...

– Пошел!

Теперь мой черед... Осмотрелся, чуть выждал и... Влетел в кузов, вслед за Петром, бросив сдохший декодер на пол... Сергей расклепал гроб – отдираю крышку, тесню труп британца...

– Назад без удобств, Хэнк.

– Ничего, Джонни, терпи – в тесноте да не в обиде.

Петр первым забрался в гроб, укладывая автомат под руку...

– Потеснили мы этих парней порядком, Хэнк.

– Этим еще повезло. Следующую партию в пыли не соберут – в пустых гробах хоронить будут.

Я задвинул крышку и задержал дыхание... Грузовик тронулся... остановился... дернулся и двинул вперед... Я перестал проклинать декодер – от души отлегло...

Удар дал в голову, отдался гулом и раскатился дребезжанием... Крышка гроба клацнула, съезжая, – скинул ее, хватая автомат... Грузовик встал – раздался крики, заглушаемые низкочастотным рокотом...

– Петр, поведешь! Сергей, прикроешь!

Я пустил короткую очередь – конвой к черту... Петр пошел... Он открыл огонь... Иду следом... Сейчас всех постреляем – они и не поймут ничего...

Влетел в кабину, вышвырнув истекающего кровью британца... Петр газанул, и я перевел дыхание... Схватил початую пачку сигарет с приборной панели, поискал зажигалку... Прикурил и себе, и Петру... и – рассмеялся.

– Что, порядок?!

– Порядок, Слава. Ожалило меня только...

– Дай посмотрю... Броня пробита. А крови вроде не особо. Жить будешь – вскользь прошла возле ребра.

– Бывало и хуже.

– Это точно. Мне тоже плечо осадило.

– Слава!..

– Твою ж!..

Штурмовик... Они штурмовика подняли... Оперативно сработали... Черт...

Глава 2

Ползу в дыму, в песке, видя широко открытыми глазами только обугленные ресницы и слыша только ревящее пламя... Ничего не понимаю... Не знаю, крошатся это стиснутые зубы или – песок на зубах скрипит... только я задыхаюсь этой пылью... или песком... Стараюсь выскрести его из рта рукой, но рука вся в крови и в... песке...

Откашлялся, хватая воздух пересохшим ртом... Я что, живой?.. Живой... Черт... А остальные что?.. Черт... Рука... Это часы Петра... Никого... Только я, только – пустыня... Пустыня!..

Поднялся на колени, стараясь сдержать страх и осмотреться... Дорога... Дымит то, что осталось от догорающего грузовика... Меня, видно, взрывной волной отбросило... с осколками... Осколки... Черт... Меня бьет адреналин, боли я пока особо не чувствую, только... Я весь в осколках! Нет, не весь – на мне броня... Только я... Я весь в крови! Вашу ж!..

С открытым ртом стою на коленях под палящим солнцем, а ветер рвет мне рот жаром и царапает зубы песком... Солнце слепит глаза, а ветер – сушит... до слепоты. И знойное марево искажает пространство... все вокруг меня дрожит, как и я...

Взял себя в руки, вцепившись в раскаленный автомат, в оторванную руку боевого товарища... Прогретая броня пригибает спину тяжестью... Снимаю с руки часы – передать жене Петра, но у меня в мыслях мутно, и я не знаю, как я это сделаю... Эх, Игорь Иванович... Эх, прощай, Агнешка...

Глава 3

Поднялся и побрел вдоль дороги, держась от нее чуть поодаль, но не упуская из поля зрения дрожащий над расплавленным асфальтом мар... Не особо соображаю, куда иду... Вернее, иду я к нашей машине... к брошенному в песках с виду обгоревшему вездеходу, ждущему нас... вернее меня... меня одного... Только я и не надеюсь дойти... Далеко... А я –дохну...

Глава 4

Только и думаю, что могу бросить... Расстрелянный рожок – к черту... и декодер, и... Что еще?.. Броня... Как я забыл?.. К черту броню...

Выплюнул песок, выбранился... С меня перестало течь в три ручья – вода кончилась, и теперь солнце просто жжет, сдирая с меня остатки кожи никчемной шелухой... Правда, корка смешанной с песком крови защищает... Но корка сохнет, трескается и слетает под ветром, дерущей меня колючей осыпью... Эх, белый я, обгорю быстро... Вашу ж...

Рухнул на колени, опираясь на пригоревший к рукам автомат... Думал, что больше не встану, только заметил... Кровь остановилась... Из-за корки этой сухой – остановилась... Надо просто не тревожить осколки лишними движениями – и тогда кровопотери большой не будет... Крупных осколков нет – это хорошо... Я еще встану, я еще дойду...

Глава 5

Свалился в песок, скрываясь в пыли от зашумевшего вдали винта вертолета... Бранюсь тихонько, стараясь не думать, что меня заметят... Нет, не заметят... Начал вспоминать Агнешку – мой лучик света... нет, мою прохладную тень... Она сейчас, наверное, сидит у звонкого ручья под тенью прохладной рощи... с Войцехом, хлещущим холодное пиво... Черт! Войцех из головы не идет! Отправил я с ней этого вояку в Польшу охранником, и глаз ночами не смыкаю... Не сделал

бы я этого, будь моя воля... Только не мог я ее одну без охраны оставить... И его без присмотра оставить не мог... Не мог я его немцам отдать – знал он больше дозволенного... Связаны мы все троим событиями накрепко, и вдвоем нам с Агнешкой пока просто не судьба быть... Везде Войцех – даже в моей голове! “Медведь”! Она в последнем письме писала, что он нашел неплохую работу и покончил с преступным прошлым... Писала, что рада за него... Черт! Войцех, только попробуй воспользоваться моим отсутствием! Только попробуй! Я тебе глотку перегрызу, вернувшись! А я вернусь! Я вернусь!

Выплюнуть песок из пересохшего рта не смог – пришлось снова выгребать его грязной рукой... Черт! Агнешка! Так и вижу, как она спускается к ручью, скидывая обувь, и босой вступает в студеную чистую воду... и Войцех рядом с ней – заливается холодным пивом... Он – только с вида не слишком хищный зверь, как все коварные медведи! Ничего, она будет моей – только моей! Мы будем друг с другом безо всех других и – безо всех моих обманных шкур! Мы сбросим все видимости, все оборотнические одежды и – будем только собой, будем только мы с ней! Эх, держитесь у меня!.. Оба, держитесь!.. Храните верность “волку”!.. Вернется “волк” с войны!.. Сбросит британскую шкуру и вернется!.. Эх, вернется!..

Я разодрал пересохший рот в кровь, стараясь избавиться от песка, а он – только больше липнуть ко мне стал, к моей крови... Вашу ж... Я вернусь, Агнешка! И только попробуй мне изменить! Я вернусь, Игорь Иванович! И только попробуйте меня в Варшаву не пустить!

Глава 6

Что-то движется в пыли и мареве... Какая-то развалюха... Вашу ж... Из ствола посыпался песок, а следом – полетели пули... Зарядил прерывистыми очередями, заваливаясь гильзами, будто дождем обдавая старую развалину, надвигающуюся на меня в пыли и маре... Упал, поднимая вокруг себя пылевую завесу, считая секунды, нужные для смены рожка... Ругаюсь, снова открывая огонь и считая трупы...

Боевики обстреляли меня, и я замер под их дикими выкриками... Я бросил плюющийся от перегрева автомат, поднимая руки... Один подошел, наставив на меня ствол... Собрался с силами, сосредоточился и... Перехватил его руки с рывком... Схватил его автомат, шибанул его прикладом, открыл огонь, падая с его телом и прикрываясь им... Он, простреленный, повалился на спину, последовав за остальными... Я ринулся к мертвецам, вырвал оружие у одного из них... Забрал у покойника забитый рожок, перезарядил, развернулся на шум двигателя, открыл огонь... Патрон на перекос пошел!.. Заклинило!.. Кидаю непригодное оружие, вырывая исправное из мертвых рук... Вашу ж!.. Раненый!.. Очнулся!.. Огрел меня прикладом...

Глава 7

Разлепил подбитый глаз... Различил в полумгле световой квадрат далеко впереди... Ангар?.. Что-то наподобие ангара... А я... Я не валяюсь на полу, не вишу в воздухе... Руки связаны над головой тонкой веревкой, врезанной в запястья и локти... Я могу только стоять или... Стиснул зубы, вставая на ноги, напрягая онемевшие руки... У входа сложены трупы... Неподалеку наставлены ящики... Они заменяют и стол, и стулья пятерым... Бойцы что-то едят, пьют, курят... Один идет ко мне... Кривой окурок вспыхивает у моих глаз с его ухмылкой... Вашу!.. Боевик смотрит мне в глаза, туша окурок о мою грудь... Сдерживаю дыхание, не вдыхая дым трескучего огонька, – я стерплю... Боевик что-то кричит, обернувшись к остальным... Я не понимаю – ничего не понимаю... Не знаю языка, не знаю...

Кто они?.. Враги или просто бандиты?.. Не знаю... Надо наблюдать... Боевик отходит, указывая дулом карабина в сторону... Оглядываюсь... Черт! Англичане!

Рядом британские офицеры – они подвешены на такой же веревке, крепящейся к таким же крюкам... Черт... Британцы... А боевики... Они бандиты или... Они еще и нашими могут быть... Мне в голову, как ударила мысль, рванувшая гранатой, – на мне британская форма... Я – английский офицер!.. Черт!..

– Я русский! Русский я!

Боевики направили на меня оружие и грубые окрики... Я умолк, а они окатили меня чужой мне руганью... Англичанин что-то прохрипел... Повернул к нему голову... Только теперь заметил, что под его разодранными лохмотьями расползся нейтрализованный химический ожог... Я рванул веревки... и замер, остановленный злыми выкриками... Англичанин прохрипел что-то снова – я прислушался...

– Они не поверят... Трупы видишь?.. Твоих же рук дело...

– Я ж... Вашу ж...

– Ты их понимаешь?..

– Нет. А ты?

– Нет...

– Привыкли вы, что ваш язык все учить должны. А их не заставите. И силой не заставите. Не хватит у вас на них сил. И на нас – не хватит.

Англичанин повесил голову... Ноги у него подкосились, и он повис на веревке... У меня вдруг дыхание перебилося от страха, что сейчас погибнет человек, речь которого я понимаю, пусть он и – мой враг... Но он с трудом поднял голову, с трудом поднялся...

– Эй, ты... Англичанин... Ты как, продержишься еще?..

– Я здесь вторые сутки, русский...

– Ты знаешь, кто они?.. Знаешь, что они с нами сделают, британец?..

– Ричард...

– Знаешь?..

– Нет... Я не понимаю, что они делают, что им нужно...

– Обменять собираются или выкуп потребовать...

– Возможно, только... Думаю, нас – убьют до того, как договорятся...

– Они должны постараться ясно свои требования изложить – с угрозами... Будут долго убивать и... снимать мучения...

– Они снимают...

– Тогда скорей всего не убьют...

– Все равно – убьют...

– Не так сразу...

– Я был бы рад, если бы – сразу...

– Тогда нам уж точно не вернуться...

– Ты еще думаешь вернуться? Штурмана они давно убили, а с веревки труп снять так и не потрудились – оставили... Для меня оставили... И для съемок своих...

– Ты летчик?

– Да... А ты, вижу, диверсант?

– Нет... Просто нарядился – девиц цеплять. Нравится им ваша форма.

– Ясно с тобой...

– Я, и правда, случайно попал... Связист я простой... Меня на базу другую вызвали технику отладить, а я через ваши территории сократить решил... Вот и вышло так, что от вас я вашей формой застраховался, а боевиков и бандитов – не учел...

Англичанин слабо улыбнулся – скривил разбитые губы, кривясь от боли.

– И как мне тебя называть, связист?

– Славой зови. А что за машина? Они ее в ангар загнали... Она на ходу?

– Какая разница?

– Такая, что пешком мы не уйдем.

– Ты еще думаешь, что мы сможем уйти?..

– Только об этом и думаю.

– Лучше думай, как их не злить... Тогда мучить, перед тем как убьют, меньше будут...

– Мысль стоящая. Не стоит злить... Надо тихо их... Тогда – всех и сразу... так, что они и дух перевести не успеют...

Англичанин снова уронил голову, шепча в пол...

– Меня невеста ждет... Элизабет... Не дождется... И ты... Не мучай себя надеждой...

– Я реалист, Ричард... Я себя ни надеждой, ни отчаянием не мучаю...

– Тебя кто-то ждет?..

– Много кто ждет... много кто от меня еще многого ждет...

– Я про девушку...

– Литовка... И она думает, что я – литовец... И я не намерен допускать и мысли, что ей не суждено обо мне правду узнать...

– А правда в том, что ты литовец только на треть?..

Я оскалил зубы горькой усмешкой... Ирония у англичан в крови... Только она их нередко в таких ситуациях покидает... А этот англичанин ничего еще – силен духом, раз про иронию до сих пор помнит...

– На треть литовец, на треть русский, на треть англичанин... Ты прав, – как раз в этом и заключена моя правда...

– Красивая?.. Литовка – красивая?..

– Хрупкая и светлая, как раннее утро... Глаз не отвести...

– А Элизабет не красавица... Зато она – настоящая аристократка...

– Рад, что ты такую леди... А теперь забудь про нее и вспомни про то, что нам надо выбирать...

– Нам не уйти... Мы можем только ждать... Стараться успокоиться, подготовиться и...

– Не сдерут они с “волка” шкуру на коврике! Я сдеру! С них!

Получил прикладом карабина под ребро и прервал переговоры с англичанином, стараясь поправить перебитое дыхание...

Глава 8

Пустил кровавую слюну из открытого рта и проследил путь красной струйки, падающей на пол и ползущей по полу к моим ногам... Подумалось, что пол кренит... Эх, еще один клык “волку” выбили...

Я потерял счет времени... Англичанин снова отключился... Он в сознание приходит все реже, а я... Я еще смотрю на мучителей одиноким глазом – из-под отекавшего и слепленного гнойной коркой века... Скосил глаз на англичанина... При мысли, что он покойник, мне стало не просто страшно, а... Нет, дышит еще... Надо действовать... Ждать дольше не выйдет... Нельзя ждать... Только, что делать?..

Выберусь я... с англичанином – выберемся... Оглядел бойцов, спящих вповалку с суровыми лицами, с оружием в руках... Черт... Мы да британцы воюем друг с другом на чужой земле – на их земле, заставляя воевать друг с другом и их... И похоже, что мы с британцами перестаем понимать, кто из них за кого и против кого воюет... Просто, они перестали понимать, что мы с британцами за черти и какого черта мы к ним приперлись... Они все против нас... все у них против нас... против нас всех – чужих... Похоже, что мы с британцами потеряли ориентацию и носимся с оружием в пустыне, как слепые... Стараемся перебить друг друга и прозреть... Нет, я не собираюсь так подыхать – слепым и окруженным незрячими трупами...

Стараюсь ослабить удавки и узлы, сбавить нагрузку на веревки и разработать закостенелые руки... Почти не чувствую их... От локтей и выше – их будто вообще нет... Раньше хоть боль была... Тогда я проклинал эту нестерпимую боль, а теперь – проклиная омертвелое онемение... Еще недолго – и без рук останусь... Тогда точно – конец... тогда оружие держать нечем будет... Слегка сжал и разжал кулак, разгоняя кровь... Сложил кисть, сильнее стягивая суставы... Веревки врезались в сухожилия, ободрав кожу, но я только крепче стиснул зубы...

Вашу ж!.. Я дернул головой, отворачиваясь... Кислота зашипела над ухом, въедаясь в плечо, разъедавая кожу...

– Я русский! Русский я!

Меня окатили водой, и я закричал... Кислота, пенясь, расплзлась по груди... Я выдержу! Вытерплю! Рано или поздно они загасят ожог! Они деактивируют его! Деактивируют! Вода – ничего еще... Ничего, кислоту разбавит, пусть и разнесет... Меня обдало едким запахом и

щелочью... Я скосил “волчий глаз” на густеющий мрак... Темно... везде – в глазах темно, в голове...

Глава 9

В моей голове гулко разнеслась чужая речь... в ангаре эхом раскатились крики... Поднял глаз – боевики встают, берутся за оружие, идут к выходу... Двигатель гудит... Они уходят – уезжают... Открыл глаз шире, присматриваясь... Остался один – раненый... Достанется ему... Дернул веревку...

– Ты что делаешь?..

Англичанин покосил на меня глаз, замученного до отчаяния мертвеца...

– Так волки из капканов вырываются! Отгрызают себе все, что им освободиться не дает! Я вытерплю! И ты – терпи! Не долго осталось свободы ждать! А пока терпи просто!

Я стиснул зубы, вскинул голову, сжал правую руку в кулак, а левую – сложил, стягивая сухожилия... Рванул веревку со всей силы, кривясь от боли... Боевик вяло вскинул автомат... Я снова – рванул... Он крикнул, поковылял ко мне... прихватил с собой стоящую на полу закупоренную посудину, приблизился, скручивая пробку...

Коленом под ребро, сапогом под челюсть... Обрывистая очередь прошла по потолку при его падении, посыпались осколки, полетел рикошет, а я рванул руку... Кислота зашипела на полу, поджидая его, но он на пол упал уже мертвым... Я рванул и... высвободил руку... Рухнул на пол, обрывая веревку... Адреналин ударил в голову с такой силой, что убил боль вместе со всеми мыслями... Только озноб бьет... так, что зуб на зуб не попадает...

Глава 10

Подполз к валяющемуся на полу боевику, опираясь на локти. Уверен, что ударом ему шее сломал, – только я должен убедиться точно. Когда я склонился над ним и всмотрелся в его лицо, проверяя, дышит он или нет, оказалось, что он... Молодой совсем – просто мальчишка... Черт... Еще и живой. Еще живой... Отшвырнул локтем его разряженное оружие. Постарался схватить его нож. Только не смог сцепить на рукояти ножа посиневшие пальцы – не получилось даже ножны расстегнуть. Пришлось растирать руки, присматривая за ним, – за этим умирающим мальчишкой. Я отключил его крепко – раз он, распростертый в кислотной луже, не орет, и прослежу я его зорко. До самой смерти взглядом провожу, как до дверей.

Парнишка открыл глаза, еще не осмысленно осматриваясь. Припер ему грудь коленом, придавил сапогом руку – другую руку ему разъело до кости, так что трогать ее не стал, а продолжил растирать себе запястья. Он остановил на мне глаза – смотрит на меня в упор со злобой зверя... со злобой загнанного в угол зверя. Смелый вообще мальчишка – его мозги, видно, полностью промыты бесстрашием и бессмертием бойца этой треклятой пустыни. Только и его пугает гибель... Как бы храбро мы к смерти ни подходили, входить в нее страшно каждому из нас... всегда страшно, каждому.

Решил не проверять – начнет он орать от боли или будет упорно молчать. И ждать, когда он начнет четче чувствовать разъедающую его тело боль, не стал. Сцепил пальцы на рукояти его ножа и криво полоснул неверной рукой по его горлу. Звериный страх и злоба в его глазах угасли, но глаз он так и не закрыл, смотря на меня в упор и мертвым. Он не первый мой противник, продолжающий противостояние и после смерти, надеясь, что останется со своей ненавистью в моей памяти, со своим страхом – в моих снах. Правильно он надеется – таких, как он, я помню. И “волкам” снятся сны.

Посмотрел на англичанина, с трудом представляя, как я поднимусь на ноги и перережу веревку. Осторожно встаю. И разгибаюсь – небыстро, чтобы на сердце сразу нагрузку не давать большую – оно и так от боли бьется часто, как отбойный молоток. Я дышу слишком поверхностно и неровно, стараясь не травмировать ожог, но сердцу такого дыхания не хватает. Старюсь вдыхать глубже и ровнее, хоть грудную клетку и рвет на куски с каждым вдохом.

Медленно подошел, а веревку резанул резко. Ричард свалился рядом со мной. Встряхнул его, с вида уже не живого.

– Живой?! Вставай давай! Выбираться нужно! Живей!

Ричард никак не включается – он открыл глаза и старается сосредоточиться на мне, только пока безуспешно.

– Давай же... Соображай! Сосредотачивайся! Живой ты! Живой, Ричард! Свободны мы! Давай же!

– Связь...

– Да у них здесь нет никакой связи. Здесь только через спутник связаться можно. А они технику с собой забрали.

Англичанин приподнял голову, придерживаемую моими изодранными руками.

– А рации?..

– Ничего нет. У бойца раненого была – только он с рацией заодно в кислотную лужу упал. Нет ничего теперь.

– А коробки?

– Позже посмотрим. А сейчас подожди, ложись – я воду притащу.

Ричард судорожно сцепил руки на прозрачной, полной воды, бутылке – только пробку скрутить не смог – у него с руками тоже не порядок.

– Никогда не думал, что можно умереть от жажды из-за того, что не можешь открыть бутылку.

– А я и не думаю.

Пробил пластик ножом, зажал дыру и передал бутылку британцу. Залились мы с ним до тошноты, только сухость в горле никуда не делась. Принялись наскоро промывать раны – и у меня, и у него раны на жаре нагноились быстро.

– Ричард, без антибиотиков мы и суток не протянем.

– Мы и с ними не протянем...

Промолчал, только подумав, что он – прав.

– Медикаменты надо искать... и оружие.

– Слава, ты действительно считаешь, что нам еще нужно оружие и медикаменты? Ты думаешь, мы сможем их перестрелять?

Я поднял руки, рассматривая их отеки, воспаленным и гноящимся глазом.

– Нет, не думаю.

Англичанин, слабо усмехаясь, повесил голову.

– Они вернутся и прикончат нас, если мы протянем до их возвращения. И никто никогда не узнает, как и где мы сгинули.

– Ричард, я не собираюсь их ждать, даже если собираюсь сдохнуть.

– А что, есть варианты?

– Нет, так будут. Вставай давай. Ящики проверим и машину. И еще... Надо найти тряпье – нарезать и руки обмотать. Только ту же – а то суставы держать не будет. Давай за дело, а я пойду пока осмотрюсь.

Ворота закрыты, но не заперты – толкнул их, и они открылись. Долго осматриваться не пришлось – вокруг нет ничего. Кругом одна пустыня... Смотрю в нее так же отстраненно, как обычно – в пустой патронник. Черт... Хватит. Хватит смотреть. Пора загонять патрон в патронник и... Мы пулями войдем в эту пустыню, в эту пустоту... Вдвоем с врагом, с британцем дадим ей жару... дулетом в грудь – одна входная, две выходных.

Вернулся, опустился на колени рядом с англичанином, схватил его за плечо так, что у него от боли челюсть свело.

– Вставай! Живей! Времени нет! Мы не знаем, когда они вернутся!

Боль согнула его, но он встал, выпрямился и отнял от обожженной груди ободранные руки.

– Слава, а что ты дальше думаешь делать?

– Идти... Ехать...

– А куда? Ты знаешь, где мы?

– Нет. Знаю, где я был, когда меня вырубили – дальше я отключился, и меня неизвестное время везли в неизвестном направлении. Думаю, та дорога от этого места в радиусе... Километрах в ста, думаю. Точно определить не могу, но примерно так получается. Из такой машины на такой местности трудно выжать больше шестидесяти километров в час. А выжимали из нее эти километры в час на протяжении часа. Солнце еще не зашло, когда я здесь очнулся...

– А направление?

– С направлением у нас выбор большой – все четыре стороны света. Ты же здесь летал... С высоты не видел построек этих?

– Нет... Не видел... Я не помню, как здесь оказался, – вообще не помню. Я даже не помню, авария была или... сбили.

Я вправил сустав и накрепко перевязал руку – вроде держит, только рука все равно... Эх, дорого мне обошлась свобода, Игорь Иванович. Мне бы в госпиталь наш, на старое пригретое местечко. Мне бы на кровати валяться, а не по пустыне таскаться.

– Ричард, машину проверь. Может, на ходу... Пешком мы никак...

Он поковылял к машине, низко опустив голову... остановился.

– Ключа нигде нет.

– Отойди, я посмотрю.

Подобрал монтировку и врезал по замку.

– Открылась...

– А как же... Что ж ты цивилизованный такой?! Мы ж не у королевы на приеме здесь! Здесь в дверях ключички торчат и у бутылок пробки предусмотрительно не откручены! Ричард, бей и круши все, что под руку попадет!

Британец окинул меня спокойным взглядом с налетом высокомерия.

– Машина открыта была – ключа зажигания нет.

Я выругался про себя и замкнул провода. Не завелась. Черт... Полез под капот, отталкивая Ричарда.

– Черт... Аккумулятор!

– Его нет.

– Ты его видишь?!

– Нет. Его нет.

– Я имею в виду, ты его в хаосе вокруг видишь?!

Англичанин осмотрелся, напрягая вымученные глаза.

– Слишком много всего навалено... Нет, не вижу.

Взял с ящика сигареты, прикурил. Дым жжет губы, разбитые о зубы, и меня колотит отчаяние. Я отрешенно смотрю в пустыню, дрожащую под жестким солнцем за открытыми воротами.

– Он должны быть где-то здесь!

– Если и есть, то – разряженный.

– Зарядим, Ричард!

– Здесь нет электричества. И времени у нас нет. Поверь, наконец, что нам не...

– Нет! Я не верю! Ничему и никому не верю! Верю только себе! Себе... своим глазам... А зря! Никому нельзя верить – вообще никому и ничему!

Мне только кажется, что за одним штабелем другой. Нет, там только – темнота. А все остальное, не видимое глазу, дорисовывает разум – он подставляет мне привычные дополнения, как подножки. Только все – видимость... все только кажется. Я ринулся к груде ящиков, разметав их по полу. Я мог и раньше заметить в темноте за ними темный брезент и – машину.

– Ричард, они здесь ваш вездеход спрятали! Сливай горючее из той развалюхи в канистру!

Глава 11

Ричард приободрился, да и у меня сил прибавилось.

– Слава, воду возьмем, а оружие...

– В ящиках посмотрим.

Разломали доски брошенной у входа монтировкой, доломали так – сапогами.

– Штурмовые винтовки наши...

– Хоть завались, Ричард... И автоматы – тоже ваши. И все в заводской смазке еще. Ищи теперь антибиотики.

– Нет у них антибиотиков.

– Должен быть. Должны!

Ричард прав – нет у них ни антибиотиков, ни вообще аптечки. Ни швы наложить, ни...

– Слава, уходить надо.

– Автоматы соберешь? Мне с одной рукой непросто собрать.

– Я справлюсь, сделаю.

– Торопись. Где патроны? Должны быть где-то тут – в коробках.

– Проверять все придется.

Я взял монтировку.

– Времени не потеряю.

Разломал ящик и обомлел – лекарства! Только здесь их... Попробуй разберись с ними, когда их... До черта их!

Глава 12

Ричард сгрузил в машину ящики с медикаментами и бутылки с водой, а я – перетаскал оружие и коробки с патронами. Больше брать нечего – выжимаю газ. Дорога не просматривается, так что – вперед по бездорожью. От ангара во все стороны расходятся смутные и скоро теряющиеся среди камней следы шин. Какой след выбрать? Да никакой.

Глава 13

Мы оба понятия не имеем, куда едем. Нам обоим не известно, где чьи базы. Мы оба не знаем, до чьей базы доберемся, кто чьим пленным станет. Только пока нам об этом и думать нечего – мы с ним пока... в пустыне. Подышаем от жары и...

Ричард разбирает медикаменты на ходу – он бросил еще одну пачку непригодных лекарств назад, через плечо.

– Что у тебя?

– Ничего полезного, Слава. Я даже не знаю, что это за лекарства.

– Да... Как бы не получилась у нас истории вроде как с бутылкой, у которой нам пробку никак не открыть.

– Вопрос с бутылкой ты решил, ткнув в нее ножом... А что, если нам так же с этими препаратами поступить?

– Что, Ричард, наглотаться всего подряд? Здесь мы не в бутылку, а в себя ножом ткнем!

– А выбор невелик... Я рискну.

– Нет! И не вздумай!

Ричард повернул ко мне голову, насколько ему позволил ожог на плече.

– Слава, а есть же здравый смысл в твоём подходе... Круши все вокруг, калечь других и себя – только вырывайся и иди вперед.

– Мы и так вырвались, и так идем вперед. Хватит с нас. Я к делу подхожу, думая. Всегда надо осторожность соблюдать.

– Осторожность соблюдают, когда есть, что терять, а нам терять нечего. Нам даже рисковать нечем – разве что считанными часами.

– Нет!

Ричард набрал в рот таблетки и опрокинул в горло бутылку. Я резко дал по тормозам – так, что он чуть ни захлебнулся. Черт...

– Ты что делаешь?! Я без тебя сдохну здесь! Не дам я тебе до меня сдохнуть! Понял?!

– Слава, мы здесь оба умрем! Мы изранены, и раны – инфицированы! И мы – потеряны в пустыне!

– А черт... Подышать – так вдвоем! Разом и вместе! Давай эту дрянь... Что написано? Не похоже вообще, что это – антибиотик широкого спектра... Стой, смотри... Этот... Точно – антибиотик... Давай его – термоядерная отравка, всех убьет... главное, чтобы нас не убила.

Глава 14

Антибиотик начал действовать быстро – от него голова болит и... Я сейчас просто вырублюсь. Бросил руль, чтобы переключить скорость... выругался, вернул руку на руль и выжал сцепление.

– Выходи. Ты поведешь.

Ричард, бледный, как мел, кивнул. Он сжал зубы, берясь за руль, а я свалился рядом с ним чуть ни замертво.

– Только не гони сильно, летчик... тошнит меня и... Слышишь, истребитель, не гони! Не за штурвалом ты, не полетим мы!

Глава 15

Очнулся. Ничего не соображаю. Продрал покрытый гнойной коркой глаз. Мы стоим. А меня еще тошнит. А что вообще происходит?

– Ричард, а что мы встали? Ты вообще как? Живой? Живой?!

Он уронил голову на плечо в ответ на мои тычки. Сердце у меня сжалось от ужаса, как и кулаки и зубы – аж до скипа. Только не время отчаиваться, надо действовать. Двигатель заглушен и... Не заводится... Никак... Черт... Горючее! Кончилось!

Потащился за канистрой – только она... пуста. Выходит, англичанин на заправку останавливался – видно, долго я отключенным валялся. А что теперь?

Окатил Ричарда водой. Он так и остался – белым и неподвижным. Пульс у него совсем слабый и он...

– Только попробуй у меня на руках сдохнуть! Я тебя и на том свете найду! И не думай меня здесь одного бросить! Нужен ты мне еще! Слышишь?!

Сжал виски руками, рухнул в песок. Тень от машины темнеет в глазах. Оттеснить отчаяние не могу. Ничего не могу. Закрыв ослепленный солнцем и гноем глаз и дрожу, как марево. Я не знаю – горю я или замерзаю... Не знаю, видят еще мои глаза или уже – только мой разум... Похоже, мой мозг подкидывает мне напоследок нечеткие картинки прошлого... И Агнешка снова рядом... и Войцех... Войцех! Он останется с ней! Он останется, а я... Я вернусь!

Я плеснул водой в глаз, промывая его и сдирая с него подсохшую и размоченную корку. Я вернусь! Я ваш лучший боец, Игорь Иванович! Я твой лучший любовник, Агнешка! Я выживу! И мою грудь продырявит не пуля, а – орден! Я явлюсь к вам, Игорь Иванович, и возьму у вас все! И к тебе Агнешка – явлюсь! И возьму тебя всю – с душой и с головой!

– Ричард! Вставай! Живо!

Стащил англичанина, трупом сваливая на песок.

– Вставай! Включай мозги! Живо! Живой же ты! Живой!

Встряхнул его грубее.

– Вытащу я тебя отсюда! Только помоги мне осколки вытащить! Не справлюсь я с ними с одной рукой! Надо вытащить! Хоть те, что крупнее! Слышишь?! Ричард!

Он открыл глаза, жмурясь от солнца. Никак не отойдет от мертвого ступора.

– Мы живы еще! Живы! Рано нам подышать, раз еще не подохли! Вставай же! Соображай же, Ричард! Вытащи осколки!

– Осколки?

– Я с ними долго не протяну. Они при движении... Они вслед за мной двигаются! Могут кровотечение вызвать или в вены уйти – тогда все! Давай же!

– Ножом?

- Ножом подцепишь и...
- Как пули?
- Умеешь пули вытаскивать?
- Нет, не доставал никогда – не доводилось...
- Ничего. Научишься. Только ты поаккуратнее – я еще не труп все же, а ты не патологоанатом.
- А обезболивание?
- Черт с ним. Мне не впервой – привык терпеть. Только поторопись. Нам пеший переход предстоит в ночь.
- Переход?
- Да, Ричард! Не можем же мы на месте стоять!
- Машину рано или поздно заметят.
- Вопрос в том, кто заметит! Истребитель может быть наш, а машина – ваша! И мы оба – ваши! Правда, мы так ободраны и обуглены, что уже не понятно, кто мы...

Глава 16

- Я скривился, ругаясь вслух.
- Ричард, ты не ампутацию проводишь! Не надо так глубоко! Он поверхностно расположен – край торчать остался!
- Я не... Сейчас подцеплю...
- Англичанин, стер со лба испарину, заливающую ему глаза. Я содрал майку, кинул ему.
- На лоб повяжи, чтобы в глаза не текло! А то до ночи так не управимся!
- Слава, а ночью что?
- С девицами гулять будем!
- Англичанин тускло улыбнулся.
- Меня змеи не соблазняют, Слава. А я не думаю, что мы здесь в таком виде других девиц подцепим.
- Это точно. Никто иной на нас таких не позарится.
- Англичанин сник и задумался, всадив нож мне в руку.
- Потихе ты! Я тебе не Элизабет! Ты меня прирежешь такими тычками! И вообще! Хватит колупаться! Кровоточит же рана! Сейчас песок налетит и налипнет! Просто подцепи осколок!
- Ричард сосредоточился на моей руке, но ненадолго.
- У вас что про пустыню в руководствах по выживанию пишут?
- Да то же, что и у вас.
- У нас пишут, что надо оставаться на месте аварии и ждать.
- Нам, Ричард, ждать нечего.
- А в случае, когда приходится покинуть место аварии, пишут, что нужно оставить на месте карту с пометками направления.
- Нам негде и нечего оставить, Ричард. Мы и направления не знаем... и местонахождения. Не знаем мы, где база, где колодец...
- У нас про такое положение дел ничего не пишут.
- А нечего писать, Ричард. Мы просто пойдем в пустыню. И будем идти, пока не...
- Пока не умрем...
- Пока не дойдем.
- Недолгая нас с тобой, Слава, ожидает дорога.
- Да уж надеюсь, что недолгая. Только не думай брать в голову, что она закончится, как жизнь, – смертью.
- Решил до конца не отчаиваться?
- Отчаяние конец приближает. Не дает оно нам за жизнь в полную силу сражаться. Заставляет сдаваться или на риск нарываться. А в бою и то, и другое никуда не годится. И сдаваться и рисковать только в крайнем случае допускается.
- Не думаю, что у кого-то из нас может быть еще более крайний случай.

– У меня – может, Ричард.

Войцех... Если я узнаю, что он Агнешку к рукам прибрал и не смогу его убить – я умру... от сердечного приступа. На месте свалюсь, и не посмотрю, что еще молод для инфаркта.

Глава 17

Британец неумело перевязал мне руку, которой досталось больше всех остальных частей тела. Я выругался, стараясь поправить повязку. Только не вышло. И к черту. Хотя ветер песок не нанесет на рану – и то хорошо. А ветер к ночи, кстати усилился. Надо поспешить с комплектацией необходимых для похода вещей. Здесь темнеет резко – рухнет солнце за горизонт, и не видно ничего. А с фонарями здесь, на открытой местности, не дело бродить.

– Слава, мы не сможем унести всю воду. Придется часть оставить.

– Здесь нет ничего более необходимого!

– Мы не унесем.

– Я возьму!

– Оставь. Ты свалишься, и она тебе вообще не будет больше нужна.

– Я не сдвинусь с места, не забрав всей воды, Ричард!

– Ночью пить так не хочется – потеря воды снижается, когда холодает.

– А ты думаешь о дне?! Гореть на солнце, иссыхая от жажды – мучительная смерть!

– Слава, мы не доживем до рассвета, если за ночь не найдем...

– Ричард, ты реши, наконец, – апатии ты поддаешься или на риск идешь! Выбери что-то одно! А то ты мне мозги морочишь! Сейчас мы возьмем все, что можем взять сейчас! По ходу – оставим все, что не под силу станет тащить! Пока мы можем тащить всю воду – потащим всю!

– Нам еще и оружие нести.

– На одного четыре бутылки, один автомат, три магазина и патроны еще на три – все.

– Тяжело.

– Ничего, Ричард, справимся. За ночь на запад порядком продвинемся – уверен, километрах в тридцати на что-то да наткнемся.

– А что в тридцати километрах на запад?

– Не знаю еще. Просто, мы идем на запад и за ночь пройдем примерно столько.

– По песку и камням? С нагрузкой и раненые?

– Ричард, не надо мне дух опускать. Все равно не выйдет у тебя. Давай вставай. Пошли.

Глава 18

Я поднял руку, останавливая британца, и свалился на колени – Ричард рухнул рядом, бросая оружие.

– Передохнем чуток и...

– Слава, мы и часа не идем, а...

– Просто ремень плечо трет. А на другое – не перекинуть из-за... Откуда они только кислоту взяли?

– Надо заночевать.

– Да ты что? Солнце взойдет и мы...

– А можешь дальше идти?

– Могу. И тебя заставлю. Вставай!

Я, напрягая волю, поднялся, вытягивая за руку обессилившего британца. Потащились в темноту, поддерживая друг друга, как старые товарищи, а не только что встретившиеся враги.

– Мы с тобой будто со славной попойки возвращаемся.

Британец тихо усмехнулся сквозь зубы.

– Да, только я еще ни разу не упивался до такого скотского состояния.

– Ничего, все еще впереди – вот вернемся и напьемся.

– А ты как русский, наверное, пить умеешь?

– Умею и тебя научу, Ричард. Я раз выхлестал в гордом одиночестве...

– Один пьешь?

– Специфика профессии – нельзя мне просто при людях напиваться. Для дела опасно.

Ричард кивнул, и мы умолкли, сосредотачиваясь на дыхании, сбивающимся теперь от каждого неверного шага.

Глава 19

Англичанин бросил вещи без предупреждений.

– Стой, Слава! Надо дух перевести.

Я и так остановился в шаге от него. Я тоже больше не могу.

Сели рядом – бок о бок и поближе друг к другу. Похолодало ощутимо, и ветер остыл, пробирая насквозь. Он заносит нас хрустящим на зубах песком, пронизывая до костей и заставляя стучать зубами. Только все равно – не пекло. Нет ничего страшнее пекла и палящего солнца в пустыне. Ничего страшнее нет...

– Ричард, повязкуними...

– Сменить?

– Не на что менять. Просто, песок надо стряхнуть – а то он всюду.

– Может, промыть?

– Да ты что? Холодно же.

– Слава, а днем мне и в голову не приходило, что я ночью так промерзну.

– Здесь так всегда. Кажется, за день настолько раскалишься, что ночь напролет шпарить будешь, как печка, а нет – ночью мерзнешь, как зимой в тайге... будто тебя голым в снег бросили.

– Ты из Сибири?

– Нет. И вообще... Мне такие вопросы задавать не стоит – все равно правду не скажу.

– Специфика профессии?

– Точно.

– Ясно, связист...

Ричард понурился, сводя плечи. Я провел рукой по пропыленной голове, посмотрел на покинувший меня клочок выгоревших волос.

– Бегут крысы...

– Крысы?

– С тонущего корабля бегут, сволочи. Ничего, починю корабль – вернутся. А вот зубы вставлять придется новые.

Уставились с ним оба на ясные звезды – яркие они здесь, как нигде.

– Слава, а как ты сюда попал?

– И не спрашивай...

– Ясно... И ты не спрашивай...

– А я и не спрашиваю...

А что спрашивать? Он мне и так все выложит, что накопело. Еще вернее расскажет без вопросов – никуда не денется. Приперло ему поделиться информацией, пусть и с вражеским разведчиком. Перед смертью всегда так – правду хочется сказать, хоть кому-то душу излить.

– Это отец Элизабет постарался... Он меня давно устранить старался – отправить подальше от дочери.

– А что так?

– То, что я не лорд...

– А... Это серьезно.

– А твоя девушка высокого происхождения?

– Только по поведению. Гордая, как пани из старой шляхты – из воинского сословья.

– А ты не из шляхты?

– А я вообще – не литовец... наверное.

– Ты что, не знаешь, кто ты по происхождению?

- Понятия не имею... Я же не англичанин.
- У меня в роду саксы были и шотландцы – по линии отца.
- Ясно.
- Ты же не можешь совсем ничего о своих предках не знать?
- Почему же? Могу. Что-то знаю, конечно, только...
- У тебя, значит, наследственная склонность к секретности?
- Точно. Мне не понятно, что за пристрастие у вас в историях предков копать?
- Знаешь их, знаешь и себя.
- Отчасти только. Просто и на них, и на тебе наклеено полно показухи, за которой правду сложно рассмотреть. Видимость вокруг одна. Все вообще – видимость.
- Да нет, не все.
- А ты на меня посмотри. Я русский, похожий на немца и периодами кажущийся литовцем или англичанином. Перевернул пустую стопку – и стал русским, взял вилку в левую руку – и стал англичанином. Стал выглядеть и мыслить, как немец, и стал – немцем в чужих глазах... в своих и в чужих. Ты тот, кем считаешь себя. А другие считают тебе тем, кем ты считаешь, называешь и показываешь себя.
- Я с тобой не согласен. Люди видят нас настоящих.
- Да ничего подобного. Люди видят только то, что перед глазами. Просто, только это и есть – то, что перед глазами. А все остальное есть только – в голове... в твоей и в чужой голове. Вот показал бы ты отцу-аристократу поддельные документы с кучей запутанных саксонских и шотландских корней – он бы тебя с распростертыми объятьями встретил, а не пинком под зад послал.
- Только это была бы – подделка.
- И что? Главное, – результат. Ты все свое возьмешь – и леди, и...
- Леди ложью не завоеешь.
- Да ладно... Будет твоей – и глазом моргнуть не успеешь.
- Я сказал – не завоеешь, а не – не затащишь в постель.
- А разница, Ричард?
- Ты бы стал носить незаслуженную награду?
- Для дела – стал бы.
- Для дела... Я Элизабет добиваюсь не для дела.
- А для чего же?
- Я люблю ее.
- А это что, не дело?
- Нет. Это другое... Это...
- Думаю, усложняешь ты все.
- А ты – упрощаешь.
- У меня и так служба сложная, и жизнь запутанная – мне нужно хоть что-то простое и ясное. Англичанин задумался. Я – тоже.
- Слава, ты встать можешь?
- Могу.
- А идти?
- Я уронил голову на руки, упертые в колени.
- Нет, не могу.
- Мы останемся здесь...
- Пока останемся.
- Слава, ты только не молчи. Не дай мне заснуть. Темно кругом, холодно, пусто и... Я еще не готов...
- Ко сну?
- Не язви, Слава, я серьезно. Стоит мне заснуть, я – не проснусь.

– Да верно все – есть риск. Надо нам поочередно спать. Тогда у одного есть шанс другого растолкать, если его сон слишком далеко зайдет и чересчур глубоким станет. Заметно это – пульс снижается и...

– Если заснет один – заснет и другой.

– Мы не отдохнем, не выспавшись, и не сойдем с места.

– Слава, я не понимаю... Ты еще надеешься? По-настоящему, еще надеешься?

– А ты что?

– Я понял, что погибну, когда попал к ним.

– А я не понял. И не пойму, пока не погибну. И вообще... Зачем ты пошел, если решил, что не нужно идти?

– Согласись, что такая смерть все же лучше. Лучше – в пустыне, чем в плену, лучше – ночью, чем днем.

– Согласен. Только еще лучше – вообще выжить и выбраться. Спи, я постерегу. Я не засну – пораскину пока мыслями.

Глава 20

Англичанин спит тревожно, но все же – спит. Я себе сна не позволю. Не верю я ему – врагу. Ему – простому летчику-истребителю – к нам в плен попасть не так страшно, как мне – к ним. Меня больше беспокоит не смерть во сне, а наше обнаружение моими врагами. Я в таком состоянии – могу не выдержать допроса. Нельзя мне на допрос попасть, когда в голове испепеленный и выстуженный мрак, а не четкие ответы, когда сил терпеть тяжкую тяготину с жесткими вопросами просто не осталось. Нет, не получают меня англичане. Я взял на себя ответственность и буду держать ответ. Не откажусь я от долга, несмотря на то, что мне предстоит тащить его на плечах гнетущим грузом, повинуюсь выпавшей мне по причине провинности тяжелой участи. Потребуют обстоятельства выбирать – про сохранение своей шкуры забуду, вспоминая про ответственность. Секреты государства стоят и моей бесславной и неизвестной смерти, и его – Ричарда.

Раньше еще силы оставались, раньше еще думал – придем мы на их базу, а не на нашу – сдамся. А теперь решил, что я к ним в плен не попаду никак. И решил – твердо. Англичанин об этом знать не должен – и не узнает. Он мне, конечно, лично уже не враг, хоть еще и не друг. Только на деле он – мой враг и никогда не станет моим другом. Я могу позволить себе терпение к нему, даже уважение, но не больше. Он пойдет в расход, когда этого потребует государство... как и я... как каждый, кто окажется в моих руках.

Услышав шум винтов, присыпал песком спящего британца и упал лицом вниз, поспешно скрывая в пыли оружие и другое снаряжение. Я не скажу ему про вертолет. Пока не буду уверен, что вертолет наш – не скажу ни слова. Рассчитывайте на меня, Игорь Иванович, я не подведу. Когда дело серьезно – я никогда не подвожу. Эх, Агнешка... Непросто между тобой и государством выбирать – поэтому выбор просто не стоит, поэтому я его себе просто не даю. Для тебя я и так натворил дел, отойдя в сторону от долга. Только тогда дело не так обстояло. Теперь я себе не позволю такой крюк дать – теперь я тайны государства под угрозу поставлю такими обходными действиями. Теперь шум винтов вышибает у меня из головы и тебя, и Войцеха, и... всех, кроме Игоря Ивановича.

Глава 21

Толкнул британца – он просыпается долго, двигается совсем вяло.

– Пошли. Надо хоть десять километров отмерить, пока солнце не встало. Оно взойдет так же резко, как зашло. Не должно оно нас врасплох застать.

– Все равно – застанет.

– Песком защищаться будем. Он нас от солнца спрячет – водой обольемся, песком обдадимся, и порядок. А на остановках зароемся в него просто – он только поверхностно раскаляется.

- У нас ни сил, ни лопат нет.
- Ричард, сказал же – не опускай мне дух.

Я промыл гноящийся глаз, заправился антибиотиком и подхватил оружие, ожидая Ричарда. Только бы батарейки у меня не сдохли, кончится у меня энергия – мы пропали. Англичанин нагрузку на себя принял больше моей, хоть и не подозревает об этом, – только он ее без моих толчков не потянет. А у меня и на толчки энергии едва достает. Черт...

- Давай живее! Вставай!

Глава 22

Солнце жжет. И ветер жжет, как солнце. Обжигает все – излучение и песок... все обдирает кожу, вытягивая воду. А вода кончается.

- Видишь теперь, что я прав был, взяв с собой всю воду, что была.
- Прав был я, утверждая, что мы обессилим, таща ее, и с силами потеряем время. Мы потеряли ночь, а теперь – теряем воду в жаре.
- Пятнадцать километров все же отмахали. Полпути прошли – пути, намеченного в плане. Пополам и правоту поделим.
- Слава, нужно бросить оружие.
- Я ему предан так, что только оно меня бросить может.
- Я больше не могу.
- Идем.
- Подожди. Остановись...
- Идем!

Глава 23

Вспомнил вертолет, и в голове все, как винтом, порезало отчаянье. Батарейки кончились. Боль стучится все громче, и я открываю ей голову, как дверь, думая только о ней. Суставы не гнутся и...

Британец упал лицом в горячий песок рядом со мной – прямо в пыль, прямо на камни. Солнце дерет спину так, будто кожу сдирают. Я готовлюсь принять достойный конец, отдав последние силы сдерживанию вламывающейся в голову боли.

- Я не встану, Слава.
 - Встанешь.
 - Ты тоже не встанешь.
 - Встану. По крайней мере, постараюсь.
 - Никогда не думал, что умру так.
 - А я, Ричард, все время думал, что именно так умру. Иной смерти, не такой сильной и могучей, меня просто не заполнить и в угол не загнать.
 - Я никогда не думал, что проживу такую жизнь.
 - А я думал, что именно такую и проживу, – иначе и быть не могло.
 - Ты ни о чем не жалеешь?
 - А смысл, Ричард?
- Он мрачно усмехнулся в песок, сдувая пыль и сухо кашляя.
- Я так и не получил в жизни желаемого... ни женщины, ни ордена.
 - Да я тоже... Вернее, – получил... только – не до конца.
 - Как, не до конца?
 - Да так... Орден мне дали за операцию и отобрали из-за того, что решили, что операции вообще – “не было”. И с девушкой похожая история – вроде она у меня есть, а вроде и нет. Как и все остальное...
 - А что, остальное?

– Имя, лицо, страна... Вроде имя есть, а я им не зовусь, вроде лицо есть, а с ним не показываюсь, и страна есть, только – я в ней не нахожусь. Ты понимаешь, я вроде есть, а вроде меня и – нет вовсе...

– Боец невидимого фронта...

– Боец тишины. Тишины и тени. Ты только летал в небе, но был в свете. А я – скитался везде, но был всегда в тишине и во мраке. Я был... А никто не знает, что – был...

– Я знаю. Я еще – есть и еще – знаю. Мне не известно твое имя, твое лицо, но известна твоя душа.

– А мне твоя – не известна, хоть я и внедрил тебе в голову, выведал все, что мне было нужно, вытянул все необходимые данные... Рад, что подыхаю именно с тобой, Ричард, хоть ты и мой враг...

– Я не враг. Враждуют только наши командиры. И теперь, когда мы ни живы ни мертвы, можем их просто стереть из памяти.

– Я бы рад, но – не имею права. Меня и похоронят под маской и под наименованием.

– Мне жаль.

– А ты не жалеешь. Нечего на такие штуки, как сожаления, время тратить.

Ричард замолчал. Только в молчании ждать смерти оказалось еще тяжелее, чем травить душу воспоминаниями и сожалениями вслух.

– Слава, а у тебя были мечты?

– Только несбыточные.

Британец сжал зубы от боли, закрывая рукой лицо.

– И что за мечты?

На откровенность тянет... Точно смерть близится. Она дышит нам в затылок – и ему, и мне. Он ведь обо всем подряд, а я – отвечаю. Это закономерность – в тюрьме и отморозок думать начинает от скуки, а перед смертью и разведчик открывает душу от страха... нет, не секреты, конечно, а просто – душу.

– Ты и правда хочешь знать? Или так, только бы не молчать?

– Правда хочу.

– Глупые у меня мечты, Ричард.

– Говори.

– Стыдно вообще.

– Перед смертью ничего не стыдно.

– Я все о светлом будущем мечтаю. Не верю, а все равно – мечтаю.

– Это не глупая мечта.

– А какая же?

– Это хорошая мечта... “Настанет день и час пробьет, когда уму и чести на всей земле придет черед стоять на первом месте. При всем при том, при всем при том, могу вам предсказать я, что будет день, когда кругом все люди станут братья!”.

– Бернс?

– Читал?

– Слышал просто. Я каждое слышанное слово запоминаю – напастью порой даже кажется память такая.

Запоминать-то запоминаю, только... Часть стихов я на английском помню, а часть на русском – в переводе Маршака...

– Согласен с ним?

– Согласен, но по поводу других строчек. “Вот этот шут – природный лорд, ему должны мы кланяться. Но пусть он чопорен и горд, бревно бревном останется! При всем при том, при всем при том, хоть весь он в позументах, – бревно останется бревном и в орденах и в лентах!”

– Да, точно подмечено.

– А ты, Ричард, о сокровенной мечте мне напоследок поведаешь?

– Я летать мечтаю, Слава... И не на самолетах, а так... на крыльях.

– Еще глупее моей... Не думал, что глупее бывает...

- А еще... Если воевать, то всегда хотел воевать во вторую мировую.
- Да? Я тоже, Ричард. Великая была война... Только вот бомбежки я вам не прощу...
- Мы вас не бомбили.
- Германию бомбили, когда уже не надо было, когда уже все ясно было.
- Ты что, из таких?
- Просто, страну жалко – сильно вы ее попортили.
- Ты там служил?

– Да не важно. Просто, думаю, что нельзя лезть в чужие страны, когда нет крайней нужды. Думаю, и сюда мы зря полезли. Полезли мы с тобой на чужую землю друг с другом воевать и – подошли друг с другом на чужой земле. А главное, – не друзьями и не врагами, неизвестно каким образом и неясно при каких обстоятельствах... Третья мировая вся такая – черт знает как началась и черт не знает как кончится...

В глотках у нас так пересохло, что мы оба замолкли, мрачняя. Только молчание мучает не слабее жажды. Британец захрипел и откашлялся, стараясь избавиться от занесшего нас снаружи и изнутри песка.

– Теперь и не верится, что мы с Элизабет объезжали ее владения верхом... Все эти зеленые луга и ручьи...

– Я тоже верхом гонял – по лесам и оврагам. Служил тогда в глуши. Были в моем распоряжении в тех местах и просторы, и... Тайком ночами у командира коней уводили с парнем одним удалым и... Под утро возвращались только. А командир голову ломал, что за нечисть его коней изматывает.

– “Прощай, моя родина! Север, прощай, – Отечество славы и доблестный край. По белому свету судьбою гоним, навеки останусь я сыном твоим!”

– “Прощайте, вершины под кровлей снегов, прощайте, долины и скаты лугов, прощайте, поникие в бездну леса, прощайте, потоков лесных голоса.”

– Это про шотландские горы...

– Похоже, что и про Норвежские, и про наши... Эх, растравил ты мне душу, Ричард. Мне теперь даже мерещится...

– Четверка коней?

– Да, вообще... А ты что, тоже видишь?

– В мареве, вдалеке...

– Мираж... Проекция, перенесенная на расстояние... Или все же...

– Слава, а похожи они на настоящих...

Да, спокойно здесь не помрешь... мозгами до конца шевелить придется.

Глава 24

Ричард потихоньку передернул затвор вслед за мной, напряженно всматриваясь вдаль, в дрожащую перед глазами пустыню. Всадники приближаются – их двое. Две лошади верховых, а две – вьючных. А навьючены на них...

– Трупы!

– Да, Слава, эти двое, похоже, покойников в пустыню тащат. Только...

– Верно, обычно так не делают. Не бросили просто так – тогда получается, что спрятать решили... и подальше. Ничего, с двоими справимся... Пристрелим их, а дальше – верхом...

– Слава, а что если за ними еще кто едет?

– А мы проследим. Правда, здесь следить трудно – куча всего только кажется... И не ясно до конца, что именно – только кажется... Подождем еще, посмотрим. Они прямо на нас курс держат – подпустим их.

– Они нас тогда заметят и перестреляют запросто.

– Ричард, жди. Не дергайся раньше времени. Мы вроде как в засаде.

– Нам на свою меткость сейчас рассчитывать нельзя – руки неверные, дрожат... пока мы пристреляемся, они нас прикончат.

- Ричард, спокойно. Нас занесло песком – им так просто нас не разглядеть. Подпустим их и посмотрим, кто они и что задумали.
- Никак не пойму я, какой ты связист – верно, из разведуправления?
- А какая разница? Имеет значения только то, что я живой связист.

Глава 25

Постарался отодрать от руки корку песка, чтобы отодрать с глаза корку гноя, но только занес в глаз еще песка. Что за напасть?! Ничего не видно! Перед глазами блистает бескрайний простор, засвеченный жестким солнцем, сияющим в безоблачном небе. Еще и колыхнется все вокруг так, что голову в сторону ведет! А голова кружится и от заразы, попавшей в грязные раны, и от тяжелых антибиотиков, вытравливающих всю эту враждебную дрянь! И вирус-целитель, спящий во мне, похоже, решил, что пора активироваться и захватывать власть, игнорируя свою основную целительную задачу. Он только другие вирусы одолевает, а атакующих меня бактерий – не трогает... так что он с ними теперь добивает меня сообща. Не по душе мне это – и сыпь на руке не по душе. Я точно не уверен, что это из-за него, но подозрения в разум прокрадываются. А вдруг он, и правда, когда я столько ударов судьбы получил и ослаб, перешел к агрессии?.. Что мне с ним делать, коль все так и есть?.. Черт... Видно он мне еще и мысли путает... Мне не о вирусе думать надо, а о деле... Ствол я в зыбкое дрожание наставил, считай, вслепую. И спусковой крючок придавил с уверенностью, что трясущейся руке доверять нельзя вообще никак. Вашу ж...

- Ахмед... Старый разбойник...
- Что, Слава? Ты его знаешь?
- Знаю. Бандиты они обычные. Работают они на меня иногда. Ахмед главный – он впереди. За ним Амин – сын его. Не стреляй пока, подумать надо, что делать.
- Ты с ними договоришься?
- Думаю, да. Куплю его. Он нас проводит – на нашу базу доставит.
- Уверен? Конечно, в пустыне подышать – не выход, но и к ним в плен я попасть не намерен.
- Не уверен, – не надежные они все, когда с нами договоры заключают. Для нас с ними договор заключить – равно, как с чертом. Только Ахмед... Умный он вообще – себе на уме всегда, только все у него по расчету, по выгоде четко. Получится его на выгоду взять... вопрос только в том, что одну выгоду другая перешибить может – тогда нам тяжело придется.
- Пристрелим его. И коней заберем.
- Ричард, я так рисковать не буду. Допустим и получится пристрелить, а дальше что?
- Верхом будем блуждать.
- Недолго под таким солнцем мы продержимся. Да и кони не выдержат. Пойду я к нему. А ты жди пока. Под прицелом его держи. Как головы рукой коснусь – стреляй.
- Змеей тихонько в сторону отполз, чтобы расположение стрелка не открыть, и поднялся навстречу Ахмеду.

Глава 26

- Разбойники навели на меня автоматы, но я, поднял руки, кидая оружие в песок.
- Ахмед! Это я – Воронов! Слава! Не признал?!
- Разбойник взгляделся в мое изувеченное лицо так же пристально, как я в его – исеченное резаными шрамами. Он прищурил глаза, усмехнулся и спешил... не торопясь, направился ко мне, перекинув повод спутнику.
- Слава!
- Он открыл мне объятия, как старый товарищ – хлопнул меня по моему изувеченному плечу, и я скривился, не забывая выдавать гримасу боли за улыбку радостной встречи. Его автомат угрожающе стукнул меня по спине, и он выпустил меня из приветственного захвата.
- Не думал встретить тебя здесь, Слава.
- Я везде. Ахмед, у меня к тебе дело есть.

– Скажи, сколько дашь, скажи, какое дело, и – сговоримся.

– Не то что серьезное дело – простое. Только – важное для меня. Я за ценой не постою, Ахмед. Ты же знаешь – щедрый я, когда речь о деле заходит.

– Давай, Слава, как обычно сговоримся.

– Нет, задатка не дам – нет у меня с собой денег. Деньги получишь после дела.

– Я так не работаю, ты знаешь. Об исключении просишь? За исключение платить надо.

– Заплачу.

Ахмед коварно прищурился – понял, что мне, и правда, от него что-то нужно. Сейчас еще больше с меня сшибить постарается. Ничего, расщедрюсь для такого дела... на обещания расщедрюсь – у меня ведь ни гроша за душой давно... за меня мое главное разведуправление все такие задачи решает... А наобещаю я ему за свою шкуру и за британца больше денег, чем за нас обоих оба государства дадут – убедительно наобещаю.

Глава 27

Амин кинул мне флягу, и я, не напившись, как хотелось бы, передал ее Ричарду – просто я знаю, что в ближайшее время мне не напиться вдоволь, как бы я ни заливался водой. Ахмед сбросил трупы на землю и присыпал песком.

– Слава, ты в седле удержишься?

Я кивнул.

– А товарищ твой?

Снова кивнул, косясь на Ричарда.

– Что, летчик, с коня не полетишь?

Ричард, из последних сил держащийся на ногах, не ответил. Он подковылял к указанной ему Амином лошади и дернул стремечной ремень, проверяя крепления. Я тоже решил проверить.

– Ахмед, подпруги подтянуть надо! Съедут же седла! Кони у тебя тощие какие...

Ахмед с лукавым прищуром охлопал сухого коня по холке.

– Хорошие кони.

– Подожди расхваливать. Проверим сейчас. Стремя придержи!

Ахмед крепко перехватил правое стремя, когда я поставил ногу в левое, с трудом взбираясь на коня, – только седло, несмотря на его усилия, под моей тяжестью съезжать стало. Я спрыгнул в песок.

– Не поеду я так. Расседлать надо.

Ахмед насупился, но Ричард меня поддержал, и коней мы расседлали. Уздечки оказались не надежнее – узкий трензель и потертые веревки с грубыми узлами. Накинул коню на шею петлю – удавкой конем управлять буду, если оборвется все, что у него на голове навечно.

– Все, по коням! Поехали!

Глава 28

Не долго мы с Ричардом крепились – терпеть тряску и острый хребет неоседланного коня невыносимо. Только Ахмед и слушать о передышке ничего не хочет. Просто солнце стоит высоко, а укрыться от него нигде. Едва живой, свалился встревоженному коню на шею, крепче цепляясь за клок гривы.

– Ричард, похоже, не верит он мне. Не надежной он мою плату считает.

– И что теперь?

– Он нас в плен возьмет – вернее, уже взял. Торговать нас теперь с нашими будет. Долго будет торговать, чтобы не продешевить.

– А мы у него доживем до того, как он с нашими сговорится?

– Он не дурак, товар портить. Только все равно... не знаю.

– Бежать надо, Слава.

– Вот и я о том же. Ты давай отдыхай у скакуна на шее. Нам скачки предстоят.

– Подождем, когда он нас к поселению выведет.

– Нет, Ричард, не пройдет. Там все люди – его люди. Преследовать будут, схватят и... Нам, пойманным при попытке деру дать, хуже придется. Давай по моей команде коня пугай. Сделаем вид, что не справились с управлением и... Тогда, пусть и поймают – не придерутся.

Ричард, недолго думая, кивнул.

Глава 29

Гоним вперед, что есть мочи. Мчимся в никуда – в синее море, трепещущее над мутным горизонтом, прочь от красного зарева заходящего солнца. Я теряю дыхание. Плечо разгрызает едва нейтрализованный химический ожог – адреналин больше не глушит боль, и сердце слабнет, словно засыпая. Я надышался кислоты, разъедающей легкие, и песок... песок просто раздражает пересохшее горло на куски. Перехватил повод правой рукой, отпуская левую, – прорезанную тонкой веревкой, впившейся чуть не до кости. Схватил клочок чахлой гривы, но не удержался и соскользнул на шею тощему коню. Повис на поводе, проволочился по песку. Камни полетели в лицо, и я разжал руку, падая. Песок забил рот и... Я, задыхаясь, выскребаю его изо рта рукой – снова рукой. Протираю глаза, царапая их пропыленными лохмотьями, оставшимися от моей формы... от формы британского офицера.

Ричард осадил коня, поднял столбы пыли и спрыгнул, склоняясь надо мной.

– Слава! Вставай!

– Воды... Дай воды... Черт... Ложись!

Рухнули в песок, зарываясь, едва заслышав шум винтов. Я осторожно поднял голову, всматриваясь в высокое небо, и жестко придавил голову англичанину, не давая ему увидеть своих.

– Тихо ты. Наши это. Огонь откроют, как только нашу форму распознают.

Британец напряженно сжал кулаки, ожидая, когда винты затихнут в отдалении, и я отпустил его, переводя дух. Черт... Британские это территории... Он рано или поздно сориентируется. Сейчас он спокойно принимает мысль о том, что, скорее, он мой пленный, а не я его. Но скоро станет очевидно, что расклад иной. Скоро... С вертолета лошадей наших засекли – значит, и нас рядом искать начнут сейчас... сейчас вернутся по наши души. Эх, Игорь Иванович... Что ж мне делать?

– Ричард. Нам конец – расстреляют нас. Нам к Ахмеду надо!

Британец долго размышлять не стал – ему моя версия так же очевидно диктует сдаться, как мне то, что на деле происходит.

– Сдаемся... Пошли коней поймаем.

Глава 30

Я рухнул на спину коню, жарко раздувающему ноздри. Черт... Скоро вырублюсь... а еще надо обратно дорогу найти...

Конь подо мной споткнулся... Я выдернул его поводом, и он задрал голову, падая грудью и заваливаясь на бок без переворота. Я едва успел упасть до того, как зверь придавил меня. Ричард слетел неподалеку, когда его лошадь, испугавшись, шарахнулась в сторону. Ахмед несется к нам во весь опор в пыли, а мы от усталости и встать ему навстречу не можем.

– Ахмед, воды дай! И коней поймай! Нам торопиться надо! Его вышлют – вертолет! Он – вертолет – вернется! Ахмед выручай! Живее!

Глава 31

Я стою на лестнице и смотрю на стальные воды Невы... Сфинксы шепчут что-то мне на ухо с обеих сторон, только тихий шепот, открывающий мне великие тайны, заглушен штормовым рокотом... Открываю глаза темноте, стуча зубами от холода... Черт...

– Ричард...

- Я здесь – рядом.
- Нас что, в яму посадили?
- Нет – в хибаре какой-то заперли.
- А что холодно так и... Темно, как в...
- Ночь же.

– Ночь... “Я в свет пустился без гроша, но был беспечный малый. Богатым быть я не желал, великим быть, – пожалуй! Таланта не был я лишен, был грамотен немножко. И вот решил по мере сил пробить себе дорожку. И так и сяк пытался я понравиться фортуне, но все усилья и труды мои остались втуне. То был врагами я побит, то предан был друзьями. И вновь достигнув высоты, оказывался в яме”.

Мы рассмеялись. Только не слишком весело.

– А дальше знаешь, Слава?

– Нет. А ты?

– Тоже не знаю. Мне другое вспомнилось. “Привет вам, тюрьмы короля, где жизнь влачат рабы! Меня сегодня ждет петля и гладкие столбы. В полях войны среди мечей встречал я смерть не раз, но не дрожал я перед ней – не дрогну и сейчас! Разбейте сталь моих оков, верните мой доспех. Пусть выйдет десять смельчаков, – я одолею всех. Я жизнь свою провел в бою, умру не от меча. Изменник предал жизнь мою веревке палача. И перед смертью об одном душа моя грустит, что за меня в краю родном никто не отомстит. Прости, мой край! Весь мир, прощай! Меня поймали в сеть. Но жалок тот, кто смерти ждет, не смея умереть”.

– Да, Ричард, что бы мы с тобой только без Бернса делали? А знаешь, вообще, мне кажется, что он здесь с нами сидит сейчас и на ходу стихи нам сочиняет и читает... Кажется, что он и раньше за мной следил – чуть ни хвостом ходил...

– Это в тебе, Слава, шотландская кровь разыгралась. Ты, видно, русский не на треть, а только на четверть.

– Наверное, просто разница между нами всеми меньше, чем мы думаем, – между людьми, странами и временами...

– Если выживу, найду сборник Бернса – и от корки до корки...

– Я тоже, Ричард... Я тоже. Ничего, выберемся мы – выживем, вернемся. Ахмед умный. Он с выгодой на “ты” – накормит нас, напоит, антибиотиками накачает и продаст... меня нашим, тебя вашим. Не худший вариант.

Эх, Игорь Иванович, вернет Ахмед вам вашего верного офицера... Ахмед молодец – мы с британцем в его страну друг с другом воевать приперлись, а он и меня, и моего врага... Поимел он нас, Игорь Иванович... еще и выкуп с нас поимеет. Мы в убытке назад, а он – с прибылью вперед пойдет. Такие войны, как вечно не выученный урок, – проходишь его раз за разом постоянно, а все без толку и проку.

Жди меня, Агнешка... Правда, покалеченный я к тебе вернусь, явлюсь страшный, как черт... Но ничего, привыкнешь потихоньку, притерпишься. Еще посмеемся мы с тобой над моими рентгенснимками, на которых я с моими осколками выглядеть буду, как вывернутый наизнанку еж. Ха! Нет, никуда ты от меня не денешься, Агнешка, – никуда я тебя от себя не отпущу. А Войцех... Держись у меня, Войцех! Задаст же “волк” тебе жару, хоть ты и “медведь”! Как только вставят “волку” зубы, так сразу он их в ход и пустит!

Часть IV

Возвращение на чужбину

Глава 1

На стекле отпечатался след моего дыхания, скрывая мое серое отражение. Стягиваются тяжелые тучи. Среди скал скитается сырой ветер. Райн неспокоен и сумрачен. Последние лучи,

прорывающиеся через мрак, пресечены. Подсвеченные холмы погашены, старые крепости на их вершинах стянуты мглой. Надвигается ненастье. А скорый ход поезда ровен и приглушен, как мои мысли...

Открыл глаза и посмотрел в окно... Кругом леса и луга золотятся осенью под высоким небом и светлым солнцем – и никакого Райна, никакой грозы... Точно, – я еду в поезде и мне снится, что я... еду в поезде. Только еду я – в Варшаву, а не во Франкфурт. Вернее, я, чаще называемый начальником Славой, – Святославом Соколовым или Вячеславом Вороновым – остался в России. А некий Николай пересек российскую границу и, после недолгого нахождения в Белоруссии, отправился в Польшу. Скоро он пересечет польскую границу и окончательно исчезнет – станет Яном. Тогда потерянный немцами в недрах Фатерлянда поляк, наконец, покинет чужую землю и явится на свою – тогда Ян, наконец, встретит свою укрытую от немцев в Варшаве девушку. Вернее, Ян встретит укрытую в Варшаве девушку Вольфа, переправленную через германскую границу герром Отто Вебером, сгинувшим в стране без вести, как Ян и Вольф. Я ведь ими всеми назывался, только скрывая на немецкой территории следы ото всех – чужих и своих. А вернулся в Норвегию и после – в Россию я под именем Ульриха Ларсена... под своим основным прозвищем. Только оказавшись на просторах настоящего Отечества, наедине с начальником, я начал называться таким же ненастоящим, пусть и так же часто применяемым ко мне, именем – Славой... на сей раз Соколовым. Черт... Что-то путано все стало в последнее время. Кто я, куда и откуда? Что-то часто меня такие вопросы посещать стали. Не дело. Надо определить четче, кто меня кем считает и кто как называет.

Потянул руки, вытягивая связки, и прогнал остатки сна радостным нетерпением. Эх, Агнешка, скоро “волк” тебя съест! Да без соли и специй – так, как есть, съест, уж слишком “волк” голодный! Эх, корите меня за все содеянное, Игорь Иванович, так, чтобы у меня уши горели! Только так я решил поступить – и от решения не отступлюсь!

Посмотрел на свое отражение в стекле, и сердце настороженно притихло. Кислотой мне плечо полили, только и на лицо попало – словно оспой переболел. И сигаретные ожоги еще, и... Шрамы багровые – их сейчас даже густым гримом скрыть трудно. Как я таким чудовищем к моей красавице явлюсь? И представить нашу с ней встречу страшно. Ничего, привыкнет. Скоро шрамы станут блее, и я смогу скрыть их. Конечно, она привыкнет – никуда не денется. Агнешка меня не оставит. Она не такая – в беде не бросит. Да и куда ей без меня, в конце концов? Никуда. Даже без такого – хромого и косого – никуда. Придется ей привыкать.

Черт... Хватит нервничать. Шрамы украшают мужчину. Правда, в моем случае, скорее, – мужчина украшает шрамы... они теперь надо мной главенствуют. Черт... Наврал я всем в госпитале, что со мной все в порядке, надеясь, что меня не спишут, а в итоге – не только списали, а еще и... Остался я со своей правдой и своими страданиями один на один... с болью без обезболивающих и со страхом зеркал без успокаивающих. Еще и, когда повреждений прибавилось, – денег убавилось. Да что темнить, – ни гроша у меня за душой нет ныне. Спустил все, что осталось, на дорогу и документы. Душу греют только грязные деньги пана Мсцишевского, отданные мной моей девушке и моему бойцу. Хоть я и оставил их ей с ее охранником не на одно сохранение, но и на расходы – их хватит выручить нас троих.

Правда, переправить обоих поляков в Польшу было непросто – на нужных людей и надежные документы я потратил порядочную часть денег Мсцишевского. Германская граница всегда дорого обходится. Плюс оба поляка, можно считать, бесконтрольно с моей стороны тратили остатки денег пана, пока я воевал и пропадал в плену... а я и воевал, и пропадал достаточно долго. Ничего, как я подсчитал, нам троим на год скромного бытия должно достать – без учета непредвиденных трат, конечно. Таких трат мы себе позволить никак не можем – осложнений нам следует сторониться, как прокаженных, выжидая время, нужное мне для решения задачи. А задачу предстоит решить непростую – нас троих преследуют германские власти. На нас ополчились и военные, и служба госбезопасности. А на меня еще и наши ополчатся, как только поймут, что я пропал и они потеряли мой след. Нам следует таиться, будучи тише воды и ниже травы.

А за год я закреплю страховку и... Я верну немцам крысу или крысиные останки, в случае непредвиденной кончины зверя, заодно с условием – вернее, с угрозой. Выдвину твердое

требование – не трогать нас троих впредь. Они его – выполняют. Ведь его нарушение поставит их под угрозу передачи образца тканей крысы русским. А они готовы на все – только бы ДНК зараженного зверя не оказалась в распоряжении российского разведуправления. Конечно, нас просто в покое не оставят. Но видимость выполнения моего требования ими будет соблюдена точно. По крайней мере, они постараются притаяться и притихнуть при поиске, прослеживая нас настолько скрытно, что у нас появится время и средства – скрыться. Перестанут они наш след пристально просматривать – потеряют его. Позволят исчезнуть и мне, и моим спутникам.

А наше разведуправление... Управлению я гарантирую верность с условием – оставить меня в покое и с угрозой – открыть немцам секреты и сдать агентурную сеть. А в Польше я соберу компромат, на кого следует... Тогда только держись. “Волк” все свое съест – всю чужую слабость в свою силу обратит. Эх, не грешите люди, если не хотите платить за прегрешения. Знайте, люди, – не скрыть вам всего от всевидящих, не утаить ничего от всеведающих. А главное, помните, – не следует считать, что только дух бестелесный такими качествами обладает, – не только богу все видеть под силу. Не забывайте про злых “волков”, люди. Эх, не забывайте про серых хищников и охотников – про офицеров невидимого фронта! Про бойцов темноты, про бойцов тишины!

Глава 2

Кажется, я не тащился чуть не через весь город, а, сойдя с поезда, сразу полетел вверх по стертой лестнице старого здания. Даже про хромоту забыл. А что про нее вспоминать? Я, в конце концов, когда конь подо мной рухнул, не одно только колено разбил. Не упомянуть всего, что я тогда расшиб, – нечего и вспоминать. Не беда – на волке все, как на собаке, заживает. Распахнул вскрытую отмычкой дверь, проверил сигнал аппаратуры слежения, определил чистоту на всех частотах, рванул в темноту, развел над кроватью руки, разбрасывая душистые цветы.

– Я вернулся, красавица моя! Вернулся вместе с утром!

Скинул куртку, сбросил с себя рубашку, стянул майку и... Я отпрянул к стене, когда с постели поднялась не моя хрупкая красавица, а...

– Войцех!

– Ян, это ты? Вернулся, да?

Я стою у стены, сжимая кулаки, а заспанный Войцех продирает слипающиеся глаза и сгребает с кровати раскиданные розы.

– Ян, зачем эти палки? Колючие же...

Он сел на кровати и завернулся в одеяло, всем видом показывая, как ему тяжело встречать зябкое утро и меня в нагрудку.

– Ян, да ты что такой? С дороги устал? Я тебе сейчас яичницу сделаю. И пиво осталось еще.

Войцех включил свет слабой со сна рукой, а я так и остался стоять у стены со сжатыми кулаками и стиснутыми зубами. Поляк расправил широченные плечи, прищурил склеенные сном глаза, привыкшие к предутреннему сумраку и ослепленные искусственным освещением. Он присмотрелся ко мне и покачал головой.

– Да, досталось тебе. Это как же так вышло?

Убью! Я убью его! Глотку перегрызу! Растерзаю в клочья! Только... У меня в голове вдруг стало, как в пустом патроннике, – пусто. Сердце замерло, стиснутое злобой, как тисками, и затаенное дыхание замерзло в груди, хрустя инеем на зубах. Я остался стоять у стены, сжимая кулаки и челюсти до судороги. А Войцех... Он дружески хлопнул меня по плечу... с такой лихой и легкой силой, что чуть не вышиб у меня из груди притихшее перед грозой дыхание.

– Давно не виделись, Ян. Я бы тебя и не узнал, если бы так, на улице, встретил. Пошли ветчину жарить. Посмотрим, может, я вчера не всю съел...

Я схватил его за плечи, подтягивая к себе. Войцех с ухмылкой обхватил меня медвежьим захватом.

– Я тоже рад тебя видеть, Ян! Даже слов нет, как рад! Просто, я проснуться никак не могу – вымотался вчера.

– Твою ж... Войцех! Твою ж!..

Я вырвался из его хватки, оттолкнул его и... Я сейчас сердечный приступ получу. Как меня адреналин колотит... аж страшно становится. Схватившись за сердце, выскочил на лестницу... вспомнил про хромату и тяжело опустился на ступеньку... стал смотреть на уходящие вниз пролеты – так же отстраненно, как в пустой патронник...

Войцех хлопнул дверью и потащился за мной, оправляя второпях натянутые штаны. Эх, был бы у меня пистолет, не остался бы патронник пустым...

– Ян, а я что-то не пойму никак... Ты что так? Тебя, что по голове сильно били, да?

– Били... Сильно били...

Войцех сел на ступеньку, кладя мне на плечо тяжеленную руку... которую я сразу скинул.

– Да ты не говори, я вижу все. Не вспоминай зря – знаю я, трудно такое из головы выставить, так что не надо все снова в голову впускать.

– Войцех, заткни глотку... не то я ее тебе перегрызу...

– Да можно и молча... Ян, только ты спокойнее... Ты всегда боялся, что тебя по голове бить будут, – знаю, не зря ты так... знаю, трудно тебе теперь думать будет. Только временно, Ян... все – временно.

– Больше я не боюсь ничего... И ничего мне теперь не трудно...

– Ты думать не торопись, раз уж так с головой вышло. Мне тренер всегда говорил, что не меньше месяца с мыслями переждать надо после такого.

Я уронил голову на руки, упертые в колени.

– Подозревал я... А все равно – надеялся...

– Месяц – не так уж и много, Ян. А там – можно мучить голову, сколько влезет... от гематомы и следа к тому времени не останется.

– Не дождалась... А обещала – дождаться...

– Агнешка? Да, не дождалась... Только она же не знала, что ты так рано приедешь, – ты же не предупредил.

Я сокрушенно повесил руки, складывая голову на грудь.

– Не дождалась...

– Я же сказал, не знала она. Не знали мы, Ян. Она ненадолго отошла – просто, решила пораньше пана Влодека навестить. Одинокий он старик – одна она у него отрада и помощница.

– “Волка” на “медведя” променяла... А ты, Войцех... Ты ж меня другом считал...

– Ян, а я и сейчас считаю.

– Войцех, я сейчас не соображаю... Только я... Я сейчас отойду и... Скоро я тебе глотку перегрызу, “медведь”! Мне зубы крепче и острее прежних вставили! Так что давай беги! Да без оглядки! Моей она будет! Моей! Ясно?!

– Ясно. Но она и так твоя.

– Она только моей будет – всегда! И больше ничье – никогда!

Меня обдало адреналином, и мир собрался в точку боевой готовности. Войцех недоуменно насупил, наклонил голову и начал напряженно соображать.

– Ян, ты что, думаешь, что мы с ней?... Ты только не думай, что мы с ней... Ты что, Ян? Мы же друзья. Я у нее просто ночую пока – мне пока просто негде. Я зарплату еще не получил, и мне податься некуда.

– Ночуешь?! Просто ночуешь?!

– Ян, да ты меня не слушаешь.

– Не слушаю только твое вранье! А все остальное слушаю – и внимательно!

– Я правду говорю, Ян.

– Ври больше! Я тебе не детектор – меня не обманешь!

– Ты послушай, не кипятись. Кончились у нас твои деньги и...

– Мои деньги кончились?! Деньги пана Мсцишевского?!

– Ян... Ты не думай, я твои указания не забыл и требования соблюдал – ни разу из головы не упустил ни одного твоего упреждения. Не нарывался я, а все равно в историю попал, и пришлось платить. Я верну, Ян, – все верну. Не сразу, конечно. Просто, я же со старым завязал. Я теперь честным трудом и только на зарплату живу. И я только начал работать. Меня же с прежней работы

поперли. Знаю, что с нынешней работой мне с таким долгом не рассчитаться, – я же грузчиком пока нанялся. Только я же временно. Найду получше что – и все верну. Ян, ты подожди только. Ты мне что, не веришь?

– Верю?! Во что?! В то, что ты с ней не спишь, отсыпаясь в ее постели?! В то, что ты грузчиком пошел наниматься?!

– Да... Так и есть, Ян... Я вообще на полу сплю, а когда она уходит, – на ее кровати отсыпаюсь. А что грузчиком пошел наниматься... А куда мне еще идти? Я же только и умею – убивать да тяжести таскать. Меня же никто ничему другому не научил – я ничего другого делать и не могу.

– Это точно – в это верю. А в остальное – нет. Дознаваться я буду, Войцех, правды, пока ты на моих допросах из шкуры не вылезешь. И не вернешься ты у меня в свою шкуру, пока я ее заодно с твоим враньем наизнанку не выверну.

Войцех подавлено притих – знает, что я правду режу... и режу острыми клыками. Он боится признаться, но понимает, что через час будет еще больше бояться обманывать меня. Его нынешняя нерешительность – его последующее признание. Не выдержит он долго – взвинтится и выложит все, как есть, даже без дальнейшего давления. Тогда я его...

– Ян, ты обожди, с выводами не торопись... Тебя все же по голове били, так что... Тут такое дело... Я не знаю пока, как тебе доказать, что действительно правду говорю, что – просто отсыпаюсь так... Ты не верь, только с действиями подожди пока. А про то, что грузчиком пошел... Ты проверь. А деньги... Да, с деньгами провинился. Только я же – верну. Я же тебе обещал вернуть, а я не дурак – обещание перед тобой не держать.

– Видно, все же дурак ты, Войцех. Ты мне обещал на девушку мою не посягать. А все равно к моей девушке лапы потянул! И на мои деньги наложил лапы, “медведь”! Худо нам всем теперь придется! А тебе, Войцех, – хуже всех! Тебе не только по вопросу моей девушки и моих денег передо мной ответ держать предстоит!

– Ты про что?

– Про то, что ты трус и дурак! Про то, что ты духом не собрался и не сообразил сообщить мне!

– Про что?

– Про то, что мы – нищие! А хуже, мы – опальные нищие! Для нас сохранение наших жизней недешево стоит! И отныне для нас их сохранение стало слишком дорого! Нам наши жизни теперь не по средствам!

– Ян, я что-то не пойму... У тебя что, тоже денег нет? У тебя же всегда денег было...

– Лично у меня их никогда не было! Мне их государство давало – не для меня, а для моего дела! А главное, – дело было давно! Теперь я не в деле, и мне никто ничего не дает!

– Ян, ты же всегда был при деньгах... Ты просто брал их, когда их тебе не давали...

– Брал... И теперь мне их брать придется... Только доставал я их такими средствами, что... Черт... При таком обороте дел риск велик всегда. А на данное время вдобавок к обычному риску я вынужден взять в расчет то, что у меня нет прежнего прикрытия, а главное, – что я не просто не в порядке, а – порядком покалечен.

Сбережений у меня нет, компромата у меня еще недостаточно для требований... И вообще, Польша – не моя территория, у меня в стране связей еще нет... и мне их не установить до того, как я с голода сдохну. В довершение всех бед – мое тело в скверном состоянии после того, что с ним в плену сделали. А про опущенный ниже змеиной задницы дух я и вовсе молчу. Вашу ж...

Нет, я не сдамся. Я слишком большой путь прошел, идя к цели... и зашел слишком далеко – обратного пути у меня просто нет. Я не могу вернуться в Отечество... вернее, могу только тайком – с другим именем, другими документами, другим лицом. А сменить лицо мне теперь труднее станет, чем удостоверение личности справить. И решить задачу с полячкой и поляком я могу лишь одним способом – точнее, я могу обеспечить их безопасность или убрать их обоих. А я не убью мою девушку и моего бойца, пусть они меня и подвели оба. Такой способ не годится. Так что решение одно – я останусь с ними хранить их жизни своими силами и стараться сохранить их силами свою шкуру. Они оба будут моими. Сорвались они с моего поводка – я их на цепь посажу. Нет, не загнать судьбе “волка” в угол такими передрыгами – “волку” и не такие переделки по зубам. Был я уже не раз и бедным, и брошенным, и бессильным, но еще ни разу не был дохлым.

Я посмотрел вниз через череду лестничных пролетов, заслышав шаги, – легкие летящие шаги... Она... Агнешка... Красавица моя...

Глава 3

Она подняла голову и... Я замер, озаренный сиянием ее глаз. Агнешка взбежала, взлетела, вверх... ко мне. Только она не бросилась в мои открытые объятия, а... схватилась за грудь и кинулась вниз. Я перевел дух, возвращая потерянное дыхание, и ринулся за ней.

– Агнешка! Что, такой страшный?! Не такой же страшный! Агнешка стой! Я же еще и хромой...

Она собиралась выскочить из подъезда, но толкнула дверь в другую сторону и, так и не открыв тяжелые створы, припала к стене, отвернувшись от меня. Ее хрупкие плечи затрепетали под моей поправленной опытным хирургом рукой – она зашлась тихим плачем.

– Не распускай мне слез и... Да что ты?

Она так и осталась стоять ко мне спиной, не поворачиваясь, пряча лицо, – лишь ее тонкая рука судорожно сцепилась со стеной, царапая потрескавшуюся штукатурку.

– Агнешка... Я ж не совсем калекой к тебе заявился... Я бы не явился, если бы...

Она закричала и зарыдала в голос, сползая по стене на пол. Я подхватил ее, отодвигая встревоженного Войцеха, до которого, как и до меня, ровным счетом ничего не доходит.

– Да что все это значит?! Ты что, мне настолько не рада?!

– Вольф! Что с тобой сделали?!

– Что видишь, то и сделали.

– Я ничего не знала! Ты мне ничего не писал! О боже! Боже...

Она прерывисто всхлипнула, отводя глаза от моего лица и закрывая вздрагивающие губы руками.

– Я с таким трудом вернулся к тебе, а ты меня встречаешь, как... И врага так не встречают! А я... Я только и выжил, думая, что к тебе вернуться должен, что ты меня ждать должна! Пришлось мне на обратном к тебе пути такое пройти, что тебе и в страшном сне не снилось, – такие тяжкие страдания перетерпеть, такие сложные испытания преодолеть! Я такого насмотрелся, что ты и в кошмаре не видела! А ты... Думаешь, собирался я к тебе в таком виде являться?! Только выбора у меня не было – врачи и так старались, как могли, меня по обломкам собрать! А ты не можешь даже вид сделать, что рада! Не таким же жутким чудищем пришел! Не такое же страшное горе принес! А ты не можешь даже капли терпения проявить, даже постараться привыкнуть!

Агнешка задыхнулась, рыдая в просто пугающем иступлении. Войцех, удерживая спешно надетые и спадающие штаны, сел на корточки рядом со мной, стараясь ее успокоить. Только она зашлась сухим плачем еще страшнее.

– Агнешка, не надо. Нельзя так. Не встречают так.

– Тупые! Оба! Тупые! Если бы я знала! Если бы знала! О боже! Боже! Сжался над нами! Сжался над грешными! Сколько страданий, боже! Прости нас, господи!

До меня вдруг дошло, и я побледнел. Сердце свело, и оно снова зашлось отчаянным стуком.

– Сознаешься?! Смотри мне в глаза! Отвечай! Не дождалась?! Не дождалась!

– Вольф! Я не знала!

– Жалко меня стало?! И сразу передо мной стало стыдно?! А прежде не жалко было и стыдно не было?!

– Прекрати! Прошу тебя!

– Не приходило в голову, что сильным больно бывает равно, как слабым?! Что не кричат они просто о муках, а молчат, как покойники, – пока не подохнут, сраженные сердечным приступом?! Нет, не приходило... Забыла обо мне подумать, решила, что для меня достаточно и засевшего у тебя в голове заблуждения, что одних слабых беречь надо?!

– Вольф, довольно!

– Считаешь, что слабым дозволение на слабости свыше дано?! Думаешь, что для всех и всего довольно дозволения такого?! Что тебе с ним и стараться сильно не надо слабый дух скреплять?!

Что тебе простят, стоит прощения попросить?! Так проще жить! Только так нельзя жить! Я не позволю тебе так жить, – как бог позволяет! И поступать со мной так, как разрешает он, – не разрешу! Ты у меня прощение не проси – не прошу! Искупай вину!

Она не ответила, и я подхватил ее на руки, потащил наверх. Хлопнул дверью, кидая ее на усыпанную колючими цветами кровать, невзирая на то, что “медведь” Войцех превратил постель в настоящую берлогу. Он стучит в дверь – колотит так, что чуть не вышибает, только я...

– Ян, ты мне хоть одеться дай! Без завтрака я могу, а без одежды никак! Ян! Дверь открой! Ты что, глухой?!

На вид искреннее раскаяние девушки преобразилось в действительно убедительный страх от моей мстительной грубости.

– Вольф! Отпусти меня! Не надо!

Золотой дождь ее волос полился на пол. Она, вырываясь, вскрикнула... соскользнула с кровати, путаясь в белых простынях. Войцех вышиб дверь.

– Ян! Не трогай ее! Ты что творишь?!

Повалил его подсечкой, заломил ему руку за спину, припер его коленом.

– Я тебе почки отобью! Будешь у меня кровью мочиться! Будешь у меня знать, как мою девушку!..

Агнешка повисла у меня на руке, крича. Оттолкнул ее... только она уцепилась за меня, моля еще отчаяннее.

– Не бей! Не бей его, Вольф! Он не виноват! Я! Я виновата, Вольф! Только я!

Войцех сорвал мой захват, рискуя переломом руки, отбросил меня с такой неимоверной силой, что я просто влетел в стену.

– Моя вина, Ян!

Мощный поляк намертво охватил меня, как медведь, – так, что не пошевелиться и не продохнуть.

– Ян, успокойся ты. Давай выясним все спокойно.

– Спокойно?! Ты что, не видишь?! Не видишь, каким я вернулся?! Я покалечен, я приметен и к прежней службе не пригоден! Я остался без лица, без службы и без гроша за душой, с одними шрамами! Думаешь, я после такого ее тебе отдам?! Нет! Я за нее до смерти драться буду! У меня, кроме нее, нет ничего! Она моя, Войцех! Моя!

Войцех придавил меня крепче, угрожая переломать ребра, и я перестал вырываться.

– Ты сначала рваться перестань, а после мы все обсудим. Уверен, мы справимся со всем – вместе, Ян. Не настолько все плохо. Сейчас все в порядке, а все, что у нас прежде случилось, – в прошлом осталось. Случайно все вышло у нас. Ненамеренно мы. Просто получилось так. Не знаю, как так получилось.

– Я знаю! Как всегда получается!

– Мы с ней не собирались, а просто... Не долго мы с ней ночи делили. Сейчас все не так. Мы, как только одумались, перестали так встречаться. Как подумали, что ты скоро приедешь, так сразу решили прекратить... взять себя в руки и все выправить.

– Испугались меня!

– Ян... Ты не правильно понял... Нервничали мы просто сильно все время, а как только поняли, что ты приедешь и все решишь, напряжение у нас спало – как рукой сняло. Просто, сложно нам пришлось сначала привыкать к тому, что нас преследуют и... И в Варшаву мы – впервые приехали... еще и с поддельными документами. Не ясно нам было, что с нами будет, что нам вообще дальше делать. Тяжело нам было – трудно. Мы же города не знали и... Ты же нас одних оставил, Ян. Нам казалось, что мы словно на всем свете одни остались.

– Я еще и виноват! Я еще и провокатор!

– Так все правда, Ян. Так все и произошло.

– Пусти, Войцех! Придушил – все, хватит!

Поляк недоверчиво выждал и несильно разжал руки. Подумал сначала его очередной подсечкой повалить, но понял, что он меня придавит насмерть. Пришлось окончательно прекратить сопротивление, спокойно ожидая его доверия. Он отпустил меня, и я рухнул на пол.

Навел на девушку, стоящую передо мной на коленях, “волчий взгляд”, просвечивая ее глазами, как рентген-лучами. Она бледна, красные от слез глаза блеклы, – словно снова перенеслась в ту ночь, когда я ее из изолятора забрал... и меня она своим видом в ту ночь перенесла. Отчаянье и надежда стояли у нас перед глазами плечом к плечу... и сейчас – стоят.

– Как ты только могла? С Войцехом? Он же дубина безмозглая...

Поляк дал мне коленом под лопатки, но я проигнорировал его предупреждение, не сводя с девушки напряженного взгляда.

– Зачем ты только меня книги заставляла читать? Тебе же такого, как Войцех, достаточно. А знаешь, – не зря заставляла. Мне по душе пришлось книги читать! Порой в них честные люди попадают! Ты что не думала, что я могу взять и послать вас обоих к черту?! Что могу перестать возиться с вами обоими и начать спокойно читать книги про честных людей?! Не приходило в голову, что вы оба без меня делать будете?! Или пришло в голову все от меня скрыть?! А что от меня ничего не скрыть, в голову не пришло?!

– Вольф, ты... Не оставляй меня... Нет, только не...

Войцех настойчиво и крепко сцепил руки на плечах девушки, не давая ей дергаться.

– Тише, молчи. Не оставит он тебя. И меня – не оставит. У него выбора нет. Мы все связаны – связь такую только смерть обрывает. Одного возьмут – он другого под угрозу подставит... вдруг выдаст. Мы друг друга бросить не можем – только убить. А все, что произошло, – не повод для убийства. Нужно просто спокойно все решить и найти выход.

Агнешка вздрогнула, словно впервые осознав всю скверность нашей связи. Я склонил голову поляку в подтверждение.

– Верно Войцех все пункты обозначил и достаточно точно все тебе объяснил. Выбор вариантов действий у нас невелик, и обстановка отвратная. Задача перед нами стоит серьезная, и ее придется решить, не откладывая... и решать ее нам предстоит на холодную голову. Иначе никак. Так что студите кровь, как я. Я вам промаха не спишу, но судить обоих стану по меркам военного времени – при боевых действиях порой не только кусок хлеба делить приходится. Только теперь берите в расчет оба, что она, как мой последний патрон, который я никому – ни брату, ни другу, ни соратнику – не отдам.

Я поставил стул в центр комнаты, сел верхом, сложил руки на его спинке, опустил голову на руки, поднял глаза на провинившихся и припер их к стенке “волчьим взглядом” исподлобья.

– Вольф, я виновата, я знаю. Я не прощу себя, только я прошу тебя...

– Тогда не думала, что делаешь, теперь – не думай подыскивать оправдания бездумному поступку!

– Ты никогда не простишь нас...

– Я не прощаю! Я знаю людей, знаю, что от них ждать, и – жду! И не такие “верные” под чужим кулаком меня предавали! И не такие “честные” под моим кулаком предателями становились! Я всегда готов, и вы меня врасплох не застали! Теперь я здесь и все решу! Вы оба будете делать все, что я вам буду говорить, – и все! Больше я от вас ничего не жду и не требую!

Войцех насутился и еще крепче стиснул плечи девушки, закрывшей лицо руками.

– Ян, ты дело говоришь... Только не злись так... не кровью ведь нам вину искупать.

– Как скажу, так и искупите, – хоть и кровью.

– Ян, не специально же мы... Случайно мы.

– Случайно! Случайно? Случайно...

Сердце рухнуло за ребра, когда я понял, что...

– Войцех, а ты про защиту, про безопасность не забыл?

– Про какую такую?

– Предохранялись вы, Войцех?!

– Нет, Ян... Мы же не намерено...

Я помолчал, подумал.

– Войцех, а тебе после плохо не было?

Войцех недоуменно уставился на меня, краснея, как девица.

– Вообще мне хорошо было...

– Не сразу, а после – через час, через сутки?

– Я не пойму никак...

– Отвечай!

Поляк развел руками.

– Я не помню, Ян. У меня столько забот было.

– А после первого раза предохранялись?!

– Что за вопросы, Ян?

– Отвечай!

– Я же сказал – случайно у нас все получилось... всегда у нас все случайно получалось. А что такое, я не пойму?

– Каждый раз случайно! Как дети в песочнице! Натворили дел! А мне что делать?!

– Дети в песочнице такого не творят, Ян...

– Ты заражен!

Агнешка вскрикнула в ужасе, устремив на меня угнетенные горем и высушенные отчаяньем глаза.

– Вольф, я его заразила?!

– А ты что думала?!

– Вирус передается через кровь... Ты сказал – только через кровь...

Войцех подавлено осмотрелся и остановил на мне не по росту робкий взгляд.

– Ян, я что, заразу подцепил? А что за зараза, Ян?

– Вирус-целитель. Нет у него названия еще – один номер. Он другие вирусы уничтожает, только больше о нем пока никто ничего не знает. Это – экспериментальная инфекция. Вирус спит отныне в нас троих, и активируется только при столкновении с другими – врагами. Только еще не известно, проснется он и начнет захват власти или проспит спокойно и послушно все время. Войцех, это серьезно. Мы втроем – опасны. Так что отвечай мне на все мои вопросы четко и точно.

Поляк понуро свел могучие плечи.

– Да, Ян. Я отвечу на все, что нужно.

– Ты после заражения с ней одной спал?

– Ян, не думаешь же ты, что я...

– Четко и точно!

– С ней одной.

– А кровь? Дрался ты, Войцех?

– Нет. Я здесь тихо достаточно себя вел. Только я... Денег у меня не было, и я... Ян, я кровь сдавал – в больнице.

– Донором был?

– Точно.

Похоже, сердечный приступ подкрался со спины к нам троим и стал ковыряться холодными руками в грудной клетке у каждого из нас одновременно.

– Утечка. Утечка! Вашу ж!.. Нужно изъять кровь... Мне нужны списки людей... Нужен каждый, кому кровь перелили...

Агнешка поняла, что я с зараженными людьми сделаю, и заорала в потолок, запрокинув голову, сложив сжатые в кулаки руки у шеи, словно выжимая руками из души раздирающий слух крик. Я зажал ей рот, перестав замечать Войцеха, которого еще никогда не видел таким жалким и нерешительным.

– Замолчи! Сейчас полицию вызовут! Мы и так на шумели здесь! Крыса... Мне нужна крыса...

Никто ничего не ответил, никто ничего не сделал – за всех отвечать и действовать мне одному, как всегда. Черт... Нашарил взглядом вольно расхаживающую по квартире крысу. Схватил испуганного и пытающегося спрятаться под кроватью зверька. Набросил рубашку, подхватил куртку, перемахнул через подоконник и проверил на прочность примеченный еще раньше карниз.

Поляк, совсем растревоженный, поднялся на ноги, неспешно направляясь ко мне и незаметно разводя руки для захвата.

– Ян, ты что это? Не делай этого... Мы придумаем, что делать... Только сойди с карниза... сюда сойди, а не туда.

– Дурак, Войцех! Обо мне молчите оба! Без расхождений рассказывайте мою версию! Здесь люди не пуганые – полиции все расскажут, как слышали. А слышали они, что орали мы на три голоса, дрались и двери ломали. Так что в моей версии – трое участвуют. Ты с ней поссорился, и она тебе назло незнакомого парня с улицы привела. Ты заподозрил измену, приревновал и разнес дверь, дознаваясь правды. Ты подрался с незнакомым парнем, и он через окно деру дал. Ясно?! Не так далеко от правды! С таким враньем без потери убедительности оба справитесь! И главное, – помните, что вы оба были на нервах и подробностей не помните! Ничего точно не помните! Тогда все нестыковки с вашими и чужими показаниями не беда! Нам путаница всегда на руку!

Я подобрался к пожарной лестнице еще до того, как полицейские преодолели несерьезную преграду в виде выбитой двери, и полез вверх – на крышу.

Глава 4

Тихонько напевая песенку Карлсона, прошел в помещение, похожее на пристанище шведского человечка с пропеллером. Бросил прихваченные вещи и выбрался на продуваемую всеми ветрами крышу. Карлсону в старом Стокгольме такие просторные крыши и не снились – есть здесь, где разгуляться, разлетаться. Крыса почуяла вольный ветер вершины, носящийся вокруг меня, и показалась на свет, выкарабкиваясь из подсумка. Подмигнул настороженному зверьку – крыса посмотрела на меня и постаралась спрятаться в подсумке и притаиться.

– Что, крыса, страшно? Высоко, светло? Знаю, не по нраву тебе просторы привольные. Привыкла ты в темной тесноте прибежище искать – в крови у тебя такое определение безопасности... в ДНК, вернее. Давай в рукав – знаю, по душе тебе нора такая придется.

Спровадить зверька в рукав куртки оказалось не трудно – сообразительный зверь. Крыса быстро сиганула в убежище, устраиваясь удобнее и успокаиваясь. Пусть спит теперь у меня под рукой – под контролем. Я больше зверя упускать из вида не должен. Да и просто порядок такой установлен у нас – козыри в рукаве прятать.

Пригибаясь, пробрался на другую сторону здания, выглянул из-за парапета. Полицейский ведет к машине обоих. Задержали, значит, – заподозрили что-то посерьезнее простых разборок из-за ревности, разбираться будут. Наверное, мы перестарались с криками и натолкнули свидетелей на мысли об убийстве. Ничего. С ними в участке все выяснится. А документы я им обеспечил такие, что беспокоиться нечего, – даже достаточно тщательную проверку выдержат. Плохо, правда, что дела на них заведут. Немцы поиски не прекратили – базы данных польской полиции их разведчики просматривают. По снимкам они моих подопечных проследить смогут. Придется мне отныне быть еще бдительнее – старательно следить за положением дел и общей обстановкой. Перепрятать вообще хорошо бы обоих. Только денег у меня... ни на оружие, ни на жилье, ни на документы, ни на транспорт.

Эх, Игорь Иванович, никогда еще не находился я в таком плачевном положении. Вроде вольный, как ветер, – не в плену, не в госпитале, не в управлении заперт, а разница не велика. Ничего нет – разве что свобода... только толку от нее, как от упорно добродетельной девственницы. Перед глазами стоит – руку протяни и бери... а попробуй возьми – не дается.

Сел, опершись спиной о парапет. Остудил голову и стал думать, что у меня на руках. Решил рассматривать только правду и только в нагом виде, несмотря на всю ее непривлекательность. Придется изнасиловать себя и разделить с ней постель для дела.

Агнешка... Я не рассчитываю на то, что она любит меня, – что будет любить такого, как я. При хорошем раскладе она ко мне просто – привыкнет и привяжется. А так я ей, запуганной и поврежденной, нужен только как надежный защитник – она ведь мне на шею только от страха перед всем и всеми и вешается, в надежде на мою поддержку. Агнешка – девушка достаточно тонкой духовной организации. Ей для души другой человек нужен – я с такой стороны ей не особо гожусь. Так что нас с ней связывает только опасность и моя страсть. Нет, не только. Еще она жалеет меня. А еще – она провинилась передо мной и испытывает муки совести. Неплохо для

повышения прочности нашей связи – вернее, моей привязи. Пусть ей не хватило чувства преданности прежде, ныне чувство жалости и вины не позволит ей меня предать. С учетом того, что подвела она меня без умысла, а просто дала слабину от незащитности – я могу рассчитывать на ее последующую преданность. Не устояла под тяжестью угрозы и уступила страху быть одной наедине с опасностью хоть секунду, – не худшая измена. Теперь я ее на одну руку положу, другой – прикрою, и порядок. Она будет моей и будет со мной. С ней вопрос отпал.

Войцех... Простой парень – да не полностью и не до конца. Из глухих мест он все же вышел – аж до Франкфурта дошел, пусть и спотыкаясь. Он силен, не слишком умен и учен, умеренно горд... не остро хитер, но и не тупо простодушен, не лентяй, но склонен к поиску покоя, не лишен расчетливости, да не совсем корыстен – наемник, а не такой, которого перекупить просто... свои представления о чести всегда при нем. Неплохой боец, хоть и не без изъяна. Он вроде обладает всеми требуемыми боевым командиром качествами. Конечно, от такого бойца не должно ждать героических действий и действительно бескорыстных выходов, как, впрочем, и обратного... особо пагубного помысла от него так же не дождешься – в вариантах его дальнейших действий все, в меру диктуемое обыденными обстоятельствами и воинскими убеждениями. Меня, как и все другое, он воспринимает, как данность, а главное, – побаивается. Не из тех он, кто станет гоняться за тем, что ему в руки не идет. Девушку он у меня из рук никогда вырывать не будет. А во всем остальном он меня вполне устраивает – мне подчиненный, моей девушке – охранник. Он тоже при мне останется – будет моим бойцом. Да вообще, у меня выбор невелик – или устранить его, или оставить при себе в качестве подручного. Девушка моя мне его устранения с рук не спустит, и я другого такого вояки в ближайшее время не найду. Так что устранение – вариант крайний. Ко всему, я еще никак не восстановился и довольно ограничен в действиях. А Войцех – обладатель силы немереной и сносного навыка – его только натаскать, и будет боец, что надо. Сделаю я из него такого бойца, что по нему спецназ сохнуть будет, как красна девица. Тогда свалю на его плечи часть своей нагрузки. Займусь им, как только мне его вернут. Из Войцеха на тренировках все силой выбивать придется, но ничего – заставлять я привык.

Следующим пунктом рассмотрю добычу денег. Решаемая задача... несколькими путями решаемая. Для начала попробую тропинку помягче, а там уж... на жесткую тропу перейти никогда не поздно. Мысль додумаю – и займусь разработкой задачи.

Первое – остановить заражение. Сначала следует изъять и уничтожить источник заразы, после – пресечь распространение... ликвидировать зараженных и зачистить зону заражения. Второе – найти оружие и убежище, достать деньги и документы на троих. Третье – скрыться всем троим на территории Польши. Четвертое – прогнать из головы страсти и сделать из девушки протез души, а из парня – протез тела. Пятое – подготовить передачу крысы немцам и тайком перейти на их территорию. Седьмое – дать деру всем и ото всех в Норвегию. И напоследок главное, – спокойно отоспаться на затерянном в глуши хуторе Улафа Гундарсона... на моем хуторе. Он – мое последнее пристанище, покинутое и пришедшее в упадок, но – мое.

Расклад у меня скверный – просто отвратный. Но крыса – козырь в рукаве. Тряхнул рукой, и зверек вылез у меня из рукава, являя свету умные глаза и лысый хвост.

– Знаешь, зверь, если бы ты сдох, – я бы застрелился. Точно застрелился бы... Так что ты уж недохни пока... Постарайся продержаться до передачи. А то мне в последнее время, как поговору, все планы срывают... Хоть ты не подведи.

Крыса серьезно посмотрела на меня и скрылась у меня в рукаве, занимая прежнее пригретое место. Знала бы она, как я боюсь ее смерти, – боюсь ее гибели равно, как своей собственной... и даже больше – ведь на кону и жизнь моей девушки... и моего бойца.

Неприглядная у нас троих жизнь получается. Зато – реальная и лишенная иллюзий, мешающих выживанию. Что делать, если мы троим можем выжить только так и только – троим.

Глава 5

Что ж, темнеет – пора Карлсону покинуть крышу и навеститься в гости к малышу и его щенку, к которому Карлсон малыша страшно ревнует, но которого никак не может отправить от малыша куда подальше.

Осмотрелся и перелез с пожарной лестницы на карниз. Залез в окно, прикрыл его и отправился проверять едва держащуюся на петлях подсаженную Войцехом дверь. Покривленная дверь не висит на покореженных петлях – петли вправлены, дверь поставлена и закрыта... заперта на переключенный замок и опечатана. Сойдет. Как только мне Войцеха вернут, я его все починить заставлю.

Думал для начала пошарить в холодильнике, только заметил зеркала и переключил внимание на них – моих отныне заклятых врагов. Зеркала – к черту! Сниму и спрячу! Травят они мне душу воспоминаниями! Я ведь всегда у немцев красавцем считался, а сейчас... не вздрогнув – не взглянешь. Много мне с рук за красоту сходило, что сейчас не сойдет. Теперь мне моя наружность столько простых путей перекрыла, сколько открытых передо мной прежде дверей закрыла. Такая внешность обязывает добиваться всего одной только грубой силой, не ожидая, что кто-то что-то добровольно отдаст, – вынуждает в закрытые двери не с улыбкой стучаться, а с оскалом ломиться. А всего хуже – приметным я стал. Мне теперь не следует в светлое время суток людям на глаза показываться – выходить надо стараться ночами... по крайней мере, до тех пор, покуда шрамы не станут светлее и их не станет проще спрятать. А пока они и под слоем штукатурки проступают.

Рад, что меня не видит старик Клаус Крюгер, считающий меня вампиром треклятым... Мой вид, боязнь зеркал и солнца – такое способно изничтожить и тень сомнения в моей мрачной сущности не только в голове безумного бродяги. Эх, Крюгер, бросил я тебя в Берлине одного, а у тебя ж – с головой не порядок... Соблюдаешь ты мои строгие инструкции, старик, или во все тяжкие своего больного ума ударился? Надо бы навеститься к тебе и проверить, что ты делаешь, вольно бродя по Саксонским просторам. Не взяли тебя власти, не выдал ты нас?

Нет, не думаю, что старый химик нас сдаст... пусть его и выследят, и возьмут – толку от него никак не добьются. Он же всех из разведки и правительства пришельцами и иной нечистью считает – в его рассказах за сказочной мутью некоторое из реально происходящего рассмотреть можно... хоть и проглядывает истина порой и в его историях. Черт... Беспокоит он меня, как никто другой. Только теперь о нем и думать нечего – не могу я с ним пока ни связаться, ни встретиться. Подумаю о нем, когда ближе к Берлину буду... а сей час не за горами. Когти драть в Берлин надо будет сразу, как только деньги удастся добыть, – здесь нам с поляками теперь долго торчать нельзя. Немцы за нами скоро на чужую землю придут... а мы от них на их земле скроемся – и на север рванем. Как на хуторе Улафа схоронимся, – так и успокоимся. А в Берлине мои люди... мои документы, мой транспорт. Берлин – не только подготовленное государством российским пристанище Ульриха Ларсена... Берлин – наиболее подходящим образом оборудованная берлога герра Вебера, наилучшим видом оснащенное логово Вольфа. Там все для меня и моих людей – и для тайного нахождения, и для отхода на восток и север. На крайний случай есть еще Франкфурт, но лишь – на очень крайний случай. Есть у меня связи и в Баварии, и в Саксонии... но я был бы рад, через Саксонию пройти и покончить с пограничными переходами. Хорошо, если на Саксонских землях круг замкнется, и нам не придется по стране колесить, решая задачи через ненадежные контакты в Мюнхене. Черт...

А к черту... Пора перейти к разработке плана по добыче денег. Заткнул уши наушниками, улетаю с песнями то на простирающиеся перед моей памятью равнины Отечества, то на заснеженные вершины высоких скал северного пути. Только краем разума задеваю, гложущую меня неизвестностью, польскую землю за окном... ведь в мою голову в доподлинном виде вошло пока только несколько улиц Варшавы – города, в моей памяти до сих пор расчерченного только на карте.

Глава 6

Мои подопечные из участка вернулись взвинченные, вымотанные и растрепанные. Войцех сразу взялся за водку, шумно отвинчивая пробки с бутылок, а Агнешка – за воду, так же шумно открывая краны душа. Оба решили залиться под завязку. Последую их примеру – напьюсь с Войцехом и вломлюсь в душевую к Агнешке. “Пить – так пить!” – сказал котенок, которого потащили топить.

– Войцех, мы с тобой сейчас напьемся так, что ирландский степ на столе спляшем! Пей, как в последний раз! И я так! Как в последний!

Угрюмая усмешка мрачного поляка стала веселее, когда мы зазвенели бутылками, запрокинутыми в глотки.

– Как в последний раз, – это мне по душе, Ян, это по мне! Я всегда так!

– С этого дня все не так, как всегда, будет! Сказал я, – в последний раз ешь, пьешь и спишь, значит – в последний! После этой попойки я тебе пить больше вообще не позволю! Я тебя натаскивать начну и продолжу, пока не сделаю из тебя стоящего бойца, Войцех! Про пьянство ты у меня завтра забудешь и вспомнишь про воинскую дисциплину!

– Ян, да ты что? Напился уже совсем, да?

– Когда я совсем напьюсь, в лес пойдем – тренироваться! Это после народных песен и плясок на столе! Так у меня заведено, порядок у меня такой! Обещал я себе, что по тебе спецназ сохнуть, как красна девица, будет! А данных себе обещаний я не нарушаю – никогда! И тебе – слово дам, что сделаю! Еще и торжественно!

– Ян, да ты... Да я...

– Да, точно. Мы надрались круче ирландских задир. Завтра начнем тренировки.

Я не вспрыгнул на стол, а свалился, засыпая. Придется пляскам подождать, пока я проснусь, как и моей девушке.

Глава 7

Агнешка и не подумала прерывать наше с поляком пьянство – она к нам и подойти не осмелилась. А мы о себе позаботиться были не в состоянии, так что ночь мы с ним провели, валяясь в непотребном виде, на так и не накрытом к ужину столе. Не просто мне далось отодрать себя от места перепоя и перейти на другое, покидая беспробудно дрыхнувшего поляка. Экран компьютера засветил мне в сощуренные глаза раньше рассветного зарева. Черт... Хоть бы и не пробуждаться.

Сжимая руками больную голову, встал из-за стола и молча показал Агнешке на стул. Оборотился к стене, стараясь не смотреть на горящий адским огнем монитор. Среди режущего глаза сияния текст будто обрушен в бездну беспроглядного мрака. Похоже, что экран под моим кулаком пустил тонкие трещины, – просто, он пылает пламенем в моих глазах, а текст в моей голове падает в мглистые пропасти. Не знаю, что я написал, не понимая, что пишу, не различая написанного.

– Читай.

Оставил ее на время, отмахиваясь от ее вопросов, как от мух. Ищу тишину, темноту и холод. Только больную голову приклонить никак нигде не получается. Открыл морозилку – льда нет. Здесь мне буйной головы не сложить – надо продолжить поиск. Склонил трещащую и гудящую с вечера голову под краном и включил холодную воду. Стылая струя врезалась в шею, как нож, и я выдернул голову из-под воды. Право, как нож, право, как на плахе. Черт...

Заслышал сдержанный плач Агнешки, подошел к ней, пригасил экран и оперся на спинку стула, склоняясь над ней... над ее хрупким плечом, осыпанным золотом ее волос. Она старается незаметно отереть глаза.

– Прочла?

– Вольф, я... Этот человек... Это ужасно... Он же прав и... Он подвергается опасности... Они же настигнут его и... Только что мы можем сделать?..

Я криво ухмыльнулся и сощурил косой глаз, хватая и стаскивая со стула девушку. Кружу ее, растерянную, и свечусь – ведь вокруг меня летают солнечные лучики ее волос.

– Вольф, хватит... Как ты можешь веселиться, когда кто-то мучается?

– Так же, как страдать, когда кто-то радуется!

– Вольф, ты же читал!.. Ты читал, в какой беде оказался этот благородный человек! Мы не можем не думать о нем, мы должны что-то сделать! Только нам нечем ему помочь!

Посадила ее себе на колени, утопая в ее волосах и впиваясь в ее шею поцелуями.

– Как же нечем? Тебе есть, чем...

– Вольф, не трогай меня. Я прочитала его послание и... Я не могу думать ни о чем другом, кроме него... кроме горя и беды этого человека. Хватит, Вольф.

– Ты же сказала, что только и можешь думать об этом благородном человеке и его беде, – выходит, можешь думать только обо мне и моей беде, а моему горю ты помочь можешь.

Агнешка, негодуя, гордо вскинула голову, останавливая мою руку.

– Вольф, у тебя только одна беда на уме всегда!

Я ей в ответ вскинул отчасти выжженную кислотой бровь.

– Точно – одна. Но она не на уме, а... А на уме у меня их, как ос в улье.

– Вольф, я не поняла... Это что, ты написал? Ты это написал?!

– А то. Мое сочинение.

– Это что, еще одна твоя шутка, Вольф? Я ненавижу твои шутки, Вольф!

– Нет, я проверил просто, как ты среагируешь. Прямо так, как надо, среагировала – я прямо в точку попал.

Не позволил ей соскользнуть у меня с колен, и она возмущенно сверкнула на меня глазами. Правда, долго взгляда на мне она не удержала – отвела глаза, ненамеренно содрогнувшись.

– Ты подстроил мне... Ты специально сочинение за правду выдал и проверку мне устроил... Я же думала, что это правда, я же искренне...

– Для таких, как ты, искренних и сострадательных, и написано... только главное – для состоятельных.

– Что?

– У Клауса Крюгера подсмотрел... Сумасшедший старик с манией преследования нередко прежде окончательной потери рассудка, у людей в сети помощи просил, и ему – помогали. Он за их счет достаточно долго по стране скитался, скрываясь от преследований, про которые он и писал каждому, кто под рукой оказывался. Людей за душу такие истории цепляют – преследуемые противники государственного заговора или жесткого режима, сражающиеся за права и правду. Невинно осужденные и страждущие, приговоренные преступным правительством, свидетели страшных и скрытых злодеяний – то, что надо. Главное в таком деле – убедительность истории, идущая от убежденности автора. Крюгер – умный безумец. Он обладал и – убедительностью, и – убежденностью. Я это запомнил и на заметку взял. Для достоверности я достаточно умен и осведомлен, а для веры... я совру. Я обучен врать.

– Ты собираешься принять помощь у людей, которые считают, что помогают попавшему в беду честному человеку?

– Я честный человек и попал в беду.

– Ты, честный? Ты им врешь!

– Да, только не целиком, а – отчасти. Нам правда худо пришлось, и нас правда преследуют.

– Не выворачивайся! Вранье, как бы оно ни было близко к правде, – не правда!

– А что ты на меня негодуешь? Злился на Крюгера – это он придумал.

– Он честно поступал! Он и правда считал, что знал больше дозволенного, что его преследовало правительство! И писал он правду – то, что считал правдой!

– И я считаю правдой то, что нас преследуют власти! И разведка, и контрразведка! И военная, и службы госбезопасности! И внутренняя, и внешняя! И как раз за то, что мы знаем об их оружии больше дозволенного – об их биологическом оружии! Разница лишь в одном – мы не только знаем об их оружии, мы еще и имеем их оружие на руках! Мы и есть – их оружие! Биологическое оружие! Только пишу я обо всех наших бедах не так в лоб!

– Ты расчетливо прокрадываешься в души! Этот человек не такой, как ты...

– Этот мой человек – мечта для всех девиц и пример для всех парней недалёких стран. Я сделал его в основном для людей молодых, только не первой свежести – для тех, кто ещё мечтает о полете высокой мысли, но уже высоко взошел и крепко встал на карьерной лестнице. Этот мой человек зацепит и старых людей, скопивших некоторые средства и вспоминающих надежды юности. И борцам за правое дело он по душе придется, и бунтарям. Страдающим – на жалость надавит, скучающим – нервы пощекочет.

– Вольф, это звучит ужасно... Аж мороз по спине...

– Это мои руки – холодные... Не дергайся – дай погреться.

– Вольф, хватит! Все, хватит!

Она прыгнула у меня с коленей, но я скрутил ее волосы у себя на шее удавкой, и ей пришлось вернуться ко мне и слушать мой смех, распутывая волосы, сплетенные мной в золотую веревку.

– Я повешусь, если ты покинешь меня, красавица моя!

– Нет, я повешу тебя, если ты не прекратишь так шутить!

Войцех явился к нам с прихваченными остатками продовольствия.

– Ян, что смеешься? Только и делаешь, что веселишься, будто у нас других дел нет.

Он склонился над монитором, читая и качая головой.

– Уж не над чужим же горем смеешься! Нельзя над таким смеяться! Человек в такую беду попал... выручать как-то надо. Я его, как никто, понимаю – попал, ополчились на него власти, а деваться некуда, а выручить некому. Так и бывает – втравился, не думая, как тебе дальше быть, а когда сообразишь, как все серьезно стало и что тебе осталось только бежать, деру дать никак – даже друзей, даже денег нет. Сквернее может быть только, когда у тебя вообще сообразить не выходит, куда ты на деле втянулся, а главное, – что тебе теперь уйти даром не дадут. Так у него – попер вперед, а куда – не въехал. Только из дурачества он в такое дело вмешался – дошло бы до него, не угодил бы он так.

Я подавил смех, стянутый шрамами.

– Войцех, он не из дурачества – он из идейных соображений втянулся.

– Какая разница, что он себе надумал, когда в итоге все равно оказалось, что все – от глупости?

Поперся он просто со своими соображениями туда, где о них и речи не идет.

– Неужто и тебя проняла история, Войцех?

– А тебя, Ян, нет? У тебя видать сердце каменное.

– Не помню, какое – не видал давно. Пойду посмотрю в холодильнике – я его в холоде храню для надежности.

Я посмеялся тихонько про себя над Войцехом и подтащил к себе Агнешку.

– Пиши.

– Что писать?

– Письма пиши! Продолжай кормить честной народ историями, похожими на мои. Расписывай невзгоды, выставляя напоказ честные намерения, вгрызайся в благородные души острыми зубами и терзай их жалостью к тебе и желанием тебе помочь. Только про правдивость не забывай – убедительность терять недопустимо.

– Вольф, я не могу...

– Мы должны зашибить кучу денег! Иначе нам не добыть требуемого для перехода границы добра и денег! А результат здесь мы не сразу получим – время нужно! А времени недостает! Так что начинай немедленно! Давай же! Живей!

– Я не буду.

– Ты должна! Делай! Искупи вину!

Глава 8

Тоскливо всматриваюсь в опущенные глаза девушки, стараясь не смотреть на ее часто и неровно вздымающуюся грудь, и щелкаю выключателем светящей ей в лицо лампы. Скоро час стукнет, а не происходит решительно ничего. Мы с ней уже час сидим друг против друга на стульях... я – верхом и с требовательным видом, а она – скромно и молча.

– Время идет. Хватит уже упорствовать. Все равно некуда тебе деваться. Некуда тебе деваться!

– Нет, я не напишу ни строчки лжи. И не пытайся меня к стенке припереть! Ты все время на меня давишь!

– Да! Ты ведь упорство проявляешь – и не тогда, когда надо! Вы с Войцехом засветились! Нас выследят со дня на день! А у нас денег нет документы достать! У нас оружия защититься нет! Ничего нет! Нам есть нечего! Пиши!

– Не стану я лгать!

Она гордо вскинула голову, сцепив сложенные на коленях руки, открыла горящие губы и блеснула глазами – старается меня отвлечь, но у нее не выйдет.

– Не надо мне изображать такого, когда нам есть нечего! Ты что, не понимаешь, что другой вариант – грабеж на большой дороге?!

Она возмущенно вздернула плечами.

– Нет, ты никого не ограбишь. Ты должен получить деньги другим способом. Ты придумаешь другой способ добычи денег – честный.

– Как я его придумаю, если его нет?! Деньги на дороге не валяются! Такие деньги – точно не валяются! А нам нужно много и немедленно!

– Не втягивай меня в грязный обман!

– Да мы все давно в него впутаны! У нас нет выбора, нет вариантов! Мы выкинуты из системы! Мы вне закона – и не можем действовать в законе! Мы можем только выживать – так, как только можем!

– О боже... Я не верю, что нет другого способа, Вольф...

– Пиши! И радуйся, что в таком варианте люди тебе добровольно деньги отдадут! И утешься тем, что вранье наше – не просто похоже на правду, а близко к правде больше, чем хотелось бы! И еще... Завтра пойдешь у пана Влодека деньги просить.

– Вольф, нет... У него ничего нет... Он дряхлый и больной...

– У таких больных и дряхлых обычно и бывают припрятаны сбережения на черный день или на похороны. Убеди его, что для него нет большой разницы, на каком кладбище его похоронят! А у нас стоит вопрос, подохнем мы от голода или нет, и его решение – имеет значение и для нас, и для него!

– О боже... Вольф, это ужасно.

– Будет ужасно, если он не даст нам денег!

Оставил Агнешку смотреть на монитор в печальных раздумьях о моих махинациях и отвел в сторону Войцеха, еще не отошедшего от нашего вчерашнего хмельного веселья.

– С этого дня я тобой серьезно займусь. Начнем с оружия.

– А что с оружием, Ян?

– Отдай его мне.

– А у меня его нет.

– Войцех, кончай с враньем и давай оружие.

– Ян, я не врал... у меня нет оружия. Я, и правда, с прошлым покончил и... грузчиком пошел.

Я сокрушенно резанул рукой воздух.

– Не врал... Твою ж...

– Ян, я не пойму... Ты что, не рад, что я тебя не обманул?

– Никак не рад... Ты лишил меня последней надежды!

– Надежды – на мою ложь?

– Да, Войцех! Говори честно, у тебя вообще огнестрельного оружия нет – никакого?!

– Никакого. А холодное...

– Плевать мне на холодное! Холодное и у меня есть – мой старый заказной клинок и несколько простых ножей! Противнику и писчую ручку метнуть можно в глаз при нужде! Только меня не радует мысль, что к нему так близко подходить придется! А черт... А связи у тебя есть?

– Не так, чтобы прям...

– Знаешь кого, вроде пана Мсцишевского?

– Нет, Ян... Он же человек знатный. Он меня только оттого, что выбора не было, к себе взял.

- Войцех! Я не о его гербе говорю! Передо мной тебе бестолочью не прикинуться!
- Ты что меня оскорбляешь?!
- Не время гордиться, Войцех! Отвечай!
- Нет, Ян. Я здесь тихо себя вел, я же тебе говорил.
- Вот как... Страна богата на призирающих закон людей – здесь собраны особо изощренные преступники! Здесь лучшие из лучших – из всех! И ты – не знаешь никого из них?!
- Нет, Ян. Я ж завязал...
- Нашел время завязывать!
- Я думал...
- Ты не думал! Тебе Агнешка мозги промыла!
- Ты сказал мне тихо притаиться – я так и поступил, Ян.
- Черт... Прямо, все не так, как надо, не тогда, когда нужно... А черт! Надо устанавливать надежные связи. Трудно нам будет задачу решить – дело времени требует, а его у нас в обрез. У тебя хоть зацепки есть? Хотя какие-то выходы на кого-то?
- Ян, не знаю я здесь никого. Я вообще Варшаву не знаю. Это ты – знаешь, а я... Я же только – с работы на работу и ходил. Еще и в пивную иногда... и еще порой с Агнешкой пройтись.
- Что ж ты пассивный такой?!
- Такой вот... спокойный.
- Ничего, добудем оружие. Есть несколько вариантов. Первый, – найдем серьезных людей. Тогда спокойно получим и немецкие штурмовые винтовки, и английские автоматы. Второй, – найдем старое коллекционное оружие. Со второй мировой войны можно взять автоматы.
- Шмайсеры?
- Шмайсеры.
- Такое оружие деактивировано серьезно.
- Достанем оружие, деактивированное для вида.
- Стволы все равно менять придется – они надсечены все. Иначе никак, Ян.
- Войцех, найдем такие, что ничего менять не придется. При хорошем раскладе – вообще ничего не надо будет делать. Разве что – забить рожек и передернуть затвор. При плохом – разобрать три не совсем изувеченных автомата и собрать один боевой.
- Только денег нет.
- Верно. Для двух вариантов деньги требуются большие. Не добудем денег – придется ограничиться третьим вариантом. Он на крайний случай отложен.
- Что за вариант?
- Сделаем себе оружие из подручных железок.
- Поджиги – штуки ненадежные.
- Я не про обрезы труб, забитые гвоздями! Сделаем старые британские автоматы. Стен Ганы. Не так это и трудно – у меня схемы на руках. Простая конструкция. Британцы второпях из водопроводных труб такие автоматы штамповали... и немцы, когда под конец войны обнищали, у них технологию переняли, внося небольшие изменения, – рожки не сбоку, а вниз поставили. Немецкий вариант мы и рассмотрим. Токарь только для нескольких частей нужен будет. Ему навром, что для других дел детали нужны, – и выточит без вопросов. А рожки купим коллекционные – на них денег достанет.
- Ян, ты что, серьезно это?
- Нет, не серьезно. Войцех, инструмент есть?
- Значит, все же серьезно?
- Инструмент есть?!
- Есть кое-что...
- Кое-что – не подойдет. Придется ночью в мастерскую какую-нибудь заглянуть.
- Ты что, инструмент украдешь?
- Нет, временно позаимствую – верну позже при возможности.
- Может, попросим и...
- Хочешь просить – проси, а я – просто сопру.

– Ян, а я что-то не понял... Ты вот меня все осуждал – не дело бить, не дело брать... А ты только так и делаешь все.

– При нужде. При крайней нужде.

– Ян, я понимаю, что ты государству служил, только... ты ж бандит обычный... вернее, – выдающийся.

– Войцех, запомни раз и навсегда – я человек с преступными наклонностями во благо одним людям и во вред – другим. И нашим я не строго определенное время верой и правдой служил, а продолжаю служить – пусть и не во всем им веря, и не во всем обходясь с ними без вранья. Я ни шагу против наших не ступлю, и, коль придется, – кину все и вернусь! И мне плевать, к стенке меня поставят или в чисто поле проводят – я вернусь! Понял?!

– Нет, не доступен мне такой ход мыслей, Ян. Я или с одними, или с другими – это мне ясно. А ты...

– Я боец тишины – я всегда мечусь в тени меж всех огней мира, Войцех. Я – “волк”. А “волки” – звери, пусть и не простые, но – преданные. Все. Пошли в лес. Ты тренироваться будешь, а я – приклады искать.

– Да мы до леса доберемся только...

– Машину угоним – и быстро на месте будем.

Войцех отвернулся, отчаянно вскидывая руки.

– Ян, ты что, толкаешь меня на прежний путь?! Ты что, не слышал?! Я же сказал! Я порвал с прошлым!

– А я что, сказал, что ты машину угонишь?! Я угоню!

– Ян, это же все равно, кто из нас...

– Мне плевать, что ты обо всем этом думаешь! Так что держи мысли при себе! Идем!

– Что за бес ты, Ян?!

– Хромой бес! Слышал о таком?! Он из тех, кто не гнушается подслушивать и подсматривать за такими, как ты! Идем!

Оставили Агнешку, пустившую слезу над своим душещипательным сочинением, и отправились искать лесные чащобы или хоть чахлый пролесок. По ходу присматриваю машину и металлический мусор, похожий на то, что мне нужно. А Агнешка... Она порог перешла – теперь постарается. Скоро на счет франкфуртского священника деньги стекаться начнут – он помочь согласился, все через свой счет пропустив. Священник не против такого дела с пожертвованиями – провернет все, как надо.

Глава 9

Войцеха я не жалел – гонял, как следует, и он с ног валится. Правда, и я его гонять устал – не легкое это дело. Инертный он – без мощного пинка ему покоя не преодолеть. Я на его разгон затратил столько энергии, что... Рухнули оба под одним деревом, сбрасывая мокрую одежду и обтирая ею пыльные лица.

– Ян, вечерет уже. Надо сворачиваться.

– Рано еще.

– Я больше не...

– Никаких – нет! Только – так точно, есть!

– Ян, да я сдохну...

– Я тебя на выносливость и тренирую – не выдержишь ты длительных нагрузок, а должен. Не думай, что я не буду с тебя требовать ничего больше короткого силового рывка.

– Но я только так и могу.

– Ничего подобного.

– Тяжелый я, мощный. Ты из меня такого, как ты, не сделаешь.

– Буду тебя сушить, пока не высушу.

– Я тогда все силы растеряю.

– Будешь ты у меня и сильным, и выносливым.

– Такого не бывает.

– Я тебе докажу, что бывает. Только обожди. Ты у меня будешь бить, как медведь, бегать, как волк, и летать, как ястреб. Я тебя и думать научу. Научу всему, что знаю... всему, что узнаю.

– А что это так, Ян?

– А что?

– Не похоже на тебя – секреты свои открывать... скрываешь ты все, страхуешься всегда.

– Когда выбор есть.

Войцех вдруг обрадовался – такой глупой всепоглощающей радостью.

– Ты что, мне доверяешь, Ян?

Показал ему крепко стянутый шурупами коленный фиксатор и туго обвязанные бинтами запястья.

– У меня выбора нет.

– Все равно – доверяешь ведь!

– Да.

– Я оправдаю доверие, Ян! Ты не думай, я не подведу!

– Да уж постарайся.

Войцех серьезно и насупленно задумался, опустив голову... повернулся ко мне.

– Ян, давай поклянемся.

– Что? Это еще что такое?

– Давай дадим братскую клятву.

– Да ты что?

– Это крепкая клятва, Ян, – крепче всех воинских.

– Войцех, это...

– Ян, у меня никогда не было никого... а должен же быть кто-то... у каждого – должен.

– Я тебе готов быть командиром... товарищем.

– Мы такие друзья и в таких обстоятельствах, что должны быть братьями, Ян. У тебя есть брат, Ян?

Я задумался, но разом разогнал тоскливые мысли.

– Нет.

– А кто у тебя есть? Кто тебе плечо подставит в беде, кто позаботится?

– Есть вроде кто-то, но как-то так... будто и нет. Тренер у меня был... только спился он. Командир был... но он умер. А начальник мой... подвел я его.

– У меня ведь все так же, Ян. Меня же за всю жизнь лишь один отец мой в корыстных целях не пытался использовать, но его в живых нет уже.

– Видно, извергом твой отец был тем еще, раз ты меня своим братом готов назвать.

– Ты прав – он таким был, извергом... только не совсем ведь.

Я с сожалением посмотрел на могучего, но неприкаянного парня, просто не знающего, куда ему немеренную силу приложить, и постоянно попадающего в передраги из-за людей, указывающих ему неверное направление. Всегда я солдат жалел до того, что сердце щемило, – ведь вся жизнь их от личных качеств командира зависит... с одним офицером они и в мирное время пропадут, а с другим – и в военное время невредимыми останутся. К одной цели можно разными путями идти, одни задачи – разными методами решать, один результат – разными способами получать. И подходы, и средства – все имеет значение. Взять хоть Жукова и Рокоссовского – оба великие, а... Один людей жестко в расход пускал, смотря только вперед, а другой – к людям строг был, но берег, не пренебрегая круговым обзором. Умный он был – Рокоссовский, а Жуков – больше безжалостным упрямством брал. Я так всегда считал.

– Эх, Войцех, уговорил – убедил, вернее. Считаю меня отныне старшим братом, боец. И слушайся – делай все, что я говорю, точно так, как я говорю. Как командира слушайся. И девушку мою не трогай. Ясно?

Войцех полез ко мне с медвежьими объятьями, я сдержанно стукнул его по плечу.

– Довольно. Надо металлолом искать. Вставай давай.

Глава 10

До ночи возились вместе с Войцехом с подобранными на свалке железками. Расположились у окна и разложились на полу. К негодованию тяготеющей к чистоте Агнешки мы умудрились заделать все вокруг оружейной смазкой, коррозийной осыпью и железной стружкой. Она нам мешает, стараясь навести хоть какой-то порядок, а мы мешаем ей, мусоря сильнее и распространяя загрязнение с захватом ее территорий. Наше общее возмущение дошло до предела, и мне стало понятно, что с ним пора покончить нашим совместным весельем. Откупорил бутылку, отобрал у девушки необходимую нам с Войцехом пружину, которую она собралась вышвырнуть в окно, кажется вместе с нами, и бросил пружину в бутылку.

– Все, хватит! Смотри, что ты наделала! Довела нашу нужную пружину до отчаянного поступка! Так не доводи ее до безвременного конца! Мы с Войцехом не позволим ей так счеты с жизнью свести! И тебя заставим с нами утопленницу из воды вытаскивать! Я ныряю первым! Остальные – за мной!

Девушка в негодовании дернула головой – резкому движению последовал дождь ее волос, обдавший ее плечи золотом и... Что же ты со мной делаешь, Агнешка? Стоит тебе подойти ко мне на расстояние выстрела в упор, и я... дурак дураком.

– Вы еще и напьетесь!

– Мы все напьемся, красавица моя!

– О боже... Я сделаю все, что угодно, – только бы не вдыхать этот запах, не слышать этот скрежет и не видеть этих железок!

– Не трогай! Где выбрасыватель?!

– Какой выбрасыватель, Вольф?!

– Крючок такой... Где-то здесь должен быть... был здесь.

– Не знаю я, где твои крючки!

Агнешка вырвала у меня бутылку и, гордо запрокинув голову, отчаянно опрокинула в горло. Мы с Войцехом замерли, не ожидая от нее такой выходки. Только, в отличие от встревоженного поляка, меня обуял дикий восторг.

– Какая же ты у меня...

Войцех, насупившись, толкнул меня, обомлевшего от восхищения, в плечо, и я кинулся вырывать у разошедшейся девушки бутылку.

– Все, хватит. Хватит тебе.

– Думаешь, я хуже вас?! Думаешь, со мной можно не считаться, если я ничего не смыслю в этих ваших железках?! Да я вашего выбрасывателя специально от гильзы не отличаю! Я девушка, а не дура! А вы оба – тупые, как ножи у меня на кухне!

– Да заточим мы тебе ножи... и грязь вытрем, и пыль сотрем. Ты успокойся только!

Агнешка перехватила мою, заведенную за спину, руку... и схватила бутылку.

– Ты даешь мне обещания, не думая их исполнять! Для отписки даешь! Конечно, мне сойдет и так! Я же всего только – глупая девушка, созданная только для твоего веселья!

Она припала к горлышку горящими губами... и хлебнула, хорошо хоть не чистого, спирта. Вконец разозлившись и разгоревшись, девушка облила водкой ржавые железки. Она стукнула каблуком заготовку ствольной коробки, расплескивая огненную воду, и зловеще рассмеялась.

– А я не нервничаю! Это вы! Посмотрите на себя оба! На вас лица нет!

Мы с Войцехом переглянулись, но обмен взглядами нам обстановку не объяснил. Агнешка рассмеялась еще надрывнее, надсаднее.

– Вы что на меня смотрите, словно впервые видите?! Будто вы оба меня такую не видели?! Вы меня и не такую видели! И не в таком виде видели!

Она отбросила волосы за спину и с надменной усмешкой начала расстегивать полупрозрачную рубашку.

– У тебя нервы сдали просто. Ты успокойся.

– А я спокойна! Как солдатская девка спокойна! Да, вы из меня солдатскую девку сделали!

Мы с Войцехом перепугались, только, что делать, еще не решили.

- Агнешка, не тебе на нас обиду держать... если уж так – ты нас обоих обошла.
- Да, я! Я всех обошла и во всем виновата! Ведь мне все равно, что вы в ваших траншеях все между собой делите без обид и без борьбы – все, даже меня!
- Да ты что делаешь?! Ты что на нас обиду держишь?! На обоих?!
- Какой же ты умный, Вольф! Еще умнее Войцеха!
- Ты что? Думаешь, мы должны из-за тебя друг друга до смерти бить? Нет, не было и не будет такого – встал у нас один вопрос, мы его решили, как бойцы, как братья.
- А я не в счет!
- Как же? Ты вспомни, что ты нам с ним драться не дала. Да что ты хочешь, в конце концов?!
- Никак не додумаешься, что мне нужно?! А мне нужна только – любовь!
- Я, ухмыльнувшись Войцеху, охватил ее тонкую талию.
- Да хоть сейчас. Так бы сразу и сказала.
- Она схватила и отвела мою руку со злом, разгорающимся в ее глазах все ярче.
- Ты даже не знаешь, что такое – любовь! Ты думаешь, что все начинается и кончается в постели!
- Ты что, хочешь меня на колени поставить и заставить просить прощения, каясь в том, в чем я не виноват?! Хочешь слова – такие же красивые, как неправдивые?! Не дожدهшься! Не жди от меня ползания на коленях перед глупыми девичьими мечтами!
- А я и не жду! От вас всех ждать нечего! Мне все о вас наперед известно!
- Она сбросила рубашку и заломила руки за спину, стараясь одолеть следующую застежку. Я охватил ее плечи и руки, не позволяя ей и шелохнуться. Только девушка вырывается все отчаяннее.
- Достаточно. Не рвись, дура!
- Она застыла, выпрямившись и высокомерно смотря мне в глаза.
- Это вы! Это вы со мной сделали! Что вы со мной сделали?!
- Успокойся.
- Я не могу так жить! Я живу со зверьми! И даже не знаю – живу я в волчьем логове или в медвежьей берлоге! Я не могу так жить! Не могу жить с оружием и с ложью!
- Агнешка, мы же защищаем тебя!
- Я так не могу! Это вы можете! А я не могу! Я уйду от вас! Я уйду от вас!
- Агнешка, я тебя отпустить не могу. Я тебя не пушу.
- Будешь меня со своим Войцехом взаперти держать?! Будешь силой брать?!
- Да ты что говоришь?! Знаю я, что тебе тяжело! А о нас ты не думаешь?! Думаешь, тебе одной здесь больно, что ты одна здесь боишься?! Мы все не в порядке! Только мы будем все невзгоды терпеть – и все преодолеем! Все вместе – все втроем! Ясно?!
- Я встряхнул ее, охватывая ее плечи крепче.
- Я, ты и он – разные люди... но мы вынуждены стать родными людьми! А родных не выбирают! К ним приходится просто привыкать! Поняла?! Нам придется привыкнуть друг к другу! И помни, что главное, – не блистание благородной добродетели! Главное, – что мы будем друг с другом, что бы ни было, что бы нас в будущем ни ждало! Ты поняла?! Пойми ж, наконец! Мы не оставим друг друга, что бы ни произошло!
- Мне страшно, Вольф! Мне так страшно! Все время страшно! Я думала, что ты вернешься и все кончится! А ничего не кончается! Мой кошмар не кончается, Вольф!
- Стоим втроем, братски обнявшись, – нам остается только надеяться, что наш кошмар кончится прежде наших жизней... остается только жить с ним, изо всех сил стараясь не сдаваться ему.

Глава 11

Ночь не задалась, и я, сдвинув очищенные от ржавчины трубки, бросил одеяло на пол, свалившись спать с Войцехом. Только заснуть, несмотря на усталость, никак не выходит. Агнешка тихо всхлипывает, отвернувшись к стене и уткнувшись лицом в подушку. Ничего у нас с ней этой ночью не получилось. Она настояла, и я не стал скрывать от нее страшные шрамы. Только такой открытой правдой я напугал ее. Растравил ей душу пуще прежнего. Кислотные ожоги и

оставшиеся под кожей осколки похожи на сыпь или нечто такое. А сигаретные ожоги не спутаешь с простой заразой – с ними все ясно, они явно свидетельствуют о жестком насилии, как и следы веревок у меня на руках. Сцепил зубы, стараясь не думать о вконец одолевшей меня боли. Ночью всегда больнее. Нет, перед сном с ранами все не так, как перед грозой, когда падает давление, – просто перед сном ничто не отвлекает от боли, и она становится четче. Стараясь отогнать ее, включил компьютер и засветил экран.

– Подъем, Швед! Дело к тебе появилось.

– А я не сплю, Охотник.

– У вас ночь вроде.

– А я не сплю.

– Что так?

– Дел по горло и... Такие дела, Охотник...

– Что, не так что-то?

– Давай на другую линию перейдем. Я тебе данные на старом месте оставлю.

– Договорились. До связи.

Переключился на линию надежнее прежней и перешел на шифр сложнее старого.

– Давай к делу – не тяни, Швед.

– Травят меня, Охотник.

– Кто?

– Наши. Шведы то есть...

– Уверен?

– Да. Конеч мне, Охотник.

– Выкладывай давай.

– Вейкко не вернулся и на связь не вышел. Неизвестно еще точно, только... верно, – на него свои вышли и взяли его на нашей – русской – территории.

– Не вяжется что-то... не должны были так вообще поступать.

– Я не знаю, что происходит, Охотник... только все не так, как прежде пошло.

– Верно, все с ног на голову в последнее время встает. А ты на ногах стоишь или как?

– Или как. Охотник, за мной чужие следят, а у нас словно ослепли все!

– А ты уверен, что не просто подозрительное направление проверяют или еще что?

– Уверен. Следят за мной серьезно, Охотник. Меня схватят, как только случай...

– Не темни. Мутна вода, Швед.

– Это охота на хакеров. Мы все ждали ее начала – и вот, началось! Меня или в тюрьму или... совсем – на тот свет!

– А ты уверен, что серьезно так... Наши заметили бы, если бы что-то серьезное случилось.

– Охотник, – об этом я речь и веду... Никто ничего словно не видит – только я их, чужих, видел. Серьезно за меня, видно, взялись – воду вокруг замутили. И я не знаю, как мне из этой мутной воды сухим выйти.

– А ты сухим и не выйдешь. Только мокрым и грязным, но все ж – не мертвым и гнилым.

– Согласен. Но я не знаю, как не сгнить в нашей – шведской – тюрьме.

– Я знаю. Надо тебе когти драть, если все так обстоит скверно.

– Мне некуда идти.

– Всегда есть, куда идти, когда есть дорога.

– Мне все пути перекрыли.

– Все пути и нашим – русским – перекрыть непосильно.

– Следят за мной постоянно – и прячутся.

– Тебе ж на руку, что – прячутся. Ты, главное, подожди нервничать – они только того и ждут, что у тебя нервы сдадут.

– Да ты что?! Да я под арестом, считай!

– Компьютер у тебя не отобрали – ты, считай, волен. Когда он при тебе, – ты вооружен и, считай, всем ветрам товарищ. Он тебя и накормит, и напоит, и спать положит, как меня – мой пистолет. Не дергайся.

– Сказать просто, Охотник! Только что мне еще делать осталось?! Что мне делать, Охотник?!

– Скажу. Позже. Сейчас тебе по сторонам смотреть надо, молчать и ждать, пока я проверю сведения. Подтвердится информация с финном – я задачу решу. А пока мне открывалка нужна средней сложности.

– Сейчас?

– Срочно. Главное, – с автоматическим поисковиком паролей и переводчиком шифрованного текста.

– Ясно. Сделаю.

– На старом месте оставь. Конец связи.

Пришлось задействовать мощную “открывалку”, отложенную на черный день, и вскрыть данные управления, используя левые связные линии. Швед мне правду написал – про Вейкко. Только все еще хуже, чем Швед думает. Он под подозрением, что Вейкко пропал и попал в тюрьму финскую, и про недоверие речь заходит. Шведа, похоже, и друзья и недруги намерились серьезно травить. Что ж, втянули его обстоятельства в грязные дела, я его – вытяну... и их – обстоятельства – в грязи утоплю. Устраню их так, что от них и тени не останется. Наши, ставящие Шведа под подозрение, – не “волки”, они – “псы”. Тупые подлые службисты, ползающие перед людьми на брюхе и поджимающие перед “волками” хвосты. Не знают они еще, что воевать им – с “волком” предстоит. И шведы, охотящиеся на моего товарища боевого, – не знают. Правил в таких схватках нет, и вопросы пощады в таких делах не стоят. Я пройду по их хребтам так же жестко, как они по хребту Шведа пройти намерились.

Решил еще в сети все последние происшествия просмотреть в поисках прослеживающихся с делами управления связей. Вроде все сходится. Что ж, я должен был убедиться, что не деза все... что не я в деле, что не меня отслеживают через мои связи. Правда, мои контакты, которые я от чужих глаз намеренно прикрываю, проследить непросто. Про то, что я со Шведом связь и в свободное время поддерживаю, не известно никому, кроме Шведа и... Вейкко. Швед надежный человек – я ему доверяю, насколько способен доверять человеку. Да и финн не подведет – он духом крепок и молчун редкий, что мне на руку. Нет, не выдадут они меня, не выйдут через них на меня... не зацепят меня на них, как на крючок ни наши, ни чужие. Тогда – вперед, выручать товарища.

– Швед, время не тяни, вещи бери и деру давай. Получишь от меня контакт в Москве надежный. Данные оставлю на нашем складе среди хлама старого. Поищешь – найдешь.

– Понял.

– Только денег у меня нет. А тебе денег до черта нужно будет.

– Я достану.

– Не светись сильно со взломами.

– Я скромный, Охотник, никогда и нигде не свечусь.

– Это – в виртуальном мире. А в – реальном... Швед, ты весь в проколах и волосы у тебя на голове колючками красными стоят.

– Краска смывается, а от железок сложнее избавиться будет – дыры останутся, если снять.

– Грим придется применять. Так я шрамы прячу – и ничего. Как только документы получишь, – в Берлин вылетишь. Долетишь – документы поменяешь и окончательно с чужих глаз пропадешь. Я тебе адрес дам – там тихо жить и ждать останешься. Ясно?

– Да, понял.

– Конец связи.

Я загасил экран. Голова кругом пошла... беда за бедой – без остановок. Как бы мне не сдать совсем, как бы со всем справиться. А всего хуже – сведения о вирусной инфекции, вгрызшейся немцам в легкие. Наткнулся на них в сети – и сразу понял, что не чисто с ними. За террор, в основном, внедрение вируса выдают – только тут не террор, как написано, а вражеская атака... и не с той стороны, с которой написано. Нет, никто у нас вируса не крал... и не создавали у нас такой заразы. Не наш вирус. Просто, стравливают нас с немцами и... нас всех стравливают наши враги. Черт... Еще мысли в голову приходят, что надо отменить полет Шведа, что его шкура в нашей или шведской тюрьме сохраннее останется. Правда, немцы пока справляются –

распространение вражеского вируса они пресекли. Перекрыли зоны поражения – и порядок. Изведут они заразу – скоро... а из нашей или шведской тюрьмы Шведу скоро не выйти.

Войцех стукнул меня по плечу, тревожа оставшиеся осколки, похожие на железную пыль.

– Ян, ты не спишь?

– Нет.

– Ты из-за нее так, да?

– Да все так – скверно.

– Не бери в голову, она привыкнет. Знаешь же сказку такую про красавицу и чудовище... привыкла же красавица к зверюге в конце.

– Ясное дело – сказка же. А в сказках всегда так – не так, как есть.

– Не знаю, Ян. Сказки ведь всем детям читают... и не просто же так. Нам всем добрыми историями мозги прочистили... и они добрый след в душе у всех нас на всю жизнь оставили – особенно у тех, кто к добру всегда склонен был.

– Ты что, Войцех, в торжество добра веришь?

– Не знаю, Ян. Мне казалось, что не верю, а оказалось, что все-таки – верю. Вернее, я не верил, а вышло, что зря не верил.

– Я не понял ничего.

– Видишь, как все получилось хорошо, а я и не думал никогда, что все так получится.

– А что хорошо?

– Все вокруг хорошо, Ян. Ты и Агнешка – хорошие... и жизнь у нас – хорошая, хоть и трудная.

– Рад, что хоть ты кусок своего счастья за хвост схватил.

– Не кусок и не за хвост... все схватил и навсегда. Я его не отпущу – свое счастье... и никому, ничему у меня его не отнять.

– Даешь ты, Войцех... Не ждал от тебя такого.

– А никто не ждал – даже я от себя такого не ожидал. Думал, так и сгнию с другими отбросами общества, а оказалось, что и я кому-то хорошему пригожусь и на что-то хорошее сгожусь... что у меня и моих дел может быть будущее.

– Даешь ты, мечтатель...

– Всегда мечтал, что буду смотреть на звезды и говорить с братом обо всем, что в голову придет...

– Какие звезды, Войцех? Окно пыльное и небо неясное...

– А какая разница, какое окно и небо? Звезды все равно в небе и все время светят нам, хоть мы не всегда видим их свет. Они, как мы, – звезды... как ты и я.

– Да, наверное, ты прав. Ты прав, Войцех. Что ж, вставай – пошли незаметно светить спящему городу нашими ясными звездными лучами, замурованными за подозрительной внешностью.

– А куда мы?

– Совершим разбойничий рейд по садам. Пришло время охоты на цветы.

Войцех растянул рот от уха до уха.

– Агнешке цветочки рвать пойдем?

Я, стиснув зубы, коротко качнул головой.

– Отчасти.

– Как это?

– Так, что ей мои цветы предназначены – только отчасти. Ей – вершки, а кое-кому – корешки...

Глава 12

Пробрались в темноте к зарослям примеченных мной прежде растений.

– Войцех, берись за лопату. Здесь копай – под этим кустом.

– А что это?

– Не важно. Ты, главное, руками корень не трогай, а если стебли или листья тронешь – руки в рот не суй и глаз не касайся.

– Ядовитое растение, да?

– Еще какое. Только об этом немногие знают. Мало кому известно, что эти четыре растения, разводимые для вида, смертельно ядовиты. Их обычно “волчьей отравой” называют.

– Волков ими травят?

– Нет, Войцех, “волки” ими травят.

Поляк замер в тусклом свете отдаленных уличных фонарей.

– Ты что, отравить кого-то собрался?

– Посмотрим, как дело пойдет. Ядовитые вещества никогда не повредят – их под рукой всегда держать следует. А меня ныне государство отравляющими веществами не обеспечивает. Копай! Давай живее!

– А что с ними делать?

– Это растение смертельно ядовито, как и остальные три. Его корень – содержит наиболее опасный и сильный яд. При правильной обработке мы сможем получить – убийную отраву. Этот корень – в спирте выдержим. Сильнейший яд получим... как настоится он – мы сможем роту замертво каплей спиртового раствора завалить. А часть этого корня – в воде выдержим, и настой в склянку сольем, часть – высушим и измельчим, в воде растворим и воду выпарим. Этот яд слабее будет. Зато мы сможем его и в питье подмешать, и в вену вколоть, и в воздухе распылить. Надежнее всего – в вену запустить или в глаза распылить... всегда работает безотказно.

– В глаза распылять надо?

– Из лекарственного ингалятора можно – просто мимо проходя. Брызнешь в глаз – яд быстро в голову ударит с высокой концентрацией. Пойдет напрямик в мозг – и без потери мощности. А через легкие отравление мягче и медленнее пройдет.

– А через кровь?

– Наповал и надежно. Только сложно колоть – и след остается. А нам не стоит с судебными экспертами связываться и на размышления их наталкивать. Они и без того яд обнаружат. Наша задача – не позволить им разобраться, как и каким образом произошло отравление.

– Ты все про яды знаешь, Ян?

– Не все, но достаточно для свободного использования. Я знаю, откуда какой яд получить, как какой яд применить... знаю, как происходит отравление, какие следы оставляет. При нужде я могу полностью разрушить тело человека – и все при помощи подручных химикатов. Можно вывести из строя центральную нервную систему, остановить сердце, свернуть кровь – и все тем, что валяется у тебя под рукой каждый день.

Войцех, осмысливая сказанное, уставился в землю.

– Ян, а ты много людей убил?

– Людей – нет, а врагов и объектов – да.

Он посмотрел мне в глаза с несвойственной ему задумчивостью.

– А ты врагов совсем за людей не считаешь?

– Если бы считал – не служил бы в управлении.

Войцех долго и сосредоточено соображал в молчании и, в конце концов, отбросил недодуманные мрачные мысли.

– Ян, страшно быть твоим врагом... только и другом твоим быть боязно.

– Что так?

– Да припрет горло промочить, а у тебя в спирту отравы выстаивается.

– Это точно. Ты это учти. Что попало в рот не таяни.

– Ян, а я это растение знаю – это безвременник осенний... Он что, тоже ядовитый?..

– Смертельно. Одна вода, в которой он стоит...

– Да ты что?! И какой же в нем яд?!

– Не скажу я тебе всего – нельзя так. Ты или название растения знаешь, или его вид, или яд, содержащийся в корнях. Всего тебе про это знать нельзя. Ты с ядами дел не имел и иметь не должен – это мое поле деятельности, ты тут просто так, как помощник.

– Ян, ты же сказал, что все, что знаешь, мне расскажешь.

– Все, что знаю, и все, что тебе следует знать. Про эти мои дела тебе всего знать не следует.

Черт... Это еще что? Агнешка?

Она заметила мой пристальный взгляд и вышла из темноты. Бредет одна по пустынной улице, обхватив плечи руками и боязливо озираясь по сторонам, – направляется напрямик к нам. Видно, проснулась, нас искать стала – не найдя, испугалась... поняла, что осталась одна, – и пошла на поиски. Я мысленно нахмурился от такого своеволия девушки. Право, не умно она поступила, меня послушавшись, – словно не понимает, какой опасности себя подвергает, расхаживая в одиночестве по ночам... а я ей объяснял неоднократно. Но что теперь? Не пороть же ее. Грубостью я свою девушку только из себя выведу. Она такая же хрупкая, как – гордая... таких силой проще в порошок истолочь, чем подчинить. Ничего, цветами засыплю, на руках потаскаю – и страх, и печаль, как рукой снимет... и она станет послушнее. Буду ей мозги вправлять другими методами – теми, которые должным образом окажут воздействие. Эх, радуйся, Агнешка, что я к таким коварным мыслям приучен – иначе плохо бы тебе пришлось.

Глава 13

Уложил, наконец, приголубленную мной девушку спокойно спать. Покинул ее и прокрался тихонько к Войцеху, покорно строгающему ядовитые корешки. Подключил компьютер и вошел в базу данных больницы, банку крови которой Войцех так угрожал. Нашел нужные сведения и нужных людей, которым досталась кровь Войцеха заодно с черт знает какой заразой. Начал последовательно пробивать зараженных.

– Вашу ж...

– Что, Ян, плохо дело?

– Еще как... Людей, получивших кровь с каверзной заразой, не так много, только опасных связей у них не так мало. Они со страшной скоростью ширят круг поражения и сильно затрудняют нам решение задачи. Этот – боец, участвующий в подпольных боях без правил. Обмен кровью в таких битвах обеспечен быстрый. Еще и подружки у агрессивных парней активные – нам и их связи отслеживать придется. Черт...

– Да ничего еще, Ян. Не так часто бои подпольные проходят – не просто нелегальный бой организовать. И калечат бойца каждый раз изрядно – он не каждый раз на ринг выходит.

– Разведем скоро, сколько раз с тех пор боец этот бился и кто его противником был. Меня больше другой человек беспокоит. У этого – три покинутых жены и четыре нынешних подружки. При этом посещает он их всех частенько. А они, как видно, не скромницы. Плюс – только одна из них не замужняя. Значит, надо проследить и связи их мужей, и связи их приятелей. Черт...

– Ничего себе... семь сразу.

– Не сразу, Войцех.

– Все равно... Как он с ними со всеми управляется?

– Да вот управляется как-то. А следующий – еще круче. Этот – и к девочкам, и мальчикам шастает.

– В смысле?

– К шлюхам он ходит, Войцех, – к шлюхам всех видовых категорий. С ним сложнее всего справиться. Нам с расспросами светиться нельзя, а иначе концы найти непросто станет.

– А еще кто в списке?

– Санитар, трудящийся в городском госпитале, столовский повар и тюремный надзиратель. Они в группе риска, но о них можно подумать позже.

– Ян, а мы что, всех их убирать будем?

– Придется всех ликвидировать. Такими действиями мы на след преследователей наведем, только деваться нам некуда. Утечка произошла значительная, известно о ней нам одним и устранить последствия нам одним под силу. Мы обязаны пресечь распространение неизученной заразы, избавившись в первую очередь от наиболее активных распространителей.

– От кого, Ян?

– От агрессивных и сексуально активных объектов.

– Людей?

– Объектов, Войцех. Называй вещи своими именами.

- Ян, люди – не вещи... и они – люди, а не объекты.
- Мы, бойцы тишины, таких людей обозначаем – “объект”.
- Я так не могу.
- Можешь-не можешь – сделаешь. Они заражены и распространяют экспериментальную заразу.
- Они не станут распространять, когда узнают, что заражены.
- Они не узнают. Создание этой инфекции – секретный проект, и утечка сведений о нем не нас одних под угрозу поставит. Война идет, Войцех! В ней до черта государств участвует, в нее до черта людей втянуто! Ты что, не понимаешь, в какие условия мы угодили и в каких обстоятельствах действуем?!
- Нет, Ян... не понимаю.
- Ты что, думаешь, что все диктаторы по всей земле по сговору решили погибнуть от схожего поражения кровеносной системы и подобных болезней?!
- Это же обычные болезни...
- А что их вызывает, ты не думал?! Ничего без причины не бывает, Войцех! Такие болезни возникают от поражения тканей на уровне ДНК, а вызывает их жесткое излучение, повреждающее коды человека, или – вирусы, внедряющиеся в них! Это не просто так происходит! Эти патологии инициированы вирусными агентами, примененными врагом!
- Ты что, Ян? Это правда?
- Правда. И Африку не просто эпидемия поразила. Это испытания нового оружия – нового вируса. Его готовятся на наши территории перекинуть. Только мы к этому готовы. Мы защитим наши земли и не позволим врагу захватить их – погрузить их в хаос и установить над ними контроль.
- Я не знал, что дела так обстоят, Ян.
- Почти никто не знает еще. Только мы – в деле, а не в стороне, так что нам дела из головы и из рук выпускать нельзя.
- Выходит, в итоге выживут только те, кто заполучил вирус-целитель?
- В худшем случае – в случае потери контроля врагом над своим вирусологическим оружием. Такое возможно. В плане врага очаговые поражения вроде точечных ударов, но может произойти утечка с распространением поражения на не запланированные территории. Враг имеет средства контроля своего оружия, но вирус можем измениться и выйти из-под контроля.
- Ян, а, может, нам не надо зараженных ликвидировать? Они же – целительным вирусом поражены.
- Он только в стадии проверки находится – он опасен. Не нам решать, когда и как его применять – это решение за вирусологами и правителями. Мы должны только зачистить следы, раз наследили.
- Жалко, что из-за нашей глупости люди страдают.
- Что есть, то и есть – и нет смысла совестью мучиться. Произошло событие – обсуждать его и спорить о нем поздно. Нам надо действовать – устранить активных переносчиков вируса.
- А кто они?
- Бойцы и шлюхи. Они постоянно дело с кровью и другой заразной дрянью имеют. Войцех глупо ухмыльнулся, отложил нож с ядовитым корнем и уставился на меня.
- Мы что, к шлюхам пойдем?
- Нет, они к нам придут... Конечно, пойдем!
- Ян, а я... Я только один раз ходил... и то не вышло все совсем.
- Мне плевать на то, что у тебя с кем и когда не вышло, Войцех. И вообще – мы не за утехами идем.
- Да я не о том, Ян. Боюсь я их, в общем...
- Кого?
- Шлюх...
- А что так?
- Я ж говорю... Один раз решил сходить и... Убежал я, Ян. Нагрубила она мне так, что я... Не люблю я их, Ян.

Я отвернулся, стараясь скрыть скривленный немим смехом рот и не обижать не выносящего грубости вояку.

– Придется тебе со страхами побороться.

– А тебе такие девки как, по душе?

– Да мне что? Какие есть, такие и есть. Умом обычно не блещут, зато просто с ними.

– А ты ходил к ним?

– Нередко. Но только – по делу... не по такому делу, а – по другому.

Поляк поднял на меня опущенные глаза.

– Ян, а тебе для дела спать с ними не приходилось?

Я дернул головой, отгоняя отвратные воспоминания.

– С объектами мне и не такое делать доводилось.

– А что хоть за объекты были?

– Не задавай таких вопросов – ответов на них тебе не видать.

– Скверная у тебя служба вообще... я себе все в голове не так воображал.

– Горе романтику, попавшему в разведку. С такой грязной работой разве что жесткий реалист справится... или – жесткий романтик с криминальными наклонностями и склонностью к экстриму. Это вообще для таких людей работа – для тех, кому обычной жизнью жить невыносимо скучно, и для тех, кто не брезгует ничем на пути к своим соображениям. А главное, – такой человек должен в себе внутреннюю нервность сочетать с внешним спокойствием. Просто, всегда надо настороже быть, и никогда вида не показывать, что насторожен. И грубость с тонкостью надо при себе постоянно таскать, чередуя по надобности. Такие люди должны обладать несовместимыми с виду качествами и уметь управлять ими, все время меняя их друг на друга.

– Я бы с ума сошел, поменяй нас с тобой кто местами.

– А нас никто не поменяет. Мы для разных дел предназначены.

Войцех помолчал, подумал и покивал головой.

– Ян, а ты на бои подпольные ходил?

– Куда я только не ходил... только походы я не обсуждаю.

– А меня тренер на такой бой толкал. Я тогда его и послал. Я только из армии вернулся – сразу к нему, как к родному, а он... Разозлился я так, что родину покинуть решил. Думаю, родная земля, а все – чужое... и все люди – чужие.

– Войцех, хватит душу в пустоту изливать. Переливай спирт в склянки.

Поляк насупился – недолго еще и вспылит. Черт...

– Ян, мы же не можем жить, так ничего друг о друге и не зная.

– Мы друг о друге все, что нам надо, знаем.

– Это ты специально так... стараешься меня не братом, а объектом видеть. Когда так людей видишь, – они и людьми не видятся. Тогда их не жалко... и нет разницы – объект зачистить или человека ликвидировать.

– Что за мысли тебе в голову идут?! Им у тебя в голове вообще не место!

Вскочили из-за стола оба... и оба опустили обратно на стулья, виновато отводя взгляды. Нервные мы просто – от этого и злимся, друг на друга собак спуская. Зато несдержанность такая – надежный показатель того, что люди мы не чужие. Никогда я такого с чужими себе не позволяю.

Я развернул к поляку подсвеченный экран, показывая страницу.

– Вот они, Войцех, – девицы, к которым этот человек захаживает... и к которым придется зайти и нам.

– Ничего себе... Это что, ты такие подробности про всех можешь узнать?

– А то.

– А про меня ты тоже все можешь узнать?

– А я про тебя и так все знаю.

– А я не знаю. Вернее, не знаю, что про меня знают. Покажи мне мое досье.

– Смотри, что здесь на тебя полиция имеет, а что служба госбезопасности – ерунда одна.

– А немцы что?

– А к немцам я без особой нужды не попрусь. Они нас сейчас проследить пытаются, так что я им не намерен провокации устраивать и наводки подсовывать. И так они скоро о себе напомнят.

– Ян, а на тебя ведь у них досье тоже должно быть.

– У них и на Яна, и на Вольфа, и на Вебера данные. Только мало их, как елок в тундре, и мелкие они, как лужи на гладких дорогах. Не серьезные это документы. И на другого человека, под личиной и легендой которого я находился у них в стране, у них досье скромное. Этот человек – мое истинное лицо... точнее, – лицо, выданное мне для дела руководством управления. С его лицом, с его именем, с территорий его страны я приезжал и в их, и в свою страну.

– Ты что, и к своим, как иностранец заявлялся?

– Верно.

– Запутано как.

– В этом все и дело. Так я и действовал – терялся с одним именем в одном месте и являлся с другим именем в другом. Так делал и делаю.

– А не путаешься?

– Нет, привык.

– А ты когда-нибудь назовешь мне настоящее имя?

– Нет.

– По крайней мере, честно.

– На такую честность можешь рассчитывать. Давай вставай. Пора на дело выходить. Наведаемся в больницу – кровь зараженную изыщем. Три часа ночи – время наибольшей вялости охраны. Пошли.

Войцех задумался, хмурясь и сопя.

– Ян, тяжело мне думать, что я должен всех этих людей убить. Не смогу я.

Я окинул тяжелеющим взглядом склянки со спиртом и обрезки корней.

– Так нужно – для дела.

– Ты, прямо, как пан Мсцишевский, рассуждаешь.

– Нет, не так. Я не такой.

– Только ты мыслишь и поступаешь, прямо как он.

– Просто он... Он тоже “волк”, Войцех.

– А что вас – “волков” – от остальных отличает?

– Преданность стае и полное одиночество одновременно.

– А такое бывает?

– И не такое бывает. В этом вся суть “волков”, Войцех. Вставай. Время идет и исходит, а дел – завались еще. На рассвете пойдешь токаря искать, который детали недостающие выточит. А после – отправишься к людям, координаты которых от меня сейчас получишь. У них рожки к шмайсерам купишь – только нам те, что со склада, нужны... на копаные – не соглашайся. К вечеру достанем и детали, и патроны... и автоматы доделаем. А ночью – проверять и пристреливать пойдем, в лес.

– Ян, а что, все я делать буду?

– Все, что надо при свете дня делать, – делать будешь ты. Я в таком виде днем людям на глаза не явлюсь. В реальном мире я только ночью теперь живу, а днем – только в виртуальном. Кстати, у меня в сети еще дел невпроворот, так что вставай – и вперед!

Глава 14

Припрятал на чердаке здания доделанные и пристреленные автоматы и не настоявшиеся еще яды. Нанес тонким слоем на лицо грим и надел ранее припасенный парик, прикрывая шрамы на лице и шее темными волосами.

Меня здесь не знают и знать не должны, так что я в здании стараюсь людям на глаза не показываться. Здесь я пользуюсь исключительно черными входами и выходами. И сейчас – полез на пожарную лестницу. Спустился вниз, встретился с Войцехом, ожидающим меня на улице. Вдвоем отправились к больничному корпусу, обнесенному высоким заграждением.

Подняв голову, с ужасом посмотрел на бетонные блоки ограды. Вынул из-за голенища ключ, стиснул зубы и стал ослаблять шурупы на коленном фиксаторе. Ключ сорвался и выпал из руки, когда крепления скрипнули, отпуская сустав. Войцех подобрал ключ, подхватывая меня под руки.

– Что, болит?

– А то. Ничего, пройдет скоро.

– Ян, ты что, со мной пойдешь? Полезешь?

– Сейчас пройдет – и полезу... только без тебя.

– Как это?

– Войцех, пойду я, а ты присматривать останешься. Не пролезешь ты, куда надо, просто. Я – в окно, а на окнах – решетки. Ясно?

– Да ты что, Ян? Ты не сможешь.

Я с сомнением поднял глаза на забор и мотнул головой, прогоняя муть, нашедшую от резко вступившей в сустав боли – разряды, как от тока.

– Смогу. Ты меня подсади только.

– А дальше что? Ты же обратно не сможешь.

– Смогу. Больно только будет.

– Давай я все же...

Я усмехнулся про себя – беспокоится за меня братишка. Просто, лично за меня еще никто никогда не беспокоился – было дело, начальник тревожился, но не за меня, а за исполняемое мной задание. Нравится мне, когда меня кто-то бережет, – приятно. Жаль только, что не Агнешке обо мне думать в голову пришло.

– Жди здесь. Подставляй руки. Живо!

Через забор не перелетел птицей, а осторожно сполз по бетонному блоку, стараясь не шуметь и не следить на не заасфальтированной земле. Пригнувшись, прислушался... подождал. Фонарь не зажег, пошел в темноте.

Осмотрел окна, нашел одно открытое. Присмотрелся к решетке – проще не открывать, а так... Расстояние между прутьев невелико, но решетка не вмонтирована в оконный проем, а закреплена так, что отнесена от окна на подходящее для меня расстояние. Должен пролезть. Только движения надо точно спланировать – прикинуть, продумать и прокрутить в голове все действия. Тогда точно пройду.

Подтянулся, попробовал каркас решетки как опору... протиснулся через прореху меж прутьями и оконным проемом, перелез на подоконник, просунул руку в щелку приотворенного окна, поддел фиксатор, толкнул окно и... тихонько спустился на пол. Эх, Игорь Иванович, посмотрели бы вы на меня сейчас, поняли бы, что пригоден я еще для таких поручений.

Полупустое служебное помещение обглодано лунным светом и выглядит прискорбно. Проверяю наличие сигнализаций, магнитных замков и электронных запоров. Ничего подобного нет и в помине – похоже, старое больничное здание оснащено наисквернейшим образом. Дверь заперта не на код, а на ключ. Такой замок – не беда. Мои верные отмычки блеснули в моей руке и впились в замочную скважину остриями. Ковыряюсь в замке крючками. Неизменный щелчок, и – открыто. Коридор освещен скверно, но и к слабому свету надо привыкнуть – подожду. Прислушиваюсь и присматриваюсь, приоткрыв дверь, – порядок.

Определил аппаратуру слежения: неподалеку несколько камер – все проводные и все подключены к компьютеру на посту. Внедряться в систему и отключать их не стал – наскоро напустил на них помехи. Сопровождаемый ими, я невидимкой проследовал в коридор – стараюсь сориентироваться.

Сердце замерло, когда заметил идущего прямо на меня человека. Метнулся к стене – в сторону, во мрак... отомкнул мутно стеклянные дверные створы и скрылся на лестнице. Вслед за мной исчез и он – видно, заметил меня. Черт... Какого черта?!

Не знаю, отходить или продолжать поиски. Это ж не охранник мне встретился. А кто еще здесь может ночами шататься? Всмотрелся в мутное стекло... и переключился с плохо просматриваемого коридора на такое же смутное отражение. Вашу ж... Это ж я. Мое отражение в стеклянных дверях. Черт... Настоящий черт. Чуть сердечный приступ не получил. Вот так –

покажешься себе на глаза неожиданно, и все. Я же себя в голове по старой памяти еще прежним вижу. Не надо было от зеркал избавляться – привык бы быстрее.

С тяжелыми мыслями о своей боеготовности блуждаю по коридорам, переходам и лестницам, а им конца нет. Достало уже в замках ковыряться. Наворотили здесь перекрытых отделений – никак сориентироваться не получается. Главное, – дознаться, где размещены медицинские посты, и держаться подальше... ведь возле них и палаты не пустуют.

Отделение кардиологии. Ха! Нет, сюда мне точно заявляться нельзя – не досчитаются на рассвете врачи заметивших меня пациентов. А в травматологию к дежурному врачу я не прочь наведаться за советом – только не время.

Покурил на лестнице, погрел душу мыслями, что ждущий меня братишка беспокоится так, что чуть с ума не сходит, и отправился осматриваться дальше. Угрозило же так заблудиться. Подвернись мне сейчас проектировщик под руку, – я б его... На его благо здание настолько старое, что он просто не мог не отойти в мир иной.

Посмотрел на часы, скривился от досады и двинул еще дальше.

Выругался, глядя на часы, разозлился и пошел вперед.

Встал в пустом коридоре, поднося часы к глазам, и рассмеялся, разгоняя остатки раздражения. Я ж не просто не знаю, куда зашел, но и, как назад вернуться – понятия не имею. До чего ж глупо... даже не досадно.

Заслышал отдаленный гул и остановился. Слышу неясные крики... кошмарные крики. Черт... Они что, ночами оперируют, пренебрегая наркозом?! Я что, на врачей с садистскими наклонностями нарвался?! Нет, не думаю, что в такой больнице таким веселым хирургам такие скверные выходки так просто сходят с рук. Только не стоит забывать, что, находясь здесь, я еще и следа охраны не заметил. Поначалу решил, что один вяло бродит на обходе, а другой – спокойно спит на посту. Только может быть и так, что охрана в сговоре с врачами и тихо молчит, слыша страшные крики. Простые садисты – вариант первый и вполне пригодный. А запрещенные операции – сомнительно, что их проводят в таком месте. Конечно, и не такое случается. Могло случиться и так, что меня угрозило угодить и на объект под контролем властей. Я отер с лица холодную испарину, готовясь встретиться лицом к лицу черт знает с какими людьми и нелюдьми. Обратного хода я дать не могу, как бы я ни хотел дать деру. Стою и слушаю, стараясь сосредоточиться.

Прогнал нервозность – помогло. Понял, что крики неправильные, – ненастоящие. Похоже, – с экрана. Точно, – артист орет, как резаный поросенок. Черт... А проняло поначалу – прежде довольно достоверно выходило.

Переключил крики на режим фона, прислушался к остальным шумам. Различил скрежещущие металлические звуки и звон стекла... негромкие голоса людей – мужчины и женщины. Точно, мужчина и женщина устроили поздний ужин... или ранний завтрак. Не понимаю я их – остаться наедине и... черт знает что смотреть, стуча стаканами.

Заглянул за незапертую дверь – охранник с хорошенькой сестричкой застыли перед экраном, кишащим чудищами. Как же они на дежурствах время проводят неправильно. Не говорю, что они ночи проводят вовсе не на своих постах, – они их еще и в расход пускают впустую, растрачивая время на кино и котлеты. Ведь охранник только и делает, что давится вкуснейшими котлетами, тупо вперившись взглядом в экран, высвечивающий перед ним изувеченные трупы. А сестричка не отводит от него глаз и докладывает в его тарелку добавку за добавкой, только изредка вздрагивая от душераздирающих воплей, доносящихся из ящика. Живут же люди... и не замечают, что живут. Откровенно же она на него засматривается, а он... Кроме тарелки и убойного забоя на экране с ним, видно, все параллельно проходит, никак не пересекаясь. Конечно, от славного ужина и я бы не отказался, но сестричка все же соблазнительнее. Эх, Игорь Иванович, что ж они красивые все такие – полячки? Пряма, глаз не отвести. Правда, и котлеты хороши. А охранник... с каждым куском кривится – видно, и такое отменное мясо у него поперек горла встает, когда на экране перед ним корчатся истязаемые невесть каким зверем человеческие жертвы.

Эх, не будь я теперь таким страшным, я бы и сестричку, и ее котлеты с подливой оприходовал. Только я теперь такой, что мне от людей прятаться приходится, как зловещей зверюге с экрана.

Нет, не позарится на меня такого такая красавица. И черт с ней – пусть мучается с охранником, которому от нее, кроме котлет с подливой и не надо ничего... которому и котлеты не слишком нужны.

Терзаемый волчьим голодом, стараюсь оторваться от открытого мне клочка чужой жизни – только не могу. Не смотреть – выше моих сил. Я всегда тяготел к тайному подсматриванию за людьми – особенно за такими красавицами и искусницами готовить котлеты... так что теперь ничего не могу с собой поделать. Черт... Я голодный, как волк! Не кормит меня моя девушка и... только плачет с утра до ночи. Правда, не ее вина – я ведь ее продовольствием обеспечивать должен... и внимания ее добиваться обязан я. А я без гроша за душой здесь время теряю, черт знает что с медсестрой мысленно выделявая. Совесть, проснись! Голос совести, не молчи! Игорь Иванович, напомните о себе суровым окриком! Не гоже вашему боевому офицеру так бестолково время тратить! Так из боевого недолго бедовым офицером сделаться! Правда, я уже сделался... но еще не совсем.

Проскользнул в переход между корпусами. Есть! Отпер дверь, вошел в темноту, осмотрелся, убедился, что окон не наблюдается, и засветил фонарь. Есть! Кровушка подмороженная. Нашел нужный номер. Прихватил и чужой крови той же группы, рассчитывая отвести следователям глаза, и направился к выходу. Назад иду известным путем и скорым шагом.

Приостановился, прислушиваясь к распре охранника с сестричкой, – она раздражена, а он оправдывается. Так и знал, что она рано или поздно сорвется. Истерика у нее нешуточная.

Дверь резко растворилась, в голове пронеслось, что мне деваться некуда и придется драться. Не ступил и шагу, как передо мной предстала рассерженная девушка. Она заметила меня и позабыла, что охранник ее здорово разозлил, – закричала, зовя его, зверским визгом. Я метнул пакет подмерзшей крови девушке в голову. Не произнеся ни слова, она упала в чужой крови, пролитой на плиточный пол. Охранник явился с задержкой, окинул простертую на полу девушку долгим взглядом. Он, видно, не понял, что кровью истекает пакет, а не девушка, и перевел тот же невнятный взгляд на меня. Не верит, что все, происходящее у него перед глазами, происходит не на экране. Что ж – воспользуюсь возможностью врезать недоверчивому противнику. Я кинул пакеты с кровью, когда он только потянулся за оружием. Я ринулся на него, когда он только схватился за пистолет. Охранник еще не опомнился, когда я перехватил его руку с резким рывком. Толкнул его коленом, и он потерял опору – рухнул на политый кровью плиточный пол, как подкошенный. Пистолет не на предохранителе... посмотрел – патрона в патронники нет. Передернул пистолет, но не помогло... он не заряжен. Черт...

А плевать! Я такого сонного олуха одним испугом парализую. Наставил на него пистолет, с мыслью не позволить ему вспомнить, что его оружие не заряжено. Скинул на лицо волосы, сверкнул на охранника холодными глазами и зло скривил рот, поднося к нему запачканную кровью руку. Он смотрит и молчит, как зачарованный удавом зверек. Он подпускает меня, и я – подхожу. Не отпуская его взгляда, наклоняюсь над ним. Осталось только прошептать несколько шипящих слов ему на ухо – и он мой.

– Тише... Я не должен слышать ни одного шороха... Не кричи, и я не трону... Ясно?

Он не кивнул мне и никакого знака не подал, что понял, но и не закричал. Я осторожно коснулся его шеи холодной рукой, и он свел плечи, отстраняясь и... отключаясь.

Переведя дух, я посмотрел в пустой патронник. Пошарил в карманах куртки охранника – хоть несколько патронов у него при себе должно быть. Точно, – три патрона в моих руках. Достал и забил обойму. Забрал и кобуру. Застегнул ремешок неверной рукой и рассмеялся – нервный я все же... стал нервным.

Не вышло найти бинта, и я наскоро ободрал упаковки с трубками от капельниц, которыми наскоро и скрутил охранника с медсестрой. Посмотрел на них напоследок, и мне стало еще смешнее.

Охранник ужасами себе все мозги вышиб – и без моих стараний обошелся! А я так... Просто волей веселого черта попал в точку, встретившись ему в таком виде посреди ночи в пустых коридорах. Подобрал пакеты с кровью и мысленно поблагодарил безумного Крюгера. Старик, часто принимающий меня за нечисть, пугался изрядно. Он натолкнул меня на мысль шире

применять психологическое оружие старого рода и племени. Не зря же древние скандинавы водружали на ладьи драконьи головы, а не такие древние солдаты Третьего Райха – рисовали акульи клыки на истребителях. Как лицо покажешь, так его и увидят. А страх – оружие страшной силы. И сильнее всего – примитивный первобытный страх... низменный и необъяснимый. А боялись древние люди того же, что и современные, – смерти. А страшили их – мертвые и звери, ставшие олицетворением смерти, и, со временем, – обретшие другое, более ужасное и угрожающее, обличье нечистой силы. С тысячелетиями измышленные испуганным и угнетенным умом кошмарные чудища прокрались так далеко в душу и засели так глубоко в разуме человека, что стали оружием против человеческого рассудка. При правильном его использовании и теперь такие, как я, имеют все возможности вырваться вперед и могут править всеми, как колдуны и шаманы, приемы которых нередко применяются и в кабинетной политике, и на поле брани. Молодец он, старик Крюгер. С его помощью я еще и повеселюсь, и повоюю на славу. Просто, помня о помешанном старике, я вспоминаю и о своем сходстве с нечистой силой, и о своей силе. Стоит человеку накрутить нервы ходячими мертвецами и вампирами, – я явлюсь скрутить его нервы в веревку вокруг его горла.

Вспомнил, что я и себя довел до одури своим видом, что чуть не дал деру от своего отражения, и совсем рассмеялся.

– Войцех, держи свою кровь! Возвращаю ее тебе обратно в целостности и сохранности!

Сиганул через забор, скрипя зубами от боли.

– Ян, а я уже думал... Я уж и не знал... Решил, пропал ты с концами...

– С хорошенькой сестричкой пропал, а не с плохими концами!

Приземлился, смеясь, и напоролся на ясный взгляд перепуганной девушки, неловко сцепившей руки на плечах. Агнешка...

– Агнешка!

– С какой сестричкой, Вольф? С медсестрой? Ты спал с медсестрой?!

– Я ж только так – в голове!

– Как ты мог?!

– Я же сказал, – мысленно!

Она оторопело посмотрела на меня и опустила печальные глаза.

– Ты мне изменяешь...

– А ты мне. Только я делаю такие штуки в голове, а ты...

– Ты что, смеешься?

– Весело!

– Что ты смеешься, Вольф? Я виновата, но и ты...

– Сказал же, – смешно! Встретился с охранником, насмотревшимся страшилок, и он мне, не сопротивляясь, позволил кровь Войцеха взять заодно со своим оружием! Весело же!

Агнешка сжалась еще сильнее, когда я подхватил ее, кружа... и почти не вспоминая про переключенное колено.

– Ревнуешь?! К медсестре, которая от меня, как от кошмара шарахнулась?! Я рад, что ревнуешь!

– Вольф, отпусти меня... у меня голова кругом идет.

Эх, никогда они с Войцехом моего веселья не разделяют. Поставил девушку на ноги и она, вконец закруженная мной, пошатнулась.

– Агнешка, а ты что здесь делаешь? Ходишь за нами следом постоянно, следишь...

– Я не слежу. Я просто... Я же просила! Не оставляйте меня одну!

– А ты как нас нашла? Шла следом? Я не засек.

– Я недавно проснулась и... Я просто пошла искать. Я знала, что вы здесь.

– Я тебе не говорил. Догадалась?

– Да, Вольф, догадалась. И не вздумай меня допрашивать! Я не подсматриваю и не подслушиваю!

– Тебе нельзя одной ночами по улицам бродить!

– Не оставляйте меня одну – и мне не придется ходить и искать вас ночами!

– Как же? Нам нужно кровь захоронить – могильник надежный соорудить. Не пойдешь же ты с нами.

– Пойду. Только не бросайте меня одну.

– Ты хоть соображаешь, на что подписаться собралась?

– Мне все равно. Я не могу быть одна.

– Тогда пошли.

– Куда?

Я рассмеялся, хватая ее холодной рукой за шею.

– На кладбище!

– Вольф, это не весело...

– Смотря как посмотреть! А сейчас надо еще цемент с песком и известкой заполучить.

Глава 15

Войцех легко перекинул меня через высоченный забор, и я с радостью подхватил на руки переброшенную следом за мной девушку... и мешок с цементом... и мешок с песком... Известку позже перетаскаем... Войцех тяжело прыгнул поблизости, и я забросал его следы опавшими листьями. Потащил их обоих к сторожке – надо же нам лопаты заполучить.

Разжиться снаряжением оказалось нетрудно. Сторож с перепоя крепко спит, как покойник, отошедший от окоченения... как подпорченный покойник. Я склонился над ним, проверяя, – живой он или... такой, каким кажется. Живой – вон как слюну пускает.

Войцех схватил меня за плечо так внезапно, что я врезал ему локтем под ребра. Хорошо хоть не успел резануть с разворота ребром ладони ему по шее – увидел его лицо и удержался от удара. Выволок его из тускло освещенной сторожки и отчетливо прошептал.

– Войцех, сзади ко мне не подходи.

– Я просто не понял... Думал, что труп сторож.

– Трупы так спиртом не пахнут.

– Думал, что проспиртованный труп...

– К черту его... Бери мешки – я лопаты возьму.

Глава 16

Сжал в зубах сигарету и положил лопаты на плечи. Тихонько насвистывая, шагаю к склепу. Войцех, не такой воодушевленный, идет следом и ведет скисшую девушку за собой. Обернулся через плечо, зловеще подмигивая им “волчьим глазом”.

– Агнешка, а ты бутерброды не прихватила?

Она не ответила, только крепче вцепилась в руку моего, невесть откуда выплывшего, братишки-новобранца. Эх, запугаю я их сейчас страшными историями, Игорь Иванович, душу отведу. Нет, нельзя... они не поймут – не умеют они веселиться в таких ситуациях, когда доза веселья действительно необходима. Не созданы они для экстремальных перегрузок, которые без иронии никак и никогда не преодолеть. При таких обстоятельствах без юмора не обойтись. У нас с этим строго: не способен нервы разрядить, как следует, – погибнешь, когда не следует, или убьешь, кого не следует. Отбор суровый, тесты сложные – не пройдешь испытание, не перейдешь и на высшую ступень. Ладно, придержу пока задор раздольный, повеселюсь я еще на славу – позже... не с поляками, так со Шведом... с Мартином Йонсоном.

– Ян, а нам что, в склеп надо?

– Точно.

– А зачем, Ян?

– Пришла, знаешь, пора отлить.

Войцех в непонимании остановился, а Агнешка встревоженно и возмущенно запротестовала.

– Я не позволю тебе так кощунствовать, Вольф!

Я сокрушенно качнул головой, опуская глаза.

– Да я так... Готовлю вас к еще худшему кошунству. Нам же для могильника саркофаг бетонный нужен. Только негде нам сейчас столько цемента достать – придется каменный использовать... из склепа взять. Мы только щели зацементируем. И известкой могильник засыплем. Так надо... для дела.

– А как же покойный, Вольф?

– Да как-то так... Покойника потеснить придется.

Над кладбищем вместе с нами замерла тишина – мертвая тишина, подстать месту и нам, обмершим и задержавшим дыхание. Войцех, зябко ежась, огляделся вслед за девушкой. И я, заслышав шорох, осмотрелся. Я скинул с плеча лопату, указывая ею своим спутникам на не затворенные ворота заброшенного склепа. Схватил и снял с предохранителя пистолет, выцеливая противника на слух и ожидая, когда он войдет в поле видимости. Черт... Собака. Перевел дух и скрылся от приноживающегося ко мне пса за приоткрытыми воротами.

Глава 17

Рухнули с поляком, задыхаясь от тяжелого труда, возле дерева. Мечтаем мы с ним после долгого копания могилы в грязи и твердом грунте и упорного таскания тяжестей только о стремительной и неотягощенной муками смерти. Одна Агнешка нам, загрязненным и замученным, отрада для глаз. Она, бледная и притихшая, сидит на краю глубокой ямы, подтянув колени к груди и сжав в руках блеклый лучик света. Она провожает печальным взглядом слабые лучи, уходящие вглубь могилы, и еле слышно шепчет молитву.

– Слушай, Агнешка, а ты правда ничего поесть не взяла?

Она перевела на меня укоризненный взгляд.

– Я не думала, что мы уйдем так далеко... и не думала, что придем в такое место... и, что ты сможешь есть в таком месте – не думала. И вообще – у нас есть нечего.

Она склонила голову, скрывая лицо за струйками скинутых на глаза волос, – старается мне слез лишний раз не показывать... знает, что я терпеть не могу пускания жидкостей, сопутствующих падению духа.

– Да ладно тебе, добудем мы все, что надо. С голода не умрем.

Она кивнула, но плакать не перестала, так что я решил оставить ее в покое, поднимая вымотанного Войцеха и принимаясь за саркофаг. Столкнули его в яму, крышку спустили следом... а за крышкой спустился и я – мне предстоит пройти мастерком по всем щелям саркофага.

Вдали взвыл голодный пес, и Агнешка с приглушенным криком соскользнула с могильного края ко мне в яму. Она, словно солнце, мне на голову свалилась – схватил ее, как синюю птицу счастья, стараясь сдержаться и слишком сильно не сдавить столь хрупкое создание. Войцех склонился над ямой, подобрал брошенный девушкой фонарь и осветил нас – меня, счастливого, и ее, несчастную.

– Вы что? Вы что там делаете?

– А ты иди к нам – посмотри!

Войцех положил фонарь на край и послушно прыгнул в яму. Вот дурак мой братишка... хоть бы подумал, как тяжело нам теперь выбираться будет. Ничего, не позволю себе разозлиться на него, пусть он и заслужил. Просто, сейчас Агнешка остро ощущает опасность, а не сторонится она меня лишь в такие периоды, так что я таких мгновений на ветер не спускаю – пользуюсь ее страхом, как всегда всеми проявлениями чужих слабостей. Вот в нагрузку ко всему набегали кладбищенские собаки – они бродят по краю ямы. В блеклом свете брошенного фонаря они отбрасывают ужасные тени, и девушка трепещет у меня в руках, как пойманный мотылек. Оброненная неосторожной собакой кость врезала Войцеху по плечу, и он больно вцепился в мою покалеченную руку.

– Ян, что они бросили?

Скулящая голова голодной собаки, обронившей добычу, свесилась вниз, и я усмехнулся.

– А ты как думаешь? Кость, конечно.

– Кость, думаешь?

– А что еще? Что еще они здесь могут есть?

– А что они могут здесь есть, Ян?

Схватил Войцеха сзади за шею холодной рукой.

– Мертвецов!

Видно дорого мне обойдется тупая выходка. Войцех рванул наверх, берясь за лопату, разгоняя собак, вырывая у меня девушку и волоча ее за собой. Я скрипнул зубами, прыгая, цепляясь за дерн и корни, торчащие на краю могилы. Кинулся догонять их, стараясь не вспоминать про хромоту и перегруженную при рывке покалеченную руку.

– Вашу ж... Да стойте вы!

Параноики просто какие-то! Нагнал их только у ограды. По привычке подкрался к ним тихо, и они закричали, когда я налетел на них из темноты. Черт... Бегут без оглядки... и через забор сигают. Дает же Агнешка жару – не ждал от нее такой прыти. Бегу за ними.

Перемахнул через забор, но опоры не нашел и полетел прямиком в канаву. Всплеск воды предупредил меня о... воде. Черт... Что за ночь?! Мне только промокнуть не хватало!

– Да вы что вообще?!

Выловил Войцеха, выбирающегося из разведенной студеной водицей грязи на другой берег обрывистой канавы. Он дернулся, оборачиваясь и отбиваясь одновременно.

– Да тихо вы! Войцех!

– Ян?

– Я!

Он охватил меня медвежьим захватом, вытаскивая их воды.

– Ян, нервы не выдержали.

– Да ты что? Никогда бы не догадался.

– Не надо больше про мертвецов, Ян... не делай так больше.

– Да что они тебе такого сделали, что ты их так боишься? Лежат себе спокойно – гниют в гробах...

– А вдруг они...

– Какой же ты у меня впечатлительный, Войцех. Не дело.

– Не люблю я мертвецов, Ян... и не надо язвить.

– Да ладно тебе, не бойся ты их. Ты на нас посмотри, мы их ничем не краше. Не тронут они нас таких, Войцех, – за себе подобных примут, приголубят, приласкают...

– Ян, не надо мне про них... ты же знаешь, что покойники едят...

– Да ничего они не едят! Мертвые они! А где Агнешка? Ты ее что, бросил?

– Нет... потерял просто.

– Твою ж... Что стоишь?! Пошли искать!

Вычислил девушку по всхлипам и пошел на голос. Продираюсь среди высокой травы по низкой воде. В острые листья тростника впутаны перья белой птицы – хищник руку приложил, растерзал здесь легкокрылого голубя. Эх, красавица моя, крадусь я к тебе хищником! Подхожу я к тебе, лебедь мой очарованный, как Зигфрид, одержимый страстью! Сейчас закипает моя кровь! А скоро полетят твои перья! Отодрал ее от коряги, в которую она вцепилась чуть не намертво, вытащил из воды русалку мою и потащил обратно – на кладбище. Надо же, в конце концов, могильник известкой засыпать и зарыть.

Глава 18

Расположившись среди древесных корней, расшнуровываю туго стянутые голенища сапог, намереваясь избавиться от канавной водицы. Понурый поляк не ноет, а девушка – просто душу мне рвет всхлипами и дрожью. Надо выбить у них из головы все ненужное и вынудить на обогревательную деятельность.

Заставил Войцеха закапывать яму и закладывать землю аккуратно срезанным дерном – правда, пришлось пообещать ему зачесть работу пропущенной тренировкой. Агнешку решил отвлечь от

ночного страха и промозглой сырости переключением на молитву о непробудном сне кладбищенского сторожа.

Агнешка, видно, сильно провинилась в последнее время и нагрешила порядком, так что бог и не подумал ей помогать. Молитвы ее были проигнорированы, и сторож с ружьем наперевес попытался подкрасться к нам со спины. Засек я его задолго до неизбежного столкновения лицом к лицу, и мы дали деру еще до его приближения. Ретировались поспешно, и я не предупредил поляков о скрытных предосторожностях. Они, резко вскочив, раскидали земляные комья и... в ночной кладбищенской тиши разлетелся громовым раскатом рев сторожа, сопровождаемый протяжным и тоскливым воем голодных псов. Рад, что нас преследуют только леденящие душу вопли сторожа, похоже, с трудом проснувшегося посреди ночи после перепоя от нашего шума. Скорей всего, он в свой черед сочтет нас нечестью – от еще не протрезвевшего и не продравшего глаза человека ничего иного ждать не следует. Нам на руку. Мне даже о легендах для нашего прикрытия думать не придется – люди про нас придумают столько легенд, что мне и не снилось. Люди это дело любят – про это забывать не стоит, им надо для таких дел волю давать... им только дай простор для воображения. А особенно легкий испуг хорош... люди любят получать заряды легкого испуга. Нервишки себе потухшие подпалить, кровушку застойную разогнать никто не прочь. Эх, Игорь Иванович, нравится мне людям головы морочить, ничего не могу поделать! Эх, нравится! По душе мне людей их страхами порой поугубить! И вообще – по душе мне люди с их слабостями, как кости собакам! Их слабости у меня в голове, как хрящи на зубах у хищного волка хрустят!

Глава 19

Поторопил выбившегося из сил Войцеха, тащащего сильно тормозящую нас девушку.

– Рассвет близок! Мне скрываться пора! Что тащишься, как труп?! Живей давай!

– Ян, не надо про трупы...

Я обернулся через плечо, растирая шею рукой.

– А что ты с ними не поделил?

Войцех подошел ближе с обреченной решимостью признаться.

– Ян, я тебе, как брату скажу... ты только не говори никому.

– Договорились.

– Отец мой пил сильно... пока не помер с перепоя. Он меня, когда я совсем пацаном зеленым был, с бабушкой больной запер и ушел – за дверь, ушел и в запой на трое суток. А бабушка в ту же ночь скончалась. Так я с ней все время один взаперти был. И мне все по ночам казалось, что встает она... ходит и зубами стучит. Были у нее зубы такие... челюсть вставная. Она меня пугала в шутку, челюсть в руке зажимая и стуча... а я не в шутку пугался. И вот мне все виделось, что она встает в темноте, челюсть в руку берет и – стучит... около моей шеи зубами клацать начинает, только я глаза закрываю.

– Вот как...

– Только не говори никому, Ян.

– Сказал же, что не скажу.

– Стыдно мне, Ян.

– А что стыдно?

– Что отец такой, стыдно.

Травмированный мне братишка достался – да не беда, вылечим.

– Ему стыдно должно быть, а не тебе – он сволочь, а не ты.

– Только меня его делами люди клеймили. Все думали, что я такой же, как он. А я не такой, Ян.

– А дураки все. Людям, какую мысль в голову вобьешь, такую они и будут думать. Я вот им про себя такую чушь порой плел, выставляясь черт знает в каком свете... и ничего, – во все, как в чистейшую правду, верили. Такое они себе в головах обо мне мнение низкое или высокое выстраивали, внимая моим легендам и взирая на мои справленные доказательства. Судили обо мне, опираясь на мое поддельное прошлое, кишащее придуманными предками и пристанищами. А я что?

Какой есть, такой и есть, – в какую бы личину не облачался, какими бы бумажками людям в лицо ни тыкал.

– А какой у тебя отец, Ян?

Я спустил с плеч куртку и показал Войцеху светлые шрамы, оставившие следы на руках и лопатках. Поляк свел мощные плечи, словно мой отец и ему по спине прошелся.

– Это он тебя так?

– Он. Проводом. Видишь, от штепселя след остался? Чуть шкуру с меня ни спустил.

– А за что?

– За вранье. Не терпит он вранья. Честный он очень. Такой же честный, как жесткий.

– А зачем ты такому отцу врал?

– Я выживал, Войцех... только выживал. Он считал, что его сын должен вырасти сверхчеловеком. А я не справлялся. Я, вырастая, становился “волком”, а не человеком.

– Ты стал сопротивляться?

– Я долго ждал своего часа, долго терпел его. А когда вошел в силу, – стал с ним воевать. Он жестоко бил меня, Войцех. Он вбил мне в голову жесткие установки... только он же их из моей головы и выбил.

– Ты его избил?

– Нет. Просто, когда он меня проводом выпороть решил... я тогда провод у него из рук вырвал и ему под ноги швырнул. Сказал, что хватит у него духа убить меня, – не хватит сил.

– А он что?

– С тех пор меня и пальцем не тронул. Но смотреть на меня стал, как на покойника пропащего. С тех времен мне никто ничего добровольно не давал, и я все брал своей волей, выбивал своей силой. Отец мне свободу предоставил, и я на волю вырвался. Только воля моя болотом бедности и бесприютности была. Я добивался всего, что мне требовалось, но такими средствами, что...

– Не далек от тюрьмы был?

– От тюрьмы – далек, а от утраты человеческого облика – близок. Я не только сильным стал, но и рассудочным, и скрытным. Меня школа жизни так закалила, что меня по закону наказать никто не мог... и не по закону – никто. К совершеннолетию я готов был окончательно в себе человека убить и выживать только “волком”. Но меня армейцы под руки взяли и отправили черт знает куда, стране служить. Я им не сопротивлялся особо – мне все равно было. Я был уверен, что и на краю света свой кусок урву, а ничего другого мне и нужно не было. Когда я к командиру своему попал, – никого я не боялся, никому не верил. А командир у меня умный был. Быстро он понял, кто я такой... и быстро мне человеческий облик вернул.

– Как ему удалось с тобой с таким совладать? Как с человеком, с тобой обошелся, да?

– Нет, Войцех... не так, как с человеком. Особенный он был, командир мой. Зверей он приручал диких – даже хищных. И меня – приручил. Точь-в-точь, как зверя, – кнутом и пряником. Мне ж пряники всегда по душе были. Только меня ими судьба не баловала никогда – не давала она мне их... вот я их у нее и отбирал. А командир мой доказал мне, что, служа ему, я – заслужить могу. Я и стал стараться изо всех сил.

– Ты что, серьезно, Ян?

– Еще как.

– Я думал, ты на долге, на Отечестве, сдвинут совсем.

– Я сначала ему лично служил – ему одному. Любил я его сильно так, что чуть не богом считал, – мечтал таким же, как он, стать. А в стране я, Войцех, как и в людях, тогда одну добычу видел. Мне позже командир объяснил, что он стране служит и я должен – стране служить. Сказал, что не знаю я ее, просто. Посадил меня на коня верхом и повез в лесные чащи. Показал он мне ее во всей красе и сказал, что она такая же, как он, – такая же суровая и справедливая. Я его отцом считал и страну через него Отчизной считать стал.

– Обработал он тебе голову... А он с тобой одним так возился?

– Со всеми возился – и с офицерами, и с солдатами... и со зверями. Сказал же – особенный он был. Добрый.

Агнешка подняла голову, споткнувшись.

– Вольф, как может быть добрым человек с хлыстом?

– Так же, как и злым. Такой командир был, что я только и мечтал с ним служить остаться.

Войцех поднял бровь, задавая вопрос всем видом.

– Что ж не остался?

– Он сказал, что мне в разведке место. Я с ним спорил... и под конец – согласился. А другой командир мне еще четче разъяснил, что иного пути у меня просто нет. Я под его крылом и исчез с лица земли. Он меня обучил, облачил в чужую шкуру и в бой бросил – в темноту, в тишину борьбы, о которой никто ничего и не знает. Был я у него во все дыры затычкой до тех пор, пока...

– Пока Агнешку не встретил?

– Точно, Войцех.

– А у меня все не так было, Ян... Ничего такого хорошего у меня не было... и такого плохого – не было. Мой отец меня никогда не бил, хоть и пил сильно. Он не блистал особо ничем, но добрым был в глубине души. А матери я не знал никогда. Она меня знакомым людям на время отдала и пропала навсегда. Эти люди меня заморили, испугались, что я помру, и стали искать отца. Мой отец точно не знал – его я сын или нет, но все равно меня взял. Пожалел просто и приютил.

– Знаю я, Войцех, про тебя все. Пробивал я тебя подробно.

– Все знаешь?

– Все важное.

– А знаешь, что я заморышем был?

– Нет.

– А веришь?

– Я не верю – я или знаю, или – нет.

– А ты посмотри – у меня все ребра кривые.

Я с ухмылкой прощупал рукой его грудную клетку... и с горькой усмешкой окинул его взглядом.

– Верно... кривые.

Войцех замолк, видно, что-то вспомнил и задумался. А Агнешка подняла голову и посмотрела на меня широко открытыми глазами.

– Ты и про меня все знаешь?

– Да.

– Ужас какой... У меня такое прошлое... Мне так стыдно...

– Тебе должно быть стыдно своего прошлого стыдиться.

Она опустила печальные глаза.

– Меня все так любили... Мы все так друг друга любили... У нас ни беды, ни горести не было... Только мама всегда так спешила домой, что переходила рельсы в неподобающем месте... Она попала под поезд, и папа этого не пережил... Он заболел, и болезнь забрала его... Только я и тогда не осталась одна – у меня был парень... и мы любили друг друга.

– Я знаю.

– Ты не знаешь, Вольф, как мне стыдно за то, что моя жизнь была такой легкой, когда у вас с Войцехом такой тяжелой.

– Хватит глупости говорить. Главное – живы все, а остальное – не столь важно.

Войцех вдруг повернулся ко мне с решительным видом.

– Ян, я клянусь, что всегда буду с тобой и с Агнешкой – до смерти за вас стоять буду. Поклянись и ты, Ян.

– Войцех, я сказал, что тебе братом буду, а Агнешке сказал, что буду – защитником. А что до смерти – и так ясно. Есть на свете три человека, с которыми я и жизнь, и смерть разделить согласен.

– А кто третий, Ян?

– Швед.

– А кто он?

– Швед он.

– А где он, Ян?

– Он в Берлине... и в беде.

- А мы ему помочь можем?
- Я могу. Могу и помогаю. Когда я помогу ему его задачи решить, он мне мои решить поможет.
- Он разведчик?
- Он в нашем управлении служил, как я, только – программистом.
- Швед?
- Швед.
- Предатель?
- Предатель. Но – патриот.
- Такого быть не может.
- Он не предал свою страну и свой народ – он предал политику страны, вредящую народу.
- Надеюсь, он нам на выручку придет прежде, чем мы с голода сдохнем.
- Войцех, тебе о такой гибели больше меня беспокоиться глупо. Я у голодной смерти следующий после Агнешки на очереди – ты последний, так что молчи.

Глава 20

Отправил товарищей по отчаянной ночной гульбе в подъезд и проводил до обычной лестницы. Потащился на пожарную лестницу, предварительно присмотревшись к окнам зданий на противоположной стороне улицы.

Взошел на подоконник и просто выпал из окна – в сторону помещения. Привычное зрелище – Войцех пошел искать водку, а Агнешка – воду. Я нуждаюсь и в том, и в другом, только ни того, ни другого, как на зло, нет. Ограничился тем, что сбросил часть грязной и еще непросохшей одежды.

Войцех безуспешно обшаривает пустой холодильник, будто не веря глазам.

- Войцех, хватит. Нет в нем ничего.
- Может, еще где завалялась снедь...
- Нигде ничего не завалялось – я проверял.
- Ян, я нервничать начинаю, когда понимаю, что рядом ничего съедобного нет.
- Поблизости всегда полно всего съедобного – только некоторую снедь не всегда просто достать... особенно без денег. Но ты не паникуй – припомни, что дичь летает в небе и добыча бегае по земле – при крайней нужде на охоту пойдем.

– Какая охота в Варшаве, Ян?

Я прицепил резинку к подобранной на кладбище рогатине.

– А вот такая... охота на городскую дичь – хоть на голубей.

– Ян, какие голуби? Надо просто купить поесть... нам наших денег на несколько дней точно достанет.

– У нас нет денег.

– Остались же.

– Нет! Они пойдут на оружие. Считай, что их просто – нет!

– Нам оружие не понадобится, когда мы с голоду сдохнем, Ян.

– От голода быстро не гибнут, а умирают – долго и мучительно! Только до того, как мы добудем оружие, мы с голоду не сдохнем, Войцех! А с оружием – мы никогда с голоду не сдохнем! Достать оружие – нам важнее всего! Вернее, – патроны к пистолету! Так иди и доставай! И не вздумай потратить деньги не на дело! Только попробуй потратить их попусту!

– Потратить на продукты первой необходимости – не попусту спустить, Ян! Пусто же в животе! Я жрать хочу!

Я шарахнул кулаком по столу так, что Войцех вздрогнул заодно со стаканами.

– Терпи!

Один вопрос закрыт – Войцех вытерпит все под угрозой моего братского гнева. А Агнешка... Как же у меня от нее голова болит. Она с криками носится по коридору и хлопает дверями, отворачивая все краны, попадающиеся ей под руку.

– Грязные! Мы грязные! Мы все и все вокруг! Все вокруг грязное!

Я стараюсь ее отловить, но сустав мне не позволяет гоняться за проворной девушкой. На колено я дал недозволенную нагрузку, и его перекалило. Боюсь пунктировать придется – ведь в суставе жидкость накопилась.

– Что за броуновское движение! Нет воды – и все! Остановись ты! Войцех, останови ее! Ее хаотичное перемещение остатки порядка у меня в голове разрушает! Просто крышу сносит!

Войцех в свой черед постарался ее отловить, понимая, что мне она на нервы действует, но и у него ничего не выходит.

– Агнешка, стой! Не выворачивайся! Мы не только грязные, а еще и голодные! А Ян от голода добрее не становится! Не доводи его!

– Войцех, у нас есть нечего, у нас пить нечего! Ничего нет, Войцех!

Наконец, поляк поймал ее в медвежий захват, и она затихла, гордо вскинув голову и обжигая меня высокомерным взглядом.

– Как ты можешь ничего не делать, когда у нас ничего нет?!

– А что мне делать?!

– Думать и действовать!

– Не могу я ничего сделать до наступления ночи!

– Должен!

– Не могу! Утро же!

– Ты что, свихнулся совсем, как старик немец?! Считаешь, что на солнце сгоришь, как нечистый?!

– Не я, а ты свихнулась совсем! Нас преследуют! Меня наши ищут, а вас – немцы! Только про то, что я с вами не знает никто! А узнает кто про то, что мы заодно и связаны – нам всем конец! Ясно?! А меня не узнать с таким лицом... Приметный я!

Агнешка замолчала, виновато опуская глаза и кивая головой.

– Я понимаю. Нам нужно ждать, нужно терпеть. Только это так трудно!

– Ничего, недолго ждать – нашлись люди, отозвались... скоро деньги начнут на счет священника стекаться. Только снять их со счета непросто станет. На него немцы не выйдут до поры до времени – пока нас не отследят. А нас они отследят скоро... Они на вас с Войцехом скоро выйдут. Священник почтой все перешлет и до востребования оставит, но все зыбко это... Хорошо хоть, что немцы секретность поиска сохраняют – не станут все пути перекрывать... а от слежки мы скроемся.

– Вольф, я пойду к пану Влодеку... и попрошу у него... все, что он отложил на похороны.

Я с облегчением усмехнулся.

– Давно бы так. Ты давай там... слезу пусти, поной – тогда позавтракаем на славу.

Глава 21

Оставшись в одиночестве, влез в базу данных – в одну, в другую. Надо наскрести компромат на всех, кто вздумал Шведа в управлении травить. Уверен вообще, что Вейкко один из них сдал... или они все сговорились. Докажу – Шведа наши в покое оставят, и вопрос с ним решат спокойно, и от шведов его защитят. Не нарою на них ничего настоящего – просто подставлю. А пока Мартину, конечно, туго будет. Пока он молчит... Эх, как ты там, Мартин, держишься? Удалось тебе от наших и от шведов уйти, на моих людей в Москве и в Берлине выйти? Давай, Мартин, выходи на связь, не тяни время... не трепли мне нервы затяжным молчанием. А с Вейкко что? Не место ему в тюрьме. Жалко парня – пропадет же взаперти... вызволить бы его – только в голову ничего не приходит.

Сорвались мы все с вершины и летим к черту в преисподнюю... Не простая у нас жизнь выдалась... да все не беда.

Глава 22

До меня вдруг дошло, что я снял куртку и рубашку, а крыса... Крыса! Бросился искать, обшаривая все, что под руку подворачивается, только зверя нигде не нашел. Нигде!

– Крыса! Крыса...

Я зову в отчаянии, не надеясь на отклик... брожу по пустым помещениям в тишине и... зову. Нет, не в рукаве... крыса была за воротом – точно. Наверное, выпала в канаве... или еще где-то... Осталась в больнице... или на кладбище. Вашу ж... Как я мог забыть про крысу?! Я упустил из под контроля крысу... и наши жизни с ней заодно! Я утратил контроль!

Надо проверить подсумки. Но я проверял их столько раз, сколько Войцех – холодильник, а Агнешка – водопроводные краны. Только до меня, как до них, никак не доходит, что в подсумках пусто, как – в холодильнике и водопроводных кранах! Пусто, как в пустом патроннике! Безнадега начинает колотить меня ознобом. Но я продолжаю звать и искать. Я не могу потерять крысу! Потерять крысу – равно потерять жизнь! Мою жизнь, моей девушки и моего товарища! Вашу ж...

– Крыса!

Зверь, видно, замотанный и временно затаившийся в трудно доступном для меня месте, вышел на зов, настороженно направляясь ко мне через коридор. Я рухнул у стены и стукнул кулаком стреляющее в руку разрядами сердце – адреналином свело так, что сковало всего. Зверь подошел ко мне... задрал голову, разглядывая меня и ожидая моего приказа. Крыса привыкла к нам троим – отзывается на наши призывы и исполняет простые приказы. Только я приказа не отдал, стараясь выровнять дыхание и пресечь адреналовый криз.

Глава 23

Агнешка, вернувшись, застала меня все в том же стрессовом состоянии, от которого я никак не могу отойти. Кинулся к ней, заключая ее в крепкий захват. Улыбка сошла с ее лица – она думает, что меня трясет от страсти, а не от стресса. Только мне все равно, что она думает – я сейчас сдохну!

– Вольф! Пан Влодек дал нам денег! Я принесла продукты, и мне надо пойти пожарить мясо – его нельзя еще раз замораживать! Отпусти меня!

– Нет, не пушу... Я не могу! Я сейчас сдохну, Агнешка!

Глава 24

Я не сдох, хоть понял это только сейчас, когда спокойно посмотрел на потолок, по которому расплзлись солнечные лучики. Они путаются в растрепанных волосах Агнешки с моей рукой и улыбаются мне так же весело, как я им... так же ласково, как она мне. Только улыбка ее так грустна, что душу щемит. Она перестала видеть мое уродство только на время... только на короткий отрезок времени, а теперь все вернулось на свои места.

– Ты так и не привыкла?

Она закрыла глаза, светящиеся росой среди солнечных лучиков ресниц.

– Нет.

– Привыкай. Красавцем мне больше никогда не быть.

– А ты никогда и не был.

– Вот как... А в чем тогда дело?

– В том, что когда я вижу тебя такого... я вижу не тебя, а что с тобой делали эти... Я не знаю, кто на такое способен, Вольф...

– Да ладно тебе. Обычное дело – для войны.

– Я боюсь войны.

– Я тоже. Только толку от такой боязни не будет – война все равно идет... так что борись с боязнью.

– Я не могу.

– А что так?

– Что?! Я не такая, как ты! Вот что! Я другая, я из другого мира! И я не могу жить с тобой в этом мрачном мире, не мучаясь!

– Не знаю, что и сказать... Жаль. Просто, выбора другого у тебя нет. Попала ты на нашу дорогу – теперь тебе никуда не деться, придется по ней пройти.

– Я не могу! Вольф, это не моя дорога! Я просто не могу пройти по ней!

– Я тебе проведу – плечо подставлю.

Она не ответила, а тихо заплакала.

– Слушай, Агнешка, хватит! Ты плачешь постоянно! Нельзя так! Не правильно так! Тебе дела не поправить, плача дни напролет!

– Я хоть душу облегчу.

– Не облегчишь! Только погребешь в горестном болоте! Посмотри правде в лицо – и не как врагу или другу, а как данности! Не ищи в ней лишь плохого или хорошего – всмотришься во всю действительность одновременно! Да, трудно нам, но все у нас не так ужасно, как тебе кажется!

– Ужасно, Вольф... у меня – ужасно.

– Тоскуешь по своему дружку, за которым ты в Германию потащилась? Да он – слюняк, придурок последний!

– Он – хороший человек...

– Прочитай его письма приятелям! Одно нытье! Только и пишет, что ты его бросила одного, что не знает, что ему одному делать! Так вот взяла ты его и бросила, сбежала от него из больницы для бедных, где он тебя болеть оставил! Он тебя бросил! Он и не думает о тебе! Он и не думает тебя искать! Все его мысли – о себе, а ты в них, как его не особо важная вещь! Вроде сердцу дорога, но не так, чтоб горы в поисках свернуть!

Агнешка вскочила с кровати, в ужасе распахивая высохшие глаза и закрывая рот рукой.

– Ты читал его письма?!

– Не веришь мне? Прочти их.

– Как ты посмел читать чужие письма?!

– Да мне плевать, чьи они! Когда надо до правды докопаться, я ее и из-под земли достану!

– Как ты мог? Ты...

– Ты будто уши затыкаешь отводящими от сути мыслями! Мучаешь голову чушью чистой воды, лишь бы не пускать в нее правду, лишь бы не слушать меня! Будешь так и дальше...

– Что?! Что тогда?!

Схватил ее за плечи, тряхнув.

– Нам судьбой приказано друг с другом быть! Ослушаемся мы ее приказа – она под трибунал нас обоих пошлет! Ты к монашкам пойдешь, а я – к шлюхам! Тогда нам конец – конец нашим жизням! Прими жизнь, как есть, – со мной прими! Пойми же, так надо! Только так и можно!

– Нет... только не так.

– Я же хороший друг, Агнешка! Я же тебя защищаю! Я же тебя в обиду не даю!

– Я знаю! Но не люблю я тебя!

– А я от тебя и не требую любить меня! Ты только притерпись ко мне и к жизни нашей – тогда все будет в порядке. Ты и к моей крысе привязалась! Смогла! И ко мне – привыкнешь! Ты сможешь!

– Смогу.

– А большего я от тебя и не требую. Ясно?

– Ясно.

Глава 25

Агнешка стала спокойней, когда я расставил все по местам и объяснил ей, что не требую от нее вымученных чувств ко мне. Правда, погоревала, прочтя письма прежнего приятеля, но главное – все письма прочла и правильно все поняла. Дошло до нее, наконец, что никому, кроме меня, она не нужна и никто, кроме меня, о ней заботиться не будет. Первый шаг к стабилизации наших отношений совершен, и я рад – первый шаг сделать тяжелее последующих. И Войцех меня обрадовал. Он вернулся довольный собой, выполнив все мои распоряжения на высшем уровне, – с неукоснительной точностью и наглядным результатом. От моей благодарности он и вовсе

возгордился. Я от него такой реакции и добивался – по крайней мере, пока мне надо вселять в него уверенность в себе, укрепляя его дух... а после, когда он станет смелее, начну с него спесь сбивать потихоньку, ставя его на место. Волчьим нюхом чую – хороший боец из Войцеха выйдет. Сделаю я из него бойца себе подстать... только сильнее меня ему стать не позволю – буду строго в подчинении держать. А главное, – я сообразил, что он умнее, чем кажется... даже умнее, чем утверждает. Просто, не присмотренный он рос – не занимался им никто, не развивал. А я им – займусь. Он молодой совсем – его разум для всего нового еще не закрыт, он может воспринять все не заостренными мозгами. Научится он голову включать, когда надо и как надо. Важнее всего, что он доверяет мне и любит меня, как брата... что он хочет доверять мне и любить меня, – мне не трудно будет добиться от него абсолютной верности бойца. Достаточно уделить ему хоть каплю внимания, и он мой с головой. Добрые в душе брошенные дети все такие... и Войцех – такой. А Агнешка, похоже, не настолько нелюбимой была, чтобы в меня беззаветно влюбиться. Она не из тех, кто готов в солдатской казарме спасения искать... только ей придется подготовиться – в ином месте ей его не найти.

– Войцех, вставай. Давай в лес.

– Ян, я только что... Дай хоть доем.

– По пути доешь. Пошли посмотрим, что с автоматами получилось... пристреляем и посмотрим.

– Мы ж стреляли...

– Еще надо. Прицелы подрегулируем.

– Ну и педант же ты. Все с ними в порядке на проверке. А то, что один чуть вправо...

– Войцех! Вставай давай!

– Да... Ян, а я вот все думаю, что наши автоматы и на вид, как должны быть... вернее, – точно такие, как у бойцов в старые времена были. Ты что, не в первый раз их делал?..

– Я не впервые автомат такой собираю, Войцех. У меня два таких было.

– Первый по британскому образцу, а второй – по немецкому, да?

– Нет. Мне и по неопытности в голову не приходило рожок на бок ставить, как британцам взбрело.

– А зачем они так?

– Вставай, по дороге объясню.

Агнешка с кислым видом слушала нас спокойно, ковыряя вилкой в еще не расчищенной тарелке, но встревожилась, когда речь зашла о лесах и дальях.

– Я еще не доела, Вольф.

– Не торопись.

– Но вы же уже собрались, а я...

– А ты остаешься.

Она бросила столовые приборы, второпях набрасывая куртку.

– Нет! Я одна не останусь! Я с вами!

– В лес? Стрелять?

– Я не могу быть здесь одна! Я здесь, как в заключении! Когда я одна, мне кажется, что заперта, – как в подземелье, как раньше!

– Ты что, и к шлюхам с нами пойдешь?

Агнешка растерянно прикрыла рот рукой.

– К каким шлюхам?

– К шлюхам обыкновенным – вульгарным... в научном обозначении.

– Ты что, Вольф, к ним ходишь? Ты и Войцеха с собой берешь? И не вздумай развращать его! Я не позволю!

– Достаточно меня оскорблять! Будто у меня других дел нет, и я только и занимаюсь растлением малолетних! Мы по делу, а не так просто пойдём!

– По какому делу?

– По секретному.

Агнешка, съжившись, сидит под деревом, а мы с поляком спускаем патроны.

– Вы долго еще? Я замерзла!

– Жди!

– Что?!

– Я же сказал, уши надо заткнуть!

– Что?! Я не слышу!

– Не ори так!

Опустился среди корней на колени рядом с ней, откладывая в сторону исправное оружие. Мы все патроны похуже расстреляли, и все вроде в порядке. Поцеловал ее в шею, откидывая ее золотистые волосы, вдыхая вихрящийся возле ее взметнувшихся волос воздух.

– Вольф, от тебя порохом пахнет.

– Привыкай к запаху пороха и крыс – они всегда со мной. Не суждено мне, видно, от моих вечных спутников отвязаться. Куда ни занесет жизнь, – везде они, тут как тут.

– Порох, крысы и шлюхи...

– Что ты прицепилась? Сказал же – дело у меня к ним... и не такое, как ты думаешь. На такое, как ты думаешь, у меня денег нет.

– Я не верю... Ты все время мне врешь или просто не говоришь правды... И пусть я грешна, но и ты... ты мне – изменяешь...

– Только мысленно.

– Все равно. Я не хочу, чтобы ты и близко подходил к этим распутным и распущенным...

– Я к ним в объятья не собираюсь бросаться. И вообще – ты в бога веришь, а он тебе велит таких, как они, жалеть и прощать.

– Да, ты прав... Они несчастные – потерянные души.

– Давай так договоримся – мы с Войцехом к девкам отправимся нашу задачу решать, а ты за их потерянные души помолишься в сторонке.

Глава 27

Погасил тусклый свет, приоткрыл темную штору и посмотрел на затихшую улицу за припыленным окном. Точки, с которых квартира хорошо просматривается, я определил раньше и сейчас только нашарил их привычным взглядом. Не заметил ничего подозрительного – прохожих на улице и машин на дороге нет. Окна здания напротив не засвечены, подъезды закрыты. На подсвеченной ночным светилом крыше никого не видно, нет ни тени, ни блика, ни проблеска. Но мне не спокойно. Немцы выйдут на нас – это только вопрос времени. Надо нам срочно срываться с места. Пора покинуть съемную квартиру... и Варшаву, и Польшу. Черт...

Осторожно открыл окно, предварительно обработанное антибликовым средством. Стараясь не шуметь, сошел на карниз, перебрался на пожарную лестницу. Спустился на последнюю площадку и присел на корточки, собираясь спрыгнуть. Глядя вниз, на асфальт, вспомнил про колено. Черт... Еще сутки пробегаю – и сустав точно пунктировать придется.

Так и не могу решиться прыгнуть, пытаюсь придумать, как спуститься помягче... как сползти. Заслышал скрип подъездной двери – Войцех идет. Он меня чуть в стороне ждать должен. С досады, что придется прыгать, скосил злой “волчий глаз” и... Вашу ж...

Я пригнулся к площадке, смотря через железные прутья на человека, вышедшего из тени и вставшего в тени. Вот и все – они здесь.

Человек меня не заметил. Я залег в тишине, готовясь хоть рассвет так встречать, не взирая на холодающий ветер. Стараясь рассмотреть его лицо, но не получается. Он видит одного Войцеха и выслеживает он Войцеха, а не меня. Он не знает, что я здесь. Промерзший поляк пошел в подворотню, скрываясь от промозглого ветра, потянувшего осенью. Присматривающий за ним человек выступил из тени и отправился следом за ним. Я вперился глазами в его лицо, но он высоко поднял воротник пальто и низко пригнул голову – я снова его не разглядел. Только... Сердце свело, когда лунный свет коснулся его лица. Я видел его краем глаза в тусклом освещении

всего секунды две. Только... Я точно заметил в нем нечто знакомое. Знакомое и страшное до того, что сердце сводит. Я прогоняю память по прошлому раз за разом, но не припоминаю. Поставил перед мысленным взором нечетко очерченного человека, примеряя на него знакомые черты, и он стал четче. Я помню его – этот костлявый нос, эту жесткую челюсть. Шлегель... Эрих Шлегель... Эрих Шлегель!

Я встал, дрожа на ветру, как осиновый лист. Эх, Игорь Иванович, как я рад, что вы не видите меня таким... таким...

Я сжал стучащие в ознобе зубы и, не спеша, пошел наверх, стараясь избавиться от слабости в коленях. Просто... Не правильно все. Я знаю, что видел его – Шлегеля, но так же знаю, что он не должен был быть здесь. Я, как лунатик, пошел по карнизу к окну на лестницу внутри здания. Этот карниз не проверен, и я, надеясь, что он не заскрипит подо мной, ступаю аккуратно. Шлегель... Человек из внешней военной контрразведки... Шлегель... Человек, служащий не одной стороне... не одной стране. Он знает меня. Знает в лицо, как датчанина. Черт...

Я осмотрелся, открыл окно... прислушался и поднялся по лестнице наверх... отпер дверь и вошел в квартиру. Склонился над кроватью, слепо смотря на дремлющую девушку. Агнешка слышала шорох и открыла глаза. Она озарила меня своей радостью и настойчиво потянула в постель.

– Ты не пошел к ним – к распутным?! Ты вернулся ко мне! Я так и знала, что ты спровадишь Войцеха пройтись и вернешься ко мне!

Я остановил глаза на ее руках, торопливо расстегивающих молнию моей куртки. Она рассмеялась.

– Вольф, ты что, в свое счастье не веришь?! А ты верь! Или тебе доказательства нужны?! Я их тебе предоставлю!

Я действительно ошеломлен и не верю. Мое дыхание пресеклось, и я... Я нашел в себе силы противостоять девушке и выровнял дыхание. Схватил ее за руки, отрывая от своей растерзанной куртки.

– Шлегель...

– Ты хочешь, чтобы я звала тебя Шлегелем? Хорошо, как хочешь. Ты совсем замерз! Я тебя сейчас согрею!

Я стараюсь не впускать в голову мысли, которые совсем не ко времени. Только голова кружится, сопротивляясь всем мыслям. Что же ты делаешь, Агнешка?! Со мной так нельзя! Я же не выстою под таким натиском! В глазах все меркнет и... Нет, я не уступлю, я устою...

– Агнешка, поднимайся... Вставай давай. Живее!

Глаза ее сразу наполнились слезами, но она гордо подняла голову.

– Ты издеваешься надо мной? Ломаешься передо мной? Ты мне мстишь?! Или я стала тебе скучна?! Или твоя страсть прошла, и ты перестал считать меня красавицей из своего чудесного сна?!

– Дура! Живо вставай!

Агнешка еще шире распахнула переполненные слезами глаза.

– Ты посмотри на себя в зеркало! И разбей его! Ты грубый и... Да как ты смеешь так со мной говорить?!

– Я словами не бросаюсь и обратно их не беру! Вставай же быстрее! Одевайся!

Думал засунуть пистолет за ремень, но оставил его в кобуре – за ремень заткнул закрытый компьютер. Скрутил провода и запихнул в подсумки с остальной техникой. Проверил спящую в подсумке крысу и крепко схватил девушку за руку, таща за собой на выход. Она все что-то говорит, возмущается.

– Он здесь! Он следит за вами с Войцехом!

– Здесь?! Следит?! За нами?! Кто, Вольф?!

– Шлегель!

– Кто?!

– Эрих Шлегель! Этот немец с костлявым носом! Он вышел на вас!

Она хотела еще что-то спросить, но резко осеклась, когда я скосил на нее злой глаз – не обиженно замолчала, а забыла про попреки, объятая страхом. Она покорно последовала за мной наверх и осталась ждать на чердаке, пока я вернусь со спрятанными на крыше вещами – оружием и отравляющими веществами.

Глава 28

Я застыл и задержал дыхание, слушая шаги промерзшего Войцеха. Заглянул за угол, скрываясь в тени и тишине. Забросил подобранный камень в его сторону, и он обернулся. Поляк никого не заметил и пошел посмотреть. Как только он приблизился, я резко хватанул его за куртку и рванул к себе. Он было собрался мне врезать, но я блокировал удар.

– Ян?

– Бежим. Живо!

– И Агнешка с тобой?

Я не ответил, а толкнул их обоих вперед – в темноту и в тишину.

Глава 29

Проулками ушли. Немца нигде не видно. Но я продолжаю пристально просматривать каждую тень, проследивать каждого редкого прохожего. Я знаю, что он за человек. Он, верно, уже знает, что я здесь... знает, что мои товарищи от него бы без меня не ушли. Он, видно, на них лишние силы решил не тратить, а на меня он сил не пожалеет. Он возьмет мой след и выследит меня. Шлегель из тех, кто и иголку в стог сена найдет... сожжет стог сена, просеет пепел и найдет иголку. Но я все больше думаю не о том, чтобы скрыться от него, а о том, чтобы проследить его. Не вяжется у меня в голове все происходящее с его присутствием. Не правильно все. Все не то, что надо, в голову приходит, и все не так, как надо. Подозрительно все.

Спрятал товарищей заодно с крысой в подвале старого здания. Здесь переждем ночь. Здесь я поломаю голову над тем, что делать дальше. Дел ведь пропасть, а из-за Шлегеля в голову ничего не идет. Ждал увидеть кого угодно, только не его... Просто, Польша – не его направление... Это не его территория, как и не моя... Еще одна задача – это в нагрузку ко всем остальным... Черт... Ничего, надо только быть спокойнее... Надо только не сходить с курса... Надо все доделать – решить все со шлюхами и... Черт...

Глава 30

Я свел плечи, пригнул голову и скинул на лицо темные пряди прицепленных волос. Мрачно насвистываю веселую песенку – выходит нечто зловещее, и Войцех начинает нервничать. Я пресекаю, и нам пришлось тащиться по притихшим плохо освещенным улицам молча. Задержались около парковки – Войцех терпеливо ждет, пока я присмотрю нам машину. Ведь человек из следующего квартала не станет молчать, когда я начну задавать ему вопросы... но он не просто скажет мне то, что мне надо слышать, – на моих допросах ненужные крики нередко сопровождают нужные сведения. Придется его в пригороде припрятать... поначалу – в подвале, а после – в лесу. Я же его не с договором о возврате возьму, а так... безвозвратно. Осталось только понаблюдать за борделем и определить, кого из охранения шлюх брать.

Войцех посмотрел на показанную ему мной машину и молча пошел за мной. Только я вижу, что в нем давно копятся вопросы и что его рано или поздно прорвет.

– Ян, а ты уверен, что необходимо его брать?

– Да.

– Точно уверен?

– Да.

– Только из-за списка клиентуры этих шлюх?

– Да.

– Охраннику клиенты не подотчетны, Ян.

– Здесь они ему известны. Заведения такого порядка – не из дешевых – всегда под неусыпным надзором находятся.

– Часть имен ему, может, известна, но всех людей он знать не может.

– Конечно, всех не знает... только тех, с которых целое состояние можно срубить компроматом – за богатыми владельцы всегда присматривать приказывают. Такое и в борделях высшего уровня практикуется – только добытые для давления и вымогательства данные в таких местах больше не владельцам, а властям на руку... и попадают они обычно в руки – властям. Хозяева же клиентуру берегут, а мы их... мы всех имеем в итоге – и шлюхи, и их хозяева, и их посетители на наши крючки насажены, как наживка или хищная чешуйчатая тварь, клюющая на живца.

– Вы что, за всеми и всегда подсматриваете?

– Подсматриваем и подслушиваем... за всеми, кто того стоит. Для дела мы не только грязное белье ворошим, но и в мусоре копаемся.

– Ты серьезно?

– А что? О человеке по его мусору многое узнать можно. Я вот без вопросов знаю о тебе все – что ты ешь, что пьешь, что куришь... когда и с какой регулярностью.

– Ты что, в моем мусоре копался?

– Да.

– Ян, лучше бы меня спросил, я бы...

– Соврал.

– А что мне врать? Нужды нет.

– Да есть... Нашел я одну вещь...

– А что? Что нашел?

Войцех вдруг заволновался, и я издевательски усмехнулся ему.

– Вот теперь я, не роясь в твоём мусоре, знаю, что есть у тебя от меня секреты за душой и скрыты они – в твоём мусоре. Теперь обязательно пороюсь. Так что прибирай за собой тщательнее.

– Ян, я никак не пойму... Ты что, шутишь, да?

– Частично... как всегда.

– Не понимаю я, Ян...

– Если бы ты меня понимал, я бы о тебе ничего не знал. Мне лишь за счет этого секреты людей и открыты – за счет спутанности людских мыслей в результате “волчьих” стараний.

Я остановился, как вкопанный, осматриваясь. Войцех последовал мне, тревожно оглядевшись в полумгле ночного города.

– Ян, а что такое?

– Агнешка... Решил, отстанет и назад пойдет, а нет – крадется следом, стараясь на глаза не попадаться.

Девушка поняла, что я ее давно засек, но подойти до сих пор не осмелилась. Она так и стоит в тени – ждет. Пришлось мне тащиться к ней через улицу.

– Ты снова за свое?

– Ты снова оставил меня одну в четырех стенах... ты же знаешь, что я не могу оставаться одна.

Дрожащей рукой скинул с ее плеча золотистую прядь волос.

– А цветы ядовитые зачем с собой взяла?

– Не знаю, Вольф.

– Глупо выглядит! А с другой стороны...

Войцех схватил меня за плечо, напоминая, что не время “волку” слюну пускать, пожирая глазами встревоженную девушку.

– Ян, ты, когда ее видишь, таким дураком становишься – даже тошно. На тебя даже прохожие смотрят – стыдно же.

Может, стыда я и не ведаю, но замечание насчет прохожих меня насторожило. Я резко поднял глаза на поляка, проследил его взгляд и... Ничего себе прохожие?! Во первых – прохожий в единственном числе, а во вторых – он... Неужто Шлегель?.. Шлегель?! Вашу ж...

Я тупо уронил голову на грудь девушки, невзирая на возмущение Войцеха. Да, он прав – я вконец отупел от страсти. Я не просто не ведаю, что творю, – я творю невесть что, не вспоминая и про тень утраченного внимания. Хватанул Войцеха за плечо, взял девушку под руку и потащил в темноту переулка – в нем мы и исчезнем с глаз саксонца. Немец нас не найдет, но он – проследил нас. Черт... А может, померещилось? Может, не он? Не Шлегель?

Поляк, негодуя, поднял руку, намераясь разъяснить мне мою неправоту, но я пресек его резкостью. Агнешка опечалилась, смотря в мои мутные глаза в тусклом свете подворотни. Она, видно, считает, что я окончательно сдурел от страсти и притащил ее в темный проулок никак не по иной причине. А я, как помешанный, смотрю в ее глаза, как в пустой патронник. Только не Шлегель...

Нет, не он... Что ему делать здесь? Ему здесь, в Варшаве, не место. Нет, не он... не Шлегель. Только все равно – проверить надо. Немец мне бы никогда на глаза не показался необдуманно – без нужды. И если я видел и правда его... если он намеренно показался мне – придется с ним встретиться и... выслушать его змеиные речи или выстрелить ему в голову. Ведь ему точно что-то от меня нужно, раз он выследил, но не выдал меня, а явился ко мне, выставившись на свет.

– Войцех, планы переменились. Вы ждите здесь, я вернусь через час.

Глава 31

Не понял, засек он меня или нет, но я, найдя его и идя за ним следом, остановился возле пристанища похоти. И привел он меня именно к той шлюхе, на которую я глаз положил... вернее, с которой я решил в первую очередь расправиться. Только весь интерес к сей уличной девки, как рукой сняло, – все перекрыла мысль, что человек, которого я никак не могу рассмотреть, может оказаться саксонцем Шлегелем. Черт... Какого черта он сюда приперся? Не то, чтоб я от Шлегеля такого не ждал – он в бордели нередко заходит, но чтоб именно в этот... Что-то не так со всем этим... Неужто он путь крови Войцеха проследил, как я?.. И что он дальше делать намерен?.. Черт...

Он скрылся за дверями, явно занятый выделенной из всех девицей. А я рванул к полякам, оставленным мной в глухом закоулке.

Крепко сжал в руках плечи Агнешки, серьезно всматриваясь в ее глаза.

– Слушай. Пойдешь сейчас в притон порока – наниматься.

Она приоткрыла рот, стараясь что-то сказать.

– Вольф, я...

– Молчи! Скажешь, что наняться намерена – пройдешь спокойно. Осмотришься и аппаратуру слежения поставишь. Ясно? Идем. На ходу расскажу – как, когда и что точно ты должна сделать.

– Я не могу!

– Ты что, не понимаешь, мне не пройти! Я выгляжу так, что с меня плату вперед попросят! А мне платить нечем! И Войцеха я послать не могу – не сможет он сделать то, что я от тебя требую, достаточно скрытно! Только ты дело сделаешь, как надо!

– Я не смогу, нет...

– Ты – красавица – тебе без вопросов все двери откроют!

– Я не справлюсь...

Войцех занервничал, начал хмурится.

– Ян, ей нельзя в такое место идти. Я не могу...

– Заткни рот и молчи, пока приказ не отменю!

– Ян, а что такое? Что-то не так?

– Не знаю еще! Но мне нужно знать! Пошли!

Они оба еще не видели меня таким бледным и взвинченным, и я быстро заразил их с виду беспричинной боязнью. Они перестали протестовать и покорно последовали за мной, и не пытаясь ничего выпрашивать и вникать в мои мысли, крутящиеся вокруг немецкого контрразведчика.

Глава 32

Отправил девушку в кошмарное для нее место и остался с поляком ждать вестей в подворотне неподалеку. Подключил компьютер, поймал сигнал и проследил перемещения Агнешки в помещениях. Поляк молча склонился над экраном.

– Ян, может, ты все же скажешь, что случилось?

Я отвел с экрана отображение, сопровождающее девушке, и вывел на него изображение с только что установленной ею камеры. Она справилась – у нее все получилось. Так я и думал. Теперь ей осталось только отовратиться и тихонько уйти. А передо мной...

– Смотри.

– Вот так...

– Войцех, хватит на нее засматриваться – ты лучше на него посмотри.

– А что он мне? Мне он не интересен.

– А зря... интересный он человек – знаю я его.

Войцех в ужасе уставился на меня.

– Ты что? Ты его трахал?..

– Не его, а его мозги!.. Дурак ты, Войцех!

– Не дурак, Ян.

– Тогда не спорь со мной!

– А кто он?

– Шлегель в военной контрразведке служит – во внешней... британское направление больше разрабатывает... Но он не одним немцам служит... Понял, какой человек? На несколько сторон разметался из-за корысти и страсти к садистским потехам. Я его вербовал – знаю его, знаю, что за человек он. Сложности с ним могут возникнуть. Видишь, у него на шее воротник врачебный?

– Да, Ян.

– Думаешь, не порядок у него с позвоночником?

– Да, Ян... А что, нет?

– Нет, конечно. Он так шею защищает от коварных нападков таких, как я, – к нему просто не подступишься. К нему никак не подступишься – он все продумывает до мелочей... все каверзные ухищрения противника. Понимаешь?

– Хитрый?

– Еще какой. И умный. И жестокий.

– Я уж вижу.

– Скрываться нам нужно от него, как ни от кого другого. Он на наш след выйдет – и вас, и меня выдаст... Тогда с нас и три шкуры сдерут точно... и нам никуда не деться. А сдаваться нам нельзя – никому... некому просто. Для нас сдаться – равнозначно сдохнуть.

– Ян, а что он здесь делает? Ты ж сказал, что он с британцами работает...

– Черт его знает, что он здесь делает... а раз черт знает, и я – узнаю.

– А что он с ней делает – с девицей?

– Связывает.

– Особенно ведь связывает, да?

– Да. Нормальный японский садизм в немецком исполнении.

– Разве садизм может быть нормальным?

– У японцев и немцев до определенного предела – может.

– Как это, Ян?

– А вот так. Принято у них так с давних пор дух закалять – терпеть и причинять боль... и привыкать к этому настолько, что начинать это любить. Тяжелые у них условия всегда были – что у азиатов, что у северян. Суровые земли, жесткая жизнь, и люди – жестокие. Постоянно им приходилось с болью дело иметь – они и привыкли к этому, и не могут больше без этого обойтись. Просто, в кровь им эти качества веками вливались.

– А у нас не так?

– Нет, Войцех. И у скандинавов не так, несмотря на то, что они у немцев в корнях стоят. Скандинавы словно средние между нами и немцами. У них головы не такие холодные, как у

немцев, а кровь не такая горячая, как у нас. Задиры они, как мы с тобой, только сдержаннее. А немцы... жестче и холоднее них только – англичане. Британцы – разговор особый... они замкнутые и расчетливые, как никто иной. Те они еще колонизаторы и захватчики...

– Это да... И русские...

– Что русские?

– Захватчики.

– Верно, как и все остальные, кто способен объединять силы и слаженно атаковать. И русские, и немцы, и поляки, и шведы – все в истории захватчиками становились, а временами – и захваченными.

– Ты так говоришь, будто никого врагом не считаешь.

– А я и не считаю. Сегодня – враг, завтра – друг. Вернее, вообще никто никому не друг и не недруг на деле – только временный противник или соратник. Все меняется со временем, Войцех, – и враги, и друзья. Позволить себе видеть в одном точно определенного врага, а в другом – друга может только тот, кто не смотрит в прошлое и будущее дальше одного дня и не рассматривает территорий дальше тех, что в поле зрения.

– Не знаю... Тогда выходит, что некого ненавидеть и...

– Некого, конечно. Да и незачем, когда ты смотришь правде в глаза и она от тебя глаз не отводит.

– Тогда всегда одиноким будешь...

– Нет, будешь не один время коротать, а – с правдой. А правда – она такая же, как я, – то красивая, то уродливая, то скрытая, то явная. А главное, – свяжешься с ней однажды и никогда не развяжешься.

Я замолк, всматриваясь в чрезмерную жестокость Шлегеля... Что-то такое на него не похоже – он обычно знает, как начать, как кончить... до крови дело у него не доходило еще никогда, а сейчас он этой девке... Да что он делает?.. Он что, решил с ней кровью обменяться?.. Черт... Ничего не понимаю... Он что, заразиться собрался?.. Вашу ж...

– Ян, а что с ней такое?..

– Мне на нее плевать – я за ним смотрю.

– У нее что, туберкулез тяжелый?..

– При чем тут туберкулез?!

– При том, что у нее ртом кровь идет...

Черт... Это еще что?.. Шлегель здесь точно ни при чем – вон как смотрит растерянно... Хозяйку зовет... А девка кровью в его путах исходит... Он ее развязать торопится, а она – на руках хозяйки встревоженной концы отдает... Как так? Она ж заражена!.. Только этот вирус бактерии не трогает, а туберкулез бактерии вызывают... Точно – это бактериальное заболевание... Вот попал Шлегель... В нагрузку к нашему вирусу еще и другую заразу получит... и скорей всего – не одну... Попался перестраховщик... Все мы порой – попадаемся.

Агнешка... Черт... Надо ей скорее оттуда... Агнешка моя... Черт... Отправил ее в такое место, где зараза меры не знает...

Глава 33

Девушка, как отвечая на мой молчаливый зов, выскользнула за дверь и осмотрелась... Схватил ее за плечо и потащил в подворотню...

– О боже, я смогла... Вольф, я все сделала!.. Я и не думала, что это будет так страшно, но при этом так просто!..

– Ты молодчина, только все не так, как я думал пошло... и не так, как думал Шлегель... все вообще не так, как все считали... Так что вам с Войцехом следует скрыться в нашем временном пристанище, а я останусь пока... Мне выяснить надо, что происходит... что только что произошло...

Поляки скрылись в темноте, а я уставился на монитор – на мертвую девку и Шлегеля, тихонько уходящего из борделя... идущего к темному закоулку с крепко стиснутыми зубами... Он смотрит

на порезанную руку... внимательно смотрит, озадаченно... И идет он как раз – ко мне на встречу... Но я встречи ждать не собираюсь... Сообразил, как скрыться, и дал деру...

Глава 34

Я никого не видел и не слышал, так что счел, что все вокруг – чисто. Только что-то мне покоя не дает, принуждая продолжать настороженно смотреть и слушать. Я знаю, что так тревожит меня... вернее, кто – Шлегель. Он неподалеку... значит, он – рядом... значит, он – здесь. Только он ждет бездействуя... точнее, – наблюдая. Черт... Я встал во весь рост и скинул на лицо распущенные волосы, стараясь скрыть мой, знакомый Шлегелю, взгляд. Обернулся вокруг себя, всматриваясь в тени за столбами лунного света.

– Я знаю, что ты здесь!

– У меня к тебе вопросы, Вольфганг!

Он не выступил из тени – лишь окликнул меня. Я застыл, как околел, когда слышал немецкую речь, – он здесь, я засек его.

– Стой, саксонец! Стой и слушай! Мы оба выследили друг друга, мы оба достаточно друг о друге знаем и оба вооружены! Так что возвращайся на свою дорогу, а я вернусь – на свою! Ступай, Шлегель! И я пойду!

– Вольфганг, я вижу, ты знаешь меня! Тогда ты должен знать, что я тебя так просто не отпущу, пока не получу того, что требую! Я выследил твою девушку и твоего бойца! Я выследил и их, и тебя, но не выдал никого!

– Что тебе нужно?!

– Ты, Вольфганг! Вернее, мне нужны твои ответы на мои вопросы! И все! Как только ты ответишь мне, я оставлю тебя!

– Я не отвечу! Ты долго отслеживал меня – думаю, ты должен знать, что мне тоже ничего не стоит тебя пристрелить или клинком прикончить!

– Я знаю, что ты не боишься убивать и марать руки в крови! Вокруг тебя достаточно трупов, чтобы в этом убедиться! Мне не известно, кто ты такой и какой стране ты служишь! Не известно даже, служишь ты или служил! Но спросить тебя я намерен не об этом! Я пришел не за этим!

Немец вышел на лунный свет, холодя мне душу стальными глазами. Подпустил его на расстояние выстрела, молча, как покойник, и пытаюсь мыслить живей.

– Стой!

– Не стреляй! Ты у меня под прицелом!

Шлегель осторожно подключил свет – словно светлячка в костлявом кулаке крепко стиснул. Он терпеливо просветил все вокруг и направил прохладный луч мне в лицо, тщательно в меня всматриваясь. Он постарался скрыть тревогу во взгляде, притушил свет и сделал шаг ко мне. Я перевел пистолет, нацеленный ему в грудь, целясь ему в голову.

– Мой ствол тебе в лицо дышит! Остановись!

– Выслушай меня, Вольфганг. Только выслушай!

– Говори.

– Я знаю, что ты заражен, как и я. Скажи мне, как сдержать или уничтожить вирус?

Тревога заскреблась за грудиной и зацарапалась в горле.

– Шлегель, у меня нет информации.

– Ты и твои люди еще живы. Тебе известно, как его контролировать.

– Я не контролирую его и понятия не имею, как его уничтожить. Насколько я знаю, Шлегель, против него еще ничего нет – нигде и ни у кого. Пока он просто сражается с другими вирусами и просто спит все остальное время... А взять его под контроль никто не...

Шлегель резко поднял руку, и я осекся, смотря в его глаза, сверкающие в полумгле лихорадкой.

– Значит, и тебя ждет скорая кончина.

Я с трудом раскрыл рот, с усилием разжимая крепко стиснутые зубы.

– Я ответил на твои вопросы, теперь – ответь на мои.

Немец сдержанно кивнул головой.

– Договорились, Вольфганг, это честная сделка.

– Он убивает тебя – этот вирус?

Шлегель молча кивнул – видно, ему не просто ответить... ведь в одном слове все – его короткая жизнь, его скорая мучительная смерть.

– Да.

– Ты уверен?

– Да.

– Быстро?

– Быстро, Вольфганг. Быстрее той шлюхи, истекшей кровью у меня на руках.

– Что с ней? Я видел ее час назад – выглядела она паршиво, но не настолько, чтобы через час в покойницкую отправиться.

– Кровотечение – легочное.

– Ты варианты с другой заразой рассматривал? Не с вирусной, а с – бактериальной. С бактериями этот вирус не воюет – только с вирусами и бактериями близкими к вирусам.

– Волей судьбы ко мне в руки попали серьезные средства борьбы с бактериологическим оружием – со всем... и с последними разработками противника, Вольфганг. Эти препараты – не работают... инфекция – распространяется. Это он, Вольфганг, – это этот вирус... вирус-целитель.

Я вдохнул глубже.

– Шлегель, клади оружие и иди ко мне. Пора нам пришла думать – друг с другом, а не друг против друга.

Я отшвырнул пистолет и опустился на парапет. Стукнул по пропыленному парапету рукой.

– Садись подле меня, саксонец.

Шлегель оставил оружие, подошел к парапету, стряхнул с него пыль. Я стянул парик, открывая лицо лунному свету. Немец пристально присмотрелся ко мне, кивнул и сел рядом, устало опуская голову.

– Вайнер... датчанин...

– Я.

– Не знал... и не предполагал. Я полагал, что ты скромнее... порядком скромнее.

– Ты и должен был так думать.

– Стяжатель... Я бы подумал так, если бы не эта глупая выходка с девицей.

– Я молчу.

– Послушный русским “волк” под человеческой личиной... верно, Вайнер? Или мне называть тебя – Вольфом?

– Как вздумаешь, так и называй – не важно уже. Не отклоняйся от темы, Шлегель... от шлюхи, вернее.

– Ты следил за мной и за ней... Ты видел ожоги на ее руках?..

– Видел. Решил – такие, как ты, перестарались.

– Я решил так же. Только час спустя такие же ожоги появились и на моих руках.

– На мне таких меток нет.

– Скоро появятся.

– Предположения?

– Думаю, вырвавшийся на волю вирус, неконтролируемый нашими вирусологами, со временем преобразовался в человеке и приобрел способность погубить человека.

– Я тоже так думаю. А ваши вирусологи, ваши власти знают?

– Нет. А ваши?

– Нет.

– Значит, никто ничего не знает, Вайнер.

– Никто... Ничего... Мы одни...

Мы замолчали. Мои мысли носятся по кругу, словно я гоняю их на корде, как нервных коней. Я не могу... не могу мыслить.

– Шлегель, мы обязаны сообщить... на обе стороны.

– Тогда нам конец.

– Нам и так конец, Шлегель.

– Я предпочитаю конец – не такой, какой ждет тех, кто попадает к ним в руки – к нашим властям, к нашим военным вирусологам.

– Мы скрылись, скрыли следы, преследуя личные цели. Ты понимаешь, Шлегель? Не останется и следа. Нам и зачистка не понадобится – зараженные люди погибнут. И пусть они погибнут при неясных обстоятельствах и от неизвестной болезни – никто никакой четкой информации об инфекции не получит. Ты понимаешь? Зараженные люди попадут в обычные больницы, к обычным врачам, которые не распознают в болезни ваш вирус. Они не обнаружат ничего особенно подозрительного и при вскрытии. Они просто не будут искать, не будут проверять. Подумают, что это – туберкулез кожи и легких или его аналог. Они не обратятся к вирусологам, не сообщат военным.

– Я знаю, Вайнер.

– Здесь бессильны и люди наших спецслужб. Шлегель, никто не знает, что вирус изменился, – его захватнические проявления неизвестны ни нашим, ни вашим. Никто не станет искать признаки поражения, похожие на его захват, – никто не найдет никакой связи с этим вирусом.

– Вайнер, я знаю! Но я не собираюсь жертвовать собой из-за этого.

– Шлегель, здесь наши жизни не имеют значения... имеют значение только часы.

– Не имеют. Оружие под этим кодом еще не запущено.

– Его готовятся запустить – только приказа ждут! А его нельзя запускать!

– Выбора не будет – вирус будет запущен... так или иначе. Его распространят, невзирая на последствия, и будут разрабатывать средства его контроля и ликвидации после заражения.

– Шлегель, это займет годы... Его нельзя...

– Оружие будет применено. Враг внедряется в систему с беспорядками, стараясь подчинить наши власти и обрести над нашей страной полный контроль. Он не оставит в покое и вас – и вы не позволите ему разрушить вашу подорванную державу. Вирус будет внедрен в ДНК человека в целях обороны и в ближайшее время на обширных территориях.

Я вскочил, чувствуя, что кровь отливает от лица.

– Шлегель, кто бы вирус ни внедрил, когда бы это ни произошло, я... После твоей смерти, я передам твой тканевый материал моему и твоему командованию... как и тканевый материал крысы.

– Верни нашим крысу. Наши вирусологи должны исследовать ее.

– Верну. Без условий верну. У меня нет выбора.

– Думал надавить на нас?

– Думал. Только больше этот вариант не годится. Я обязан передать начальству тканевый образец зараженного зверя. Его ДНК перестроен – вирус не причиняет ему вреда.

– Этот зверек – не просто его носитель, он – его источник... в нем создан этот вирус.

– Я знаю, Шлегель. Еще знаю, что эту крысу не заменят никакие копии.

– Копии созданы. Но этот зверь – первый.

– Первый, прошедший все проверки?

Шлегель кивнул. Мы оба обреченно замолчали. Рухнули не только все мои планы, но и все мои надежды, смененные одним только ужасом перед предстоящими нам испытаниями.

Глава 35

Притащил Шлегеля в подземное пристанище, где меня ждут мои товарищи... Войцех смотрит на меня в немом ожидании, но я... Отвожу в сторону девушку, затаскиваю ее в подворотню чуть поодаль... Агнешка... Целую ее руки, внимательно осматривая. Есть – метка на запястье. Ее кожа повреждена... Вашу ж...

– Агнешка, что это?

– Не знаю. Наверное, ожог или ссадина. Я так нервничала... Наверное, я не заметила, как...

Я скосил глаз, всматриваясь во мрак, и она осеклась, смотря на меня с тревогой. Трое преграждают путь с одной стороны подворотни, трое – с другой. Стрелять они, похоже, не намерены. Они пришли угрожать и грабить или брать и требовать ответов на вопросы. Черт...

– Агнешка, не кричи. Что бы ни было, – соблюдай тишину. Я троих с дороги уберу, других – задержу. Как только дорогу открою, – беги. Ясно?

– Они убьют тебя...

– Хотели бы убить – убили бы давно.

– Я не уйду... Они же... Они убьют тебя...

– Ты уйдешь и позовешь Войцеха. Ясно?

– Я не оставлю тебя в беде одного, Вольф...

– Дура! Готовься бежать быстрее. Один идет к нам. Подойдет, – начнешь отсчет. Через тридцать секунд я путь расчищу, и ты уйдешь. Остальных надолго мне не сдержать, так что готовься бежать быстрее и беги во весь дух.

Дал ей свой заказной клинок с двумя боевыми поверхностями.

– Под коленом режь чуть что, или – по горлу.

Не выношу ближнего боя – особенно, когда у врага явное преимущество в числе и весе. Просто, у меня никогда не было таких преимуществ – я достаточно хрупок, не отличаюсь особой силой и обычно хожу один – вот и стараюсь не ввязываться в рукопашную, а расчищать себе путь с расстояния выстрела из винтовки. Взять верх я могу лишь за счет скорости. Только без пространства мне, требуемого на такие действия, времени не выкроить. А стоит мне их подпустить, они мне пространство отвоевать не дадут – силой задавят, не позволят и развернуться. Как только они подойдут – мне конец.

Я прокрутил в голове каждое действие, каждое движение. Жду, подпуская одного противника – первого посланника, с наглым видом перекидывающего в руке нож. Он смотрел в мои спокойные глаза, но, подойдя, перевел взгляд на мои чуть разведенные в стороны руки. Не стал напрягать его дерготней и лишними движениями – мне не должно давать ему никакого повода подозревать опасность и повышать сосредоточенность. Тогда я расправлюсь с ним запросто и заставлю остальных занервничать и потерять ориентацию. Еще шаг и...

Я резко рванул в сторону. Обогнул его так быстро, что он и обернуться не успел. Сзади ударил обитым железом берцем ему в ухо. Он рухнул. Я пригнулся, подобрал его нож и достал из-за голенища свой кинжал. Перекинул клинки, берясь за обухи. Резко выпрямился и выбросил обе руки вперед. Метнул ножи с обеих рук, метя обоим противникам в головы, в глаза, а не в грудь, учитывая, что на них может быть броня. Я не промахнулся. Оба клинка попали в цель и повергли обоих противников. Только девушка осталась стоять на месте. Черт...

Похоже, меня решили не брать, а убирать без особых задержек и раздумий. Огнестрельного оружия я так и не заметил, только перед глазами сверкнул направленный мне в горло клинок. Я коротко стукнул открытой ладонью по лезвию, отклоняя его. Уклонился от удара и снова стукнул по занесенному надо мной лезвию открытой ладонью. Перехватил руку нападающего противника, перекидывая его через плечо. Он рухнул на спину, роняя клинок. Я въехал ему тяжелым берцем в голову и бросил его подышать, переключаясь на остальных. Не уверен, что убил его, а не вырубил, но добивать нет времени. Он выведен из строя – и довольно с него. Его товарищ схватил меня со спины, но я вывернулся – вылез из куртки, как змея из кожи.

Оборачиваясь, остановил нацеленное мне в лицо лезвие, – перехватил его, пуская в расход левую руку и не замечая врезавшегося в ладонь лезвия и стропореза. Правой – въехал противнику под челюсть, но... в глазах потемнело от удара рукоятью ножа в висок. Развернулся к недругу лицом, но... Вашу ж...

Глава 36

Открыл глаза и осторожно осмотрелся. Зажженный фонарь валяется рядом со мной на асфальте и светит в стену. Подле меня на коленях стоит Шлегель. Он держит меня за руку – пульс считает. Сейчас и я ему пульс посчитаю. Под моей рукой, крепко сжимающей его шею, часто застучало его сердце.

– Вайнер, это не мои люди.

– Кто они?

– Не знаю. На них нет никаких опознавательных знаков и при них нет никаких документов – ни удостоверений, ничего. Один ушел, но Войцех должен его взять.

– Я у одного матовый клинок с характерной заточкой приметил – такие у вашего спецназа на вооружении. Только насторожило меня, что хозяин его вперед пошел и напоказ его выставил.

– Они не наши. Они славяне.

– Я вижу, что славяне. Поляки, похоже.

– Или русские.

– Думаешь, русские?

– Не знаю. Нельзя исключать.

– Час от часу... только хуже. Что с Агнешкой?

– Она в порядке – просто испугалась. Она в первый раз у человека жизнь отняла – ей нужно время привыкнуть к мысли о чужой смерти от ее руки.

– Она прикончила одного из них?

– Прирезала. Подняла нож, подошла со спины – и по шее. Как свинью его... Навыка у нее нет, рука не привычная – крови пролилось столько, что у нее рассудок помутился. Последний противник решил с ней не связываться. Когда мы с Войцехом подошли, он скрылся. Я Войцеха за ним послал.

– Он решил с ней не связываться?

– Не время.

– Говори. Хоть в двух словах.

– Когда мы пошли проверять вас, нашли тебя вырубленным... и ее подле тебя с клинком в руке. Она, как безумная кошка, на меня бросалась, не подпускала к тебе – с трудом ее от тебя оторвал.

– Моя Агнешка?

– Не ждал такого от своей Агнешки? Никто не ждал, Вайнер. За счет этого она тебе жизнь и спасла. Нам нужно срочно спрятать трупы и скрыться. Иди успокой ее скорее. Меня она не слушает.

Опершись на его руку, я поднялся и осмотрелся. Агнешка сидит у стены и молча глядит сухими глазами на замаранные кровью руки. Подошел к девушке и с трудом опустился перед ней на одно, еще не окончательно преклинившее, колено. Не время ругать ее и выговаривать за непослушание.

– Агнешка, я тебе жизнью обязан.

Она подняла на меня глаза и схватила мою руку. Она впиалась в мою руку обеими руками так отчаянно, что причинила мне изрядную боль, но я решил терпеливо ждать, когда она ослабит хватку, и не рваться.

– Это было необходимо... Верно, Вольф? Я не могла поступить иначе... Правда, Вольф? Я не имела права поступить иначе... Я ведь права, Вольф?

– Конечно, ты права. Ты все сделала правильно. Так было нужно. Для дела.

– Для дела? Для тебя, Вольф. Я не могла смотреть, как они... Они били тебя у меня на глазах и... Они бы убили тебя...

– Убили бы. И тебя, и меня. Или сдали бы нас обоих, недобитых. А нам попасть в плен – равно погибнуть. В чьи бы когти мы ни попали – нас будет ждать один конец. Все руки, в которые мы можем попасть, – руки старухи с косой. Ты поступила правильно и сделала все, что должна была сделать. Ты справилась и спасла от смертельной опасности нас всех, включая Войцеха и Шлегеля.

– О боже... Я убийца...

– Как все мы, – и я, и Войцех, и Шлегель. С этого часа ты такая же, как мы, – защищающие себя, своих людей и свою страну бойцы. Ты подумаешь и поймешь, наконец, что воины убивают в бою, а мясники забивают на бойне. Ты найдешь разницу. Только думать об этом ты будешь позже, когда мы выберемся из беды.

– О боже...

– Бог простит, судьба пощадит. А поле бранное нам никто расчистить не поможет. Место, может, для побоища и подходящее, но нам на нем задерживаться нельзя. Надо следы замечать и уходить. Так что скрепляй дух и собирай силы. Думать будешь обо всем, что душу травит, когда скроемся. Ясно?

Она резко вздохнула и залилась слезами – значит, ее отпускает... скоро она отойдет от мук совести и сможет идти. Я постарался освободить свою растерзанную руку, но девушка только крепче сцепила пальцы.

– Отпусти. Мне надо помочь Шлегелю.

– Я не могу разжать пальцы...

– Разжимай. Медленно.

Шлегель трудится, как пчела, – так же безразлично и терпеливо. Он стащил к стене тела, засыпал кровавые ручьи мелким щебнем, скрутил решетку и осмотрел сточную трубу. Я обшарил трупы – знаю, что Шлегель обыскал их аккуратно, но я его словам не доверяю. При мертвецах не оказалось ничего, наталкивающего на подозрительные мысли. Шлегель мог что-то скрыть и спрятать, но его я решил проверить позже, а пока – просто присматривать за ним. Пусть он и взял у них что-то, – ему от этого незаметно от меня не избавиться.

– Шлегель, давай я дальше. Ты что-то дышишь тяжело. Отдыхай.

Я отстранил его, заглядывая в сточную трубу.

– Нам их так просто не спустить. Надо протолкнуть.

– Верно, Шлегель... Ты крысу видел внизу?

– Я спугнул ее... их. Их много...

Шлегель вопрошающе поднял тонкую бровь, когда я расстегнул ремень.

– Я спущусь, Эрих. Мне нужны крысы.

Он поднял бровь выше, но я без дальнейших объяснений сунул ему в руку ремень. Просветил проржавевшую трубу и пошел – ногами вперед и с поднятыми вверх руками. Спрыгнул вниз, на сухой слой коррозии.

Иду по следам крыс, разыскивая их гнездовье и натягивая перчатки.

Глава 37

Шлегель кинул мне ремень и подтянул меня. Но как только я начал выбираться, он бросил ремень. Собрался его обругать, но увидел, что его душит жестокий кашель, и поспешил к нему.

– Шлегель... Кровь... Кровь у тебя на губах... Это их кровь?

Немец поднес руку ко рту, и темная струйка потекла через его пальцы. Он опустил невидящие глаза и упал. Я, обмирая от ужаса, приподнял его, на вид уже безжизненного. Вспомнил, что нужно поднять человека с легочным кровотечением и поднял его. Точно, – с легочным кровотечением нужно поднимать, а с желудочным – опускать, чтобы пресс не напрягся и кровотечение не становилось сильнее. Я положил на колени его голову. И вспомнил, что нужно повернуть голову в сторону, чтобы человек не захлебнулся собственной кровью.

Агнешка схватила меня сзади за плечи и испуганно зашептала.

– Что с ним, Вольф? Он ранен? Он же не ранен...

Я вздрогнул... и мои зубы застучали в ознобе. Что я ей скажу? Что?! Скажу, что это наш вирус?! Скажу, что нас всех в скором времени ждет такой же конец?!

– У него туберкулез. Он умирает. Быстро умирает.

– Ему нужна наша кровь...

– Нет. Туберкулез не вирусное заболевание. Наш вирус с его возбудителем бороться не будет.

– Мы можем ему помочь? Хоть как-то?!

– Он обречен.

– Вольф, но ведь туберкулез лечится...

– Поздно. Его заболевание запущено и неизлечимо.

Войцех явился, таща вырубленного бойца, и встал, возвышаясь над нами скалой.

– Ян, а что с немцем? Ты его что, отключил, да?

Я постарался выжать из себя ответ, но мне пришлось сжать зубы, чтобы не стучали.

– Ян, ты что такой бледный? Сильно по голове дали, да?

Войцех бросил обмякшего бойца и свалился перед нами на колени, присматриваясь к мертвецки заостренному лицу Шлегеля.

– Да он весь в крови – немец наш... Ян, да что тут такое творится?!

Я показал поляку в сторону сваленных у стены трупов. Он не понял.

– Войцех, спусти их всех в сточную трубу. Живо!

– Всех? А этого?

– Этого с собой возьмем. Допросим.

– Ян, я ему кажется...

– Что?

– Ян, замучился я его преследовать и... Как нагнал – так и шибанул в поясницу. Я только сбить его собирался, а он...

– Позвоночник?

– Да, хрустнул...

– Только в поясничном отделе?

– Да... вроде да.

– Ничего, у него только нижние конечности парализует. Он нам все расскажет, когда в сознание придет.

Игорь Иванович! Эх, Игорь Иванович, не знаю, что вам и сказать... Не вы же этих людей к нам подослали... Не вы же?..

Глава 38

Притащили полумертвого немца в подвал... и парня с перебитым позвоночником прихватили... Что теперь – не знаю. Если Эрих умрет сейчас... Я понятия не имею, как передать образцы его тканей немцам и нашим. И как крысу передать не знаю еще. Все рушит мои планы... и – стремительно. Не стал долго ждать, а отлил из склянки яда и разбавил смертоносные капли простой водой.

– Эрих, пей, пока я не придумаю, что еще делать. Это серьезный яд, он должен приостановить процесс.

– Мою смерть? Но как?

– Не знаю. Просто, порой яды в малых дозах приостанавливают поражение организма.

– Инфекция распространилась.

– Ее еще можно сдержать. Должно попытаться.

– Я не знаю, как действует этот вирус в связи с иммунной системой. Мне неизвестно – нужен мне иммуностимулятор или иммуносупрессор.

– А мне неизвестно, как действует яд в таких случаях. Нужно хоть попробовать. Ничего иного просто нет.

– Ты дозу рассчитал?

– Да, это я знаю. Это единственное, что я сейчас знаю...

Не стал ждать без дела, пока парень с перешибленным позвоночником прочухается, а взялся за крыс, собирая кровь у себя и приятелей. Заражаю зверьков, помечая, – обрезая клочья шерсти. Посмотрим, в ком вирус меняется быстрее. Ясно, что иммунная система шлюхи пострадала от кучи инфекций, и вирус в ее теле стал крепнуть скорее, чем в наших. Но и мы все... Мы все – в длительном стрессе, и наши иммунные системы не в порядке. Просто, в нас вирус меняется медленнее... медленно, но верно. Вот я и собираюсь посмотреть, насколько быстро крысыдохнуть будут. У крыс ведь обмен выше – в их телах все быстрее происходит, и вирусы быстрее действуют. По их смертям мне порядок очередности наших смертей станет ясен. И, ориентируясь по реакциям крыс на яды, я соображу, как мне притормозить инфекцию. Это даст мне время организовать передачу. Ведь главное сейчас – передать образцы пораженных тканей вирусологам... и немецким, и нашим. Просто, сейчас все должны искать причины изменения вируса и средства борьбы с ним. Так мы сможем получить результат – не свой, так чужой...

А Агнешка с Войцехом... Им я ничего не скажу. Пусть пока думают, что у нас риск заразиться особой, тяжелой, формой туберкулеза... А когда я не смогу скрыть от них болезнь, скажу, что мы

туберкулез от Шлегеля подцепить могли. Все ж не так страшно, как совсем неизученная и неизвестно какая инфекция.

Глава 39

Посадил крыс в коробки, чтобы с моей главной крысой не контактировали. Сжимая больную голову руками, подошел к парню, сваленному на полу, как труп. Он очнулся, но в глаза не смотрит и скрипит зубами от боли. С него толку не будет. Прикончил его тихонько и оттащил к остальным. Видно, нам не суждено знать, кто на нас вышел... и вышел ли кто-то вообще. А к черту. Все равно на месте ждать не останемся. Надо к германской границе двигать... Надо со Шведом на связь выходить и... Черт... Столько всего сделать надо, а меня трясет от адреналина и боли всего... На обратном пути меня стало знобить от перенапряжения так, что я прижался к стене возле входа в подвал. Гибнем... Мы все гибнем – только с разной скоростью... от одной инфекции, только с различной скоростью. Ничего, все крысы еще живы... у нас еще есть время. У меня еще есть время на то, чтобы угнать машину и двинуть к границе Дойчланда... к пещерам на германской границе... к пещерам, в которых солдаты Третьего Райха сделали переходный тоннель... Там я скрою свою обезумевшую от страха девушку, своего растерянного братишку и исходящего кровью контрразведчика... там я встречу со Шведом, если он отзовется, если он доберется...

Глава 40

Я плохо помню, как взял машину, как сменил ее в пути, как проделал весь этот путь... Я вообще – плохо помню, плохо запоминаю... Крыса Шлегеля сдохла в дороге, лишь чуть опередив крысу Агнешки... Мой зверек еще держится, но на его рту насохла корка крови... Только зверек Войцеха еще так себе – в нем вирус активизируется не так скоро... как-никак – поляк парень крепкий. А меня война подорвала, вернее – пытки в плену...

В пограничных пещерах я никогда не был – подбираюсь к ним по картам. Крысы... Они должны там быть, как везде... Ведь мне нужны еще крысы... Мне нужно знать, как яды действуют на эту заразу. Как-то ведь – действуют... ведь саксонец – еще жив, хоть и плох... Не знаю, стимулирует этот яд иммунитет или угнетает – он действует на вирус, и дает отсрочку.

Глава 41

Подземелья были перекрыты, но мне со Шлегелем провести туда товарищей труда не составило. Расположились прямо в проложенном немцами коридоре. Их казармы пусты, как и пещеры, – все, что не забрали немцы, растащили поляки. Здесь нет ничего – только каменные стены и мрак. Как нельзя более неподходящее место для людей, думающих о скорой смерти. Пусть поляки считают, что у них особо тяжелый туберкулез. От этого им не намного легче все это вытерпеть будет. Но так лучше... у них – хоть надежда есть, что их болезнь, если и не излечима, то – длительна... А нам со Шлегелем надеяться не на что... только на передачу тканевых образцов, на будущее наших стран.

Агнешка от немца не отходит совсем – только и делает, что повязки ему на руках меняет... у него ведь совсем кожа облезла. Сыпь и у Агнешки, и у меня появилась... и скоро кожа сойдет. Но ничего – это терпимо, это еще не беда.

Засветил экран в моей руке, вызываю товарища и пишу, торопясь...

– Швед, откликнись наконец!

– Я в порядке, Охотник!

– Ты куда пропал?

– Да пока разобрался со всем... Трудно пришлось, но... Все в порядке!

– Швед, не порядок тут у меня. Ты мне нужен срочно. Дело важное – безотлагательное.

– Что еще стряслось? Снова запой, снова открывалка нужна?

– Нет... Контейнеры нужны.

– Что-то я не соображу никак... Знаешь, не выспался я просто, да и подхватил этот кашель...

– Мне контейнеры нужны для передачи вирусологических образцов. И клетка – изолятор для подопытного зверя.

– Ничего себе!

– Швед, давай без вопросов. Достань все через человека, который тебе в Берлине документы передал. И направляйся к польской границе. Я тебе карту с пометками оставлю на старом месте.

– Охотник, только у меня денег нет совсем. Я в Берлине еще не освоился, мне время нужно деньги достать...

– Я достану тебе... Ты жди... только жди.

– Постой, Охотник! Здесь же везде эпидемиологи карантинные зоны делают, блокпосты военные ставят...

– Пройдешь, Швед. Ты должен пройти. Все делай через того человека, координаты которого я тебе дал. Он в курсе всего, он все задачи решит. Ты только слушай его – и все.

– Охотник, а что если я одну из этих инфекций подцепил? Что-то вроде пневмонии?

– Не думай сейчас об этом – просто езжай ко мне.

– Как не думать?

– А вот так. Об этом я думать буду, когда ты приедешь.

Риск – запредельный риск... Но и черт с ним! Агнешка лезет мне под руку с неуместными ласками – страшно ей, одиноко...

– Агнешка, иди пока со Шлегелем посиди.

– С ним Войцех остался. Я устала, Вольф... Так устала... У меня голова мутная... Мне кажется, что я сильно заразилась... Эта болезнь сдирает кожу у меня с рук, с шеи – клочками, как от солнечного ожога... Но ведь туберкулезом так сразу и сильно не заражаются, Вольф...

– Этим – заражаются. Мы ослабли, видно, все от стрессов. Ты на Войцеха посмотри – он ничего еще... здоровый парень – и ничего.

– Видимо, участь у нас с тобой такая, Вольф... Просто, Бог нас испытывает постоянно... Но он ведь испытывает только тех, кого любит...

– Это садисты мучают тех, кого любят... Вообще, они же свою добычу любят. А твой бог... Не думаю, что твой бог о нас много думает... У него посерьезнее дела есть, как и у нас.

– Вольф, скажи мне, что все будет хорошо.

– Я не знаю, как все будет.

– А ты все равно – скажи, что все будет хорошо.

– Сказку тебе рассказать?

– Да, расскажи... только с хорошим концом.

– Давай в другой...

– Расскажи.

– Не сейчас. У меня в голове пока одни расчеты. Просто и у нас, и моего другого друга до черта врагов... Мне нужно просчитать все их ходы... и вырулить со всех этих заблокированных дорог.

– Тогда дай мне посмотреть на тот страшный нож. Я хочу только посмотреть...

– Не надо тебе.

– Я убила человека, Вольф... Этим страшным ножом... Мне нужно на него...

– Это нож бойца – он тебе больше не нужен.

– Прошу, дай мне его посмотреть...

– Помолись, Агнешка... Попроси своего бога дать тебе забвение.

– Я никогда не забуду этого, Вольф...

– Я знаю... Черт... Жаль, что тебе пришлось это сделать... Я не досмотрел... Я обещал, что пылинки с тебя сдувать буду, а вышло все...

– Ты хотел меня защитить... и я хотела тебя защитить... Дай мне свой клинок... он ведь отныне не только твой, но и мой... Я посмотрю и... помолюсь за наши души.

Вложил в ее руку собранный клинок, и она оцепенело уставилась на него. В первый раз всем убить трудно. Это этапный момент – после него многое меняется, если не вся жизнь вообще. Первое убийство, как и первый секс, – не забывается. Я тоже помню – все, даже мелочи... Но к черту... Мне нужны деньги – срочно нужны... А срочно я их только у одного человека сейчас

взять могу – у моего... не знаю, кто он мне – враг или друг... так и не решил еще. Спешно переключая линию и пишу...

- Ричард, отзовись! Ты меня помнишь? Ты наше ползание под солнцем пустыни помнишь?
- Связист?..
- У меня к тебе просьба есть, как к... другу.
- Постараюсь... А что нужно?
- Я тебе так написать не могу. Только... шифром.
- Каким?
- Ты стихи помнишь? Помнишь, что книгу эту от корки до корки прочесть хотел?
- Помню конечно. Я Элизабет читал...
- Ты помнишь, что редкое издание добыть собирался?
- Помню, конечно... Из него и читал...
- Так вот открой его и за цифрами следи...

Глава 42

По моим расчетам Швед должен сейчас считать деньги Ричарда. Но точно я этого еще не знаю. Мне нужно набраться терпения – и ждать. Мне нужно соображать скорее. Я ведь сейчас в такой ситуации... а моя голова отказывается думать, заставляя меня полностью полагаться на судьбу, что неприемлемо в моей ситуации. Шлегель... Он точно не знает, что Стяжатель – я, но он – подозревает... Если его подозрения зайдут дальше – мне конец еще быстрее, чем я рассчитал. Он меня выдаст... и не посмотрит на то, что происходит. Шлегель поддыхает у меня на глазах, но он – и полумертвый опасен. Он не постарается предотвратить передачи нашим – в этом деле он мыслит, как я. Думает, что у исследователей нескольких стран скорее получится найти средства контроля над вирусом-целителем. Но меня он сдаст, как только поймет, кто я такой... невзирая ни на что, сдаст. Ему плевать, что он погибает, что погибаю я – его ничто не остановит, когда так серьезно все обернется. Остается – только ждать. Ждать и соображать быстрее.

Агнешка вернула мне нож, осторожно проведя напоследок пальцем по острому лезвию.

- Вольф, с кем ты выходил на связь?
- С друзьями.
- Они помогут?
- Да, чем смогут.
- У них есть лекарство?
- Пока нет... Но у нас еще есть время его найти.
- Вольф, мне кажется, что от яда, который мы все пьем, мне только хуже...
- Это не от яда – от болезни... Яд – ее тормозит.
- Но твои крысы умирают так быстро... это все от яда – ты их травишь.
- Может, дозу не верно рассчитал... Крысы мелкие твари – им яда меньше, чем нам нужно, чтобы насмерть отравиться.

Не стал говорить Агнешке, что крысы, которых я травлю, живут дольше... что все онидохнут от вируса, который только слегка тормозится от моего яда. Агнешка и так много прошла – ей не следует знать, что она скоро умрет в мучениях, как и Войцеху.

- Вольф, а твои друзья будут с нами? Они придут к нам?
- Один – придет. Швед – мой старый товарищ.
- Твой друг швед?

Агнешка задумалась, подозрительно нежно поднеся руку к груди.

– Ты и не думай, какой он. Не красавец он. Да и девушек он замечает только на экране компьютера. За пределами экрана он видит только вышки, с которых летает, или развалины, в которых рыскает. Швед – хакер и экстремальщик. Такой он – аутсайдер мой друг.

- Швед – его прозвище?
- И да, и нет. Он настоящий швед и его называют – Шведом.
- А как его зовут, секрет?

– Мартин Йонсон. Только не называй его так – ему будет обидно.

– А что такого?

– Не по душе ему имя.

– Мне кажется, что оно нормальное.

– А ему так не кажется.

Шлегель вдруг поднял голову, всматриваясь в нас через полумрак.

– С ним что-то не так – с твоим товарищем?

– Он нормальный – просто, не по нраву ему называться именем белого гуся.

– Гуся из сказки про хулигана Нильса и дикую гусыню Акку.

– Точно, была и финская гусыня.

– Акка – не финское имя, Вайнер.

– Имя – финское, а фамилия у гусыни – шведская. Просто, она – перелетная! Как мы, Шлегель!

Войцех в недоумении полез с расспросами про сказки, но мы заспорили со Шлегелем и отмахнулись от его вопросов.

– С норвежского переводится – старая! Старая Акка!

– Финны заимствовали слово.

Войцех все-таки встрял.

– Вы что, оба так хорошо финский знаете?

– Мы оба его вообще не знаем!

– А что тогда спорите?

– Настаиваем на своей правоте!

– Так вы ж не знаете языка, о котором спорите.

– Не важно! Наш спор не на выяснение правды, а на проявление настойчивости ведется!

– Ясно... А что хоть за сказка?

– Расскажу тебе на ночь, Войцех!

– Ее специально у вас учат?

– У нас?

– У разведчиков?

– Что, сказку? Да ты что?

– А откуда вы все ее так хорошо знаете?

– Да откуда ж мне знать?! Совпало так!

– Ян, а что ты злишься? Не из-за гусыни же?

– Нет. Конечно, нет! Не знаю!

Глава 43

Я ушел встречать Шведа задолго до условленного с ним срока. Через темноту прокрался к проходу, слушая тихие голоса. Агнешка замолчала, осторожно снимая повязки Шлегеля. Она так же молча осмотрела его разъединенную вирусом рану и аккуратно обработала ее антисептиком. Он нежно взял ее за руку, и она подняла на него светящиеся глаза.

– Потерпите, герр Шлегель, я скоро закончу.

– Агнешка, я давно наблюдал за тобой...

Девушка, зардевшись, отвела глаза. Какая же она у меня... Черт... Да и Шлегель... Проведя поврежденной рукой по ее лицу, он прижал палец к ее губам.

– Я давно наблюдал за тобой. Я узнал твою душу.

Агнешка остановила на нем встревоженный взгляд, но его костлявые руки не оставили ее разгоревшихся губ, и она не произнесла ни слова.

– Я понял, что обязан предупредить тебя. Будь с ним осторожнее. Ты притерпелась к нему и потеряла бдительность. Не приближайся к нему, не требуй от него ничего. Он опасный человек... опаснее, чем кажется.

Агнешка бережно обхватила его руку и быстро зашептала.

– Я знаю, герр Шлегель. Только он... Он один может защитить меня... и он – защищает. Вам должно быть известно, что я живу, только пока терплю его.

Шлегель поднес ее руки к губам.

– Ты знаешь, что он сравнивает себя с волком, только тебе не известно, насколько его сравнение верно. Не думай, что исправишь его, не жди, что такой зверь, оказавшись среди людей, научится человечности. Люди, забравшие волка из леса, жестоко ошиблись, считая, что способны приручить его. Они научили его подчинению, но все пошло прахом. Они забыли, что нельзя сделать волка собакой в одночасье – на это требуются века. Не жди чуда и ты. Ему безразличны твои мольбы, как богу – твои молитвы. Ты – дитя светлого царства грез – волей судьбы попала в наше, сумрачное и жестокое. Тебе не место в нашем грозном мире. Беги от него, как только появится возможность, – беги и не оглядывайся.

Он гладит ее волосы, и она, как зачарованная, неотрывно смотрит в его глаза... как зачарованная жертва.

– Я не могу уйти. Он не отпустит меня. И мне... мне просто некуда идти, герр Шлегель. И нет никого, кто...

– У тебя есть друг. Уходи с ним – он силен и не так глуп, как кажется вначале знакомства.

– Войцех? Он мне – только друг. А Вольфу он – брат. Он пойдет с ним, а не со мной.

– Ты ошибаешься – он будет твоим любовником, как только ты дашь ему знак... только позови, и он снова будет твоим любовником. Уговори его, убеди – и делай его руками все, что тебе требуется. Пока “волк” верит вам обоим, – вы властны над ним... вы справитесь с ним вдвоем.

– Герр Шлегель, Вольф не доверяет ни мне, ни ему... ни вам – никому.

– Ты ошибаешься – он устал и, стоит тебе постараться усыпить его, уснет у твоих ног. Ты знаешь его желания, значит – в твоих руках сеть, в которую ты способна его поймать. Тебе известно, что ему нужно, значит – у тебя в руках цепь, на которую ты способна его посадить. С твоей красотой и умом ты всемогуща. Один твой взгляд поставил меня на колени, Агнешка.

– Герр Шлегель...

– Молчи. Я не смею стоять и у твоих ног... я умираю, Агнешка. Но я надеюсь на то, что ты... останешься жить. Я желаю... твоего счастья.

– О, герр Шлегель, я...

– Молчи. Я буду способствовать тебе, Агнешка. Ты сможешь вить из своего “волка” веревки. Только ты должна рассказать мне все, что знаешь об этом страшном человеке.

– К сожалению, я ничего не знаю о Вольфе... только то, что он травил крыс и... Нет, я не знаю, кто он... Он разведчик и защищает меня – это все, что мне известно.

Я сжал зубы и разжал кулаки, осторожно разгибая пальцы. Ясно мне, что он задумал. Искушает невинную душу! Морочит разум боящейся до беспамятства девушки! Я метнулся к нему из темноты. Кошачий прыжок – и я рухнул ему на грудь. Прижал коленями его руки, а рукой – его горло. Нагнулся к нему и заорал ему на ухо, стараясь сбить его мысли с дороги так же неожиданно, как сбил его с ног.

– Шлегель, не думай, что смерть от моей руки будит менее страшной, чем от этой заразы! Ты не подступишься ни ко мне, ни к моей девушке, ни к моему бойцу! Я не позволю тебе разделить нас распрей и выдать всех с головой!

Я перешел на едва различимый шепот, заставляя его прислушиваться, и снова закричал, оглушая его, не давая ему сосредоточиться и собраться с мыслями.

– Не ты забереешь у меня все, а я – у тебя! Я заберу у тебя все, Шлегель! И твои шкуру! А главное, – твою правду! Ты расскажешь мне все, что знаешь – обо мне, о моих людях!

Войцех продрал глаза от моего резкого крика и постарался отодрать меня от Шлегеля, не отходящего от шока. Но я оттолкнул поляка, не отпуская пульса немца. Только Войцех, пользуясь своей неимоверной силой, охватил меня медвежьим захватом и оторвал от готового говорить Шлегеля, несмотря на мое отчаянное сопротивление.

– Ян, что ты?! Ты же прикончишь немца!

– Пусти, придурок! Он сейчас скажет! Пусти!

– Нет, Ян! Тебя по голове били! Ты убьешь его!

Я поник в руках поляка, понимая, что момент потерян, и немец, обретший четкость мышления, больше ничего мне не сообщит. Агнешка, все еще прикрывая рот рукой, перевела полный ужаса взгляд на меня.

– Вольф, ты можешь убить нас всех, но не можешь отрицать, что он сказал правду. Он сказал правду, Вольф! Про все!

– Ему нельзя верить, Агнешка!

Войцех нахмурился, смотря на мрачно молчащего немца и сурово складывая на груди руки.

– Если так, надо его прикончить.

– Нет, Войцех. Мы его не тронем – он и так умрет. А мне нужно знать, как и когда он умрет... и что он скажет мне перед смертью.

– Но он опасен, Ян.

– Он давит – всегда и везде. Он не позволяет вам заметить его давления и принуждает вас стать врагами себе, а не ему... и считать врагами друзей, а не недругов. Но он не опасен для вас, когда вы понимаете, как он делает вас опасными для себя. Главное, – не верьте его словам... не смотрите ему в глаза, не слушайте его голоса. Иначе он заманит вас в ловушку – заставит вас выдать себя и меня заодно. Пока вы все его приемы не изучите, он будет способен совладать с вами обоими – управлять и тобой, Войцех, и тобой, Агнешка. Он вам на подкорку будет воздействовать, не давая думать трезво и видеть ясно. Вы для него – ничто иное, как кролики для удава!

Глава 44

Подбрел к дороге – жду, блуждая в пролеске.

Вышел на дорогу, всматриваясь вдаль. Пошел обратно в пролесок.

Проехал грузовик, и я снова вышел на дорогу. Завидел впереди Шведа и замер, затаил дыхание. Он, в сапогах и штанах офицера СС, в шинели советского морского офицера и... в майке с пирамидой черепов... а на его голове – красные колючки и... Он направляется прямо ко мне, распевая походную песню на чистом немецком... Черт...

– Товарищ офицер, ты что творишь?!

Швед остановился, растягивая рот от уха до уха.

– А что, чисто же пою! Не спорь, у меня хорошо получается, хоть и кашель порой мешает! Немцы меня за своего принимают, а я же немецкий совсем недавно начал осваивать! Мне нравится! Я горжусь достижениями, Охотник, так что слушай дальше!

– Я не про песню! Про песню после! Я про форму! Про шинель и фуражку, Швед!

– А что, помянул Советский Союз... флот.

– Ты с ума сошел в таком виде расхаживать?!

– Я и в Берлине так – и ничего...

– Раздевайся!

– Что, здесь?

– Здесь!

– У меня с собой нет...

– Все равно, что смены нет, – раздевайся! И краску с волос смой!

– У меня и воды нет...

– Швед, ты что?! Что ты с волосами сотворил?!

– Покрасил.

– Так пожарные машины красят! Знаешь, зачем?! Затем, чтобы их все издали видели! Тебя видели!

– Конечно, видели, Охотник.

Я развернулся и рванул в кустарник – напролом, не помня о скрытности или простой осторожности.

– Тебя заметили и запомнили, Швед!

– Не меня, а мою шинель с якорями!

– И тебя, и твою шинель! Твою ж!.. Вырядился, красавец!..

– Подожди ты! Постой, Охотник!

Я встал среди колючек и закрыл лицо руками. Швед хватанул меня сзади за плечо – я повернулся к нему и крепко охватил его плечи. На меня разом нашла вся накопившаяся усталость, и я просто упал ему на руки.

– Охотник? Ты в порядке?

– Нет. Я умираю – медленной мучительной смертью. Такой же, как Шлегель, испускающий дух у меня на руках. Такой же кошмарный конец ждет и мою девушку... и меня ждет ее смерть на моих руках. Мне страшно, Мартин! Мне так страшно смотреть на ждущие меня мучения саксонца!

Швед, ничего не понимая, только начинает соображать, что все обстоит совсем скверно. Когда до него окончательно дошло, что с моим вызовом конец тревогам не пришел, он погас и поник... даже его огненные волосы словно потухли.

– Я сделаю все, что будет в моих силах. Ты только введи меня в курс дела, Охотник. Кто такой Шлегель?

– Немецкий контрразведчик.

– Даже так... А твоя девушка?

– Агнешка... Она была подопытной у немцев – у их вирусологов... я забрал ее у них. А Войцех... Он был боевиком... обычным бандитом. Я забрал и его. Он – мой боец... даже больше – мой брат. А главное, – крыса... Только важнее всего – вирус...

– Попал ты, Охотник, в переплет...

– Ты тоже... Мало того, что за тобой следят все, кому не лень, ты еще и смертельный вирус подцепил...

– Смертельный?.. Ты уверен?.. Уверен, что это он и есть?.. Вирус, от которого вся страна с ума сходит, от которого столько людей умирает?..

– Да. Это дело не тупиковое – у меня другой вирус есть – целитель. Он все другие – уничтожает. Но после – начинает захват.

– Значит, и он меня не спасет?..

– Спасет, но на время...

– Значит, у меня есть только... только какое-то время?..

– Точно. Как и у нас всех. Нам просто нужно потратить это время с пользой. Нам надо наши страны защитить – проинформировать... Просто, не имея сведений о развитии инфекции, никакие вирусологи не откроют противовирусное средство.

– Вот так дела...

Швед оглянулся на дорогу и сник еще больше, заметив колонну грузовиков с зараженным мясом... Их гонят в Польшу... а через Польшу – погонят в Россию. Инфекции... смертельные инфекции бесконтрольно бродят по всему свету... инфекции, изобретенные людьми.

Глава 45

Потащил приятеля к пещерам. Он всегда такой тощий был, но сейчас еще и – бледный совсем. Видно, что по нему болезнь прошла, и песни он поет из последних сил. Быстро он, просто, выдохся, идя следом за мной пролеском. Его горло рвет кашель, и дышать ему все труднее... и в легких у него, как бумага, хрустит... Ему не многим лучше, чем нам всем, а скоро – и еще хуже станет... вернее, – ему станет хуже скорее, чем нам всем.

Не знаю, что с ним делать?.. Не знаю, нужен ли ему вирус-целитель?.. Не знаю, отчего он дольше умирать будет?.. Думаю, от пневмонии он погибнет раньше, чем от вируса-целителя, взятого у Войцеха. Просто, Швед – моя последняя надежда... и моя, и Шлегеля... Он организует передачу на обе стороны... только он еще способен это сделать.

Глава 46

Долго договаривались со Шлегелем, но наконец все решили – вирус развивается в нас параллельно, так что ткани на анализ мы отдадим оба. И крысе придется поделиться кровью с

моим главным разведуправлением. Дали со Шлегелем Шведу координаты наших людей в Берлине и отправили его на задание, не давая ему времени на раздумья. Болезнь стала быстро его отпускать из-за нашего вируса, и у него будет еще светлый миг, когда он сможет все сделать. Только вернется он к нам в состоянии не лучше нашего... Что ж, иначе никому не устоять и не успеть исполнить долг. Швед еще не все понял, но это – к лучшему. Время понять у него еще будет – после его возвращения к нам, к умирающим во тьме и тиши.

Глава 47

Эрих Шлегель едва на ногах стоит, но подходит ко мне и кладет руку мне на плечо...

– Я хочу увидеть закат.

– Шлегель, не время.

– Я умираю.

– И что?

– Перед смертью мне нужно увидеть закат.

– Шлегель, ты...

– Вайнер, я умру на закате.

– Откуда ты знаешь, когда ты умрешь?

– Если я не умру до захода солнца, – я умру на его закате.

– Логика железная!

Шлегель терпеливо и холодно встретил мой “волчий взгляд” – до меня дошло, что он имеет в виду. Черт...

– Ты что, застрелиться собрался?!

– Слишком шумно.

Сел на камень подле него, опуская глаза в пол.

– Травиться будешь?

– Так проще всего.

– С какой стороны?

– С нашей.

– С нашей... С какой нашей? В Польшу тебя проводить или в Фатерланд?

– Я умру на своей территории.

– Что ж, пошли к вам.

Вывел Шлегеля в лесок и сел чуть поодаль под деревом.

– Эрих, здесь закат особо виден не будет...

– Да, тогда я повременю со смертью...

– Точно, ты еще мне плечо подставишь напоследок... Мне одному... мне со Шведом не справиться с такой задачей...

– Думаешь, базы данных наших вирусологов взламывать?..

– Думаю. Они же будут искать решение задачи...

– Только найдут спустя годы... после нашей смерти...

– Все равно – попытаемся.

Шлегель замолк, смотря в небо, словно вспоминая гулкое эхо пещеры в этой тиши.

– Вайнер, я не знаю, кто ты, но... Ты служишь русским...

– Да, вывод однозначен – никто иной такими вирусами так не интересуется...

– Я долго думал, что Вольф, – случайность... Но сейчас понимаю, что ты сделал это – ты, Вайнер... Скажи мне, перед тем, как я умру... как мы умрем, кто ты?

– Меня и похоронят под чужим именем, так что...

– Я подозреваю, что ты и есть тот, кого мы зовем Стяжателем... тот, кто вырывает у нас из рук все прямо перед глазами. Ведь это не первое твое дело, Вайнер... не первое лицо и имя.

– Ты же знаешь, что я не отвечаю.

– Да, я просто мыслю вслух... Умирающие могут себе это позволить, как и правду.

– Умирающие многое могут себе спустить с рук, но не все...

Глава 48

По возвращении Шведа общими силами стали искать все сведения о вирусе во всех базах данных, которые Швед только вскрыл... Немцы оказались расторопнее русских, и мы остановились на них. Нашли химическую формулу – последнюю версию вирусологов... но не знаем, что с ней делать, как и с предыдущими. Думаем все втроем, но головы у всех уже мутные. Нас окружают дохлые крысы, и, кроме них, на ум ничего не идет. Мне не пришло в голову ничего лучше того, что надо угнать машину в ближайшем городке и гнать в Берлин... искать старого химика – Клауса Крюгера. Не знаю, вылечил ли вирус-целитель старика от шизофрении или просто – уничтожил его вместе с его болезнью, но он – наш последний шанс... Может, он что скажет...

Глава 49

Все втроем пошли к съемной квартире, где я старика оставил, – со Шведом и Шлегелем. Мы теперь друг друга без контроля оставить не можем – мало того, что мы не твердо стоим, мы и не доверяем друг другу, вслушиваясь в каждую брошенную фразу, в каждое слово. Все-таки мы со Шлегелем не друзья, хоть и не враги...

Заявились в квартиру, не рассчитывая встретить старика. Я думал, что он, если еще жив, скрывается от пришельцев или иной нечисти в подвалах здания. Но он оказался на месте – встретил нас у двери и... признал во мне Вольфа.

– Вольф, ты вернулся... Долго же тебя не было видно. Я все ждал и ждал, а ты... как сквозь землю провалился. Я ведь так и думал, что ты к своим – к пришельцам пошел... А вот – вернулся... Вспомнил про старика Крюгера...

Крюгер не просто жив, но и выглядит вполне сносно. По нему сейчас не видно, что он тяжело болен, что он... Просто, больной блеск глаз старого безумца куда-то исчез, и он смотрит совершенно осмысленно. А главное, – при произнесении слова “пришелец” – он рассмеялся. Неужто разум старика прояснился?..

– Клаус, мы с товарищами к тебе по делу пришли...

– Да я так и понял... Вид у вас такой – деловой... И выглядите вы так, словно дела ваши сквернее некуда...

– Так и есть, Крюгер. А ты, как вижу, ничего – все держишься молодцом...

– Держусь, Вольф. Я же болен был тяжело, а сейчас – все в полном порядке. Знаешь, Вольф, нашел я себе лекарство... Просто, в один день голова у меня прояснилась, и я начал снова химией заниматься... И так вышло, что когда меня какая-то инфекция одолела, стал лечение искать и... и нашел, Вольф! Мне в комбинации противовирусные средства...

– Что?! Ты что сказал?! Ты – вылечился?!

– Нет, Вольф, не совсем... Мне постоянно порошок этот принимать приходится – иначе худо совсем становится, но пока я его пью – все в порядке...

– Что за порошок?

– Просто три противовирусных средства и еще кое-что...

– Нам требуется твое лекарство – нам всем, старик. И Агнешке, и Войцеху...

– Вы больны... Ну да, я вижу... Эти отметены на руках... Было дело, и у меня так кожа слазила... Что за болезнь?..

– Не важно, что за болезнь, важно, что ее контролировать можно! Этот порошок, Крюгер, не только нас всех спасет, но и много других людей!

Часть VI

Обратно – в неизвестность

Глава 1

Я отогнал тяжелый сон и открыл глаза, улыбаясь утру. Окно занесено снегом и затянуто инеем. Но озаренные утренним светом вершины скал вдали сияют так яростно, что ясно видны мне и за промерзшим стеклом. Ветер, воющий всю ночь, затих, и я стал слышать дыхание Агнешки. Каждый ее выдох греет мне грудь и каждый ее выдох кажется мне еще теплее в окружающем нас холоде. Красавица моя... Я стал смотреть, как она спит. Она, как это ясное утро, – такая же хрупкая, как этот снег, такая же сверкающая, как это солнце. Я не выдержал – высвободил руку из-под теплых одеял и тяжелых шкур и впутал в ее волосы, золотящиеся в свете восходящего солнца. Лучики ее ресниц дрогнули, она открыла светящиеся радостью глаза и рассмеялась.

– Вольф, ты снова мне волосы путаешь?! Давай я их отрежу и отдам тебе! Тогда ты меня будить перестанешь!

– У меня свои есть.

Агнешка осторожно расчесала рукой мои волосы и рассыпала светлые пряди по моим плечам.

– Они не твои, Вольф...

Я остановил ее руку, готовую сорвать их с моей головы.

– Не трогай, меня здесь привыкли в таком виде встречать.

Она не послушалась, и я отвернулся, стараясь скрыть от нее и солнечного света изувеченное лицо.

– Не прячь от меня шрамы, Вольф. Пусть ты и стараешься скрыть их, я помню о них постоянно.

Я повернулся к ней и всмотрелся в ее лицо. Ожидал снова приметить невольно промелькнувшее отвращение, а заметил в ее глазах одну лишь нежность. Нет в них прежнего страха и неприязни – одно лишь ласковое веселье. Похоже, она, и правда, привыкла и притерпелась ко мне.

– Вольф, я долго думала и... Я задавала себе вопросы и... Вольф, я спрашивала себя, кто мне ближе и дороже всех на свете? С кем я хочу быть всегда? С кем мне не страшно будет встретить смерть? И у меня всегда был ответ... только один ответ – с тобой, Вольф.

Я просиял, еще не понимая, но уже радуясь.

– Ты что, правда?

– Правда, Вольф. Я вот проснулась и поняла вдруг, что... Я тебя больше всех, больше всего люблю. А ты меня любишь?

– А ты что, не знаешь?

– Ты никогда не говорил мне, что любишь меня.

– Если бы я тебя не любил, – я бы не был изувечен и изуродован, а ты бы была мертва.

Агнешка резко вдохнула, закрыла глаза и упала мне на грудь, дрожа от страшных воспоминаний. Я обнял ее, и меня забил озноб зверской страсти. Я охватил ее всю – такую тонкую, такую хрупкую, нежную и чистую.

Глава 2

Солнце стоит высоко, а мы с Агнешкой так и валяемся в разворошенной постели среди разметанных одеял и шкур. Мы смеемся, и счастьем моему нет предела. Она снова обвила мою шею гибкими руками, снова зашептала ласковые слова горящими губами и... я вдруг вспомнил, что уже день, а дом еще тих.

– Постой, Агнешка... Стой... Они что, спят еще?

– Кто?

– Все... Все спят... Непорядок.

– Пусть высыпаятся. Главное, что они нас не трогают.

– Нет, не положено режим нарушать.

– Вольф, ты больше не можешь? Не можешь, – так и скажи.

Я с отчаяньем посмотрел на прекрасную девушку. Охватил ее тонкую талию нетвердой рукой и... сердце снова начало колотиться, прогоняя по венам крутой кипятком.

Глава 3

Я, тяжело дыша, рухнул на пол, на шкуры, и раскинул дрожащие от слабости руки. Агнешка склонилась надо мной, сверкая глазами, и осыпала меня золотыми волосами.

– Ты такой бледный, Вольф...

– Я всегда бледный.

– Я же вижу, что ты... Я за тебя беспокоюсь.

– Не надо.

– Ты только скажи мне... Обязательно скажи... Слышишь, Вольф?..

Я было открыл рот, но она поцеловала меня... жарко и радостно.

Глава 4

Готтен аймаль! Я сейчас сдохну! Сдохну от всего этого счастья! Я лежу на полу в изнеможении, а вокруг моей головы летает ее звонкий смех... а вдоль моего тела носятся солнечные зайчики от ее зеркала.

– Ты устал, Вольф... Я же вижу, что устал.

– Я не устал... я умираю. Отпусти меня с миром, Агнешка.

– Нет, расскажи мне сказку...

– Я тебе вчера на ночь рассказал...

– Она снова была про ядерные ракеты...

– Я только такие сочиняю...

– Тогда расскажи мне про ракеты, но так, чтобы было и про любовь...

– Что-то ты ко мне требования завышенные...

– Вольф! Ты обещал мне сказки на ночь! Исполни обещание!

Что за день, никто из постели выбраться не может, несмотря на ясное солнце. Я вожусь с Агнешкой, и все спят... все вокруг останавливается, когда я не гоняю Войцеха, когда не отрываю Шлегеля от чтения, а Шведа от компьютера, когда не выпрашиваю о новых открытиях старика Крюгера... Весь хутор затих, нигде ни звука... Ничего – сейчас всех на ноги поставлю, построю и... и – в горы. Пора мне вспомнить о своем верном и вечном одиночестве.

Глава 5

Смотрю на хутор с высоты. Сонный Войцех дрова рубит, Эрих снова собрался на лыжах идти... Возле дровяного сарая ошивается Агнешка – собак кормит... Вроде все в порядке, а что-то не то... Все думаю про Норвегию и... про свое Отечество... Что-то со мной не так, словно в голове мутится... мысли не ясные. Ничего, напьюсь вечером со Шведом – и порядок...

Глава 6

Открытые глаза англичанина затянуло смертью, словно окно инеем. Меня занесло песком, словно снегом. Застрекотали винты вертолета, словно корявые ветки зацарапали в замерзшее стекло. Зашипел окуроч, прожегший мою кожу, или затрещало пламя в затопленной печи. Занесенный надо мной клинок исчез, сон кончился, и прошлое отступило. Я открыл глаза и присмотрелся к предрассветному сумраку за заиндевелым окном. Заносающий хутор колючим снегом ветер взвыл и смолк. Стало так тихо, что я начал отчетливо различать ровное дыхание спящей девушки. Каждый ее выдох греет мою грудь, но не изгоняет мороза, прокравшегося мне за грудную клетку. Он вошел в меня вместе со стуженым ветром, когда Швед вспомнил русский. Он напомнил мне, что... Сколько веревочке не виться...

Швед ничего такого в виду не имел – всего-то тренировался и упражнялся в русской речи. Только именно тогда я серьезно задумался и загрустил. Не бесконечна ведь и моя веревочка. А когда я сообразил, какой конец я вынужден выбрать, обрывая мою, еще вьющуюся, веревочку, – совсем затосковал. Конец ведь ее не в крепких руках Игоря Ивановича. Моя веревочка кончается черт знает в каком месте и черт знает с какими людьми, а мой начальник только касается ее – только одного ее, строго отмеренного мной, отрезка... не конечного отрезка. Вот и выходит, что обрубить свою веревку так, чтобы конец ее оказался не в чужих, а в его руках, обязан я... без его содействия или давления. Я должен решиться и покончить... с задачей и с собой. Мне пора возвращаться в Отечество...

– Вольф, ты проснулся?

Агнешка высвободила руки из-под тяжелых одеял и косматых шкур, чтобы тепло обнять меня. Ее губы озарились ласковой улыбкой, глаза засветились нежностью. Я без особого воодушевления отметил, что рассчитывал добиться от нее привязанности к себе, – не большего. А в итоге добился... Она любит меня. Искренне любит, не забывая благодарить меня каждым взглядом не за заслуги, а просто за то, что я есть. А я... Черт...

Я бережно отстранил ее, останавливая, и встал, одеваясь. Она чуткая – сразу заметила, что мои руки перестали дрожать от страсти, что держать ее я стал так же твердо, как автомат. Она не привыкла к моей холодности и не понимает, что происходит, – только растерянно смотрит мне в спину.

– Вольф, ты уходишь?

– Объезжать территории пора.

– Еще солнце не взошло.

– Раньше поедем. Пойду коней седлать.

– Это не из-за меня, нет?

– Нет.

– Ты только скажи мне...

– Не из-за тебя.

– Это из-за Харальда? Вы едете на его хутор? Пить с ним и плясать с его дочерьми?

– Конечно, отправился за перевал верхом.

– Зимой на его хутор верхом не проехать, да?

– Да. Агнешка, мы со Шведом просто проверим пролесок.

Я начал молча чистить карабин, а она – наблюдать.

– Вольф, вы со Шведом на охоту пойдете?

– Конечно, с карабином на кролика.

– Ты шутишь, да?

– Да.

– Это же слишком мощное оружие, да?

– Да. Для кролика.

– А в кого ты тогда собираешься стрелять?

– Ни в кого.

– А для чего тогда карабин?

– Для красоты.

Она встала, путаясь в одеялах и сбрасывая на пол шкуры.

– Что случилось, Вольф? Ведь что-то случилось... Я же вижу... Ты стал пить, а когда не пьешь – пропадаешь сутками в горах... один.

– С оружием. Или со Шведом.

– Не важно, Вольф...

Я подобрал одеяла, набросил шкуру ей на плечи, забросил карабин за спину и ушел, собираясь бесцеремонно разбудить Шведа и всех остальных. Нечего бездельникам бока отлеживать, когда я бодрствую и готовлюсь к бою.

Я остановился за дверью, прислушиваясь к скрипучим половицам. Порадовался было, что Швед проснулся без моих пинков и выкриков, но подумал и отбросил версию. Меня насторожил

тихий смех... девичий смех. Нет, не чисто что-то в датском королевстве. Швед... Швед спит не с девушками, а с вычислительной техникой – его из списка подозреваемых можно смело вычеркнуть. Думаю, он и во сне цифры видит, а не девиц. А старик Крюгер... Он – старик. И вообще, – с тех пор, как его голову покинули прищельцы и подобный бред, он стал думать об одних химикатах. Прежде Клаус прятался в подвалах от кошмарных преследователей и их космических лучей, а ныне – скрывается на чердаке со своими склянками и препаратами от нас, шумящих и мешающих ему размышлять. Крюгер на чердаке ночи напролет проводит в полном одиночестве. Уверен, что и снятся ему исключительно формулы. Шлегель тоже вне подозрений – с ним девицы не смеются, а плачут... он ведь – конченный садист. А Войцех... Я его в тяжелый труд с ходу впряг, как только мы на хутор приехали. Он у меня топором машет с утра до ночи. Я его специально так выматываю. Не следует ему о девицах думать. Правда, он не только трудится за десятерых, но и жрет тоже – за десятерых. Недооценил я, видно, его силы немеренные. Черт...

Я стукнул прикладом в стену и заорал во всю глотку, как на плацу.

– Я иду искать! Кто не спрятался!.. Тот такого пинка получит!..

Вломился к Войцеху, вскочившему мне навстречу и натягивающему штаны еще с закрытыми глазами.

– Ян, я встал уже... Я иду...

– Не называй меня здесь так! Ясно?!

– Да, Улаф... Я уже...

– Где она?!

– Здесь... Знаю, виноват... Только устал я так вчера, что... не отнес ничего в сарай, все здесь оставил – и лопату, и...

– Девушка где?!

– Да вот она, Улаф.

Я оглянулся, но не увидел никого... только растерянную Агнешку. Она побежала за мной, как была, – босая, облаченная только в белую рубашку и широкую шкуру, обернутую вокруг ее хрупких плеч.

– Я не про Агнешку! Твоя девушка где?!

Я поднял простыни рукоятку хлыста и посмотрел под кроватью. Не взирая на возмущение поляка и испуг стоящей в дверях девушки, продолжил поиски его исчезнувшей подружки. Как сквозь землю провалилась. С досадой резанул хлыстом воздух и вышел.

– Швед!

Я толкнул дверь, отгораживающую меня от товарища, как и собирался, – без всяких церемоний со стуком.

– Швед! Подъем! Карабин на плечо и по коням!

Швед открыл один глаз и посмотрел на меня, открыл другой и подмигнул мне, раскинул руки и закрыл глаза. Что еще за безобразие? Я встал над ним, заложил руки за спину и заорал во все горло.

– Вставайте, господа офицеры, вашу ж!..

Швед сообразил, что я не с той ноги встал, и вскочил, влетая в сапоги.

– Тише ты, Охотник!

Я заехал хлыстом по завалу шкур, раскидывая их в стороны.

– Вот так вам, товарищи офицеры!

– Ты что делаешь, Охотник?! Что бушуешь?! Какие товарищи?! Какие офицеры?!

– Я к тебе и твоему компьютеру обращаюсь с требованиями и вопросами!

– Корпус компьютера разобьешь! И так царапанный!

– Где девушка, Швед?!

– Какая девушка?!

– Твоя девушка!

– Нет у меня никакой девушки! Ты что не видишь, я в одежде спал?! Мы ж пили с тобой вечером вчера! Я после вчерашнего так и завалился, как был!

– Не спрячешь ты ее от меня! Я знаю, что она здесь! Я ее голос слышал!

Я сорвал с постели одеяла, отводя хлыст в сторону и проверяя под кроватью. Агнешка, испугавшись, схватила меня за руку.

– Вольф, прекрати! Нет никого здесь! Нет!

– Не мешай мне! И не называй меня так! Здесь не называй! Ясно?! Я его подружку найду! Ясно?!

Агнешка еще настойчивее вцепилась в мою руку.

– Улаф, ты же знаешь, что Швед не такой! Зачем тогда ты у него девушку ищешь?! Из упрямства?! Ты же знаешь, что ему девушки не нужны!

Я оставил негодующего Шведа в покое и пошел в конюшню.

Глава 7

Швед собрал коня короче, обгоняя меня. Я натянул повод, когда он развернулся ко мне и остановился, показывая на заснеженные скалы.

– За этими хребтами моя страна, Охотник...

Я коротко собрал коня и пришпорил, поднимая его с места. Полетел с пологого склона полным ходом, отклоняясь назад. На равнине бросил повод, развел руки, подставляя лицо колючему ветру. Круг почта среди стен и пропастей, – и я подобрал повод, разворачивая и высылая коня на взлет, наверх. Мой конь взлетел на склон с разгона, разбрасывая комья снега, и, храпя, остановился на тропе, на вершине, возле ждущего Шведа.

– Охотник, ты кости переломаешь рано или поздно.

– Ты не понял, Швед.

– Порыв души. Что ж непонятного?

Я посмотрел вниз, качая головой.

– Нет, ты не понял... Посмотри вокруг. Что видишь? Простор? Только он на тюремный двор похож. Я здесь в скалах заперт, как в крепости. Тесно мне, Швед. Я привык вместе с ветром по равнинам носиться – по таким, что ни начала, ни конца на горизонте не видно.

– Да... А знаешь, я согласен, что мы здесь среди ущелий и лощин застряли. Давай, Улаф, и правда, рванем на север, развеемся.

– Нет, Швед, я не про север... я про восток. Мне вернуться надо – в Россию.

– А что так?

– Не знаю еще... Зов какой-то.

– Что-то с тобой не так...

– Что-то не так, Швед. Но я еще не понимаю, что... Словно вирус снова просыпается и кровь мутит... и мысли...

– Но мы его теперь контролируем... Крюгер дело знает...

– А что-то все равно не так идет... Мучает он меня, Швед, вирус этот...

– Это у тебя в голове, а не на деле...

– Не знаю еще, но не в голове дело точно...

Швед в задумчивости уставился вдаль, растрепав рукой сине волосы – это его зимняя окраска...

– Охотник, а следы видишь?... С хутора ведут... снегом присыпанные...

– Точно, похоже на след... стертый, правда...

– Снегом занесло, но...

– Поехали. Проверим.

Так и знал, что был кто-то у нас... Девка к нам какая-то наведалась...

Глава 8

Саданул коня по ребрам, и полетел по следу.

– Швед, вижу объект!

Девка с волосами, заплетенными в косу, держит канистру и курит в пролеске, смотря издали на наш забор... Налетел на нее ветром, соскакивая с коня на ходу, набрасываясь на нее, кидая на снег.

– Ты кто такая?! Что здесь делаешь?!

Девка не стала вырываться, когда я ее придавил, – только глаза сощурила...

– Что, изнасиловать меня решил? Мне нравится грубый секс. Я и не посмотрю, что ты страшный такой. Мне плевать – у меня мужика давно не было.

Я ослабил хватку, оторопев, а она врезала мне кулаком в челюсть... Отшвырнула меня, еще не пришедшего в себя, и поднялась, отряхиваясь.

– Это ты – Улаф, которого все здесь так боятся?

– Я!

– А я – Линд. Я здесь недалеко живу – вернее далеко, но не так, чтобы совсем. Встала вот на дороге – бензин кончился. Мне старик-англичанин сказал, что я у вас могу канистру взять. Предупредил, конечно, чтобы я тебе на глаза не попадалась. А я на тебя хоть издали взглянуть решила... Хочется же знать, что за человек такой, что пугает всех так...

– Линд?..

– Ты что, оглох?

Я поднялся, притирая ее к стволу облеслой елки. Мое сердце так и рвется из груди – не ждал такого... такого явления, как эта Линд.

– Какой англичанин?! Отвечай живо!

Она не стала вырываться, нагло рассматривая мое изувеченное лицо.

– Ваш старик...

– Он не англичанин.

– Он на английском говорит...

– Он немец.

– Как ты и этот ваш Эрих? Старик сказал, чтоб я Улафу и Эриху на глаза не попадалась.

– Я не немец, я норвежец, а он – швед.

Я указал ей на Шведа, в недоумении смотрящего на нас с высоты – он ведь так и не спешился, предоставив отлавливать девку мне.

– Я ничего против шведов не имею... если они против нас не имеют ничего. Я так поняла, что у вас и поляки живут?

– Старик сказал?

– Он не в себе немного, кажется – отрешенный такой... как твой шведский товарищ.

– Это есть...

– Теперь ясно, почему мне тебе и Эриху на глаза попадаться старик не рекомендовал... Не знаю, как Эрих, но ты уж совсем не отрешенный и не спокойный.

– Это точно подметила.

– Ты меня на обед не пригласишь, Улаф? Мы ведь вроде как соседи, хоть и дальние.

– Думаю, что надо пригласить, раз так вышло, раз старик с тобой такую дружбу завел...

– До дружбы нам со стариком далеко еще, как и с тобой. Согласись, что не особо по-дружески мы с тобой встретились...

– Верхом ездить умеешь?

– Я на хуторе всю жизнь живу – все умею и все могу.

Глава 9

Я собирался ее только допросить, но, видно, теперь ее вытурить трудно будет. Она к нашему обеду и вообще к нам подошла, как к старым товарищам. Быстро взялась помогать Агнешке и Войцеху. Войцех, кстати, ей глянул. Мне это по душе не пришлось, но пока я решил промолчать. Все ж они друг друга с трудом понимают – английский они знают плохо, как и Агнешка. Сложная у нас ситуация вообще с языками... Просто, я один знаю все языки собравшихся на моем хуторе людей. Мы здесь за обедом на немецком говорим в основном, хоть поляки не особо хорошо его знают. Пока Швед, Шлегель, Крюгер и Агнешка с Войцехом норвежский не выучат – придется с

немецким и английским перебиться как-то. Черт... Попали же все на одну территорию... Правда, Линд особо со словами не напрягается – надо ей – берет у Агнешки поварешку, а у Войцеха – топор... Деловая она – за порядок быстро взялась... Что-то мне все это подсказывает, что она у нас задержится... коль на совсем не останется с Войцехом, который смотрит на эту крепкую высокую девушку с нескрываемым восхищением. Еще бы – она красива. Такая фигура, такая коса за спиной... Трудно ею не соблазниться, да и бойкая девка... Ничего не скажешь – хороша.

Глава 10

Вроде бы все у нас всех отлично – живем здесь, забыв про распри и раздоры, а у меня... мрак на душе непроглядный. Сажу на полу в темноте, сжимаю в руке варган, напеваю заунывную песню эвенков... А за окном в ночной тиши воет и затихает снежный ветер. Все вокруг замело – и землю, и небо... Вот я и вою вместе с ветром... Бесприютно и тревожно...

Швед бросил на пол шкуру и опустилсь подле меня.

– Не спишь, Охотник?

– Нет. Не выходит.

– Тебя Агнешка ждет...

– Она спит.

– Как проснется – потеряет и искать пойдет.

– Она всегда так. Но пока она – спит.

– А ты?.. О том же, о чем я думаю?..

– О том, что лекарство перестает действовать...

Швед отрешенно взглянул на тусклую ночь за окном и стал ковырять железки в брови – он весь в этих его железках.

– Значит, о том же, что и я...

– Что нам делать, если мы с тобой не ошибаемся.

– На Крюгера надеяться – больше ничего.

– Надо в базах данных секретные сведения глянуть.

– Охотник, я смотрел только что...

– И что?

– Ничего. Крюгер наш один вперед идет.

– Надо с этим делать что-то...

– С чем?

– С Крюгером, Швед.

– А что с ним можно сделать?

– Он все время наше лечение корректирует – и вирус подконтролен нам. Но вирусологи его не контролируют... Он запущен на больших территориях, а вирусологи... они отстают от вируса, когда мы, вернее – Крюгер, идет с ним нога в ногу.

– Думаешь, нам нужно передать разведке не сведения, полученные от Крюгера, а – Клауса Крюгера?

– Да, Швед. Ему нужна серьезная лаборатория, а главное, – он нужен серьезным специалистам.

– Мы не можем... Нет, Охотник... Мы не можем вернуться... С нас шкуру спустят, как только обнаружат... как только мы объявимся.

– Я знаю... Знаю, Швед. Поэтому я сижу здесь и пою эту песню про сестру эвенкийского витязя. Но как бы это сложно ни было – я вернусь... с Крюгером.

Швед перевел на меня тоскливый взгляд и стал ковырять железки в ухе.

– Охотник, Шлегель будет против и...

– Ничего он не сделает. Я от него тайком Клауса заберу.

– Он про тебя... про свои подозрения насчет тебя не забывает.

– Ничего, придумаю, как это тайно от него сделать.

Швед еще тоскливее уставился на меня, теребя серьгу и ковыряя ухо еще тщательнее.

– Охотник, но...

- Швед, ты останешься... Не беспокойся – вас всех это не затронет. Я сделаю это один.
- Но ты... Ты не вернешься...
- Не знаю... Еще ничего не знаю... Мне известно только, что люди под угрозой... наши люди, Швед. Наши вирусологи не справляются... и немцы за вирусом еле поспевают...
- У меня все перепуталось в голове, но я считаю, что нам всем следует остаться здесь.
- Не знаю, Швед... Не знаю...

Глава 11

Отвязался от товарища в предрассветный час и пошел на чердак к старому химику. Бардак кругом – Крюгер не исправим. Он, хоть и немец, за порядком не особо следит... некогда ему такими вещами заниматься, когда у него в голове целый мир абстракций.

- Клаус, ты не спишь, старик?
- И не ложился еще – все думаю, Вольф...
- Не называй меня так здесь.
- Я все забываю...

Крюгер действительно многое забывает – как-никак у него память от его болезни пострадала. Но критичность мышления вернулась к нему, когда ушли его голоса. Теперь он меня прищельцем не считает... думает, что я простой разведчик, как и все здесь.

- Клаус, у меня к тебе дело есть...
- Да, а что?
- Ты не думал, что тебе лаборатория нужна серьезная.
- С лаборантами и...
- Да, точно.
- Но как мне это сделать, я же не могу вернуться...
- Вернуться – нет, но... Ты можешь поехать со мной.
- Куда?
- В Россию. Эта страна даст тебе убежище и гарантирует безопасность... и предоставит лабораторию.
- Ты уверен?
- Да.
- Тогда я согласен.
- Согласен, да? Отлично, Крюгер. Только мы должны выбраться отсюда тихо – так, чтобы никто не знал.
- Из-за Эриха Шлегеля и Мартина Йонсона?
- Из-за всех них... Видишь ли, Мартин боится вернуться, а Эрих не хочет, чтобы ты работал только на Россию.
- Но Эрих работает на Россию.
- Работал – раньше, но не знал, что на Россию.
- Но он и сейчас – работает на обе стороны, Вольф... как и ты.
- Да, я... Запутанная просто у нас ситуация получилась, но теперь пришла пора все расставить по своим местам.
- Мне важны только люди, Вольф... и лаборатория. Я знаю, что в моей стране мне не дадут работать спокойно, зная, что я в курсе того, что они ставят эксперименты на людях... И я... Я не буду работать спокойно, зная, что в моей стране ставят опыты на людях...
- Я не стал говорить Крюгеру, что такие опыты ставят во всех странах, достигших определенного уровня прогресса – пусть работает спокойно... работает на нас, русских.
- Тогда договорились, старик. Ты жди, я тебе сообщу, когда все для отхода готово будет.

Глава 12

К завтраку собираемся, как обычно. Швед отрешенно уставился в угол поверх полной тарелки, Крюгер засуетился со столовыми приборами. Линд стукнула Войцеха, потянувшегося к общему блюду своей вилкой, по руке. А Шлегель сел за стол с компьютером – дорвался он до книг, теперь читает днями напролет, глотая их быстрее завтрака и ужина. Я мрачно уставился на него.

– Мы здесь собрались завтракать, а не книги читать. Не обижай девушек, не уделяя их стряпне внимания.

– Я должен выучить норвежский язык, Улаф, – мне нужны тренировки.

– И на чем тренируешься?

– На шведской сказке в норвежском переводе... Только я никак не могу понять, кто такой – Снусмумрик...

– Это кто-то вроде муми-тролля.

– Это зверушка или просто неведомое существо?

– Думаю, что зверушка и неведомое существо одновременно.

– Неведомая зверушка...

Шлегель пожал скованными плечами и отложил погасший экран.

– Что-то, Улаф, девицы сегодня не особо расстарались.

– Завтра очередь Шведа... так что ешь сегодня за двоих.

Швед сжал плечи и съезжился под моим взглядом. Я всем видом говорю ему, чтобы он молчал о нашей ночной встрече.

Глава 13

Швед не выдержал – перепугался настолько, что выложил всем все после завтрака... как только я вышел из-за стола. Нет, не про Крюгера, а про то, что я надумал вернуться на службу, невзирая на угрозу заточения в военной тюрьме. Никто такой мысли не понял, и все согласились с испуганным моим будущим приятелем. Меня пускать не будут. Что ж... подслушивать дальше бессмысленно – надо думать, как добратся до Тронхайма и взять машину, компьютеры и все остальное. Вашу ж...

Сложно придется отсюда выбираться, а старого немца забрать еще сложнее станет.

Глава 14

Постарался улизнуть на закате, но Агнешка впиалась в меня, как русалка, тянущая в омут страстей...

– Ты куда это собрался?..

– В конюшню... Надо моего вороного посмотреть – он захромал что-то...

– Вольф, ты уже проверял лошадей.

– Тревожусь за коня – пойду еще проверю.

– А как же я?.. За меня ты больше не тревожишься?.. Ты устал от меня... Я так и думала... Я так ошиблась, что сказала, как сильно тебя люблю... Ты сразу позабыл обо мне... Так всегда... Не зря Швед называет тебя охотником – тебя занимает только добыча. И меня ты добивался только, как добычу...

– Ты не права, просто есть вещи важнее...

– Важно только то, что мы живем здесь душа в душу – все вместе... Что мы – все вместе... Даже Эрих с нами... и больше не угрожает нам, а читает шведские сказки и спорит об их переводе со Шведом...

– Это временно – он все равно постоянно думает о своей стране.

– Мы все все время думаем о наших странах – и ты, и я... Но мы все здесь – в Норвегии... Польша так же далеко от нас сейчас, как твой Фатерланд, как твое Отечество... Кстати, Вольф, я так и не поняла, кто ты такой... Просто, швед считает тебя шведом, Шлегель и Крюгер – немцем, а мы с Войцехом – поляком... Сейчас ты выдаешь себя за норвежца, и Линд – верит тебе...

– Какая тебе разница, кто я... Ты знаешь, какой я стране служу.

- Да, но мне кажется, что ты служишь всем странам сразу...
- Порой и такое случается в нашем непростом деле, но это – только периодами... и только, когда это не вредит стране, которой я служу в первую очередь. Это очень сложно, так что тебе не следует думать о таких вещах.
- Шлегель такой же?
- Шлегель... Почти такой... Просто, он другим странам не из-за своих соображений, как я и Швед, служит, а из-за денег, которые ему за службу дают. Но и у него предел есть, как и у всех нас, – такой жесткий предел, что не переступить. Никто из нас своей стране серьезно навредить не способен... пусть и жизнью платить придется.
- И как вы во всем этом разбираетесь?
- Мы в курсе того, что кому и когда вредит, а что...
- Вольф, хватит о делах, мы с тобой остались одни и...
- Я отстранил Агнешку, протянувшую ко мне руки.
- Мне нужно пойти проверить вороного.

Глава 15

Войцех заметил меня во дворе, бросил лопату и потащился за мной.

- Зачем тебе в конюшню, брат? Ты верхом не ездешь, в лошадях не смыслишь.
- Я так посмотрю, почищу денники, если что – если надо...
- Войцех, ты и так за десятерых вкалываешь. Оставь конюшню на меня.
- Ты один здесь все делаешь, а тебе нельзя так напрягаться. Снова ведь хромать начнешь...
- Не надо обо мне так заботиться.
- А кто же, кроме нас с Агнешкой о тебе позаботится?
- Швед и...
- Швед на лошадях только ездит – он их только седлать умеет, а не чистить и не...
- Войцех, мне надо побыть одному! Одному с лошадьми – и точка!
- Тогда я у ворот снег почищу.
- Не надо – у ворот он и так чистый. Ты лучше здесь почишь.
- А зачем? Ты же выезжать сегодня не будешь... твой конь захромал...
- Я коня Шведа возьму.
- Но сугробы кругом...
- Войцех, если ты вызвался дело делать – расчисти эти сугробы.

Глава 16

Что за дела? Мне прохода не дает никто... Куда ни пойду – на кого-то да натыкаюсь. Эх, Игорь Иванович, возводят вокруг меня мои товарищи стену, не дают к вам на справедливый суд отправиться! Ничего, подожду ночи и... Не будут же они на ночь часового у дверей ставить... Правда, кто их знает?..

Глава 17

Пробираюсь пролеском к дороге в ночной тьме и тиши... Прислушиваюсь и присматриваюсь, как всегда и... Слышу их... Войцех, Швед и две девицы. Их корявую английскую речь сопровождают слабые лучи света. Пришли по мою душу. Ничего, я след, как заяц запутаю.

Блуждаю в леске вокруг елок, замерзая, а крики все слышны вдали. Что-то долго они не сдаются. Не по душе мне такое упорство. Видно, Швед не в шутку встревожился и убедил всех в эту ночь не спать.

- Швед, я же говорю, что он сюда пошел.
- Стой, Войцех, Линд еще след нашла...
- Да здесь следов...

– А наши следы?..

– Швед, а здесь теперь и наших следов полно... и все кругами.

– А откуда мы вообще пришли?..

Вот так дела... Заблудились в трех соснах. Черт... Подкрался к ним ближе, посмотреть, как они... Как будто всю ночь не спали – Агнешка в ночной рубашке, а Швед с Войцехом – в одних майках, хоть и с карабинами. Встали, как по тревоге, все. И теперь запутали свои следы, путаясь в моих...

Вышел на свет фонарей, сгреб Агнешку в охапку и махнул остальным.

– Возвращаемся! И какого черта вы ночью в лес потащились?!

Швед нагнал меня, судорожно сжимая на груди руки и сводя костлявые плечи.

– Это ты все... Мы ж за тобой...

Глава 18

Проводил товарищей до дома и пошел петь тоскливые песни в столовой. Ничего, пока они греются, пока Шлегель пристаёт к Линд с вопросами, явно стараясь заманить ее в свои паучьи сети садизма, я через окно пролезу.

Проверил копыто своего вороного и набросил ему на спину вальтрап. Сейчас оседлаю – и в путь, пусть и ночь еще темная. Отпущу его у дороги, он вернется.

Под копытами хрустел утоптаный снег тропинки, в ушах засвистел ветер... Но не долго моя воля длилась. За мной кто-то во весь опор летит. Обернулся на Линд, стегнувшую коня Шведа, и прищипорил – своего. Черт... Ночные скачки до добра не доведут...

Линд нагнала меня, но объехать на узкой тропе не может, как и в сугроб коня пустить... Так и доскакали до расчищенной дорожки, и она... Линд бросила стремяна и полетела в воздух, толкая меня в снег...

– Стой же ты! Не думай, что тебя ничто не остановит? Я в седле с детства еще!

– Да все, хватит! Отпусти!

Крепкая девка прижала меня и схватила за куртку, когда я ее отбросил... Пока волялись с ней в снегах, и Войцех подросел... Что за сговор у них такой?!

Глава 19

Объясняя, что делают это на мое же благо, меня заперли в подвале. Будто не знают, что я не через дверь, так через окно... Правда, окон здесь нет, а дверь... с засовом снаружи... Вашу ж!.. Игорь Иванович, я на своем же хуторе пленник, у своих же товарищей! А черт... В двери есть щель, а в подвале – пила. Что ж, за дело.

Глава 20

Как только я распилил засов через щель, меня встретили все мои оторопелые товарищи. Шлегель с мрачной усмешкой показал мне моток крепкой веревки... Да, связывать он умеет...

– Все, мне ясно. Я теперь тише воды-ниже травы.

Мне не поверили и пустили веревки в ход. Даже Агнешка протестовать не стала. Она, промерзшая, так и стоит в ночной рубашке, завернувшись в шкуру, заменяющую нам покрывало. Смотрит вниз, качая головой, и блекнет у меня на глазах, оборачиваясь шкурой крепче.

– Вольф, мы не можем этого допустить... Ты останешься здесь, пока не успокоишься. Ты же понимаешь, что обрекаешь себя на... Я даже не знаю, на что ты себя обрекаешь, как и мы все... Тебя в лучшем случае ждет заключение – и не такое заточение, как здесь, Вольф...

Агнешка развернулась, подымаясь по лестнице за остальными... только Швед застыл, смотря мне в лицо, как я смотрю – в пустой патронник, в пустоту смерти... Он подошел и развязал веревки.

– Я с тобой. Только дождемся, когда заснут все.

- Переборол страх?
- Переборол. Будь что будет, мы долг исполним.

Эпилог

Перемахнули со Шведом через забор, пустив помеху визуальной передаче систем слежения. Пробрались в здание через подвал, повозившись предварительно с лазерной сигнализацией и отключив ее подстроенным сигналом с пульта. Полетели вверх по лестнице, поковырялись в дверном замке. Прошли в темный холл, в спальню. Я склонился над кроватью. Присмотрелся к спящему человеку – похоже, промахнулся и завернул к его жене. А я и не знал, что они в разных спальнях спят. Надо же – открытие какое. Пошел в следующую комнату, показавшуюся мне подходящей для спальни. Есть – попал в точку.

– Игорь Иванович...

Начальник открыл глаза, сурово нахмурился и спокойно поднял руку.

– Я отдам драгоценности и деньги, только соблюдайте спокойствие и не причиняйте вреда мне и моей супруге.

– Не надо вызывать охрану. Это я, Игорь Иванович. Я – Соколов ваш.

– Соколов? Слава?!

– Слава Отечеству! А я к вам с разговором пришел. Не велите казнить, велите слово молвить.

– Да тебя после всего, что ты...

– Знаю, – под расстрел. Только подождите, не торопитесь меня лицом к стенке. Я все равно сдаваться явился. Пришел и пристанища просить за информацию. Про инфекцию речь пойдет, так что послушайте.

Игорь Иванович сел на кровати, протирая припухшие после прерванного сна глаза. Он посмотрел на темные, наглухо задвинутые, занавесы, закрывающие широкое окно, и включил хилый свет. перевел уставшие глаза на меня и указал мне на стул, который я, немедля, оседлал. Он еще раз протер глаза, взирая на меня, вздернул плечами и покачал головой.

– Твои волосы?

– Чужие.

– Сними.

Я скинул на пол волосы Улафа, скрывающие мое лицо, и Игорь Иванович внимательно всмотрелся в меня, словно еще не узнавая меня и стараясь удостовериться, что это действительно я к нему заявился среди ночи. По отметинам он меня сразу признал и поверил, кивнув головой.

– Рассказывай, Слава.

– Есть средство, не дающее вирусу делиться в клетке. Есть ученый, который его изобрел и усовершенствовал. Этот человек со мной и моим товарищем – ждет внизу.

– Так, Слава, давай в управление...

– Так точно.

Он поднялся, напряженно думая.

– Да, с возвращением тебя, блудный сын.